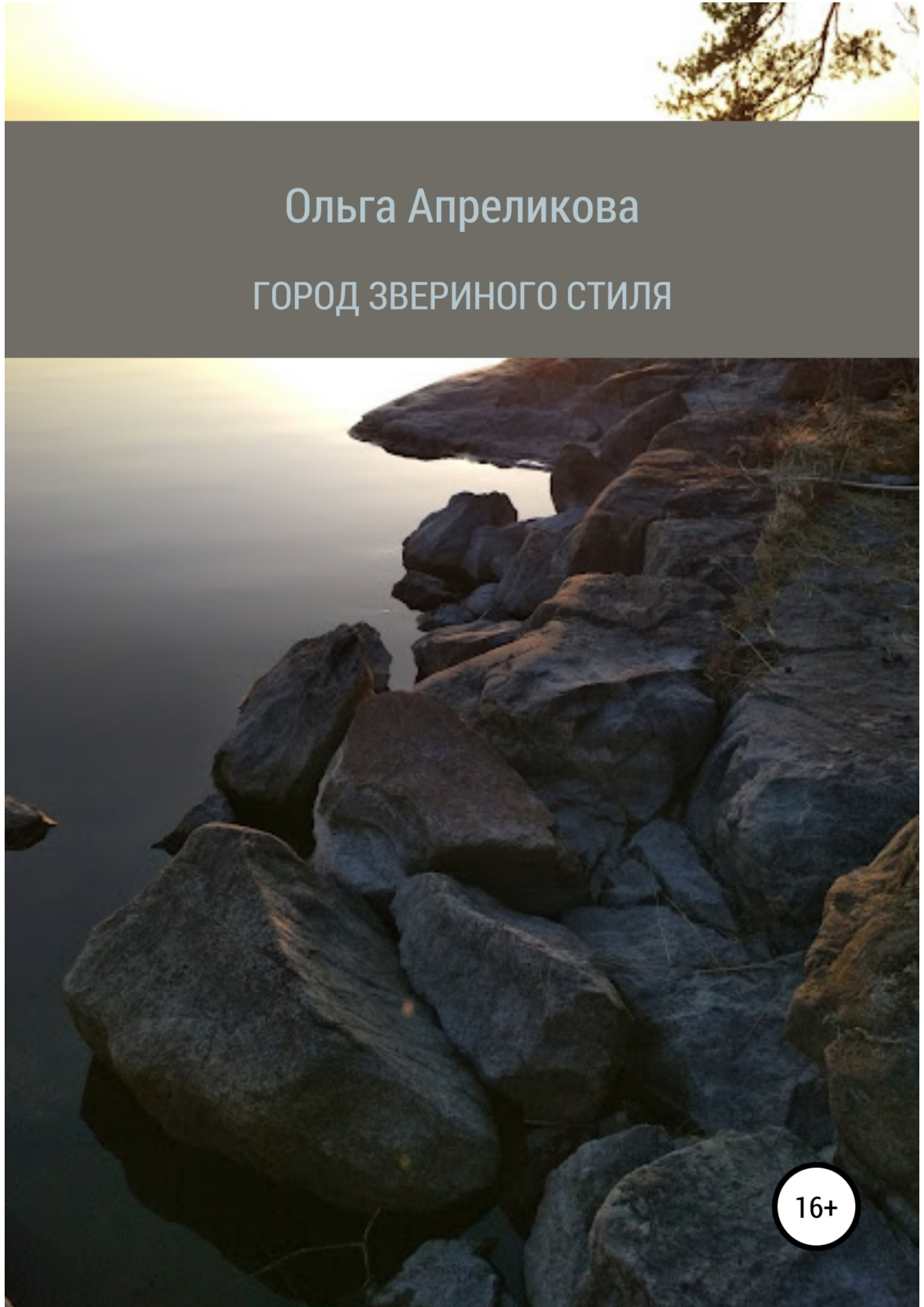

Ольга Апреликова

ГОРОД ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

16+

Ольга Апреликова

Город звериного стиля

«Автор»

2022

Апреликова О.

Город звериного стиля / О. Апреликова — «Автор», 2022

Подземля с ее древними чудовищами, ведьма Вит-эква, спелеология и геология, страшная красота Урала, нелегальные платиновые прииски, ожившая жуть мифологии Манси, Кунгурская Ледяная пещера, первая любовь и сам Город звериного стиля — все станет испытанием для силы духа героя и щедрости его сердца.

© Апреликова О., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. Цвет «Малахит» 6
Глава 3. Что-то белое 32
Глава 4. Когтистая бабушка 51
Глава 5. Рыбка большая и маленькая 78
Глава 6. Кладбище кораблей 99
Глава 7. Серый рыбак 116
Глава 8. Между двух вод 134
Глава 9. Подземля 148

Ольга Апреликова
Город звериного стиля

Предисловие

Дорогой читатель! Думаю, у этой книги много читателей, но я пишу тебе.

Это книга, хоть и написана в жанре фолк-хоррора, то есть мистической фэнтези, не совсем сказка. Даже совсем не сказка, скажу прямо.

Она про Урал. Край сам по себе волшебный, где лучший реалист – Бажов.

Она в значительной мере про геологов, волшебников своей науки. И совершенно точна и реалистична в отношении спелеологии, карстологии и геологии. Насколько это возможно в художественной книге.

И в то же время она про то, что наш мир по-северному многослоен, что мы обитаем в суровом мидгарде, под которым в недрах хельхейма спят чудовища и сокровища и древние боги манси. Но над нами – асгард, где живет любовь, дарящая нам всем надежду на лучшее.

Она про людей, про чудовищ и ангелов внутри нас.

И про Урал.

Юрий Долотов, геолог и спелеолог, РСС

Глава 1. Цвет «Малахит»

1.

Со Снегурочкой что-то было не так. С виду правильная, шубка-кокошник, и сама девчонка красивая, длинноногая, и голос звонкий – на весь зал, музыку перекрывает, и вот познакомиться бы…

– А, это одноклассница теперь твоя, Богодай, из одиннадцатого «А», –директриса заметила, на кого он смотрит. – Хорошая девочка. И класс хороший. Елку к завтрашнему празднику репетируют, молодцы, – она посмотрела на маму: – Теперь после каникул жду документы, – керамическая улыбка и ему тоже: – Если хочешь, иди в зал к ребятам, познакомишься.

– Спасибо, но еще столько дел, – мама все нервничала.

Что ей сказать, чтоб наконец успокоилась? По большому счету Мур ведь на нее не злился.

– Нам к нотариусу, мы…

Снегурочка выпорхнула из дверей актового зала и едва не влепилась в директрису:

– Ой, а нам бы еще один микрофон, а то…

Глаза зеленущие, как весна. Воздух вдруг стал не нужен, и Мур перестал дышать. А, так вот в чем дело: узоры у нее на шубе-то тоже зеленые. И на кокошнике – зеленые. Цвет для Снегурочек совсем неподходящий. И косы нет, темные волосы распущенные, если погладить –шелковые, наверно… Какая ж она, эта одноклассница Богодай… Взять эту зеленоглазую себе и ото всех спрятать.

Богодай вся сверкнула, как изумруд, и снова уставилась на директрису:

– Я у завуча спрошу, можно?

Директриса милостиво кивнула:

– Спроси. Найдут тебе микрофоны. Да, вот новенький в ваш класс, знакомьтесь, – и вновь обратила внимание на маму: – Давайте провожу вас. Вы же понимаете, ситуация нестандартная, и…

От Богодай пахло яблоками. Стоять бы, дышать ею и любоваться. Мур спросил:

– Как тебя зовут, Снегурочка?

– Какая Снегурочка, – засмеялась она. – Не видно, что ли? Не узнал? Я – Хозяйка Медной Горы! Каждый новый год, с садика еще, всегда я – Хозяйка!

Что-то совсем из детства, зеленое и каменное, замелькало в голове. Но неясно:

– Я не в теме. В Петербурге на елках все больше Снегурочки, а не хозяйки. Расскажешь завтра? Во сколько приходить?

– Откуда-откуда ты? – обомлела девчонка. – Ты что тут – к нам? Что, так бывает, что ли? С ума сойти! Оттуда! Зачем?!

– Семейные обстоятельства, – не вываливать же на нее самосвал всех этих его сложностей. Да и вообще – не вываливать. Ни на кого. – Доучусь тут. С тобой. Слушай, я ляпнул, не подумав, – заторопился он. – Давай утаим это дело, а то чего объяснять всем.

– Культурную столицу тебе не простят, – нахмурилась девчонка. И тут же засмеялась: – Ладно, договорились, но, чур, мне ты правду расскажешь, чего вдруг тебя сюда занесло. Давай, завтра приходи, поможешь. И если что, ты теперь – мой парень, понял?

– Какая скорость, – восхитился он.

– А что, есть возражения? В Петербурге плачет чье-то верное сердце?

– Какие могут быть возражения под взглядом таких глаз!

– Цвет «малахит», – загадочно усмехнулась девчонка. – До завтра, да? Смотри ж, ты обещал!

– Ты тоже!

Снаружи снега, крыши, деревья стали синие, пахло тоже яблоками – разве зима может так пахнуть! Как Богодай совсем. Странная какая фамилия. Что, эта изумрудная одноклассница так и будет мерещиться? А чего ж. Красивее ведь всех девчонок, что он видел. Пусть мерещится. Только она-то что в нем увидела? Он ведь простой. Разве что парня из Петербурга? Хотя что ей до этого? Какая корысть?

Снег. Сыпало сверху, мело по белым дорожкам; в громадах строящихся домов напротив школы сверкали синие огни сварки. Какой же синий этот город. Весь день казалось, что они сошли с поезда по ошибке, что реальная жизнь осталась далеко за бесконечно громыхающим мостом над белой в синих торосах Камой, на том берегу – а тут что-то совсем другое, колдовское, как сам этот морозный город. Мимо прохромала странная, как из прошлого века, в черном, длинном до земли, старуха – она зачем-то несла старую, в облезающей краске, деревянную лыжу – одну. Может, тут в самом деле ведьмы водятся? Следом промчались мелкие пацаны с клюшками наперевес и коньками за спиной.

– Тут раньше в каждом дворе хоккейные коробки были, – сказала мама. – Ну что, родной, не передумал? Школа-то так себе.

– Школа как школа, – он оглянулся на композицию из двух слепленных трамвайчиком зданий, двухэтажного старинного и громадного советского. – Странно как-то, разве так строят? Да какая теперь уже разница. Полгода всей этой школы, и все. Не волнуйся. По-моему, мы все правильно сделали.

– Не уверена. Ну, твой дед, тебе и решать. Наследство.

– Хибарка под снос, – отмахнулся он. – Просто интересно стало. И… Да, я деда пожалел. Он так захотел, чтоб я остался, что сразу это смешное наследство и предложил. Ему одиноко.

– Добрый ты, Мурашка. А наследство не такое уж смешное. Не в хибарке дело, а в том, что под ней. Смотри, это ж практически центр, тут земля уж поди диких денег стоит.

– Так ты потому не против, чтоб я остался?

– И потому тоже. Я… Мне кажется, ты тут… Счастливее будешь. Я ж тоже вижу, как у Петра Петровича глаза светятся. Но… Сложный он человек, скрытный. Вот ты веришь, что он не может позвонить твоему отцу?

– Экспедиция же, – Мур пожал плечами.

– Зимой? – Мама поежилась. – Тут вон стужа, а на Северном-то Урале… Все вышки связи перемерзли, что ли?

Мур и сам понимал, что зимой геологи не выезжают. Ищи там ископаемые-то под снегом и льдом, как олень ягель, ага, в мороз. И тут-то вон какая доисторическая холодина. В общем, отца в городе нет, документы не подписать, значит, никакой заграницы. Хотя Мур и раньше там не бывал, в каникулы хватало дачи. «Обойдетесь», – говорил отчим и улетал в Европу «по работе», а они втроем и мама оставались на шести сотках кормить комаров и поливать редиску. Редиска была невкусная, едкая.

Хоть отчим и в самом деле, наверно, крутой специалист, им с мамой, наверно, сложновато было растить их троих. Какой уж тут туризм. Сколько он помнил, мама всегда была грустная, экономила денежки. И сейчас: смотрит на все вокруг без улыбки, вроде бы даже с испугом. Когда ждали автобус на остановке, мама добавила тихонько:

– Не очень я деду верю. Скрывает он что-то. Ну, как это так, что он не знал о тебе? Может, и на меня в обиде, что тебя увезла, да и вообще утаила. А тебе он потом ту правду, которая ему правдой кажется, раскроет, родному-то внуку, – она вздохнула. – Кто еще обижаться-то должен.

Подкатил красный автобус с медведем, нарисованным на боку. Внутри народ предновогодний, и кто-то елку на задней площадке везет. И опять эта черная ведьма с лыжей, стоит посреди автобуса, всем мешает. Во рту у нее что-то светится? Да нет, показалось. Окна заинде-

вели. Мама вдруг, как девчонка, подышала на стекло двери, долго смотрела в дырочку. Через пару остановок они сошли, и мама сказала:

– Ой, а Разгуляй-то вон сносят.

– Что сносят?

– А казалось, он будет всегда… Вот, райончик у дамбы, весь левый край у лога. Город триста лет назад отсюда начинался.

Мур узнал горстку белых крыш черных домишек, сбившихся на пятачке между современными громадинами и обрывом в лог. Тут живет дед.

– Домишки маленькие, ветхие. Видишь, как новая-то застройка прет, город не узнать. Жить-то людям нечем, только стройкой. Заводы оборонные давно уж позаброшены. Так что и тут все застроят. Как Петра Петровича домик-то уцелел? Чудо, а то б не нашли никого. И что он не уехал отсюда за столько лет, не пойму? Ждал, наверно, когда эта земля под хибарками золотая станет, наверно, – мама все смотрела и смотрела по сторонам. – А за логом уж Мотовилиха… Все равно не жалею, что уехала. Не вернусь сюда больше. Места, где плохо пришлось, потом никак не полюбишь.

– «Плохо пришлось»?

– Дело прошлое. Надеюсь, тебя-то Урал не сожрет. Меня вон не успел, поперхнулся. И ты насовсем не оставайся. Смотри, в пять нотариат, пока еще можешь передумать, а потом – все.

– Мам, не передумаю я. У вас там дело долгое, пока устроитесь еще, пока близнецов там в школу, пока финский учить. Еврики не лишние, чтоб на меня еще тратить, на такого лося. Во-вторых, тут интересно, как в параллельном мире. Все другое. Странный город.

– Ты не представляешь, насколько, – усмехнулась мама. Она тоже знала, что без него ей будет легче. Во всех смыслах. – Ладно, твоя жизнь, сам решай, что с ней делать. Большой уже. Может, так оно и к лучшему, себя узнаешь, повзрослеешь. Деньги буду присылать. Я тебе что могла – предложила, но… Сынок, серьезно, как только что – уезжай домой.

– Что «что»?

– Если б я знала! Мало ли!

Она все нервничала. Как будто боялась этого города. А еще боялась, что Мур ее осудит. Потом он жалел, что не догадался в этот момент остановить ее и обнять. Он бы тоже на ее месте нервничал. Всю его жизнь она скрывала, что отец, оказывается, не умер. Зачем? Что, Мур бросил бы ее за малейшую обиду и помчался к папочке? Что у них там стряслось? Может – он сам и стрясся? Мало ли. И дальше бы скрывала, и он бы принимал все как данность, нет отца и нет, обычное дело, вон у половины одноклассников отцов днем с огнем не найдешь. Жизнь как жизнь.

Но осенью про отчима вдруг вспомнила та финская фирма, с которой он работал раньше, когда его предприятие проектировало и строило для финнов горнопроходческое оборудование, и предложила крутую работу на самом севере Финляндии, и можно взять с собой семью – кто ж откажется. Мама занервничала. Потому что городок этот в Лапландии, где рудники, и нужно, чтоб это самое оборудование работало, уже за Полярным кругом. Надо паковать чемоданы – а Мур неожиданно стал семье проблемой. Мама занервничала еще больше. Муру еще не исполнилось восемнадцати, и требовалось разрешение на выезд от родного отца. И мама созналась, что не то что никакого свидетельства о смерти нет, но и вообще отец живет своей жизнью на Урале, и, видимо, за разрешением придется туда ехать, искать его, а то не дозвониться. Вот и приехали. И, хоть разрешения не добыть, поскольку отец в экспедиции, Мур верил, что, похоже, приехали не зря – в каком-то еще более важном смысле. Здесь-то он не лишний, здесь вон у него – родной дед, настоящий, и отец где-то, можно будет с ним потом как-то встретиться. И больше не быть безотцовщиной. И пасынком отчиму не быть. А быть… Кем? Собой? А он сам – кто? Ну, в общем, никто.

Как же вести себя при встрече с отцом? Стрясется же когда-нибудь эта встреча. Все эти дни и дома, как решили ехать, и в поезде, провожая глазами черно-белые, будто простым карандашом нарисованные ландшафты за вагонными окнами, Мур чувствовал себя как в безвоздушном пространстве: зачем ему отец? Считаться теперь с ним. Ладно он сам – пацан, который ничего не знал, но отец-то что – плевать ему было, что есть сын, что нет?

Временами шел снег и стирал страну снаружи «Демидовского экспресса» окончательно. В снежном стекле отражались стаканы с темно-кирпичным чаем и ярко-желтыми кружками лимона, сверкали ложки и подстаканники с вензелем «РЖД» – мама все пила чай, хрустела ванильными железнодорожными сухариками, наверно, чтоб не нервничать.

И с мамой – как ей теперь верить? Почему она скрывала? Он так и не решился спросить. Боялся, что для мамы этот повод приехать за документами – что-то вроде мести отцу, мол, посмотри, я все смогла сама, сын взрослый, смотри-смотри, мерзавец, сколько ты упустил. Мама умная, конечно, да только весь ее ум замешан на эмоциях. Не разобраться. Нет уж, пусть они, взрослые люди, живут как знают, а он тоже будет сам по себе.

И вообще Мур сомневался, что понравился бы отцу. Тот – геолог-экспедиционник, такие ценят сыновей крутых, у которых руки откуда надо растут, а Мур что: худой, тупой, ниже всех парней в классе, и кем быть – до сих пор не знает. Мама хочет, чтоб юристом. Отчиму – плевать, главное, чтоб на шее не сидел.

В Лапландию-то захотелось, когда отчим влез на пьедестал с этим карьерным достижением и завел лекцию, как надо ценить возможности, что он им всем теперь предоставляет, потому что крутой специалист, незаменимый, что его даже в такие трудные времена вот пригласили. Наверно, поучиться где-то в Турку да хоть и в Лапландии – идея крутая, другая жизнь, Европа и все такое, даже отчима можно бы и потерпеть. Построить себе какую-то совсем другую жизнь.

Но Урал – это тоже другая жизнь. И возможности. Самый край Европы, за горами – уже Азия. И город этот, на холмах, прорезанных логами, на берегу широченной реки, за которой синий океан тайги, правда странный. Как будто на голограмму современного многоэтажного города с бесшумными сверкающими трамваями и красными автобусами наложили другую, старинного купеческого городка с нарядными игрушечными особняками. Колдовство какое-то. Эти старинные домики среди теснин многоэтажек, заваленные снегом чуть ли не под самые крыши, со столбами белого дыма над трубами – серьезно, там печки топят! – казались декорациями к фильму про царскую Россию. У деда почти такой же, врос в грунт, как кусок уральской геологии, кирпичным первым этажом. А второй – из бревен, почерневших лет за двести-триста. Мур таких домов и не видел никогда. Наследство, ага. И двор еще, и… Неужели в домике этом правда можно пожить?

А дед-то добрый. Он обрадовался Муру. Может, ему не важно, какой Мур, тощий или мощный? Главное, что внук.

– Давай за дедом и к нотариусу скорей. Потом я в гостиницу, – сказала мама, не отрываясь от экрана телефона. – Ты со мной или у деда уже останешься?

– Я хочу с ним поговорить.

– Ох, передумал бы он… Ну зачем тебе это все? Пожил бы до лета один, – опять завела мама волшебную сказку, которая с сегодняшнего дня уже не имела значения. А мама все в нее верила: – Подучил бы английский, приехал бы к нам, поступил бы в университет в Хельсинки или в Турку, потом…

– Мам, не начинай опять. Я справлюсь. Сама подумай. На кой я вам там в Финляндии сейчас? Осмотрюсь тут, а там и лето, и день рождения. Никакого разрешения не надо будет, захочу – действительно приеду к вам.

– Захочешь? Это вряд ли. А может, и правда, тут поступить проще, а там и в Петербург переведешься. Господибожетымой, зачем тебе этот город? Обидно. Я так старалась уехать, а ты…

– Мам, да ну что ты сразу? Что я тебе, деревяшка, чтоб меня гвоздями к одному городу приколачивать? Мир большой, городов много. Поживу, посмотрю. Тут вон как интересно.

– И девочки красивые.

– Девочки везде красивые.

– Эта малахитница – хитрая какая-то, мне показалось.

– Ну мам!

– И дед тоже чего-то хитрит. Может, пестерь передать хочет?

– …Что передать?

– А, так, суеверия… Давай уедем, Мурашка? Ну, не поедешь с нами сразу, правда один поживешь до лета, все-таки подготовка, репетиторы…

– Мам, обещаю, что поступлю летом, не волнуйся. Может, и не на юридический, но поступлю. Чтобы ты не переживала. А вообще… Ну пойми. Я просто не хочу быть лишним. Я уж столько лет… Терплю. А тут отчима нет, терпеть-то больше не надо! Можно просто жить. Тут я вроде не лишний, вон как дед обрадовался. Да, и разобраться надо. И вообще – мам, ты только посмотри, какое тут все… Даже мороз не злой, а зима – синяя. Как в волшебном мире. Другое.

– Другое, да. Ты поэт, Мурашка, – грустно сказала мама. – Хочется – оставайся. Я же счастья для тебя хочу. Но мне страшно. То на глазах тебя держала и знала, что ты в безопасности, а теперь живи и бойся, как ты тут. Это опасный край. Урал – страна другая, люди другие. Не злые, да, но… Не знаю. Другие.

2.

Гирлянду пришлось перепаивать, звук устанавливать, потом декорации таскать – да хоть сто декораций, этих фанерных щитов, хоть тысячу! Лишь бы только эта одноклассница Богодай попросила. А вот потому что.

А еще… О-о.

А глаза большие зеленые или неизвестно какие там под малахитом, но это и не важно. Сама умная. Как она слушала, как смотрела. Зовут ее смешно, «Долли», но он быстро привык. А еще как карамелька на вкус, сладкая ледышка – Долли. Долли Богодай. На самом деле просто Дашка она, но вот вычитала в десятом классе в «Анне Карениной», что там героиню Дарью Облонскую как-то неожиданно не по-русски «Долли» зовут, и сразу решила, что так, мол, взрослее. А Мур обалдел от «Анны Карениной» – это кто ж сейчас такое читает? Точно, здесь другой мир, другие люди. Он-то еле «Войну и мир» домучил в десятом, да и то лишь из-за Пьера, тезка же, Петр. А Муром он сам себя прозвал года в три. Нормальное имя, может, и короткое, но зато только его.

С утра они вдвоем были, кажется, во всей школе одни, как на Приполярном Урале, и через час уже целовались, и она обняла его, как никто никогда, и прошептала: «Мурчик, какой же ты худой!» Кобальт намалеванных деревьев на декорациях ожил, они зашевелили ветками, куда-то полетел снегирь, щедро и мягко посыпался с белого потолка снег… Потом пришли одноклассники, еще человек семь, а Долька без комплексов льнула к Муру на глазах у всех – парнишки вроде напряглись сначала, помрачнели, а может, показалось. Нормальные парни. И девчонки тоже. Говорок только у них смешной. Ну, и смотрят все, смотрят. Присматриваются. Рослые все, крепкие, что он им – мелкий, ростом не выше Дольки. Ну и что.

Потом резко стало некогда, повалила младшая школа: ни одной снежинки или зайца, все больше медведи, да Огневушки-Поскакушки, да Данилушки в фартуках с картонными молотками, и еще какая-то девчонка высокая, худая-худая, вся в синем и с длинными синими косами

из пряжи; забегали взрослые, началась елка. Долька засияла в центре зала, как все уральские изумруды сразу. Какая же она красивая, темноволосая, зеленоглазая! Вот ведь тайная сила!

Мур следил, чтоб со звуком все было нормально, и смысл представления улавливал поскольку-постольку, ревнуя сперва слегка к кудрявому рослому «Данилушке» из одиннадцатого «Б», но потом оказалось, что у того своя невеста, и добро побеждает зло в лице коварной Хозяйки Медной горы Дольки. То есть любовь и верность, все такое. А он бы сам что выбрал? Каменный цветок – это ж бессмертие в мастерстве, нет? Надо сказы прочитать. Пока ясно, что он точно выбрал бы малахитовую Дольку, а не одноклассницу ее в сером платке и зипуне каком-то горнозаводском, Данилушкину невесту.

Между елками они опять целовались. И ели яблоки.

Вечером, как проводил, шел домой в странное это место Разгуляй и улыбался. Ксенон двойчатками сиял сквозь пар, бесшумно плыли мимо космические трамваи в новогодних огоньках. Мороз пер синий, как деревья на декорациях, щипал лицо. И опять все пахло яблоками. Снег повизгивал, жесткий. Стужа. Талый-то снежок дружелюбней. Мур вспомнил, как классе в девятом на даче в гости привезли фигуристую девчонку, и они с близнецами притихли: с отчимом не угадаешь, не с сестрой-братом ли сейчас познакомят, когда одинокие-то тетки с детьми в гости. Отчим, удалец, сам не знает, сколько наплодил: «Пусть наших будет больше!». Мур раньше думал, что не будь его, Мура, чужого, маминого, отчим бы так флагами не махал мимо проходящим флотилиям и маму бы не огорчал. А потом понял, что не в поводе дело, а в неистребимом стремлении к превосходству в количестве: деньги, машины, дети, квартиры, женщины. Такая порода ненасытная. Хапок. Хочет всегда крутым быть – а в главном, в человеческом, прокалывается. Век бы его больше не видеть. Правильно Мур все-таки решил здесь, в этом синем городе, остаться. И так отчиму во всем обязан, так хоть Финляндией и прочей заграницей потом всю жизнь попрекать не будет. И маме без Мура с ним проще делать вид, что они семья обычная, папа-мама-близнецы, без отягощения в виде добрачного пацана.

Та фигуристая, кстати, оказалась не сестра, ф-фух; а как гости наконец отбыли, Мур с близнецами, им тогда по тринадцать было, погнали за дом, и такуууую девку слепили в саду! С такими полушариями! Аж отталкивали друг друга: «Пусти, я ж тоже погладить хочу!» И отчим пришел, сам пятерней вокруг по круглому гладкому-то, шевеля усами, покрутил. Снежная девка скалилась, глаза – кусочки шлака.

Близнецам теперь за финками белобрысыми ухаживать, – он даже посочувствовал. Они хоть и младше его на два года, а уже переросли, лоси, одни девки на уме. Сами белобрысые, как финны. Хоккеисты. А он – другой, невысокий, темноволосый. Мурашик, как мама зовет. В дедову породу, оказывается, в отцовскую. Одно лицо с молодым отцом со старых фоток, что дед вчера показывал – фотки тряслись в руках. Бедный. Ну ничего, успокоится.

Мур думал, что остался потому, что деда жалко, а теперь и сам не знал. Долька же. Так что на уме тоже не без девчонок. Тем более вон как повезло. Интересно, не знай Долька, что он из Петербурга, стала бы так ластиться? Может, если все нормально будет, на весенние каникулы свозить ее в Петербург? Мама ключи ведь оставила. И в квартире там будет – вот никого!

И вдруг дошло: мама-то рано утром уехала – села на такси и на вокзал, все! Началась другая жизнь, самостоятельная, а он думал только про Дольку малахитовую эту, и даже не заметил новую жизнь. А ведь – правда все, детство в прошлом. Теперь – сам. Он даже остановился, посмотрел вокруг: снег, дома, люди, чужой город. Ну, как чужой – теперь, считается, и его. К тому же вон у него и в паспорте что написано? «Место рождения гор. Пермь». Удивился в четырнадцать, но это тогда значения не имело. А сейчас? Дед вон до сих пор обалделый. Сказал вчера: «Мурашонок ты, не подделать». А это потому, что у Мура фамилия как у деда и у отца, Мураш. Уральская такая фамилия, объяснял дед, втолковывая что-то там про Мураша – царя муравьев и про золото в самородках, но Мур думал тогда про Дольку и не очень понял про мурашей и золото. Ладно, главное, дед счастлив.

От школы и Долькиного дома в Разгуляй – как на другую планету, вернее, в другой век: через большую улицу и мимо зеркального нефтяного дворца, и дальше в прошлое мимо древнего трамвайного депо, похожего на приплюснутый кирпичный замок. Странно как: депо есть, а рельс из него нет.

Он углубился в заваленные снегом улочки-переулочки. Некоторые дома не казались жилыми, в других светились желтые окошки и вели к калиткам прорубленные в сугробах траншеи. Пахло дымом. Тут они, замерзшие и растерянные, бродили с мамой еще вчера утром, она искала по памяти, где дом деда. А теперь Мур знает, где. И идет туда – домой.

Так, вот почти развалившийся дом без крыши, вот заиндевевшая стена какого-то сооружения, зачем-то обшитого внахлест листами кровельного железа, вот бело-розовый, как пряник, дом со старинными коваными решетками в окнах почти у самой земли, а вот и дедова усадьба. Окна в кирпичном первом этаже тоже вон в землю уходят, надо спросить, сколько ж домику этому лет. Верх черный от времени, в крайнем окне, где кухня, свет за смешными, на пол-окна снизу, выцветшими занавесками. Тропинка к калитке, потом черные от времени, кривые ворота, которым тоже, видать, лет двести, в землю всосало, не открыть больше никогда. А дальше еще домик, как дедов, только в два раза меньше, по паре окошек вверху и внизу. О, а в первом этаже вон свет сквозь сугроб пробивается. Значит, обитаемый. Что там за соседи, интересно.

Мур вошел во двор, вычищенный от снега почти до каменных плит, которыми был выложен. Дед вчера между делом сказал, что это называется «лещадь», мол, так часто мостили дворы на Урале. Куда дед снег-то девает? Под навесом, под чуть покачивающейся тусклой лампочкой в жестяном абажуре, треугольными торцами светлели дрова, как непонятная мозаика, и посверкивал воткнутый в колоду топор. Девятнадцатый век. Сарай рядом, дед сказал, бывшая конюшня – интересно, что там у него сейчас? Он посмотрел на соседский дом напротив: ой, дверь! Тоже в землю вросла, к порогу вон даже углубление со ступеньками вниз, расчищенное, и дверь сама такая богатырская, в пятнах шелушащейся краски, а в кованых петлях – здоровущий амбарный замок. Хм. Мур вернулся на улицу: точно, вон светится снизу в окошке рыжим. Он обошел маленький дом, посмотрел с угла: тут улица поворачивала, и дом торчал бревенчатым сверху, а снизу кирпичным, когда-то беленым боком над сугробами и едва расчищенной, одной машине проехать, полосой проезда. Никаких дверей в этой стене не было. И окон тоже. А дальше забор из бетонных плит и чей-то гараж, потом фонарь и еще гараж – и тупик, вернее, тропинка вниз, в лог, налитый чернотой. Мур поежился и вернулся во двор: в маленьком доме дверь. Замок. За тыльную часть маленького дома заходит навес, там дрова. Значит, что, дед кого-то на этот замчище огромный в маленьком доме запер?

Дед наварил картошки, накрошил ядреного лука в квашеную капусту, нажарил мяса – промерзший Мур очнулся, когда стало тяжело дышать. Тарелки у деда были громадные, фаянс от времени потемнел, потрескался – и на дне каждой был нарисован здоровенный паровой молот и написано: «Мотовилиха». Вообще дедов быт был внушителен. В углу печь с плитой, на ней черные громадные чугуны с кипятком. На стене – сечки, топорики, эмалированные тазы. Ножи и поварешки торчали из здоровенного латунного стакана, присмотревшись, Мур прочитал маркировку: «Снаряд осколочно-фугасный». Гильза! Дед проследил его взгляд и хмыкнул:

– «Урал – опорный край державы»[1], слышал?

Мур помотал головой.

– Это у меня дедынька на Мотовилихинском заводе работал, победу ковал. И батя с ним, пацаном еще совсем, в одиннадцать лет, дед под свою ответственность взял, обучил на фрезеровщика. Так батя всю войну на ящике простоял у станка.

– В одиннадцать лет? – ошалел Мур.

[1] А. Твардовский

– Взяли. Такое время. Таких, как он, на заводе полно было, постарше, правда, лет тринадцати-пятнадцати. За ударный труд банками варенья награждали. А пацаны убегали, конечно, к черту, мол, ваше варенье, подай свободу, а их чекисты ловили да опять к станку, спасибо, не стреляли, а то вообще б работать некому. Рабочий день по двенадцать часов без выходных. Война. Но мать-то, бабка моя, померла, а что парнишке одному по улице валандаться. Шпаны-то, да беглых, да спецпереселенцев, да мобилизованных и черт знает на что уполномоченных, да простого ворья тут тучи ходили. В цеху тепло, хлеба как мужику дают, по норме рабочей – все парню лучше под отцовым присмотром, да и чекисты не прицепятся. Вот так и выжили…

У Мура оледенели щеки и мороз прошелся по спине. В одиннадцать лет он ленился учить параграфы в детских учебниках и боялся драться – вот и все неприятности. И мама не разрешала самому газ зажигать. А тут – станок размером с комнату. Цех. Завод.

Дед смотрел на него словно бы испытующе. Усмехнулся:

– Урал – дело такое. Судьба Москвы в войну решалась тут – сколько работяги снарядов выточат и сколько пушек отольют. Ну, меня-то батя на завод не пустил, сказал, иди учись… Что, внучок, наелся? Еще, может?

– Наелся. Спасибо, деда!

Странно, но с первого дня Муру легко было называть этого чужого седого старика, совсем незнакомого, добрым сказочным словом «дед». А дед, конечно, был всем дедам дед. Борода, рубаха клетчатая, штаны в заплатках. Совсем бы простак с виду, да вот только вчера у нотариуса Мур видел его в костюме, который сидел на деде так же привычно, как домашняя рубаха. И еще Мур видел жуткое количество книг, заполняющих все комнатушки дома по всем стенам – словно книги были его внутренней оболочкой. В кабинете – стадо компьютеров и на столе книги с дедовой (и его!) фамилией, после которой шло «доктор геолого-минералогических наук, профессор». И еще всякие слова про Пермский Университет и Горный Институт РАН. Ну, и везде полки с камнями и рудами. Родство, конечно, исключает выбор, но Муру казалось, что если б можно было б деда себе выбирать, то он выбрал именно такого. Профессора с топором. Или с кайлом? Геолог, ну надо же.

– Дед, а отец тоже геолог?

– Диссертацию по карсту защищал. Сейчас – другие интересы у него. Более… Прикладные.

– Он тут, с тобой живет?

– Нет, у него вон в новостройках над Камой квартира. Сдаем. А в Кунгуре у меня еще дом, я тоже тебе отпишу.

– Почему мне?

– Потому что ему не надо. Съездим с тобой на днях, дом проведаем.

– У него еще дети есть?

– Ты один, – дед пожал плечами. – Да теперь-то я уж не уверен, мож, он еще кого прячет. Но жениться – не женился, нет.

– Зачем же прячет? Да, дед, кстати, а ты-то сам кого в маленьком доме прячешь? Там свет горит внизу, я с улицы видел. А дверь во дворе – на замке?

– Много будешь знать – скоро состаришься, – усмехнулся дед. – Да мастерская у меня там, парень, я забыл, видать, свет погасить. Бог с ним. Все равно все твое будет… Покажу потом, как пойму, что ты за камешек. С виду-то вроде не пустая порода. Ну что, как в школе? А в школу-то в какую поступил?

– Где взяли. Большую улицу, по которой трамваи ходят, перейти и дальше почти все время прямо-прямо. Можно на автобусе, можно пешком минут двадцать. Около Угольного института.

– Вот так случай! Ну надо же, – хмыкнул дед. – Старая школа, довоенная. Отец твой там учился. И я, только она тогда называлась «Первая Железнодорожная». А в войну там госпиталь был. Завтра пойдешь? Каникулы-то когда?

– Каникулы уже. Но там елки новогодние, я с ребятами познакомился, помогаю им. С девочкой еще, она Хозяйку Медной Горы играет.

– Кого-кого?

– Хозяйку Медной Горы.

– Нехорошо.

– Почему? – изумился Мур.

– А вдруг настоящая приревнует, – усмехнулся дед. – Красивая?

– Очень! Завтра еще две елки с утра, а потом, они говорят, на Егошиху пойдем, кататься. Что такое Егошиха?

– Речка в логу. Кататься? Так тебе чего, санки, что ль, надо?

– Я сам не знаю.

– Да в логу такие склоны! Трамплины видел?

– Нет, я как-то ничего еще толком не видел. Только вокзал, школу да автобусы.

– Я там на Егошихе тоже в детстве катался. На круге деревянном от бочки, – задумчиво сказал дед. Муру почему-то вдруг стало жалко его, старого, костлявого, вернее, жалко его старые, источенные жизнью кости, за которые слабо держалось усталое тело. – А то еще ледянки намораживали, снежку с водой намесишь, навозца конского еще подмешать – летят! – дед чего-то совсем загрустил. – Вот и жизнь так же пролетела. Мигом. Вроде вчера только в логу катался, а уж скоро семьдесят жахнет. Ох. Вспомнил чо-то, как дедынька вон тут, под окошком сидел и те же слова говорил, мол, как вчера парнишкой был. Двенадцать ему было, как революция началась и все перевернулось. Пятого года он.

– Я тоже пятого года, – засмеялся Мур.

А дед почему-то вздрогнул и странно посмотрел за окно, а потом на него, и снова будто бы испытующе. Мур скорей спросил:

– Ты тут всегда жил? В этом доме? – он вспомнил вчерашний кабинет нотариуса и важные бумаги, по которым теперь стал владельцем этого странного дома. Даже двух. И конюшни. И дров. И гаража над логом. Дед подарил ему все это, чтоб не заморачиваться с завещанием. Интересно, почему он не хотел, чтоб эти хибарки по наследству получил отец? – А дому сколько лет?

– Да уж за двести. И построен на том месте, где всегда тут наша родова жила. И я так-то всю жизнь по горам да по пещерам, но возвращался всегда сюда.

– И родился прямо здесь?

– А родился я посередь Камы, на пароходе, не дотерпел до Перми, – усмехнулся дед. – Но пермяк, коренной пермяк. И ты – пермяк.

– Дед, а если снесут домики эти?

– Скоро-то не снесут. Тут большое строить нельзя, песчаники, все в лог сползет, а что строить – у них ума нету. Поживем еще. На мой век хватит.

– Да я б хотел, чтоб и на мой хватило. Тут… Странно так. История.

– Еще б. Мы тут, по преданию-то, с дотатищевских[2] еще времен, с первого Мураша. Деревня тут с давних времен. Починок, дак мы, дед говорил, с того починка еще строгановского, по летописям с тыща шестьсот сорок седьмого года. А деда говорил, с пораньше, мол, пищальник Петро Кузьмин сын, тот в записях с двадцать третьего… Дак и до записей всяких тут жили. Не только русские, а и до того. Народы уральские.

[2] Василий Татищев, промышленник и экономист, основатель Перми и Екатеринбурга

У Мура выбило пол из-под ног и он рухнул во тьму веков. Семнадцатый век! «Пищальник»! Да еще и «с пораньше»! Жил-не тужил сам по себе, а теперь, оказывается, за спиной целый строй этих дедов-прадедов. С пищалями!

– А женился он на нерусской бабе, на местной, которая из тех, что тут испокон веков жили, по-научному: «автохтонное население». Кто она была, вогулка или пермячка, то неведомо. Но все равно, сам понимай, какой глубокий корень.

– Это пугает.

– Привыкнешь. «Починок на реке Каме и на речке Егошихе», – на память сказал дед. – А красивое место, пожалуй, было. Егошиха-то сейчас от дамбы до Камы в трубе подземной, поверх урман да дрянь всякая, а тогда-то по чистому песочку меж крутых бережков прозрачной водицей да в камский простор… Кататься-то куда пойдете? Лог большой.

– К трамплинам.

– И правильно. Раньше и тут катались, вон у церкви, да заросло все, ну а тут-то, у дамбы места совсем злые. Потом расскажу.

На житье дед определил его в комнатенку на втором этаже, в которой две стены занимали самодельные стеллажи с книгами по геологии, в третьей – два окошка на улицу, а четвертой стеной был беленый бок печи, у которого стояла древняя металлическая кровать с шишечками на спинках. Такие он видел в фильмах про Советский Союз. Одеял куча – как печка остынет, так понадобятся… И пахнет-то тут какой-то историей, а еще печкой, книжками пыльными… Не дом, а машина времени. И пространства тоже, – снаружи дом небольшой, зато внутри – лабиринт комнат и комнаток.

За окнами снег. Мама научила в детстве: что тебя ни тревожило бы вечером, ложись спать, укройся потеплее, смотри на окна, успокаивайся, ни о чем не думай и засыпай. Мур так и делал, правда, перед этим всегда еще смотрел в окно, наружу, где бы ни был. Вот и сейчас выключил свет, подошел, отвел сетчатую занавеску – фонаря за метелью не различить, только светлое пятно. Сугробы, темная стена старого депо напротив. А тут, в книжной комнатке, тихо, темно и уютно. Куда уютней, чем дома на Просвете, в душной квартире в старой многоэтажке, где сверху, снизу и со всех сторон вокруг полно незнакомого народу живет. А тут до соседей-то сколько? Кажется, они с дедом одни на всей улочке… Как же дед жил тут – один-одинешенек? И в этом снегопаде сплошном – кажется, будто и вообще никаких других домов на всем белом свете нет. Ни Разгуляя, ни Перми, ни Петербурга…

На границе света от фонаря мелькнуло что-то темное и мохнатое. Отступило. Потом появилось в стороне, ближе к стене депо. Собака? Ну да, мохнатая черная, только косолапая какая-то и длинная. Собака что-то повынюхивала под стеной, повела в сторону острой мордой – и побежала дальше по своим ночным делам. Здоровенная какая. И побежка у нее какая-то не собачья, сутулая… Ну, не росомаха же в городе! Зверюга целеустремленно скрылась в метели. Как ни бывало. Бродячая или просто так удрала?

В кровати окутало теплом от печки. Да, знали, как жить, прадеды эти… С пищалями.. Дед сказал, завтра печку топить научит… А еще завтра – Долька… Школа, ребята… Кататься на Егошиху…

С утра сияло синее небо над белыми снегами. Праздничные елки пролетели, искрясь зелеными блестками с Долькиной шубки, мгновенно, а еще чудесная, румяная от мороза Долька притащила мандаринов, и пахла теперь мандаринами. И губы у нее как мандариновые дольки… Куртка зеленая, шапка и варежки цвета мяты… Малахитница. Долька! Это влюбился он, что ли? Это, значит, так бывает? Ребята косились, но ему было все равно. Первая девушка!

Ватрушки для катания тоже были мандаринового цвета. Пару из них притащила маленькая, вроде шестиклассницы, девчонка в ярко-желтом, как у спасателей, лыжном комбезе, закупоренная в капюшон до глаз, и Долька ей милостиво кивнула. Мур не понял, кто это, да и

какая разница? Перед ним уходил вниз заросший заиндевевшими кустами склон громадного лога, над которым высились ржавые трамплины, похожие на останки стимпанковских верфей для вымерших летательных аппаратов. Скатывалась на дно лога белая, не слишком широкая полоса горки, по ней на ватрушках и ледянках слетали вопящие люди – и школьники, и народ постарше, вроде студентов, и родители с детьми. Это казалось опасным. Но Долька завертела ватрушку за стропу, засмеялась, засияла, вся такая ладненькая в малахитового цвета комбинезоне, в ярко-зеленой вязаной шапке, и Мур сам не заметил, как уже сидел в большой ватрушке, а Долька невыносимо милой тяжестью свалилась на него – и они полетели. Зима ожгла лицо, засвистело от скорости и счастья под ребрами, замелькали кусты и цветные человечки, взбирающиеся вверх по сторонам горки, и тут же их вынесло на ровное дно и кинуло в высокий накатанный бруствер-горку, скатило обратно, и Долька на ходу еще выпрыгнула, озираясь назад малахитовыми глазами:

– Скорей-скорей, вон уже едут!

Они скатились раз пятьдесят, а поднялись по истоптанным, перемолотым тропкам, кажется, раз сто. Мур взмок, начерпал снегу в ботинки, джинсы внизу заледенели и царапали щиколотки – да ну и что! Народу на горке прибавилось, папаши норовили отталкивать чужих подростков, чтоб успела умоститься и сверзиться в лог своя малышня, кто-то орал, кто-то матерился, кто-то потерял ватрушку. Девчонка в желтом комбезе дергала Дольку за руку и ныла насчет «Пойдем домой!» Вскипяченный Колик Усольцев, одноклассник, суровый и ушастый, от которого валил пар, сказал:

– А чо! Давайте вон под трамплины, там меньше! Малых нету!

Широкие белые склоны под самыми трамплинами до сих пор держали советскую выправку – и ужасали почти отвесностью. Но из-под столов трамплинов самоубийц и не было кататься, а пониже, с середины склона самого маленького трамплина, катались двое парней постарше, чем они.

– Это опасно, – сказал Мур.

– Хлюздю на палочке катают, – огрызнулся Колик. – Чо, москвич, ой-ой? Домой пойдешь?

Черт его знает, почему они решили, что Мур москвич. В общем, через несколько минут они уже всей компанией, по трое парней и девчонок, все с елки, и они с Долькой, плюс мелкая в желтом комбезе, скатились в лог и стали пробираться по узкой тропке к забору из ржавой рабицы. Под ногами вдруг заскрипел под снегом ледок – черная вода под стеклом!

– Это что? – Мур аж попятился. – Речка?

– Егошиха, – кивнула Долька и вдруг рассердилась: – Галька! А ты куда? Я ж тебе велела домой идти! С ума сошла, куда ты с нами лезешь! Мала еще!

Девчонка в желтом комбезе, волоча за собой ватрушку, упрямо шла прямо на нее. Долька уперла руки в боки:

– А ну иди домой, зараза!

Девчонка Галька не свернула, так и шла. Молча, вроде легонько, толкнула Дольку, но та поскользнулась и села в рыхлый снег берега, где сразу начинался подъем. Долька зашипела. Тут сверху как раз полетел парень на синей громадной ватрушке. Пока они, замерев, смотрели, как он там выруливает на раскатах внизу, Галька, прыгая по целине склона, обогнула парней и девчонок – красная ватрушка весело скакала за ней на поводке и разве что не тявкала – и помчалась вверх. Мур вынул Дольку из снега и подумал, что зачем все эти горки, если вот, держать за руки, а пальцы через мягкие варежки такие милые, и надо обнять ее и поцеловать, но нет, люди ведь кругом, и…

– Она ненормальная, – буркнула Долька, вырвалась и помчалась вверх по тропинке к дыре в рабице: – Галька, дура, стой!

Мур нашел в снегу стропу ватрушки и припустил за Долькой. Что ей эта желтопузая девчонка? Самому жутко смотреть под трамплин на эту белую, почти отвесную, как простыня на веревке, стену снега, а уж пустить туда Дольку или эту упрямую Гальку… Какой огромный лог. Доисторический. По сторонам его нормальный город, с трамваями и домами, а тут заросшее шерстью пространство, которое город словно не замечал.

На самый верх, под столы трамплинов, они, конечно, не полезли. Под самым маленьким трамплином, где катались большие парни, склон был более пологий, Галька ускакала туда, и они все взобрались за ней. Все равно высоко. Даже Колик притих, только шмыгал.

Мур и сам оцепенел. Под синим промороженным небом – древний разлом лога, заросшего урманом. Куда скатывались полотенца трамплинов – еще простор, раскаты, а за забором все поросло, только пестрая от людей лента той горки, а на верху, над логом, громадные деревья чего-то вроде парка да торчат старые пятиэтажки и новостройки.

– Тут прыгают? Выглядят действующими, – оглянулся Мур на трамплины. – Нам не влетит?

– Клуб «Летающий лыжник», с советских времен еще. Там где-то есть охрана, конечно, – другой парень, Денис, махнул рукой куда-то вверх. – А что они нам сделают? Заорут – укатимся.

И тут вдруг Галька опять оттолкнула Дольку, плюхнулась на ватрушку и улетела вниз. Долька взвизгнула, рванула стропу ватрушки у Мура, но он не пустил – Долька обрушилась на него, он в ватрушку – и миг спустя они уже упали вдвоем, невыносимо вниз-вниз, отвесно почти, и сладкая жуть изнутри ударила в череп, отхлынула обратно и ноги отнялись. Руки – нет, руками Дольку держать, притискивать к себе. Ватрушка визжала об снег. Солнце слепило. Как же они неслись. И Долька. Вот. Только слой его одежды и слой – ее. Сильная она какая, крепкая, только мягко, где…

Галька внизу еще только выбиралась из красной ватрушки. Мур и Долька, вдвоем тяжелые, с разгона врезались в нее, сшибли в ватрушку обратно и снесли дальше по белому раскату, их закрутило, девчонки завизжали всерьез – а раскат вдруг кончился. Мимо замелькали бетонные пасынки забора, и вдруг один выскочил как из-под земли прямо перед ними, и Мура со всей дури приложило об него плечом. И всех отбросило назад. Ватрушки тихонько прошуршали и остановились. Плечо онемело.

– Ой, – тихо сказала Долька. Встала, шатаясь, зачем-то сняла варежку. Розовые пальцы торчали, не шевелясь, над кромкой зеленого рукава, как червячки. Или как щупальца актинии. И с какой-то неправильной стороны. – Ой, мама. Больно как. Перелом, кажется.

Мур кое-как встал. Галька сидела в своей ватрушке и смотрела на него громадными белыми глазами. Настолько белыми, что будто вместо глаз дырочки навылет и сквозь глазницы видно снег. За ржавой сеткой забора, под корнями вывернутой из грунта бугристой от старости березы, как в логове, лежала мохнатая черная собака с длинной мордой и тоже смотрела на Мура маленькими глазками, черными, но тоже будто прозрачными – и просвечивает сквозь них земля. Мур потрогал плечо – стало больно. Ужасно больно. Хорошо, что не башкой. Спросил:

– А сюда Скорая приедет?

Долька прижала руку к груди и стояла, покачиваясь. Сверху один за другим скатывались ребята, еще с середины склона начиная притормаживать ногами. Девчонки и Колик опасливо сбегали вниз по тропинке пешком. Подбежал Денис:

– Сильно шабаркнулись?

Мур вытащил телефон:

– Надо Скорую… Денис, Долька руку сломала, надо вон пару веток сломать, примотаем шарфом пока…

Денис кивнул и побежал к дыре в сетке, нырнул в нее и по сугробам поскакал, проваливаясь, к черной березе. А собаки там уже не было, только дыра в смерзшейся глине, комочки мерзлые скатываются.

И тут, сперва чуть слышно, заскулила Галька. А потом заорала.

Глава 2. Подземные яблоки

1.

Из травматологии Мур ехал на трамвае – вахтер в больнице подсказал, как доехать до Разгуляя. От обезболивающих качало подводную муть в голове, но он хотя бы ничего не сломал, получил лишь сильный ушиб плеча. За замерзшим, в корке инея, окном плыл синий город, сиял новогодними огоньками, как космос звездами. Кто-то рассыпал мандарины, их подавили по полу, и в трамвае густо пахло новым годом. Школьными елками и Долькой. Муру было тошно и одиноко.

Дольку родители забрали, а Гальку с ее сложным переломом ноги, конечно, оставили после операции по репозиции отломков в больнице. Вроде как Мур не был виноват, даже родители девчонок в конце концов так сказали, когда все сидели в холле приемного покоя и рассказывали, как что было на этой проклятой горке, и ждали результатов Галькиного рентгена. Но факт, что девчонки пострадали, а он не смог их уберечь, жег внутри как уголь, обугливающий все вокруг. Потому что вышло, будто от удара о столб девчонки прикрыли его собой: Галька, которую несло спереди, и Долька, сидевшая у него на коленях. А так бы, может, ушибом не отделался бы.

Папаша Богодай, правда, поначалу как ворвался в приемный покой, хотел ему голову свернуть, орал, что через два дня соревнования, и такие деньги псу под хвост, коньки швейцарские, тренер два раза в день, и кто тебя откуда прислал, паршивец? Мур ничего не понял. Какие еще швейцарские коньки?

И тут в приемный покой влетел еще один экипаж скорой, с каталкой, на которой без движения лежал парнишка, в тающем снегу, обе ноги в желтых шинах и голова перемотана, и кто-то крикнул:

– Еще ватрушечники с Егошихи! Там следом двое легких, вывихи-ушибы!

Долька заревела, прижалась к отцу, неловко оттопыривая загипсованную руку:

– Пап, паап, мы сами виноваты, а больше всех дура эта упрямая, я ее просто догнать не успела! Она сама виновата!

А что дура упрямая-то? Ей тринадцать, внизу еще ловить надо было. И Мур корил себя, что не поймал.

Мимо провели «легких», двух маленьких пацанов с шинами на руках. Папаша Богодай отобрал у Дольки телефон, позвонил Колику, Денису и девчонкам, расспросил, как дело было – и стих, нахохлился, большой и помрачневший. Мать плакать перестала, прижимала только к себе пустой желтый комбез, шмыгала и все бормотала тоже что-то о соревнованиях, о том, что все, пиши пропало, билеты надо ехать сдавать и что зачем я ее отпустила на эту проклятую Егошиху.

А Долька, вздрагивая, сбивчиво рассказывала, что это Мур примотал им палки поверх комбинезонов, чтоб не было смещения, и они с Денисом тащили Гальку на сцепленных руках, как в учебнике ОБЖ, вверх по тропинке и еще по тысяче ступенек около большого трамплина на пост охраны, а Колик помогал Дольке и только все ныл, а потом наверху, когда охранник начал орать на них, вообще смылся. А ватрушки они там у трамплинов бросили, но их, наверно, ребята забрали. А Скорая уже приехала, когда они поднялись, это еще снизу Мур Скорую вызвал. И да, их всех троих в одной Скорой в травму повезли, но больница-то вот совсем близко…

Трамвай бесшумно скользил сквозь мороз. Вдруг ускорился, и Мур процарапал гляделку в инее: за белым полотном дороги, по которому неслись машины с ослепительными фарами, за бликующими отбойниками стояла застывшая чернота. Край мира. А где город-то? Где город? Куда это трамвай заехал?!

Гляделка затягивалась инеем, Мур снова ее процарапал – и увидел впереди берег черного ничто: фонари и светофоры, и знакомый хрустальный дворец, и расплющенный замок старого депо – вот он, Разгуляй. А черная чернота, стоящая вровень с освещенным полотном дамбы – это просто Егошихинский лог. Какой же он все-таки громадный. Разломил город пополам и лежит этой своей чернотой между обрывами. А что там в этой черноте? Кто?

Даже из трамвая выходить было страшно. А люди не обращали внимания, выскакивали на остановке, спешили сквозь мороз по своим делам, тащили елки, детей на санках и за руку, покупки – как будто никакого страшного лога и не было. Как будто это нормально – разламывать город пополам.

Мур перешел большую улицу и прибавил ходу, свернув в заваленные снегом переулки Разгуляя. Только не думать про черноту за освещенным фонарями краем лога. Поток транспорта на дамбе успокаивающе шумел. Луна в небе сияла, как свежий спил серебряного небесного дерева, и почему-то от этого серебра стыло ушибленное плечо. Когда тащили Гальку мимо трамплинов наверх, думал, рука отвалится… Как хорошо, что все это кончилось.

Снег под ногами громко скрипел, и казалось, кто-то догоняет – Мур даже оглянулся. Опять он пересек невидимую границу между настоящим и прошлым. Вечер остался на многолюдной улице, а тут, в улочках, казалось, давно ночь. Причем семнадцатого века, и плевать на фонари. Ох, нет. Пусть будут, – Мур совсем замерз, представив темень зимы какого-нибудь тысяча шестисотого года, да хоть и тысяча семисотого: только красные огоньки лучинок в избах, вот и весь свет. Темень везде. Это сейчас город загнал ее в лог и глубже, в подземелья, в старые обвалившиеся рудники, в трубы, в которые, как в гробы, закопали речки.

А темнотища эта там затаилась и злится.

Шаги невидимки позади заскрипели снегом ближе и громче.

Во двор дедова дома Мур влетел бегом и запер за собой калитку. Хорошо, что никто не видел. Было стыдно, что сам себя довел до испуга. Темнота – это просто отсутствие света. Светилось ярко окно кухни, под навесом качалась рыжая лампочка, облизывая светом дрова – цивилизация. Где он читал, что электричество отпугивает нечисть? Ерунда какая. Просто без электричества-то в семнадцатом веке или в глубине времен ночью черт его знает что людям во мраке мерещилось. Ничего ж толком не видно было.

На крыльце, делая для всех скрывающихся во мраке тварей вид, что не спешит и никого не боится, он обмел веником ботинки. Как же хорошо знать, что всякие силы тьмы – просто выдумка. Хотя вон как он струсил. Человек может поверить во все, во что захочет поверить. Все дело в подключаемых архивах, а там таится такое, о чем и сам не догадываешься. Прошлое-то вот оно, печкой пахнет, лезвием топора, вбитого в колоду, блестит. Нигде уже такого прошлого не осталось, а тут – вот оно. Так поверишь, что в сарае где-то и пищаль приткнута, а в логу черти прячутся.

– Ты что такой, внучок, как угорелый? – вышел дед в прихожую. – Стряслось что?

Мур глубоко вздохнул и рассказал. Дед выслушал, почесал в бороде. Он весь как-то ссутулился, помрачнел. Помог Муру стащить куртку с больного распухшего плеча, нашел штаны и теплую рубаху переодеться, даже намазал плечо обезболивающей мазью. На кухне подставил тарелку с котлетами, но у Мура глаза на еду не смотрели. Тогда дед налил ему чаю, сунул туда две ложки густого белого меда:

– Чтоб не простыл. Зря я тебя пустил, а так бы и девки целы были. Воссили, видать, пред тобой. А ты перед ними.

– Что-что делали?

– Ну, выкаблучивались.

– С чего бы им. Девки таких, как я, не любят, им красавцев двухметровых подавай, – Мур пожал плечами – и поморщился от боли.

– Девкам виднее, – усмехнулся дед. – Не прибедняйся. Парень как парень, не дурак, это главное. Вон я тоже ростом не вышел, а ничего, на жизнь не пожалуюсь. Был бы я двухметровым, так давно под землей бы остался, по пещерам-то да по старым шахтам, – дед хмуро посмотрел в темень за окошком: – А давно я в самом логу-то не бывал, а уж у трамплинов и вспомнить, когда. Не тянет. Уж такое место Егошиха. Порченое.

– В смысле? Ты о том, что речку в трубу убрали?

– Так это уж когда! А то и завод тут стоял медеплавильный, и пруд заводской вон на дне лога ила метра в два слой оставил, черт его знает, что там в этом иле есть, сколько костей там, под дамбой-то теперь… А кладбище-то городское вон на нашей стороне с незапамятных времен? Сколько там слоев-то, как соты подземные. Вон, на воинском на памятниках почитай, что написано, погляди-ка, сколько солдатиков в одну могилу закопано, я аж двадцать на одной видал. Да и то ли могила это, то ли шахтная выработка старая, кто там разберет… А памятник жертвам репрессий на бугре видел? А тюрьма-то на горе? Батя говорил, стреляли да прямо в лог в ров и скидывали… Этапы вон в скверике на улице, по которой тебе в школу, формировали да и гнали потом по всему краю… Мать-то по всем плачет стоит, видел? Не по одним солдатам ведь. Памятник-то? Родина-Мать?

– Где?

– А у воинского-то. На кладбище.

– Я и кладбища не заметил… Думал, это парк… – Муру было совсем тошно. Мед в чае горчил. Не зря в этом Егошихинском логу стоит такая жуткая чернота.

– Да вон в край лога от нас за дамбой все кладбище. Речка внизу там, в трубе тоже давно, так Стиксом прозвали. А была Акунька.

– Мне в логу не по себе было, – признался Мур.

Как тут жить? Тут еще и Стикс есть, как на том свете. Гнусная судьба у речки. Была она светлая, веселая, как смешная девчонка Акунька, а ее в трубу, да еще таким именем обозвали кладбищенским. Он и дома, в Петербурге, жалел все взятые в трубу речки вроде Лиговки.

– А что не по себе-то? – взглянул дед.

И опять Мур почувствовал, что будто сдает ему непонятный экзамен. Ответил честно:

– Как будто там людям не место. Потому что он, ну, огромный такой, глубокий. Как будто землю разломили напополам, но не до конца.

– Не разломили, а сама разошлась. Земля подвижная – от плюмов в мантии до рельефа поверхности. И, как живая, она все помнит: к примеру, реки на Восточноевропейской платформе текут там же, где текли триста миллионов лет назад. Наш лог моложе, триста миллионов лет назад еще даже песчаники не образовывались, в котором он заложен. Но и он не просто так возник, зачем-то он живой Земле нужен.

– Живой Земле?

– Конечно, живой. Только жизнь её другая. Мы живем десятки лет, она – десятки миллиардов… Что мы ей – микробы. Нам ее жизнь не понять, так, догадываемся, накапливаем знания. Те, кто кроме нас тут обретаются, может, знают больше.

– Кто «обретаются»? – изумился Мур. – Кроме людей?

– Ну… Я не выжил из ума, внучок. Приходилось мне… Сталкиваться. С ними… Может быть, они теснее связаны с Землей, может быть, служат ей… Силы природы, в общем. Может, даже так со времен, как тут море было, и застряли тут с нами.

– Точно, море, я читал. Палеоморе.

– Да и не одно за миллиарды-то лет, начиная с протерозоя. Да дольше всего после силура Уральское палеоморе тут тридцать миллионов лет существовало, полосой с юга на север, проливом.

Муру почему-то стало жутко жалко деда. Помочь бы ему хоть чем-нибудь. Поэтому спросил:

– Здесь же вокруг медистые песчаники, да? Горы разрушались в песок, реки уносили его в море, и там из него спрессовывался песчаник? А из размытых горных залежей медной руды образовались новые медные месторождения?

– Уральский медный пояс! – обрадовался дед. – А почему читал, внучек? В школе задавали?

– Да нет, я так. Интересно же, из чего земля. Еще я камни люблю, гальки всякие, даже песок. Вот как раз потому, что в них время – они валяются, везде полно, их ногами топчут, а им вон миллионы лет. Миллиарды. И в прошлом, а в будущем у них еще больше этих миллионов лет… Знаешь, дед, я хотел бы потрогать самый древний камень, какой у тебя есть. Археозойский какой-нибудь.

– «Архейский» правильно говорить. Надо тебе дать почитать что-то простое, начальное по исторической и общей геологии… Где бы только найти такое… Книжки тебе подберу. А камешки… Ладно, есть у меня где-то образцы архейских гнейсов, самых древних – с Тараташского выступа, покажу, – и спросил вроде бы простодушно: – А самоцветы всякие, металлы – интересно?

– Они ведь тоже из древних времен. А что, тут в логу разве можно что-то найти?

– Что ближе к поверхности было, как люди появились, так за тысячи лет что могли – повыкопали да растащили, разбазарили. Роют и роют… А сейчас как умерло все. И лог – ну, он меж двух городов изначально был, Мотовилиха была отдельная от Перми, в прошлом веке только присоединили. Так что лог – край, граница. Порченое место, люди его только и знали, что портили. Запруды да шахты, заводы. Могилы.

– Зачем же ты тут живешь? Почему не уехал?

– Тебя ждал, – как будто всерьез ответил дед. – Мы тут живем всегда… То-то вот лог-то никак в культурное-то пространство не превратят, сколько уж проектов было. И террасный парк, и дендрарий, и чертов стул. А все никак. Она не хочет. Обозлилась на людей потому что.

– Кто обозлилась? Земля?

– Можно и так сказать. Не сама Земля, но… Силы природы. Ты вот что, внучок. В Кунгур завтра не поедем, куда тебя такого ушибленного тащить. В отцову квартиру сходим, запишу там тебя квартирантам, как арендодателя, будешь эти деньги у них забирать и на них жить. Мало ли.

– Зачем мне! Мама…

– Мама твоя молодец, вон какого вырастила. Хватит с нее, как считаешь? Я-то тебя прокормлю, да я не вечный. И вот что еще… Сколько там тебе до восемнадцати-то? А какая разница, с семнадцати уже можно в автошколе учиться. Надо тебе права получить, – он усмехнулся. – Покатаемся с тобой летом по Уралу.

2.

С высоты коренного уступа надпойменной террасы Камы, как назвал высокий берег дед, да еще и с шестнадцатого этажа, смотреть на мир было все равно что с самолета. Мур как вышел на лоджию, так и не шевелился. Дед и квартиранты бубнили в комнате, потом наладились пить чай – а он стоял и смотрел на белое, с черными щетками лесов на том берегу, бесконечное пространство, которое никак не помещалось во взгляд сразу, все целиком, а это ведь только половина окоема… Город внизу тоже чего-то бубнил, пыхтел, дымился, но он был где-то внизу и далеко, за логом, тоже бесконечный, до горизонта. С высоты казалось, что весь мир поделен

белой полосой Камы на городскую человеческую половину, застроенную и задымленную, в крышах и улицах – и половину природы, свободную и бескрайнюю. Ерунда, конечно, за Камой – Европа, там народу миллионы и городов пропасть.

Вон мосты, длинные-длинные, черточками надо льдом, на вокзал, по мосту – и езжай домой, к прошлому, на Просвет, в душную квартиру, где им с братьями втроем в «детской» – как деталькам игрушки в пластмассовом «желтке» шоколадного яйца. Мур представил забитую вещами квартиру, потом – школу, класс, учителей, коридоры; расписание, забитое допами и репетиторами под завязку, вечера в бесплатном коворкинге библиотеки, лишь бы домой только к ужину и спать, – и его замутило. Все те обстоятельства, отчим, да и все место в жизни отсюда казались тесной скорлупой. Теперь разбитой. Или растаявшей, как у шоколадных.

Нет, только не обратно. Ни за что. Там он никому не нужен, только маме, да ей тяжело все время суетиться из благодарности отчиму, что тот растит Мура «как своего», все время как бы извиняться, что вот Мур тут и мешает всему, добрачный такой. Хватит.

А этот огромный город – да это ж как повезло! Это ж новый мир, в котором можно будет жить как мечтается! Он еще сам не знал, о чем мечтать, но главное – свобода! Что на свете дороже свободы?

И еще здесь – дед. Даже если чувство, что во всем этом новом, необозримом заснеженном просторе можно начать другую судьбу, всего лишь подростковая чушь, нет сомнений, что деду он нужен на самом деле. Как внук, да. А может, зачем-то еще – и неважно, зачем, Мур сделает все, только чтоб ему помочь.

Чаю ему арендаторы тоже налили, едва вышел с лоджии. Странно было смотреть после простора на обыкновенные маленькие вещи: чашки, печенье, конфетки. На елку в углу, обвешанную мигающими гирляндами и переспелыми стеклянными шариками так, что перекосило. И вообще грустно на нее смотреть: она же умирает. Медленно, иголочка за иголочкой, все в ней пересыхает. Это же растянутая на пару недель агония дерева, и, когда ее выкинут к мусорным бакам, осыпавшуюся, в обрывках мишуры, жизнь еще долго будет мучиться в сердечнике ствола. Он отвел глаза. Квартиранты, пара лет под сорок, москвичи, работают в нефтяном холдинге, аренда еще на год, только что подписали новый договор уже с Муром. Спокойные, вежливые; дети в интернате в Хорватии, «им не подходит здешний климат», – другая раса. Вот только кажутся какими-то маленькими. А дед, хоть и невысокий, сухой – нет. Будто он сродни тем елкам, огромным, черным, живым, – за Камой, на просторе. Такой, казалось, не растеряется ни от каких невзгод, ни от каких ветров и хаоса. Кремень.

– Ну как? – с показной нейтральностью спросил дед в лифте.

– Я люблю высоту, – так же нейтрально ответил Мур. – И оттуда вид… Просто страна бесконечности. И Кама. А дом что? Вертикальная деревня.

– Только никто никого не знает, – кивнул дед. – А вид – да-а, пространство странствий. И мытарств.

– Мытарств?

– Ссыльный край. Суровый, жестокий. Смертельный. Людей не жалеет ни в каком смысле. Тут столько народов сменилось, столько всего происходило, о чем тебе в школе никогда не расскажут, – остро взглянул дед. – Слушай-ка, внучок, пока еще не поздно, мож, купим тебе билет – и будешь сюда только туристом приезжать?

– Дед, ну ты совсем. Знаешь, мне кажется, я приехал вовсе не за бумажками… И не в ссылку. А меня как притянуло. Будто я тут жизнь себе спасаю от ерунды. Но ты прав, это такая страна… Немного страшная. Какая-то очень настоящая. Я тоже хочу стать настоящим. И в автошколу пойду, и хоть на бокс, и научусь всему – лишь бы меня тут не перемололо.

– Идеалист, – усмехнулся дед, но Мур видел, что он доволен. – Научу, чему успею, – и вдруг спохватился: – Мурашка, ох, а я елку у них увидел, так вспомнил, что завтра новый год.

Пойдем с тобой за елкой? Как-никак, пацан ты еще, школьник, новый год – детский праздник… Я видел, продают на углу у новых домов…

– Деда, давай без елки. Жалко, живые ж они. Понимаю, уже посрубали их – но пусть у нас не будет.

Дед озадачился:

– А как тогда?

Елку Мур сложил каменную, из плиток разных геологических образцов, не очень большую. На табуретке, которой было лет двести, наверно, и она тоже выглядела как каменная. Дед по дороге вроде как загрустил, что они без елки, как без детского праздника, а может, ему, одинокому, хотелось именно для внучка елку – и Мур прибег к креативу. И возвел на табуретке в углу большой комнаты каменную конструкцию. Елка получилась доисторической и жуткой. Тогда на уголки плит он прилепил огарки свечек, пристроил, как игрушки, разноцветные камешки, все с приклеенными номерками, и посверкивающие образцы руды.

– Обо, – охнул вошедший дед. – Я такие в Монголии видел. На перевалах, на горных дорогах. На Урале на перевалах манси тоже похожие складывали. Как тебе в голову пришло?

Он будто расстроился. Мур осторожно спросил:

– Что такое «обо»?

– Да духи в таких живут. Монголы барана жертвенного свяжут и живьем в яму, а потом сверху вот пирамидку, а манси – белых лошадей или оленей. Чем дольше орет из-под земли, тем лучше. Тогда придет дух, покровитель места.

– …Разобрать?

– Ну, у нас в подвале олень живьем не закопан, – махнул дед. – А духов места тут и так полным-полно, – он повернулся к печке и сказал туда: – Суседушко, не серчай. Играет парнишка.

– Ты это с кем? – изумился Мур.

– А с домовым. Самсай-ойка[3]. Он уж сколько тут живет – и не сосчитать. Дом бережет да меня, теперь вот и тебя. Дом старый, хлопот много.

– Дедо, ты всерьез?

– Проверенное дело, – усмехнулся дед. – Бывает, так прижмет, что только на них и надежда. Да ты не бойся, ты свой, он чует. Защищать будет. Помогает, да. Вон уж сколько лет домок стоит, а ни одного вора.

– Дед, ты ж профессор, ты…

– Одно другому не мешает, – открыто посмотрел дед, развел руками: –Они помогают, да, когда всерьез-то прижмет, когда надеяться не на что и не на кого. У них ведь как? Без нас им жизни нет. Нам помогут – так и себя спасут. Оне… Ну, если уж не добрей нас-то, дак честнее. Сколько раз уж так-то спасали. Все выжили, мужики-то, а какая свистопляска-то вокруг шла. То бунты, то войны, то революции, то аресты да этапы. Миром да толком, считай, и не жили. Одни напасти да кровища. А мы все тут. И они тут уж, с нами.

– Дед, ты шаман, что ли?

– Да какой из меня шаман, – усмехнулся дед. – Так, вежливец[4]. Больше знаю, чем могу. Да и то по камням да по металлу больше знаю, чем по людям. Камни слышу, да тут непонятно, то ли опыт, то ли тайная сила. Я так думаю, что все ж опыт. Как плечо-то?

Плечо ныло, но Мур относился к боли, как к белому шуму:

– Все нормально.

– А пойдем, Петька. Покажу тебе дом. Ты вроде не болтун, да, внучок?

---

[3] Домовой (манси)

[4] Колдун, которого для почета приглашали на праздники и свадьбы, чтобы охранил хозяев и гостей от порчи.

Дед впервые назвал Мура по имени. Терпеть Мур это имя не мог. Его даже мама так не звала, а все «Мурашкой». Сейчас оказалось, что дед, отец и сам Мур были полными тезками – все нотариусы удивлялись. Только даты рождения разные, а так бы – один на все поколения Мураш… Петька – это Петр. Петр – это значит «камень». Самое геологическое имя.

Мур первый этаж и не рассмотрел еще толком, все скорей пробегал наверх к деду по скрипучей лестнице с истертыми до толщины фанеры ступеньками. На первом этаже, дед объяснил еще в первый вечер, зимой он теперь не живет, слишком трудно и дорого ремонтировать печку. Под шагами деда грустно скрипели ступеньки:

– А раньше тепло было, теплее, чем наверху: кирпичные стены толстые, окна маленькие, как раз на долгие зимы строили. А печь старая, свиязевская, дымоводы как лабиринт, и мастера такого не найти уже.

– Свиязевская?

– Инженер такой был в девятнадцатом веке. А печка… Думаю вот, сломать или не трогать.

– Зачем ломать? – смотреть в сумерках на побелку выстывшей навсегда печки было отчего-то жутко.

– Батя говорил, вроде есть в ней что-то. Дед ему, мне прадед, нашептал. Печка-то, чтоб дом берегла, должна, мол, в себе хранить… Что-то. Да я только так и не понял, что это за «что-то». Батю не расспросил толком, ерунда все, считал, а теперь вот под старость то ли поглупел, то ли умудрел, не знаю. А интересно. Или «что-то» там, или попросту клад. Дело обычное. Сам мужика-печника встречал, который в старых домах печки перекладывал и, бывало дело, по малости там находил, пятачки там царские или что получше. А потом и вовсе стал по брошенным деревням ездить, печки ломать. Джип, говорит, купил.

– Мне жалко печку ломать, – Муру казалось, что и весь дом, этот нижний кирпичный этаж, за двести лет спекшийся в монолит, с мертвой печкой, с глубокими окошками, тонет в земле, медленно-медленно. Уж не собирается ли дом прихватить его с собой на дно? В качестве «чего-то»?

Так, нечего трепать себе нервы. Вон в Европе кирпичные домики по сколько сотен лет стоят. Там историю берегут. Он в Выборге сам такой видел. И этот бы простоял. Вместе с печкой. Он же крепкий. Как бы его сохранить?

Снаружи уже вечерело, предметы еле угадывались. Комнаты пахли холодными стенами, известкой, пылью, золой от печки – и все были заставлены стеллажами с образцами камней и руд, ящиками, коробками, пыльными банками с песком. Дед щелкнул черным выключателем, и свет низко спускавшейся лампы в зеленом жестяном абажуре выхватил из сумерек стол с инструментами, с камнями. В углах комнаты стало только темнее. Муру не хотелось даже смотреть в углы. Вдруг там правда – эти. «Они». Силы природы. Поэтому он подошел под желтый свет к столу и потрогал причудливый кусок породы, сплавленный, казалось, из угловатых больших и мелких обломков. Вспомнил слово:

– Брекчия.

– А это? – дед ткнул пальцем в другую глыбку.

Мур тоже потрогал:

– Если обломочный материал окатанный, значит, конгломерат. Галька на кварцит похожа.

– А цемент?

– Дед, да откуда ж я знаю. Я только камешки в детстве собирал, да и то так, простые. Подножные.

– Собирал, значит, – дед довольно улыбнулся. – Я вот тоже собирал. С детства. Нравится?

– Я не знаю. Их тут столько, что вроде как не в человеческих силах разобраться, – Мур взял в ладони шар размером с яблоко, выточенный из конгломерата охряного цвета с бурыми, черными, белыми пятнами разных пород. Будто держишь маленький тяжелый юпитер. Таких

пятнистых планеток еще штук пять поблескивало на столе, и куда больше лежало рядом на полу в ящике со стружками – в самом деле как подземные яблоки. И что, можно? Вот просто взять себе эти яблоки – геологию эту дедову? Унаследовать и коллекцию, и знания, и заниматься всю жизнь не какой-то офисной ерундой, а вот таким делом серьезным? Камни. Сколько их, всяких разных! – Но я бы стал разбираться. Они мне все нравятся. Простые даже больше, чем дорогие. Самоцветов я что-то стесняюсь. Граниты да габбро – вроде как свои, простые ребята, надежные. Основательные.

Дед уставился на шар в его ладонях:

– А пульс камня слышишь?

– Дед, ну что ты в самом деле. Что еще за Сказы Мураша? То Суседушка, то пульс камня. Ты мне еще про Хозяйку Медной горы расскажи, – он невольно вспомнил Дольку. Надо позвонить, спросить, как там и она, и сестренка. – Или про Белого спелеолога.

– И расскажу, как время придет. По пещерам-то пошарься с мое, так не то что в Белого, а и в горных хозяев поверишь. Я-то что, возраст, а ты парень молодой, девки горные как раз к таким и льнут, таких и уводят, – дед задумчиво взял со стола какой-то камешек с блестящей прожилкой. – В пещере-то бывал когда?

– В Саблино под Петербургом. С классом. Но это так, песок добывали, чтоб хрусталь варить. Какая-то ненастоящая пещера.

– А у нас тут настоящих почти восемьсот только открытых. Есть ледяные, есть с реликтовым льдом, есть затопленные. Еще сколько-то, которые местные в тайне держат. Или те, о которых забыли давно. Народу ведь тут погибло сколько, кто тайные места знал. Ну, и таких далеких мест, куда только чудом добраться, хватает. Там дальше к Кунгуру – карст, пустоты, пещеры. Так вот идешь меж елок да кедров, ступишь куда – и провалишься. Глядишь, вот тебе и новая пещера. Вон Семь Пятниц[5] в восемнадцатом году так и открыли.

– И ты так – ступал и хрусть?

– Было дело. А камни… Что ты думаешь, Мурашка: они живые все. Только жизнь их другая. Мы для них – что для нас пылинки… Да, архейские-то гнейсы… Сейчас найду…

Дед подошел к одному ящику, к другому, наконец вынул зелено-серый пестроватый кусок породы, подал Муру:

– Вот. Гиперстеновый плагиогнейс. Прошу любить. Он зародился три с половиной миллиарда лет назад. Всего через полмиллиарда после формирования современной литосферы, под высокими давлениями и температурами, среди прочих гнейсов, сланцев и амфиболитов. Другие породы с тех пор размалывало до песка, пыли и глинистых частиц, едва не до атомов, и снова складывало в камень, и так не раз. Ну как наши пермские песчаники, например. А этот остался неизменным с того самого времени, все миллиарды лет… Чего молчишь?

– Страшно.

– На-ко вот, – дед порылся в ящике и подал небольшой кусочек такого же камня. – Глыбу-то эту тебе куда, а этот можно в кармане носить.

– Спасибо, – Мур зажал камешек в кулаке. Все равно осознать эти миллиарды лет мозг не мог.

Дед усмехнулся:

– Привыкнешь. Ну, осмотрелся? Пойдем дальше.

В чулане, дверь в который открывалась в дальней комнате, дед открыл люк в полу, щелкнул таким же черным старинным выключателем – и желтый свет зажегся под полом, осветил добротную лестницу и красные кирпичные стены.

---

[5] пещера Семь Пятниц найдена летом 2018 года на Урале, на правом берегу Вижай в районе небольшой пещеры Манок. Ее длина по данным топосъемки – 588 м.

– Это голбец, – сказал дед, развернулся и стал осторожно спускаться. – Ну, подпол. Древняя система хранения.

Мур, отгоняя воспоминания обо всех просмотренных ужастиках про подвалы, спустился за ним, как в холодную воду. Тут и правда было куда холоднее, даже пахло морозом. Вдоль стен – полки с ящиками, полными консервных банок, бачки из нержавейки с крупами, какие-то канистры, картонные коробки с упаковками ИРП, причем с маркировкой этого года. Куда деду столько припасов?

– Экспедиционная привычка.

– Да ты так можешь пару лет в магазин не ходить.

– Пусть будет, – усмехнулся дед. – Мало ли. История державы, знаешь, предмет доходчивый. Ну смотри, внук, – дед открыл короб из нержавейки, полный пакетов с гречкой, сунул вдоль стенки руку и достал большой кованый ключ: – Там магнит для ключа, еще батя приладил. А теперь двинем… Давай на себя.

И они вместе отодвинули короб – под ним те же бетонные плиты, что и по всему голбцу. Дед нажал на третий кирпич снизу, в стене что-то хрустнуло, и одна из бетонных плит приподнялась настолько, чтоб подсунуть пальцы. Еще один люк. Дед сунул пальцы в щель – оттуда тянуло теплом – но не приподнял плиту, а почти без усилия отжал в сторону – бетонный квадрат мягко уехал под стену.

– Это тоже батя мудрил. Можно задвинуть за собой, так сверху ни следа, хоть пожар пересидишь, хоть бандитов.

– Приходилось?

– Беглых прятали при Сталине, да. Ну что, идем?

И он стал спускаться в темноту. Кажется, деда радовала эта экскурсия. И что внук обалдел от тайных конструкций – тоже. А Мур в самом деле обалдел. Какие ж сокровища тут спрятаны? А что-то долго спускаться…

Дед где-то щелкнул выключателем. Свет.

Мур постоял и сел на ступеньку. Это был подвал от дворца, а не от маленького домика. Просторный подземный зал, куда больше по площади, чем дом, глубокий, с кирпичными, идеально геометрическими сводами, с желтыми, в обрешетке, лампами по стенам. У стены – деревянная тележка на резиновых колесах, груженая коробками, у лестницы – новое, еще запечатанное ведро финской краски. Больше ничего. Чистота и запах кирпичей. Пол – ровная цементная стяжка.

– А тепло почему?

– Заметил, молодец. Это теплый пол я сам в позатом году положил. А то аж до ревматизма простужался.

В стене напротив – деревянная, в железной оковке дверь. Вот к ней-то и понадобился ключ. Мур шел вслед за дедом на мягких от волнения ногах. Как будто попал в фильм. Как деду и его бате, и тем, кто раньше тут жил, удавалось сохранять это все в тайне от властей? Суседушко помогал глаза отводить? Глянул вокруг – показалось, за колесо тележки спрятался кто-то маленький, похожий на веник. Ну нет, блазнит.

Дед отпер дверь и опять щелкнул выключателем. Там осветились еще краснокирпичные пространства со сводами. Этот зал был поменьше, но в стене напротив Мур с изумлением увидел окованные ворота с громадными дубовыми балками запоров. В эти ворота точно могла проехать ломовая телега. Или джип.

Дед, будто извиняясь, сказал:

– Ворота недействующие. Лет полтораста назад грунт снаружи подмыло грунтовыми водами, дорога к воротам вместе со всем склоном и обвалилась. А прадеды подумали – и постепенно наглухо зарыли. У Мурашей тогда такие амбары на пристани были – что ты! Незачем стало и в гору товар таскать. Лучше укромное место сделать, чтоб как подвалы в банке. Камня

навозили, песка, стенку подпорную снаружи ворот поставили, потом земли телегами. Ливневку подземную, правда, сначала устроили по всей науке.

– Но зачем? Чтобы что тут хранить так укромно?

– А что есть, то и хранить. А то ты историю страны не знаешь. То бунты, то бандиты. Одна Лбовщина чем вон обернулась…

– Лбовщина?

– Да «Лесные братья»-то, в первую революцию, в Пятом году. Боевики-партизаны. И это еще только начало было. Потом-то, то Колчак, то коммунисты, то расстрелы, то грабеж. Потом Сталин, аресты-этапы, статьи расстрельные за все, потом война. Дальше мирное время, светлое – только, может, потому, что я молодой был. В молодости все светлое. Учился, дальше все экспедиции… А потом развал Союза, девяностые. Врагу не пожелаешь. А что еще впереди – кто знает? Не то что б мы тут богатства какие скрывали, наши руки – наше богатство, да только к рукам-то и инструмент нужен, и припас, и, главное, возможность работать спокойно и вольно. Ты вот тоже… Как меня не станет, мастерские наши не оказывай. Разорить-то любое дело недолго, а оно вон веками ладилось. Понял ли?

– А если дом под снос пустят?

– А в Кунгуре у меня в доме тоже подклет каменный. И подвалы. Не такие богатые, конечно, но дело вместят. «Под снос»… По уму-то не под снос бы, а музей горно-рудного дела… Да доверия нет. Так что который век уж таимся. Никто и не помнит, что тут вообще в бугре этом разгуляевском есть. Некому помнить. Думают, чего, шахты старые, а тут купцы такие подвалы возводили! Кама-то рядом, с парохода или с баржи погрузил и в горку, прям в подвал на телеге заезжай, храни любой товар. Короткая память у народа… Да еще эту память все, кому надо и не надо, и то и дело обрубают.

– Зато нам повезло.

– Да я всю жизнь не понимаю, везение ли это. Что с этими хоромами? Ну да, памятник зодчества, да как открыть, если страна толком да ладом не живет. Поживем – увидим, конечно. Спешить нам некуда. А так – не бойся, никто не знает, – дед ткнул пальцем в потолок: – Там еще лет пять назад огород соседский поверху был, а дальше уж гаражи да лог… Ну что, сохранять будешь? Или на кирпичи продашь? Смотри, царский кирпич, говорят, дорогой поштучно-то.

– Нет уж, так, домом-то, подороже… Дед, а почему ты мне это все хочешь отдать, а не отцу моему? – спросил Мур и задохнулся. А вдруг у деда история какая с сыном, которой он делится не хочет?

– Так он где? То-то и оно. А ты – вот он.

– А он не отберет потом у меня?

– Жалко? – усмехнулся дед.

– Жалко, – честно сказал Мур. – Тут вон целый дворец подземный. Хорошо бы музей камней тут устроить, вот что. Горно-рудного дела, как ты говоришь. Наверно. Если наверху все будет хорошо.

Дед усмехнулся:

– Придумаешь. Отец… Не отберет. Не к рукам ему. Пусть уж… Живет как знает. А ты вот примечай, видишь, вон еще ход… Пойдем-ка.

В помещении рядом в стороны расходилось два тоннеля высотой чуть больше полутора метров. Дед кивнул на тот, что был перекрыт решеткой:

– Сюда вот ход к ливневке, зимой-то сухо, но летом в дожди, бывает, течет; слышно, как журчит. Там плита каменная на роликах ход вниз, к канавке, прикрывает, я там с пацанов не был, узко там совсем, да и опасно. Мало ли что размыло. Не лазь, склизко там. А так вода раньше-то, сто лет назад, в пруд уходила, а теперь точно и не знаю, куда, может, в старые штольни, может, в коллектор к Егошихе. Все одно в Каму. Так-то вся гора сыровата, в грунтовых водах. Вот и придумали водоотведение такое.

– А второй ход?

– Сейчас увидишь. За тем и пришли.

Поздним вечером Мур сидел у себя на кровати и все никак не мог заставить себя лечь. Стоило закрыть глаза, и мозг начинал показывать бесконечные бурые кирпичи, муфельные печи[6], вальцы, фрезерные и гравировальные станки, тигли, анку с пунзелями [7], тисочки и очень много всевозможных инструментов, названия которых сразу невозможно запомнить. Но у Мура все еще ныли руки от желания подержать их, пустить в дело все эти флацанки[8], чертилки и штихели.[9] Дед сказал, что научит.

От беленого бока печки шло тепло. А эта вот печь, которую дед топит из кухни, она с «чем-то»? Или с кладом? Теперь всего можно ожидать.

Чтоб успокоиться, он встал и шагнул к окну. Снег. Он прислонился лбом к окну. И тут же с конца улицы, из черноты лога по снегу двинулся к нему силуэт – будто взгляд был для черноты ощутим и она отозвалась этим клочком мрака. Будто взгляд притягивал мрак, как магнит. Мур отшатнулся от окна, не отрывая глаз от черной тени. Закричать? Нет, там дед только уснул, все кашлял, не надо его тревожить…

И тут он понял, что на улице внизу просто собака. Та, черная, косолапая. Но сейчас она не проковыляла мимо по своим делам, а остановилась под окном и подняла к Муру узкую длинную, какую-то вовсе не собачью морду; глазки ее блестели как черные пуговки, едва различимо. Чего ей? Какая ж она жуткая. И смотрит насквозь. Да тьфу. Это просто бродячая собака.

3.

– Если у человека есть друзья – значит, человеку можно доверять, – сказал дед, когда вскорости после боя курантов Муру позвонил Денис и позвал погулять в центр. – Иди, конечно, новый город, праздник, семнадцать лет! Гуляй! На денежек с собой на всякий случай.

И ушел в кабинет. Дед будто совсем не беспокоился, что с Муром что-то может стрястись. То ли в судьбу верил, то ли в «суседку», то ли в самого Мура. Мур бы предпочел, чтоб дед верил в его, Мура, здравый смысл.

Все встретились около часа ночи на большой улице, и Денис, конечно, пришел не один. Был и Колик, и другие ребята и девчонки из класса, которых он помнил по школьным елкам, и незнакомые. Шумные, смешные. Только Дольки не хватало. Пока подходил, видел, как они засовывают мятные конфеты в бутылку с газировкой и, хохоча, отпрыгивают, когда бутылку начинает бурно тошнить бурой пеной. Когда он подошел, бутылка еще отплевывалась, дергаясь в сугробе.

– А ты что, в Разгуляе живешь? – прищурил глаза Колик. – Что, вон в хибарках?

Видел бы он подвалы под этой хибаркой. Этим мальчишкам и девчонкам из многоэтажек и не снился такой простор и красота. Но ведь он и сам недавно был таким пацаном из многоэтажного улья. Поэтому ответил добродушно:

– Ага, у деда. Сегодня вот научился печку топить.

– Ну, я понимаю, на каникулы, – протянула одноклассница, которая играла невесту Данилушки в елке. – Экзотика, все такое. Но вот ты насовсем что ли тут останешься? Печки топить?

– Дед одинокий, – подумав, сказал правду Мур.

– Ухаживать надо? – брезгливо дернула носиком Катя.

---

[6] Высокотемпературные печи для обработки и плавки металлов (и не только)

[7] Анка – инструмент для создания выпуклых форм. В полушария анки кладется деталь, сверху ставится пунзель, по пунзелю ударяют молотком. Так получают выпуклые формы.

[8] это плоскогубцы, круглогубцы, клювики, и другие всякие -губцы.

[9] режущий ручной инструмент. Применяется для гравировки, закрепки, вырезания посадочных мест и т.д.

– Нет! Не такой уж он старый. В университете профессор, кстати. Просто одинокий. Ну что, куда пойдем?

В окнах истерично мигали гирлянды. Народ пулял петардами во все стороны, втыкал, увертываясь от редких машин, ракеты меж трамвайных рельс, и те со свистом улетали в небо, едва не чиркая по карнизам и балконам, и рвались над крышами. В каком-то сквере Мур заметил огромные светящиеся канделябры, хотел посмотреть – но ребята тащили его дальше. Вопли «с-но-вым-го-дом!!!», тосты, обнимашки, безумные, шмыгающие везде дети – чем дальше, тем гуще становилась толпа. Вдруг перед Муром вырос огромный бронзовый медведь с сияющим, натертым миллионами ладоней носом. Вот кто нарисован на автобусах-то! Люди фоткались с ним, подсаживали друг друга, чтоб сфотографироваться на спине, и терли, терли нос. Медведь, казалось, едва сдерживался, чтоб не отмахнуть их лапой. Может, потому, что справа, вытянувшись на цыпочках и вцепившись варежками ему в ухо, маленькая девчонка что-то все шептала и шептала в это ухо, время от времени отстраняясь и испытующе заглядывала медведю в глаза, мол, ты понял? Медведь терпел, слушал.

Мимо, размахивая орущим «у леса на опушке» телефоном, чуть не сбив с ног Колика, пробежал низенький мужичок с не совсем человеческим лицом. Народ пер дальше, в какие-то светящиеся лиловым, соединенные в спираль арки, как в портал между мирами. И вдруг, когда они выбежали из этих арок и обогнули елку, сложенную из светящихся шаров, перед ними открылся громадный синий простор, весь в светящихся елках, ледяных скульптурах, громадных фигурах из гирлянд – будто рассыпали груды самоцветов. От народа было там черно. Столько разноцветного сияния – а зимнему небу с тусклой луной все равно, лежит сверху, как черное одеяло. Впереди громадная елка словно только что вылезла из недр и вершиной туго натянула светящуюся мембрану – как только она лопнет, в оболочке привычного мира разверзнется дырища и что-то стрясется… Тьфу. Это просто множество золотистых гирлянд, натянутых от макушки елки. Они все одинаково и красиво, как половинки параболы, провисли, и потому кажется, что елка вот-вот проткнет растянувшуюся пленку. Или границу реальности. А за елкой уходил вдаль новогодний простор, усыпанный светящимися самоцветами.

Как же жалко, что нет Дольки. Но вот до конца каникул надо будет привести ее сюда. И потихоньку, не в толпе, оберегая, чтоб не толкнули, погулять тут в ледяных лабиринтах, рассмотреть самоцветных зверей, держа Дольку за тонкие пальцы в варежке… Ребята помчались кататься к ледяной горке. Мур разок съехал с ними, больно треснулся коленом об облитый льдом деревянный бортик, повалялся в визжащей куче-мале на длинном раскате и скорей убрался в сторонку – уж очень сильно кто-то боднул головой в больное плечо. Он отошел подальше, за большого, ослепительно сияющего зеленого оленя, потом еще подальше, чтоб не мешать людям с оленем фоткаться – а лица у них тоже зеленые, жуть – и достал телефон. Уже пять минут третьего, значит, у мамы в Лапландии тоже наступил новый год.

– С новым годом, сыночек! – после первого гудка отозвалась мама. – Терве[10]!

Стало почему-то одиноко. Лишь бы она была счастлива.

После всех поздравлений (не особенно-то им без него грустно), после всех указаний, советов, закончив звонок – Мур совсем продрог от одиночества. Да, он теперь отделен от них, от мамы, братьев, отчима. Он отдельный. Он другой. Он как дед, невысокий, темноглазый и не больно-то жизнерадостный. Ах да, никакой он не одинокий, у него же есть дед! Да к Муру сроду никто так тепло не относился!

И Долька есть. Долька счастья. Ну, и впереди такая странная, жутко интересная дорога взросления, которую он раньше и вообразить-то не смог бы. Горы, камни. Недра. Всякие тайны…

[10] Здравствуй (фин.)

Он вдруг заметил черную громадную пятерню над праздничной толпой – и чуть не отшатнулся. Это же памятник! Подошел ближе, хотя под коленками немело от непонятного испуга. Огромные, черные, худые советские люди: рабочий, женщина и солдат. Вот они тоже совсем отдельные ото всех, высятся среди фальшивых салютов над пеной новогоднего веселья. Рабочий поднял руку, будто дает кому-то знак. Мур даже посмотрел в ту же сторону, куда рабочий – просто небо, просто город. Там дальше – вокзал. Почему же жутко? Потому что памятник такой нечеловечески огромный? Новогодние человечки внизу вообще глаз на этих «Тружеников фронта и тыла» не поднимают, будто этого памятника в их мире нет, не прогрузился. Мур вздохнул. Это все история. И такая всегда непонятная, будто читаешь книгу с середины и, не успеешь дочитать до конца страницы, как твое время истечет. Мур передернул плечами, отвернулся и зашагал домой. Подумаешь, ночь смены календарей. Что из-за этого философию разводить?

На миг ему показалось, что метрах в двадцати ледяная зеленая девка с ящерицами на подоле только что повернула голову и уставилась на него. Это из-за мороза, что ли? А вон еще одна, подальше, тоже зеленая – смотрит… Мерещится. Ребят в толпе искать ему не хотелось. Да и замерз ужасно: почти минус двадцать, и он написал Денису, что пошел домой. Шел и шел. Мимо большого дома, мимо медведя с натертым носом, мимо масок и канделябров в сквере у театра, мимо витрин магазинов, в которых отражался быстрый, слегка ссутулившийся от холода парень. Невысокий, худой. Да, это я, – думал Мур. – Таким я кажусь людям. Таким же я кажусь Дольке? Я неинтересный. Или она видит во мне кого-то получше, чем я на самом деле? Ну, тогда придется стать кем-то получше… Холодно-то как!

Дед не спал, топил печку. Они напились чаю с медом, с пирогами, и с мороза было так здорово сидеть у печки, молча вдвоем смотреть на огонь и пить чай из старой кружки с нарисованными черными елками. Мур наконец согрелся. Когда начал клевать носом, дед добродушно похлопал его по спине и Мур пошел спать.

По привычке подошел к окну – снега нет, пустота. Канонада фейерверков доносится глухо, как из другого века. Деревья в инее. Стена депо напротив тоже заиндевела от стужи,. Смешно: депо есть, а рельсового пути из него нет… Он посмотрел в сторону лога. Чернота в той стороне была слишком неподвижной, слишком черной. Он забоялся того, что может оттуда вынести – даже если ветром выдует рваный пакет, ему хватит. Или собака, как в тот раз. Лучше даже не смотреть в ту сторону… Все, спать… И уже зарывшись под толстые, прогретые у печки одеяла, уже совсем засыпая, он почти нечаянно сообразил: а вот все эти подземельные дедовы запоры, засовы, замки, решетка, плита на роликах, где «ливневка» – может, это вовсе не для того, чтоб никто не пробрался вниз? Кому это надо, кроме них с дедом? Может, эти все запертые преграды как раз для того, чтоб никто не выбрался снизу?

Каждое утро он, просыпаясь, первым делом лез на Долькину страничку посмотреть, чего там вау, и какое, и чего пишет. Чувства, да. Фотки: коленки, плечики, дольки мандариновые, новогодняя ерунда. Лангет на руке она не фоткала, говорила, что уже почти не болит, вполне терпимо. Пару раз даже спускалась в кофейню на первом этаже ее дома, аккуратненькая вся, ласковая, в изумрудного цвета пальтишке, накинутом на плечи; пальчики трогательные торчат из лангета, который она раскрасила «под малахит». Непохоже, но – зеленое, она радуется – пусть. Она даже пирожное выбирала всегда одно и тоже, корзиночку с зеленой сахарной посыпкой. Пили кофе, целовались в подъезде, потом он спешил к деду.

Мур бы вообще не поднимался на поверхность – но дед выделил ему один из своих компов, и Мур сидел, смотрел лекции по геологии на ускоренной перемотке, замедляясь на сложном, листал справочники или шел с вопросами к деду; часами перебирал камни, разбираясь,

чем отличаются гравелиты[11] от псефитов[12], а лампроиты от кимберлитов[13], а дед учил их распознавать. Мур все ждал, когда ж схлынет интерес к инструментам и к камням, как, например, быстро пропал к картингу или к компьютерным бродилкам, но камни его только больше и больше притягивали. Еще дед записал его в автошколу, и после праздников надо будет туда ходить. И в клуб спелеологов в институт карстоведения, на курсы новичков. И еще по вечерам после школы можно будет ездить в университет на лекции к тем преподавателям, куда скажет дед, на занятия к вечерникам.

– Ты ж хочешь счастья в жизни? Ну так в поход за счастьем надо правильно собрать пестерь, – смеялся дед.

– Что собрать?

– Ну, рюкзак по-старинному. Что, Мурашок, пойдем, поколдуем? Вижу – извелся уж весь.

И они, прихватив с собой бутербродов и термосы, спускались в подвал. Можно было остаться в большой мастерской, можно было подняться в маленькую, которая располагалась на первом этаже малухи, как называл дед меньший свой домик в два окошка. Но в маленькой мастерской все было простое, станки для распила и огранки, к тому ж очень шумные, особенно если включать и вытяжки для каменной пыли. Эта мастерская была, в общем, для отвода глаз. Если закрыть люки, сверху ни за что не догадаться, что внизу хоромы. В малуху можно было и через двор ходить, пилить яшмовые плашки или «яблоки» вытачивать, учись сколько хочешь, и Мур решил, что обязательно научится – но больших камнеобрабатывающих станков пока побаивался. Да и внизу было в сто раз интересней. Сам он пока ни к чему не притрагивался, только смотрел во все глаза. А дед почему-то был этим очень доволен:

– От тех-то, кто за все дуром скорей хватаются, толку не жди, такая примета. Тише едешь – дальше будешь, да, Мурашка?

Ну и рассказывать никому никогда о нижней мастерской, понятное дело, было нельзя. Как будто подземный этаж и все, что наверху, – это два разных мира, которые не должны соприкасаться. Мур даже старался не вспоминать. Вышел – и забыл. И так голова пухнет от геологии Урала.

Доставили присланные мамой через экспресс-доставку его вещи: одежду (прежнюю и новую, которую мама напокупала «для уральских морозов»), школьное барахло, не разбирая, кроме учебников, которые пришлось вернуть в старую школу, она сгребла все в коробку до последней тетрадки, добавив десяток финских шоколадок, плюшевого мумми-тролля и новогодний подарок с конфетами. Она звонила каждый день, рассказывала о том, как они обживаются на новом месте, но на самом деле оба понимали, что каждый такой звонок – это словно проверка: а ты тут? Ты все еще мой сыночек, а не чужой Мураш? Сказала про близнецов:

– Да они места себе не находят без тебя!

Мур сначала не поверил: не так уж дружно они жили с близнецами, но потом дошло. У младших он был так же прочно вписан в картину мира, как папа, мама, солнце и луна, и теперь в этом полотне у них дырка. То-то они все время шлют ему ссылки на всякую ерундовину, фотки финских девчонок или трансляции хоккейных матчей. Но теперь жаль каждую минуту, которая улетала мимо геологии, камней или дедовых рассказов. Может, дед и его к каменному делу как-то приворожил?

До конца каникул оставалось дня три, когда рано-рано утром, еще по темноте, Долька позвонила и сказала:

– А поехали сейчас же на дачу. Вдвоем.

---

[11] обломочная горная порода, сцементированный гравий. Его наличие свидетельствует об интенсивном размыве более древних толщ.

[12] обломочная горная порода с обломками диаметром более нескольких миллиметров, как окатанными (валуны, гальки, гравий), так и неокатанными (глыбы, щебень)

[13] Магматические горные породы, иногда содержат алмазы промышленных концентраций.

Глава 3. Что-то белое

1.

Они выпрыгнули из электрички на маленькой станции со смешным названием «Ергач» примерно в десять утра, когда красное солнце только-только поднялось над далекими макушками леса. Все бело-розовое, студеное, заваленное снегом так, что не понять, то ли крыша домишки, то ли пригорок. А сверху такой бездонный кобальт, что бессмертие хоть откусывай.

Электричка дала гудок и пошла, пошла, набирая ход, сметая с перрона пушистый снежок, и вмиг скрылась за поворотом. Парочка закутанных фигур, сошедших из других вагонов, подхватила баулы и скрылась за розовым, как пряничный домик, зданием станции, и Мур с Долькой остались одни. Долька молча озиралась и ежилась, будто и сама не ожидала такой зимы. На соседнем пути примерз к рельсам бесконечно длинный состав из пустых платформ, за ним виднелись еще белые крыши и заиндевевшие березы. Зима. Какая ж зима. Мур такой никогда в жизни не видел. Да он вообще подобные станции только из поезда видел, размышляя, как тут можно жить. Ну, вот теперь узнает. Он глянул вслед электричке – опять показалась, что сошел по ошибке, отстал. Долька съежилась еще больше, посмотрела большими и яркими, как зеленые планеты, глазищами и чуть виновато сказала:

– Тут у нас не настоящая дача. А так, домик от бабушки остался. Там холодно, конечно. А печку я топить не умею.

Она выглядела испуганной, и Мур наклонился и поцеловал ее:

– Справимся. Дорогу-то найдешь?

– Я тут только летом была… Сейчас все такое… Как под одеялом.

Пахло от нее мандаринками. С минуту они, уронив рюкзаки, целовались, как будто у них уже правда большая-большая любовь. Тишина, темный шелк ее волос липнет к щекам, и зимнее сияние, и… Вдруг Мура по шапке что-то несильно, на излете, стукнуло и заорала какая-то баба:

– …Иш оне чо, развратники, марш вон отседа!

Под ноги с воротника упал кусок сосульки и разбился об лед перрона в мелкие осколочки. А на них неслась черная тумбочка, замотанная сверху в красное и развевающееся. Мур дернул Дольку за себя, а тумбочка затормозила и встала метрах в трех. Оказалась теткой в годах. Посмотрела на куски сосульки в руках, уронила – те звонко разбились. Тетка спросила:

– Ай, чо это я? Робяты? Нашло чо-то!

И стала поправлять красный платок. Мур подхватил со льда рюкзаки, взял Дольку за руку, и они осторожненько обошли тетку, а та все поправляла и поправляла платок. За углом домика станции они переглянулись – и засмеялись, тычась друг в друга. Потом еще поцеловались и наконец огляделись: в этом мире не было никого. Еще бы – в такой мороз!

– Туда, – показала белой варежкой Долька в широкое пространство между заборами усадебок, посреди которого была прочищена неширокая канава проезда. Борта ее приходились им то по пояс, то по плечи. – Ну и завалило, жуть!

– Что, к весне и с крышами скроет?

Разок встретился прорытый отнорок к калитке домика, из трубы которого валил бело-розовый, плотный как зефир дым. Они прибавили шагу. Снег так скрипел под подошвами, что казалось, за ними еще кто-то идет. Мороз жег щеки, пальцы в перчатках щемило. Солнце, низкое, слепило. Волосы Дольки заиндевели у лица, и она все косилась на них, шла осторожно, чтоб не стряхнуть красоту. Они прошли одну улицу, свернули направо и промчались еще по одной улице почти до самой лесополосы, за которой шумела автотрасса. Наконец Долька встала у большой сосны, покрутила головой, отошла назад и подпрыгнула, чтоб увидеть, что там за

краем бруствера. А там, высотой им от груди, лежал нетронутый снег, из которого торчал черный скворечник с синими окошками – будто домик натянул снежное одеяло до самых глаз. Стекла блестели на солнце. Разумно было бы повернуться и уйти обратно на станцию, попить там горячего кофе из термосов, дождаться поезда и вернуться в цивилизацию. Но Мур видел, что Дольку «несет». Всю дорогу она то смеялась, то куксилась, нервничала и телефон у нее был выключен. Может, обидели ее дома, может, еще что, но он видел, что девчонке хочется спрятаться в самой далекой норе – и был рад, что она взяла его в эту нору с собой.

– Проберемся и без лопаты, – у Мура был опыт совместного с близнецами строительства лабиринтов в сугробах. Другой вопрос, что из этих лабиринтов они в итоге выбирались в хорошо протопленную дачу и мама скорей наливала им горяченного какао. – А вон сбоку сарайка, может, там лопата есть. Ты стой пока… То есть не стой, а прыгай, что ли… Не мерзни.

И он снял рюкзак и ухнул через бруствер. Снег оказался мягким, проминался легко, и как же хорошо, что дед велел надеть не ботинки, а валенки… Но в валенки он тоже начерпал, снег ссыпался там внутри до щиколоток, начал, зараза, таять… Мур удвоил усилия, и минут через пять добрался до дверки сарая. Откопал ее, как мог, приоткрыл – только дрова. Метла как для бабы-яги, из прутьев… И лопата, как раз снеговая. Фанерка расколотая, но все лучше, чем ничего. Кое-как он протиснулся, дотянулся, ухватил. В сарае пахло пыльными опилками, сквозь щели солнце втыкало в дрова белые прутья.

Он расчищал тропинку быстро, надеясь, что Долька восхитится тем, какой он сильный и ловкий, и влюбится на самом деле, а когда помог ей перебраться через бруствер, уже стало жарко – а Долька постукивала зубами. Тогда он сунул ей в здоровую руку метлу и велел разметать крыльцо. Вдвоем дело прошло быстрее.

Потом они с трудом – Долька чуть не плакала – нашли ключик за наличником двери. Мур покрутил ключом в ржавом амбарном замке, там захрустело, потом ему пришлось со всей силы эту дверь толкать… Темно, душно, пахнет пылью и сыростью; низкие потолки, окошки с пустыми банками на щелястых подоконниках… На столе разбитая тарелка… Тени в углах… И холодина еще хуже, чем снаружи. Долька как вошла, так и остановилась, обнимая рюкзак. Мур пошарил глазами по углам, нашел электрический автомат, щелкнул тумблером, и над головой у Дольки ожила лампочка цвета мандарина. Мур надеялся, что она разгорится, но та так и осталась мандарином, не особо прибавляя света. Он прошел вперед, заглянул в комнату… Камин! До потолка, закопченный, из простых кирпичей! А на кухне белая стена с железной дверкой – это ж печка!

– Сейчас как все затопим! Я за дровами!

К моменту, когда он с грохотом свалил у печки морозом и пылью пахнущие дрова, то уже решил, что все это романтический квест. И Дольку надо поддерживать изо всех сил, тогда выиграешь ее любовь. И первое задание – скорей ее согреть. Долька взялась помогать, нашла старые газеты, спички. Мур стал делать все, как учил дед: открыл вьюшку, запихал смятую бумагу на колосник печки, настругал ржавым кухонным ножиком лучинок, построил шалашик над бумагой, пристроил сверху два полешка потоньше и, затаив дыхание, чиркнул спичкой. Она только зашипела.

– Отсырели, – Долька чуть не заплакала.

Мур полез в рюкзак за жестянкой от советского монпансье, что сунул вместе с деньгами дед, когда услышал слова: «дача» и «девушка». В жестянке лежали таблетки сухого розжига и всепогодные спички. И дело пошло.

Правда, в трубе оказалась снежная пробка, и они задымили весь дом, пока снег протаял, но помог камин, который Мур тоже скорей разжег. А чтоб не мучиться в дыму, он потащил Дольку разгребать снег как следует, велел ей утаптывать дорожки, раз уж грести не может. И они расчистили нормальную тропку к калитке и за дом, а к сарайке уже сама протопталась – столько раз Мур пробежал туда-сюда, таская дрова и скармливая их камину и печке. Наконец,

тяга выровнялась, огонь разгорелся свирепо, уверенно – только подбрасывай. Дым вытянуло в трубу, но они еще не закрывали дверь, чтоб все как следует проветрилось. Долька разрумянилась, бегая по тропинкам и таская одной рукой по полешку, потом стала подметать в доме, потом пристроила на плиту кастрюлю со снегом, чтоб таял. Через полчаса они закрыли дверь, придвинули круглый стол поближе к камину и сели пить кофе из термосов. Стало можно снять куртки. Стол Долька накрыла «бабушкиной», вышитой петухами скатертью. Бутерброды, печенье, новогодние конфеты! В окна заглядывало солнышко, блестело на конфетных фантиках, бликовало на расписном Долькином лангете. Огонь трещал. Жизнь налаживалась.

Вдруг приблизился и накатил шум поезда. Грохот и вой. Домишко задрожал, задрожали конфеты на столе, даже огонь в печке задрожал и ухнул. Казалось, поезд мчится сразу за этой стеной в выцветших советских обоях. Через минуту стихло. Долька пожала плечами.

– Ночевать будем? Мы вообще насколько? – осторожно спросил Мур.

– Как пойдет, – буркнула Долька. – К школе вернемся… Понимаешь, эту дуру упрямую из больницы забрали, и теперь житья никому нет… А родители тоже, как будто я виновата, все нудят, типа, «ты старше, ты пойми, у нее вся жизнь поломалась вместе с ногой, ты потерпи!»

– Как она вообще?

– Да нормально. Только нервы мотает всем. И молчит все время, молчит! Пиявка!

– А почему жизнь сломалась?

– Да у нее через день соревнования какие-то решающие в Москве должны были быть. Ну, по фигурному катанию. Папа столько денег вложил. Да и она сама утром и вечером, чуть ли не сутками, на этих тренировках, ее и дома не видно было, на школу почти забили, лишь бы каталась, лишь бы медальки, все для нее – и тут вот оно…

– И что, потом вообще нельзя кататься? Заживет ведь все?

– А зачем без призов кататься?

Мур удивился:

– Нравится, вот и катаешься.

– Это «нравится» денег дофига стоит. В большом спорте – теперь не догнать, нет. Все вложения обнулились. Папа бесится. А мама говорит, может, и к лучшему, а то и так она у нас ненормальная, дура упрямая, одни коньки в голове были.

– А она хорошо каталась?

– Очень, – помолчав, сказала Долька. – Тренер чуть с ума не сошел… У него-то тоже перспективы обнулились. Такие девчонки, как Галька, говорит, почти не попадаются. Ну… И все меня винят. Типа на кой мне сдалась эта Егошиха, хвостом перед тобой крутить…

– То я тоже у них виноват?

– Умом-то они понимают, что нет. А виноватых ищут. И Гальку жалко, и себя. Не могу больше их терпеть… Вот я… И сюда… Давай пересидим… Хоть пару дней.

– Ты им только напиши, чтоб с ума не сходили.

– Ты… Ты согласен?

– А чего б нет?

– Ну… Тут так… Бедно… – кажется, она собиралась заплакать. Это его-то веселая, самоуверенная, ласковая Долька! А может, у нее ко всему прочему и рука болит? – И железная дорога грохочет…

– Долька, а тут еда есть? – деловито спросил Мур.

– Откуда…

– Тогда пойдем в магазин! Гречка, молоко, все такое. Тут смотри как уютно. Бутербродов наделаем, топить будем, истории рассказывать. Поезда слушать! Всегда мечтал ощутить, как люди рядом с железной дорогой живут! Долька! Все нормально будет!

– Денег нету…

– У меня есть!

Мур хотел, чтоб Долька успокоилась. А то какая же романтика. И младшую сестру ее жалко. Мур сам лет до одиннадцати ходил на каток, вернее, его водили вместе с близнецами, тех на хоккей, а его на фигурное, потому что в хоккей таких козявок, как он тогда, ручки-прутики, не берут. И кататься он очень любил просто так, не ради кубков, хотя какие-то детские, полуигрушечные, где-то валяются… А бросил потому, что в классе прознали и высмеивали, хи-хи, девчачий спорт. Да и отчим тоже поддразнивал. Может, если бы характера хватило никого не слушать, катался бы и катался. Или если бы он больше любил лед… Да нет, правда, конечно, в том, что и в фигурном катании он ни на что не годился. И характера потому что никакого нет. Так что не стоит Дольке рассказывать. Но вот на каток как-нибудь можно с ней сходить. Вдруг еще не разучился.

– Ну чего ты сидишь, – ласково сказал Мур. – Не реви. Пойдем за гречкой. А потом устроим автономное плавание.

На улице сиял мороз. И ни единого человека не видно, ни единого дымка из трубы. Домик стоял на краю деревухи у самой лесополосы, и дальше дороги не было: снегоочиститель развернулся у большой сосны, сгрудил отвалы, а дальше ему незачем. За елками шумела большая дорога: сквозь елки видно непрерывный поток фур, бензовозов, машин.

– Сибирский тракт, – сказала Долька. – Всегда шумит. Туда – Екатеринбург, Сибирь, Азия. А туда, домой – Пермь, Москва-Питер, Европа. Отсюда уже недалеко, наверно, до разделителя этого, Европа-Азия. Да, и железная дорога тоже вон, за домом, рукой подать. Шумно, да?

– Ну и что. Город тоже всегда шумит.

И они пошли по снежной канаве улицы обратно к станции, где видели магазин. Какие ж все-таки сугробы! Везде по пояс будет, а то и по шею. Мур вел Дольку за руку. Хотелось целоваться, да и Дольке, в общем… Они встали посреди улицы, приникли друг к другу. Через Долькино плечо он мельком увидел бело-черно-зеленые, мрачные лапы елок – с которых сыпался мелкий-мелкий сверкающий иней. На миг он образовал на фоне хвои словно бы фигуру женщины с длинными волосами. Ветерком иней понесло в их сторону, и показалось, что женщина тянет к ним руки. Иней празднично поблескивал, но Мура почему-то охватила жуть.

– Идем скорей!

Людей по-прежнему не было, расчищенных тропинок к домам – тоже. Жутковато. Около магазина стояла вылепленная из снега, облитая льдом грудастая Снегурочка в криво напяленном кокошнике из зеленой, остро сверкающей на солнце фольги. А может, не Снегурочка, а Хозяйка из горных, кто их разберет. Все равно красавица. И вокруг нее тоже, как фата, кружился посверкивающий иней. Рядом кто-то воткнул в сугроб стройную, еще совсем свеженькую елочку в обрывках мишуры.

– Уехали и выкинули, чтоб в доме не осыпалась. Да и вообще всем проще в гостиницы, наверно, чем печки топить, – на самом деле у Мура после взгляда на снежную грудь ледяной красавицы мысли были совсем не о елках. Ладонь, в которой была Долькина рука, обжигало. – Это мы с тобой как отшельники.

– От нас, наверно, дымом воняет.

– От тебя воняет только счастьем!

В магазине Мур накупил всего-всего, чего хотела Долька, хотя ничего особенно вкусного в безлюдном магазинчике не было. Но Мур и в городе в кофейне всегда ей покупал все, на что покажет пальчиком с зеленым лаком. Пакет получился таким тяжелым, что по дороге было страшно, вдруг порвется. Зато Мур не замерз. Даже забрал у Дольки пятилитровую канистру с водой.

По дороге все казалось, что кто-то смотрит в спину, он даже пару раз оглянулся – никого. Только на ледяной красотке далеко позади кривой зеленый кокошник шевелился от ветерка, переливаясь и так бликуя, что глаза будто укололо зеленой искрой.

Дом выстыл. Печка прогорела, а вьюшку Мур забыл закрыть. Пришлось начинать топить заново. Вместо того, чтобы целоваться, а дальше… Он стал бояться, что это «дальше» все так и будет откладываться. В общем, он и не знал, как помочь делу. Это вчера или утром на платформе поцелуй был целью, теперь следовало бы двигаться к следующим целям… Больше бы настойчивости. Больше бы характера. А то Долька подумает, что он слабак… Но он стеснялся: как это, вот просто взять и начать раздевать девчонку? Так что, может, он втайне и рад был тому, что забыл закрыть вьюшку. Трус бесхарактерный.

Так что он притащил дров к камину, сложил их на теплой золе, поджег бересту, стало дымно – но горькое утянуло в камин, жар от огня щедро пошел в комнату и теплом дотянулся до притихшей Дольки, и она сняла куртку. Уютно затрещал огонь. Как же тут хорошо. Домик да, старенький, но такой уютный. Радуется, наверно, что они приехали и разбудили… Когда Долька вышла на улицу, он взял со стола пару конфет и печенье, положил на блюдце и задвинул в подпечье:

– Не сердись, прими угощение, Суседушко, мы к тебе в гости.

Газа в баллоне не оказалось, и гречневую кашу и сосиски они варили на печке. Долька пофоткала огонь в камине и тарелки с советскими цветочками и вроде бы немножко успокоилась. Поели с гречкой всяких вкусняшек, попили чаю из громадных, «бабушкиных», черных с розовыми пионами чашек, которые Долька нашла в серванте. За стенкой снова накатил грохот поезда – чайные ложки тихонько зазвенели, чай задрожал в чашках. Мур огляделся, отыскивая романтику. Нету. Просто грустные, покинутые вещи, оставшиеся от незнакомой одинокой старушки. Они бы и уснули навсегда, все эти чашки-стулья-коврики-тусклые картинки на стенах, да поезда не дают. Наследники выкинули мелочи, оставили, что получше, чтоб было где присесть, если уж приехали, но выглядит все уныло. Он впервые подумал, что Долькина идея с дачей – так себе. Почему предыдущие поколения устраивала нищета? Или не устраивала, но они ничего не могли, только вот, домики-скворечники? Топят они с Долькой печку и камин, топят, а все равно как-то промозгло. И за окнами почему-то потемнело.

– Ой… – прошептала Долька, таращась в окно.

– Что?

– Там… Что-то белое убежало! – она прижала больную руку в лангете к груди и обняла ее, как куклу.

– Птица, может, нет тут никого… Ты чего так испугалась?

– Показалось, наверно…

Мур встал и выглянул в окно: наползли тучи. Надо в печку подкинуть дров и в камин. Домик еще греть и греть.

– Наверно, сейчас снег пойдет. Долька, пойдем, надо еще дров натаскать, и воды нету, чтоб посуду мыть и вообще. Сейчас, пока печка топится, надо еще снега натаять.

Небо висело низко. Все стало серое. Как будто морозное и солнечное синее утро было в другой жизни. Пока Мур таскал дрова, которых в сарайке не так и много оставалось, Долька у крыльца миской набивала цинковые ведра снегом, и даже одной рукой у нее получалось хорошо, правда, то и дело она втыкала миску в снег, и рукой пыталась убрать под шапку волосы – а они опять выскальзывали. Временами она выпрямлялась и с подозрением смотрела за забор и по сторонам. Муру и самому мерещилось, что кто-то за ними наблюдает.

– Ты родителям позвонила?

– Не хочу. Написала маме. Но не сказала, что мы здесь, а то папа как примчится, разорется. А потом еще у меня за бензин из карманных денег вычтет. Ну его.

У Мура холодок пробежал по шее сзади. С папы Богодая станется не только разораться. Он подумал, что за эту поездку еще придется отвечать. Но говорить Дольке ничего не стал, а то еще подумает, что он трус.

Он огляделся. Забор, деревья, снега. Тихо, будто толстым одеялом накрыли, и как-то муторно. Странно все ж быть совсем одним в деревне. А может, они и не одни, просто кто-то сидит себе в доме, не высовывается. Сосед такой. Но дыма-то вон нет над крышами? А может, у него электропечки какие. Или топил, когда они не видели. Кто же это смотрит на них? Или кажется? В соседнем доме окна слепые, занавески задернуты; дальше – вообще ставни закрыты. Какая все-таки глушь. Отсюда и не поверишь, что есть город, метро, катки, кофейни, острый отблеск солнца в Фонтанке… Какое метро, какая Фонтанка? Он на Урале. Кама до весны под белой толщей льда, а из маленьких речек он видел только черную Егошиху подо льдом тогда в логу.

Опять начал приближаться шум поезда, и Мур побежал за дом, чтоб посмотреть. Со стороны станции вывернул электровоз и стремительно попер мимо вагоны, вагоны, вагоны. Дальнего следования, скорый, так мчится, что лиц в окошках не разглядеть.

– «Урал», – сказала Долька. – Из Москвы, пустой почти. Я тоже хочу в Москву. Ты был в Москве? У вас же там рядом.

– Был. А в Петербург давай на весенние каникулы поедем? Хочешь?

– Очень хочу, – Долька подошла и поцеловала его.

– Значит, поедем, – Мур тоже стал ее целовать, но очарование почему-то не наступило.

У него возникло тягостное чувство, что Долька лепит все их отношения ради того, чтоб он позвал ее в Петербург. Хотя какая разница! Да хоть в Москву, хоть в Хельсинки, хоть в Сидней! Мир большой! Долька же красивая такая. Зеленоглазая, как весна. Хотя… А какие у нее глаза на самом деле?

Закружились первые снежинки. Через минуту повалило так, будто мешок с пухом распороли прямо над домом, и они ушли на крыльцо. Стояли, смотрели. Снег падал и падал. Мир исчез.

– Завалит… А темно как. Вроде же еще не поздно?

Мур посмотрел на часы и не понял, куда ушло время. Он заметил, что калитка открыта – разве они не закрыли? Захотелось закрыть, хотя кто тут может прийти? Да и кого она удержит? Он все-таки прошел по глубокой, выше пояса, дорожке, закрыл калитку. Заметил, что снаружи у калитки на их следах сквозь пухлые снежинки что-то поблескивает зеленым – кокошник с ледяной красавицы! Ветром придуло, что ли? Подбирать не стал, пошел к Дольке. Она на крылечке сиротливо прислонилась к столбику, и он, подойдя, скорей ее обнял. За домом снова потянулся поезд, длинный неторопливый товарняк, на этот раз из Азии в Европу, с лесом, с цистернами мазута и нефти, и звучал глухо – только дрожь отдавалась через перила крыльца.

– А раньше еще больше поездов скорых ходило. Я помню… «Сибиряк», «Томь», «Байкал»… Бабушка по ним жила, как по часам. Самая красивая была «Кама», из Перми в Москву, голубая такая, мы один раз на ней ездили, только еще до Гальки, я маленькая была. Но «Кама» не тут ходила, а в другую сторону от Перми, по большому мосту…

Нельзя, чтоб она грустила, как старушка, и он повел ее в тепло. В доме все равно пахло сыростью, было душно. Ок, если Долька скажет: «Поехали в город», то и поехали. Он проверил баланс на карте: на билеты хватит. Но Долька не говорила про город. Помешала, чтоб снег быстрее таял, талую воду на плите, правда, сначала от ведра отшатнулась, потом долго недоверчиво смотрела в воду, Мур и сам посмотрел: под слоем воды с мелким сором – дно с осадком песка. Не из колодца ж. А она как водяного увидела. В общем, надо развлекать. Погулять снова? А на улице снегопад, небо низкое, темное, и…

– О-ой, – жалко сказала Долька, пятясь от окошка. – Там опять. Белое. Пробежало.

– Зайцы, наверно, – махнул рукой Мур. – А тут пусто, они и обнаглели.

– Ну, может, и зайцы… Блазнит, что ли?

– Блазнит?

– Мстится.

– А?

– Мерещится.

– Да снег просто… Надо посуду помыть, – Мур вытряхнул остатки снега в ведро на плите. – Пойду еще принесу, пусть тает.

– Там темно… Я с тобой!

– И правда темно… Ты темноты боишься, бояка?

– Нет! Боюсь, вдруг кто-то белый снова заглянет!

Мур включил свет на веранде, на крыльце и в сарайке, осветив дрова и лопату с метлой, но яркие квадраты на снегу и сияющие окошки дома делали тьму вокруг только страшнее. Далеко-далеко по улице сквозь метель светил желтой точкой фонарь.

– Странно, что фонари не горят. Тут у нас вон тоже столб, видишь, и у соседей вон…

Долька не ответила, мрачно глядя на хлопья снега во тьме. Эта снежная темнота стеной стояла сразу за квадратиками света. Он в такой косой шахте света у крыльца миской как можно плотнее набил цинковое ведро снегом. Наверно, в темноте далеко видно их мандариновый, веселый свет из окон. Уже стемнело. Хотя кому смотреть, кроме машинистов… А вдруг кто в самом деле подойдет по расчищенной тропке и заглянет… Тут деревенским скучно же в снегах зимовать… А они с Долькой за грохотом поездов и шумом тракта и шагов-то не услышат.

Входя, заметил в сенях на лавке большой пластиковый контейнер со свечками и обрадовался, как ребенок:

– Долька, смотри! Мы сможем побороться с тьмой!

Долька заойкала, нахватала полные руки свечек и давай их резать, по банкам распределять, капала парафином, приклеивала. Кухонька озарилась трепещущими огоньками: какие рефлексы! Какие блики! И все эти сияющие банки из голубоватого советского стекла, тесно составленные на кухонном столе, наполненные пляшущим рыжим светом, волшебными фасетками отражались в зеленых Долькиных глазах. Она грела над ними пальцы, улыбалась, смешно сдвигала бровки, прилепляя очередную свечку к дну банки; потом фоткала все это, потом расставляла по комнате, даже вынесла на крыльцо и на тропинке штуки три поставила, опять фоткала и сияла сама, как свечечка. Мур подбросил дров в камин, натащил к нему старых одеял и подушек, прилег, стало жарко, Долька прикорнула рядом, сняла свитер…

2.

Мур проснулся от грохота поезда. Время было ночь. Темнота. Поезд прошел, и стало слышно тишину. Потом донесся гул большегруза с тракта, и опять все стихло. Снилась, он еще помнил, какая-то пафосная дурь: будто он, как ангел смерти, реял вдоль черной Невы, которая Лета, на вороном коне, и мановением длани расставлял по берегам порталы между тем и этим светом, снаружи украшая их греческими портиками, как требовал того архитектурный режим Санкт-Петербурга, а внутри втыкал богов утешения по выбору заказчика. И приснится же. Сроду такого не видел. Может, после геологического надо на архитектурный идти, чтоб знать, как из камня строить грандиозные шедевры? Не сидеть ведь всю жизнь в дедовом подвале за мелочами…

Как холодно. Он опять забыл закрыть вьюшку. В трубе тихонько воет. Как они уснули, почему? Мур ведь спать не хотел, он хотел совсем другого, того, которое «дальше»… И уснул. Кажется, они даже не целовались. Долька точно подумает, что слабак. Свечки еще кое-как мерцали, пахло парафином, камин давно прогорел, комната выстыла. Пол ледяной. Долька рядом съежилась под кучей одеял. Ее вон тоже сморило. Надо перенести ее с пола на кровать, и снова печку топить. Есть хочется. И пить. И… Мур пересилил себя, встал; первым делом закрыл вьюшку над камином – в трубе смолкло; зевая, вьюшку на кухне, наоборот, открыл; натолкал в печку полешков, подсунул растопку, запалил; печка дружелюбно загудела. Он налил в эма-

лированный чайник воды из канистры, пристроил его на железный лист в нише над топкой. Такая плита, да… А гречка где, а колбаска?

– Ай, – чуть слышно выдохнула Долька в комнате. – Ай, Мурчик! Там! Она шевелится!

Мур вбежал к ней и сунулся к окошку. Посреди двора прямо на дорожке торчала ледяная статуя, облитая луной, как сахарной глазурью, от нее к дому по дорожке тянулось синее копье тени. В этой тени, у самого подола ледяной красавицы, в стеклянной банке слабо мерцал огарок. А как только он потухнет… Надо успевать… Руки тряслись. Низко на небе, как выход из тоннеля, зияла белая луна. Все было недвижно; блестел снег. Мур, выдираясь из оцепенения, оглянулся в теплую темноту: Долька стояла у камина, кутаясь в дрожащее одеяло. Даже если им обоим блазнит – зачем, чтоб девчонка боялась? А еще вроде бы нельзя на снеговиков ночью из окна смотреть…

И вдруг дошло, как обухом по лбу: откуда она здесь? Красавица эта ледяная от магазина? Сама пришла? Ага, за зеленым кокошником.

Мур набрался храбрости, накинул куртку; взял в сенях штыковую лопату в присохшей неизвестно с какой осени земле, вышел наружу: свежий, чистый снеговой холод. Посмотрел на красавицу – очень красивая. Лицо как из мрамора выточено. Может, правда из Горных девок? Кто ж знает, какие они на самом деле и что могут? Но где Ергач, а где горы… Ой. Ой, мама. А ведь через станцию отсюда – Кунгур. А там эта знаменитая пещера… Ледяная.

Так, только не смотреть ей в лицо. В мозгу зудели стишки: «Раз, два, три, четыре – ай! Слышишь счёт мой? Убегай… Если ты не убежишь, я убью тебя, малыш…» Ох. Чушь-то какая. Ломая наст, подошел и на те же, из стишков, «раз-два-три-четыре» порубил хрусткую красавицу на рассыпающиеся как сахар куски. Башка откатилась кочаном, злобно уставилась белыми глазами. И вдруг раззявила рот и сказала:

– Пппыыыхххх…

Повалил пар, снежная маска, распадаясь, проваливалась в никуда – это Долька сурово поливала ее кипятком из чайника. Потом полила место, где она стояла – пар облачком, кривясь, тараща дыры глаз, окутал Дольку – она замахала руками, чихнула – и растаял. Долька еще раз чихнула.

Потом сходила в дом и вынесла еще банку со свечкой, подпалила, поставила у крыльца. Принесла еще, и Мур помог расставить банки на дорожке. Огоньки жалко мерцали во тьме. Но вон тот огарочек – он же справился? Остановил? А если бы Мур вовремя не проснулся?

Снова Мур проснулся, когда уже светало. Снилась опять дрянь, будто стоят они с Долькой в сквере у Зимнего в очереди на черную карусель без лошадок, дощатый, затоптанный, плавно вращающийся круг – там, где в нормальной жизни был фонтан. Люди, суетливо ступив на черные доски, тут же исчезают… Долька тащит его туда за руку, а он упирается, не хочет.

Тяжелый сон. Тоскливый. Мгла и печаль. Где-то он читал, что снеговики или всякие снежные тролли могут насылать страшные сны. Но ведь он сломал красотку? Долька, притиснувшись, посапывала рядом. Ненаглядная. Только прохладная какая-то, замерзла? Он скорей укрыл ее вторым одеялом. Как бы не заразить ее своей тоской. Опять просочились стишки: «Темный дом стоит в бору, я уже к тебе иду…» Тьфу. Мур с детства знал, что, если посмотришь в окошко на утренний свет, сразу все ночное развалится, растает… В окно смотрела белая харя.

И тут же он понял, что это язык из снега, наметенный пургой на стекло. Но ведь смотрит же, смотрит. Следит за ними. Он тихонько встал, чтоб не разбудить Дольку, задернул занавеску – пусть снежная харя смотрит на вылинявшие цветочки. Пошел на кухоньку умыться у рукомойника.

Какая талая вода все ж противная, скользкая какая-то… Уехать? Что тут делать? А вдруг еще припрутся какие-нибудь ледяные буканы? Так и с ума недолго съехать. И вдруг подумал

странную, взрослую мысль: он просто человек, молодой парень, и он не бессмертный. А жизнь когда-нибудь кончится. Сейчас – к вершине, потом – под уклон. Жутко думать об этом, но это так. Почему взрослые делают вид, что смерти нет? Если ее нельзя избежать, то не умнее ли делать вид, что ее нет? Но все о ней помнят, и, наверно, настоящая любовь – это вместе делать вид, что смерти нет? Жалеть друг друга и беречь?

Тогда надо уезжать. Он посмотрел в комнату на кровать, где под ворохом одеял съежилась Долька. Будто почувствовав взгляд, Долька зашевелилась и села. Мур хотел спросить, что это было ночью, и могут ли горные девки вселяться в ледяные скульптуры, но вовремя прикусил язык. Долька сидела в одеялах какая-то выцветшая. Меж бровей хмурая складка, и взгляд ошарашенно растерянный. И в окошки все поглядывает. Может, это все из-за него? Может, она думает, что Муру тут плохо, потому что тут все так скромно, бедно, думает, что он хотел дворец?

– Долька, я тебя люблю, – громко, ясно сказал Мур. – Что делать будем? Хочешь остаться – останемся. Нет – поедем.

– Поехали в город, – прошелестела Долька.

Ночью, защитившись от тьмы банками со свечками, они опять топили камин, и Долька все болезненно жмурилась – Мур заметил, что белки глаз у нее вокруг линз ужасно покраснели, от дыма, наверно, и уговорил ее линзы снять и промыть глаза хотя бы заваркой. И теперь она, наверно, стеснялась, что смотрит на Мура глазами не волшебно-зелеными, а обыкновенными, светло-серыми, совсем как у ее сестры Гальки. Глаза как глаза, только непривычно светлые. И еще рука у нее, наверно, болит в этой зеленой с разводами скорлупе. Может, чаю попить? Но бутылка с питьевой водой из магазина опустела, а при мысли о том, чтоб попить талой воды, Мура едва не вывернуло. Может, на вокзале есть кофейный аппарат? Кое-как они собрали остатки еды в рюкзаки, немного прибрались. Долька что-то замешкалась, и Мур один вышел на крыльцо. Холодно. Пахло снегом. Налетел ветер, бросил в лицо колючую смесь микроскопических ледышек и инея – Мур уткнулся в воротник куртки, чтоб только не вдохнуть. А Долька, только что вышедшая, чихнула, потом аж закашлялась; у Мура потемнело в глазах и показалось, что Долька растворяется, как пар… Чушь какая. Морок. Блазнит. Мстится. Мерещится. Да что ж это за чертовщина такая? Он дернулся и, нервно погрохотав замком, схватил Дольку за руку и потащил к калитке. Закружилась голова, а внутри все немеет от холода… Он перепрыгнул банку с огарком и то место, где валялись куски ледяной красотки. Все равно вода останется водой, она бессмертная, хоть снег она и лед, хоть вода, хоть пар. Растают весной эти куски, вода испарится, полетает в облаках, прольется летними дождями, снова испарится, а новой зимой те же молекулы выпадут снегом и, может…

Кофейного аппарата на вокзале не было. И вообще он был заперт, а расписание на стене гласило, что электричка на Пермь ушла час назад и следующая будет только в середине дня. Зато в другую сторону будет через пятнадцать минут. Долька провела грязной белой варежкой по расписанию и опять свела бровки. И вдруг лихорадочно засияла:

– Мурчик, ты лучший из всех парней на свете; давай… Знаешь что, путешествие с тобой куда угодно – мечта всей моей жизни! – она окинула его странным быстрым взглядом. – Я должна поздравить саму себя с безукоризненным выбором! – Долька вдруг попятилась, потрясла головой, потерла лоб. – А в город не надо. Каникулы еще. А, Мурчик, милый, давай в город не поедем еще! Поедем в Кунгур! Он этот… Город-музей, вот! Давай? Что нам в город, где нам там встречаться? Квартирку снять? А тут и покатаемся, и… Там базы отдыха везде, а еще гостиница «Сталагмит»!

Мур смутился. Денег мало. Долька как прочитала его мысли. Вытащила телефон:

– Ну, я за добычей… Мама? Мама, да все со мной в порядке. Все хорошо. Я же написала. Я в Ергаче на даче. Мы. С Муром. Мама, если ты будешь на меня орать, я выключусь совсем. Мама, подкинь мне денежек на еду и все такое, пожалуйста. Да все в порядке, просто, ну,

каникулы же… Да, мы хотим в Кунгур… В музей, и в пещеру еще… Спасибо… Папа? Со мной все в порядке. Нет, я не сбегала из дома. Нет, не планирую. Нет у меня никаких обид. Все со мной хорошо. Папа, я большая девочка. Я сама его пригласила. И у нас все в порядке. Сейчас съездим в Кунгур и к вечеру вернемся. Еще не знаю, куда, в Ергач или домой. Папа, добавь мне денежек, а то я боюсь, что на билет не хватит. Спасибо, пап.

Неужели это его Долька – такая четкая и жадная? Долька спрятала телефон и улыбнулась:

– Не хочу в город. Хочу тебя всего и насовсем, – и снова она улыбнулась, чуть заметно тронув язычком губу. Мура встряхнуло. Ее, впрочем, тоже, будто она сама не подозревала, что умеет тааак. – Знаешь, я бы прямо сейчас… Но давай уедем подальше. Поцелуй меня!

– С тобой – хоть на полюс, – поцеловал он прохладные, будто не Долькины, губы. – Ну, в Кунгур – так в Кунгур.

Подкатила, свистнув, электричка; они запрыгнули в вагон – народу почти нет – уселись у окон, когда пейзаж за окном уже стронулся, поплыл, ускоряясь. Приникли к стеклу, выглядывая домик – и вот он, край поселка, и вот синие окошки из-под белой крыши. Неужели ночью все это правда было? Огоньки свечек в банках и ледяная жуткая красавица, что сама пришла?

Наверно, Мур на заснеженных улочках Ергача где-то пропустил поворот к реальности. В голове мгла и бледные Долькины губы; лишь в кратких размывах ясности скачут испуганные мысли: зачем им в Кунгур? Что это такое с Долькой? Что вообще не так и почему страшно? Но стремительное движение поезда, стук колес, черные елки, бегущие снаружи, не давали подумать о непонятном. И теперь он ехал и ехал, зачарованный черно-белой зимой за окнами. Долька иногда придвигалась, и холодный, как замороженные ягоды рот мягко трогал щеку, висок и – если урывком к ней повернуться – губы. Мерзнет, что ли… Он тоже мерз. Но все же храбро скрывал озноб под улыбкой. Он счастливчик, потому что у него есть Долька. Но внутри копилась странная, тоскливая стужа.

Как много леса за откосом насыпи. Черного, не людского. Нечего человеку делать зимой в лесу. Природе человек вообще не нужен, она с ним борется, как иммунная система с раковой клеткой. Вон там под елками снегу под горло, провалишься и все, рой берлогу и спи до смерти вселенной. Причем и снег, и елки, и застрявший в зиме весь мир вовсе не враждебны – они тупы, как вся природа, и заняты собой. Какие страшные и черные елки. Они растут, падают, гниют и снова вылезают из земли, которая бесконечными промерзшими пластами лежит под тяжелым снегом. Бессмертие такое у елок. И у земли и снега. У людей бессмертия нет. Из земли они лезут только в глупых фильмах.

От усталости и стресса немного тряслись руки. Мур потер лоб. Что это за мысли такие ужасные, и откуда они лезут – но раз пришли, значит, есть основания?

Он посмотрел на Дольку: холодное белое лицо с презрительно полузакрытыми глазами, губка чуть приподнята в неживой улыбке, обнажая край зубов. После смерти зубы у человека долго-долго будут выглядеть, как при жизни. Ничего не останется: ни щек, ни глаз, ни даж следа плоти, все сползет черной слизью, станет землей – а зубы обнажатся. Почему оскал черепа называют улыбкой?

Краем глаза он заметил, что Долькины пальцы как-то беспомощно, чуть заметно, скребут по джинсовым коленкам. А может, в Дольку вселилась какая-то снежная жуть, какая-то горная девка, и она сейчас, Долька настоящая, стиснута там внутри, заперта в темном углу, заморожена, и все, что может – жалко скрести пальцами… Чушь какая. Меньше надо хорроров смотреть. Он закрыл глаза. И вроде бы даже задремал. Снилось опять что-то черное. Как земля. Он силой выдрался из дремы. Долька механически улыбнулась. Она, кажется, даже не шевельнулась за все время, что он дремал. Что делать-то? Белая какая вся, даже в тепле не согрелась.

Скоро замелькали панельные дома, крыши и щиты с рекламой – Кунгур. На вокзале, схватившись за ожегший холодом поручень двери, Мур как проснулся. Снаружи все тот же свирепый январь. Знобит. И небо опять как серый войлок и еще все темнеет, того гляди, снег

пойдет. Тяжелая голова. Мутит. Как мерзко пахнет городом: бензином, людьми, супом из форточек. Обшарпанные какие-то домишки, все под снегом, как под одеялом. На улице Долька прильнула опять – и ледяной поцелуй ее тоже пах бензином. Ой. Кто это рядом? А он и забыл, что у него тут девушка… Никогда раньше Долька не казалась такой бесцветной и будто бы чужой. Он одернул себя: это же Долька!

– Может, ну их, музеи? Посидим на вокзале и домой.

– Нет уж. Пойдем, пройдемся. Или зачем мы сюда ехали?

Они, держась за руки, пошли куда-то вперед, мимо почты, мимо небольших домиков, мимо магазина автозапчастей. Улица впереди выворачивала на мост через реку. Мур прочитал синий указатель: «Сылва». Куда их занесло и зачем? Сил додумать мысль не было. В глазах – черный снег. По улице редко проезжали машины, шли тетки с пакетами из магазина или с детьми, девушки парами, мужик с ящиком для инструментов. Он смотрел на них как из-за стекла. Они там, а он – здесь, с тихой, как мертвая, Долькой. Он притянул ее к себе, стал целовать – вроде ожила, ответила. Зашипела мимо проходившая бабка, и Мур отпустил Дольку, но покрепче взял за руку. Подумал, что еще один поцелуй с Долькой – и он навсегда перестанет быть собой. Почему-то поверилось в это легко. Но ведь чушь?

Ой. Он опять будто проснулся. Оказалось, из-под ног в полуметре уходит откос вниз, с крутого берега в далекие прутья торчащих из снега кустов вдоль серого полотна льда. Мур отшатнулся. Даже голова закружилась: и угораздило остановиться на краю, в пустом двухметровом промежутке между перилами моста и ограждением для пешеходов. Прошел вперед, к перилам, посмотрел: с моста открывался черно-белый пейзаж. Все как нереальное. Какой-то ужас стыл в этой белизне реки и черноте лесов под серым небом. Торчащие по холмам вокруг елки казались хребтами обглоданных ящеров, и Мура замутило от бесконечности равнодушного пространства. И вдруг смысл этой бесконечности проткнул его ум сухим, растопыренным остовом елки, с которой ссыпалась последняя рыжая хвоя: в пасмурном просторе, на высоком мосту через скрытую мертвым льдом реку, видно во все стороны и предельно ясно, что ты жертва, ты обречен. Ящеры вымерли. Люди тоже умрут все.

Разве это его мысли? Кто это думает такое в его пустой голове?

Долька перегнулась через перила и смотрела вниз, и отсвет серого пространства делал ее лицо совсем неживым. Мур оттащил ее от перил, обнял, как холодную куклу, и они долго стояли вплотную, почему-то не целуясь. Он заметил, что облачка пара от его дыхания тут же вдыхает она. А ее дыхание, остывшее, вдыхает он. И потому так холодно внутри. Он чуть отодвинулся. Но вдруг Долька навсегда останется мертвой, даже если будет казаться живой?

– Нам нужен мост повыше, – сказала Долька, покосившись за ржавые перила. – Через Каму. Он громадный. Поехали в Пермь.

– Зачем нам мост?

Долька не ответила, пошла назад, к вокзалу, и ее рука, вцепившаяся в пальцы Мура, стала похожа на клешню скелета. Ершиком встали волосы сзади на шее, в животе все смерзлось в острые ледышки. Похоже, это правда не Долька. А кто-то внутри Дольки. Бросить ее, убежать? Но куда Долька тут? С черт знает чем внутри? Что делать-то? Голова мутная, воли нет, и промерзший насквозь Мур шел послушно, забыв про мост: надо в поезд, потом ехать… И это тело что – все, что осталось от Дольки? Потому что настоящая Долька в жизни бы не стала вот так играть задницей, она целоваться-то еще вчера толком не умела…

А сколько времени? Такая темень то ли вокруг, то ли в уме… Мур неуклюже обогнул дорожный столбик из рядка, отделявшего проезжую часть от тротуара, через силу пожал как будто чужие пальцы, остановился:

– Стой. Что-то не так. Что-то совсем не так.

– Какой ты сильный, малыш, а? – с досадой сказала она.

– Я не пойду ни на какой мост, – сказал он в белые глаза.

– А я пойду! Отвези меня туда!

Если в Перми черт знает что в облике Дольки затащит их на мост через Каму… Мур представил железнодорожные фермы высоко над черными промоинами в белом полотне широкой-широкой реки, пар дыхания, который там, на высоте, выпьет из него Долька, и его слегка затрясло. Долька же боится высоты. А тварь в ней – нет. И угробит их обоих… Долька выдохнула холод ему в лицо, и что-то в его мозгу сладко зашептало: как же Долька красиво полетит вниз, на лед, а то и прямиком в черную, дымящуюся промоину, и жалкий последний парок, что вырвется из их легких, смешается с паром от воды, и… Что это рычит?

И что, жить Дольке или нет, решит какая-то нереальная дрянь? – рванулся из этого морока Мур. Долька шла к вокзалу и тащила его за собой, как теленка. Он уперся было, даже схватился за столбик ограждения – но тут двигатель взревел уж совсем близко, раздался удар, звон, треск и лязг, кто-то истошно заорал, мимо пролетел погнутый столбик ограждения, сверкая белыми и красными стекляшками катафотов, – и время остановилось.

Мур оглянулся, как деревянный: какая-то ржавая «буханка» врезалась в рядок столбиков, они и разлетались во все стороны, не остановив ее, но замедлив; один хрястнул Мура по локтю, но боль не успевает; бампер «буханки» вмялся, и решетка радиатора тоже, а фару сорвало и она, как каска фашиста, кувыркаясь, летит вниз, в овраг за откосом, и низко воет и рычит безумно медленно летящий мимо старый автокран с черной надписью на желтой стреле «Мотовилиха»; и вот сейчас «буханка» собьет последний столбик и врежется в них. Мур схватил Дольку и отпрыгнул назад, зацепился за поребрик и, уже падая навзничь, перекинул Дольку за себя, чтоб как можно дальше, дальше от ржавой тяжелой «буханки» и еще каких-то страшных грязных кусков железа, рушащихся за ней, как с неба… Гнутая дверь от «буханки» пролетела вперед и влево и врезалась в подбрюшье встречного, истошно ревущего автобуса.

Долька грянулась на утоптанный снег, и из нее вышибло облако белесого пара. «Буханка» не смогла сбить столбик, запнулась и по инерции ее занесло и поставило на капот. Покачнулась – но устояла. Почему-то у нее не было колес. Мур перевернулся, встал на колени над Долькой, сталкивая, сметая с нее крошащийся, стремительно тающий снег. Кто-то орал, кто-то бежал к ним. Автокран остановился, и тяжелый, как-то ненадежно зацепленный за трос крюк закачался, кажется прямо над головой Мура. Он зачем-то посмотрел на слово «Мотовилиха» и выше увидел тающее, уносимое прочь за стрелу, как за крепостную стену, туманное лицо ледяной красотки со злыми дырками глаз. Водитель лязгнул дверью, затопал, огибая кабину. Объехав буханку, остановилась еще машина, кто-то грузно выпрыгнул из нее, совсем рядом, и Мура обдало комками снега:

– Живая?

Мур раздернул зеленое пальтишко, прижался щекой – Долькина жалкая, полудетская грудка мягко подалась под ухом: сердце тук-тук. Тук-тук.

– Живая.

3.

Дом деда в Кунгуре оказался хоромами в два этажа. Тепло и уютно. Безопасно. Долька тут сразу перестала реветь.

Проснувшись к вечеру, Мур сидел и никак не мог в уме сложить из кусочков пазла целую понятную картину: домик в снегу, окошки в синих рамах, свечки в банках, вокзал, вагонные лавки, снег, ледяная красотка, «буханка» без водителя и даже без колес, криво стоящий у обочины тягач с полным кузовом металлолома, скрежеща, расползающегося и с грохотом брякающегося на дорогу, Долька, которая открыла глаза, встала, как ни в чем не бывало, и заревела с испугу – не могла вспомнить, как сюда, на мост над Сылвой, попала. Потом Скорая, неторопливо объезжающая «Мотовилиху», потом остов «буханки», потом автобус. Катастрофа позади. Врач Скорой, успокаивающе, размеренно что-то им с Долькой говорящий. Дольку надо было

утешать, и Мур сидел в Скорой с ней в обнимку, грел ей ледяные ладошки и пытался и ей, и врачу объяснить, что они приехали с дачи в музей, что пошли с вокзала не в ту сторону, а тут этот автокран – вот только он и сам плохо помнил, что произошло, и еще меньше понимал. «Буханка» вроде бы слетела с тягача с металлоломом? Или что вообще было? И язык у него заплетался, и врач спрашивал, не ушибался ли он головой. Потом больница, регистрация, и он вспомнил, что у него есть телефон и позвонил, а дед неожиданно быстро примчался – оказался по делам в Кунгуре. Сразу, конечно, забрал их из больницы, тем более, что они, в общем, и не пострадали, Мур только локоть свой многострадальный опять ушиб… После того, как дед завел их в дом и напоил чаем из трав, с медом и баранками, их срубило прямо в креслах в столовой. Теперь казалось, что детали пазла в голове из ста разных наборов.

Долька еще спала, свернувшись калачиком в большом кресле, укрытая пледом, только лангет ободранный торчал, словно кто когтями по нему проехал, оставив на зеленом глубокие белые царапины. Из окна светила морозная луна. Мур тихонько встал и пошел на другой, теплый, свет в соседнюю комнату. Дед за столом перебирал какие-то камешки, некоторые разглядывая в лупу. Усмехнулся, увидев Мура:

– А ты ничего, крепкий. Быстро ж они тебя учуяли.

– Что, прости?

– Спрашиваю, эта девчушка-то откуда?

– Одноклассница.

– Влюбился?

Мур оглянулся на темную комнату, прикрыл дверь. Сразу ответить «да» он почему-то не смог. А потом и вовсе пожал плечами:

– Вчера думал, что влюбился.

– Оскоромился?

– Оско… Чего? А! Нет. Целовались только.

Дед с видимым облегчением кивнул:

– Ну и правильно, рано еще.

Муру показалось, что вместо банальной фразы он хотел сказать что-то другое.

– Дома поговорим, – вздохнул дед. – Иди, буди свою щучку, а я чайник поставлю. Попьем да домой поедем. Родители-то у нее небось с ума сходят… И… Ты это… Осторожней с ней. Не рассупонивайся.

– Рассуп… А?

– Не расстегивайся, в смысле, душу на распашку не держи. Присмотрись сначала.

– Дед, она хорошая девочка.

– Все они хорошие, когда спят, – хмыкнул дед. – Тайной силе видней, насколько она хороша… Видать, не все у нее ладно, у девчушки твоей, глаза-то вон какие голодные. Что-то болит в душе, чего-то надо ей. Иначе б не впустила.

– Впустила?

– А то ты не почуял?

Мур вспомнил всю эту снежную жуть, морок, ледяную Дольку и пожал плечами:

– Да, с ней что-то явно было не так. И я был… Как во сне.

– Падлу она словила, – наверно, деду казалось, что он объяснил. – Ну, злую сущность.

– А? Ты всерьез?

– Не акай. Ты в опасности. Сейчас-то вышибло, потому что девчонку-то ты спас. Вас ведь в самом деле чуть не пришибло металлоломом там на мосту, мне уж рассказали.

– Аварию тоже падла подстроила?

– Они могут, – на полном серьезе сказал дед. – Но этим тварям спасенные хуже отравы, не любят они, когда люди геройничают. Доброты не любят. Так что нету теперь в твоей девчушке никого, не бойся. Может, поболеет, конечно, ну да ничего, молодая… А ты… Мало ли, так что

на-ко вот, – дед протянул тяжелую штучку, закачавшуюся на кожаном шнурке. – Надень да сунь за пазуху, чтоб не видно. Чтоб больше никто не изурочил. От ударов злых сил защищающий дух, – сказал он немного нараспев и опять усмехнулся. – Надо было сразу тебе дать. Ну, что смотришь? Веришь – не веришь, а надень, мне так спокойнее будет.

– Что это? – штука и впрямь была тяжелой. Из непонятного металла (да он в принципе толком никакие металлы, кроме меди да железа, распознавать еще не умел), странной формы: плоская голова странного зверя с длинным рылом и лапами по сторонам… Такая пряжка. – Я видел в логу похожую собаку. И у дома видел, из окна.

– Это не собака, – спокойно сказал дед, – это Егоша.

– Кто?

– Да черт ее знает. Тварь такая. Всегда на Егошихе, вот и прозвали Егошей. Ненавидит людей, да и есть за что – речку-то ей убили.

– …Дух Егошихи? – принял правила игры Мур.

– Я не знаю, – потер дед подбородок. – Но с водой связана, да. С подземной особенно… Водяная старуха, так дедуня мне говорил, остерегал. Вуд Кува по-башкирски или Вит-эква на манси. Ведьма такая бессмертная. Смотри, не подходи к ней. Сдается мне, она это в девку твою влезала… А может, и нет, горные девки тоже так промышляют, охотятся за такими, как ты, молодыми парнишками.

– Так это Егоша или нет?

– Не знаю. Не видно ее, а так бы тут крутилась. Но точно не скажу, больно хитрая она тварь. А так ее почерк. Всегда она в наших девок влезает, если что не по ней. Отпугивает. А то и губит. То мы и не женимся.

Это ведь не на самом деле. Или на самом? А что, ночью в Ергаче дура ледяная, что сама пришла, Егоша там или не Егоша – тоже на самом деле? Но… вода…. Значит, Егоша там в Ергаче с ними была? Третьей? Его затошнило. Что ей стоило в снежную бабу вселиться, если снег – вода? Подкралась. А потом в Дольку и влезла. Мур ничего и не заметил, пока поздно не стало? Теперь все это казалось сном, таким же, как про черную Неву и кенотафы по ее берегам. Вдруг…Поверить в Егошу? Да невозможно. Но ведь он сам видел собаку эту косолапую, которая не собака, а… Водяная ведьма? Как это, Вит-эква? Так, только не поддаваться и не сходить с ума. Должно же быть какое-то реальное объяснение? А дед продолжал, усмехаясь:

– Трется около нас уж сколько веков эта Егоша, никак не отделаться. Подумать, так только мы, Мураши, с давних времен, когда тут рай природы был, на Егошихе только и остались. Может и напасть, но тебя не тронет, если этот оберег наденешь. Не подходи, и не тронет. А пряжечку береги. Особо никому не показывай. Можно носить, никто и не заподозрит, что пряжка настоящая, вон во всех сувенирных подобной дребедени полные прилавки.

– Настоящая?

– Седьмой век. А может, и раньше. Никто точно не скажет.

Рука разом застыла. Еще и это. Как будто Егоши мало.

– Такому место в музеях.

– В музеях такое есть. А эта пряжка наша, исстари так вот передается. «Когтистая бабушка», – дедуня говорил. Вроде бабушка эта добрая, – дед спохватился: – Дома поговорим.

– Дедо, это какой-то мистический бред.

Дед пожал плечами:

– Тогда считай, что это просто подарок такой, реликвия родовая.

Но… Ладно. Мур, боясь остановиться, надел шнурок на шею. Пряжка холодком коснулась груди, и сердце вроде бы пропустило один удар. Он прижал штуку ладонью, чтобы сердце внутри скорее привыкло к древности. Ему семнадцать лет, а штуке, наверно, семнадцать веков. И еще миллионы, пока она была рудой. Как, оказывается, жутко ощущать время. Жутко знать, что штука пережила столько людей и еще переживет… И что его, Мура, жизнь, конечна.

В дороге их настиг снегопад. Свет фар упирался в мириады белых хлопьев. Дед вел машину почти на ощупь, и Муру было тошно, что не может ему помочь. Прав дед, надо скорей в автошколу. В город вернулись к часу ночи, сдали тихую, всю дорогу проспавшую Дольку нервному папаше Богодаю у ее подъезда. Тот, увидев деда, сразу сдулся, сник, стал что-то бубнить, извиняться. Когда добрались до дому, дед был таким измотанным, что Мур ни о чем расспрашивать не стал, отправил деда спать, а сам стал топить печку. Привычное дело. За окнами опять мело; огонь трещал дровами, ревел в трубе. Муру казалось, что он всю жизнь только и делает, что топит печку. У огня, в тишине уже привычной дедовой кухни, мысли немного успокоились. Он вынул пряжку из-за ворота, разглядел. Это просто… Подарок? Какое-такое может быть волшебство в куске металла? Мур будет ее носить не ради этих выдумок про всяких Егош, а чтобы… Ну чтобы эта реликвия говорила ему, кто он. А кто он? Мураш? Внук? Сын? Сам по себе – кто? А может еще, штука скажет ему, во что он, Мур, верит? А во что он верит? Ну, для начала, наверно, в то, что быть внуком деду – дело нормальное, правильное, и что, наверно, надо позаботиться, чтоб через сколько там надо десятков лет у него тоже был внук, кому можно будет передать эту «Когтистую бабушку».

В тепле у печки его разморило. Он поискал в интернете про водяных ведьм, про горных девок/хозяек, но нашел только всякую ерунду про Эльбрус, туристские байки да сказ Бажова про Хозяйку Медной горы, хотел прочесть – глаза слипались. Завтра. Завтра – последний день каникул, и он все прочитает, подготовит… Ум тоже будто слипался. Еле дождался, когда дрова в печке прогорят.

У себя по привычке подошел к окну и, только отведя занавеску, запоздало испугался: а вдруг там эта черная жуть, которую дед по-свойски назвал Егошей! Что ей надо от них, Мурашей? На улице никого. Снег, редкий и крупный. Время ночь. Даже город не слышно, только на низких тучах – рыжий отсвет фонарей. А дом, их с дедом последний живой дом в Разгуляе, будто на самой границе – не с черным логом, а с другим миром, тайным. Нижним. Как там дед сказал, подмирье? Подземля? Запросто поверишь… Мур одернул себя, цепляясь глазами за реальность. Вон у стены депо какая-то бочка ржавая… Но сонный ум опять отчалил по темным водам: интересно, какая-такая эта Егоша, для деда-то она вправду есть, и холодно ли ей зимой? Где она прячется? Что она такое, кто она? Когтистая бабушка! Нет, она не бабушка, Когтистая бабушка – добрая, а Егоша эта из подземных вод – злая…Егоша правда влезала в Дольку, чтоб погубить? Что в Дольке плохого? Но ведь Егоша – злая сила, так что ей все равно… Если потрогать ее шерсть, будет тепло или холодно?…

Первым будним, синим утром снег хрустел под ногами. Муру казалось, что холодно будет всегда. И что зима стоит на всем земном шаре, а не только на Урале, и никуда не собирается сдвигаться. Красный автобус с пермским медведем на боку укатил из-под носа, и он пошел в школу пешком. Квартала через три вдруг понял, что сквозь музыку в наушниках пробивается хаос совершенно не городских, странных звуков. Вытащил один наушник – вороны! Орут, переругиваются – в небе их черно. И еще больше поднимается из-за больших домов, за которыми старинное кладбище и лог. Мур прошел вперед, обогнул дом: воронье и правда взлетало из тьмы кладбища, на старых деревьях которого полным-полно было громадных гнезд. Кружили в синем небе, орали. Тысячи тысяч. А пешеходы вокруг и глаз не поднимали, волокли детей в садики, мчались по делам, прогревали машины, топтались на остановке. Как будто видел эти тысячи ворон только он один. А вдруг правда? А вдруг это блазнит, и никаких кладбищенских ворон на самом деле нет? Мур выхватил телефон и стал снимать. Секунд через десять проверил – в синем квадратике неба кишели черные птицы и орали из телефона немногим тише, чем с неба, так, будто крыли друг друга матом. Значит, аппарат видит то же, что и он. Значит, это не колдовство.

Постепенно стая сползала с зенита, растягиваясь в ленту, которую кто-то тянул вдоль Камы на север. Как будто все егошихинские покойники за все времена повылезали из-под земли, разом обратились в ворон и обрели царствие свое небесное, вот в этом промороженном предутреннем, в дымах заводов, пространстве над городом.

Школа стерла всю мистику с его сознания, как тряпка – меловую пыль с доски. Ребята, классы, коридоры, столовка. Учебники, учителя. Абсолютная, нормальная, не нарушимая всякой хтонью реальность. Все такое же, как в Петербурге, да не вполне, беднее, словно бы теснее. За окнами классов бетонный забор, а за ним стройка. Мур сел с Денисом, когда тот позвал, потому что Долька, с непонятной целью кокетничая, вцепилась в рыжую толстую подружку, с которой будто бы с первого класса за одной партой. Да Муру что-то и не хотелось урок за уроком сидеть с Долькой и держать ее под партой за руку, шептаться, ловить моменты для поцелуев и обнимашек – а она и перед уроками, и на переменах так льнула. Напоказ. Словно очертила вокруг Мура круг, переступать который всем другим девчонкам было заказано. Впрочем, это внимание Дольки льстило.

Девчонок красивых было мало, разве что только те, которых он уже знал по елкам, остальные какие-то сонные, вялые, полноватые, с печатью скучной судьбы на лицах. В клетчатых юбках и серых пиджаках они смотрелись ужасно, и Мур с гордостью любовался стройной Долькой в однотонном сером платье и с ниточкой зеленых бус. И ботиночки у нее тоже зеленые, и снова – линзы малахитовые в глазах, и темные волосы распущенные – глаз не отвести. Да, тут она самая красивая. Только бледная немножко.

Парни тоже разные: плечистые, как Денис, спортивные – в меньшинстве, в основном вроде Колика, тихие или вертлявые, но какие-то нескладные. Двое утянулись за последнюю парту походкой крыс, уткнулись в телефоны – подбородков нет, глаза-дырочки, спины колесом. Все эти новые одноклассники, кажется, предсказуемы внешне. А вот как на самом деле? В прежней школе была одноклассница Тонна – ходячий танк, расшвыривавший с дороги докучавшую ей мелюзгу, никаких глаз, одни щеки, однажды на спор в столовке сожравшая поднос сосисок в тесте. А в десятом классе вдруг выяснилось, что она – победитель всероссийского конкурса юных поэтов, что в сети у нее полно этих самых стихов, на взгляд Мура, слишком длинных и заумных, взрослых каких-то, и совсем не про любовь, а, как сказала литераторша, «философской лирики». Девчонки квакали: «Зафилософствуешь с таким весом», но Тонна, поверив в себя, перла вперед, давя завистливых лягушек, и на уроках из ее туши время от времени раздавался ясный, жутко красивый голос, произносивший что-то настолько умное, что учителя отвечали не сразу, а подумав. Так что внешность обманчива. Человек с виду как пирожок, сходу не разобрать, что там за начинка…

Муру захотелось есть. Долька, сморщив носик, сказала, что в школе, видите ли, не кушает, и Мур пошел с ребятами. В столовке было ярко, чисто, пахло горячим компотом. И пирожки оказались в десять раз дешевле и в сто раз вкуснее, чем в прежней школе. Капусты в пирожке было раза в три больше, чем он ожидал, и вкус у нее был сливочный. Это примиряло с действительностью. Он сел вместе с Денисом и Коликом за столик у стенки в столовке, наблюдал за детворой и ровесниками вокруг, жуя. Школота точно такая же, как везде, только все в серой форме. У него в школе формы не было, ходи аккуратным, и все. Интересно, он сам с виду такой же, как новые одноклассники? Что люди думают, когда видят его?

– …А вот я еще такую страшную правду знаю, – рядом Ринатик, тоже одноклассник, все нес какие-то байки и не мог остановиться. – На заброшке, ну, на «Велте» чо было…

– «Велта»? – из вежливости спросил Мур.

– Велозавод… Ну, то есть велосипеды там тоже делали, ага, да только по правде-то это оборонка секретная советская. Здоровущий завод был. Короче, вот на каникулах щас пацаны лазили там по цехам, все нормас, – икнул Ринатик, – только фигня какая-то на кросы, ну, на подошву, налипла и замерзла. Ну, они домой пришли, а эта фигня оттаяла и за ночь всю

квартиру отравила, и бабку, и родителей, и самого пацана! И даж рыбки в аквариуме сдохли! Во как!

– Заброшек-то много, да чо, их уж старшаки все облазили давно, – с набитым ртом пробурчал Колик. – Вот если не хлюздить, дак надо на завод «Семь-семь-семь» ехать, где-то в Закамске, вот там, говорят, солдат-сторожей каждый месяц на Банную Гору отвозят, никто не держится.

– «На Банную Гору»? – учил новый топоним Мур.

– Ну да, психбольница там. А что солдаты, солдат много. Ему приказали, он и идет, сторожит, а куда денешься. Крыша уж уедет, а он все сторожит… Чо там они караулят, интересно. Погнали?

– Далеко, – сказал Денис абсолютно серьезно. – Денег надо, ну, и подготовиться. Я вот что думаю, робя, школа-то наша тоже с тайнами.

– Дед сказал, в войну тут госпиталь был, – сказал Мур.

– Во! – обрадовался Денис. – Эвакогоспиталь № 3687! Даже мемориальная доска вон есть! Ну, понятно, не в этом здании, а в том, где малые учатся, оно тогда одно было, в войну-то. Оно же старое, видели, как сильно в землю ушло? А там внизу-то подвалы. Да, госпиталь был. И куда, вы думаете, умерших раненых девали? Зимой-то вон как хоронить, докопайся попробуй до земли, а потом долбить ее еще, мерзлую… Так они трупы в подвал, они там замерзнут и до весны лежат, а там уж всех покойников на подводы и в рвы на кладбище… Чо как, полезем?

– Ага, а там мож выкопается какой забытый, – поежился Ринатик.

– Хлюздишь? – спросил Колик, при этом косясь на Мура.

Лучики света от мобильников таяли в подвальной темноте за пару шагов. Пахло стылой землей, хлоркой, пылью. И подташнивало, но не от страха, а от спертого сырого воздуха. Миазмы. Вот подышишь таким, и никогда уже не будешь прежним! Черт его знает, что тут за зараза скопилась. Но люди тут бывали: у входа лежали мешки с цементом, с песком, а дальше громоздились ломаные стулья и парты. Настоящие парты, советские: деревянное, в сто слоев покрытое краской соединение покатой столешницы и скамейки, как в фильмах про старину. Мур даже сфоткал, чтоб самому рассмотреть и деду показать. Он-то точно за такой сидел. После вспышки глаза совсем ослепли. Но ребята не ворчали, сами фоткали все подряд, и из-за мельтешения света и тьмы казалось, что со всех сторон подкрадываются какие-то громадные, злые твари.

Пробраться в подвал оказалось не так уж и трудно: после уроков немножко проводил Дольку, чтоб ничего не заподозрила, бегом вернулся к ребятам. Охраннику сказали, что на допы, а сами перешли в маленькую школу и в мужском туалете на первом этаже нашли старую дверь с висячим замком. Колик вынул из кармана универсальный ножичек и аккуратно выкрутил винты у одной из петель замка:

– Тихо тока… – и они вчетвером протиснулись на площадку заброшенной лестницы на второй этаж. Колик храбрился: – Тут я уже был. Но одному дальше стремно стало…

Со стен над грязными ступенями свисали хлопья краски, паутина, в одном углу громоздились ведра, грабли, лопаты и метлы, в другом, привет из СССР – разномастные, давно превратившиеся в дрова лыжи «Быстрица», «Сортавала», «Юность» с заржавевшими креплениями.

Вниз, поворачивая под пролет, вели еще ступеньки. И сейчас, во мраке подвала, Муру хотелось обратно на те заляпанные побелкой ступеньки и скорей наружу, домой. Сегодня с дедом они поедут записывать Мура в автошколу… А может, этот страх темноты значит, что он не годится для подземной работы, для спелеологии? Но ведь не ужас-ужас. Просто нехорошо. Вряд ли тут складировали трупы во время войны. Но отсюда в подмирье точно ближе, и воняет,

наверно, оттуда. Он прижал поплотнее пряжку под свитером, потом потрогал в кармане камешек архейского гнейса, который тоже всегда носил с собой – стало легче.

– Слышите? – шепнул Денис. – Что-то гудит.

Все замерли.

– Электричество, – с сомнением сказал Ринатик. – Силовой щит где-нибудь.

Мур напряг слух. Что-то и вправду гудело, низко и жутковато. Снизу. Он присел и прислушался:

– Это из-под земли, – напугал он сам себя. – Да, точно. Так слышнее.

– Точняк, – Денис тоже присел. – Гудит. Урчит. Крипота какая, а! Мне нра.

Мур посветил фонариком под старыми партами: гнилые ножки, ушедшие в сырой грунт, какие-то обломки, обрывки заплесневевших тетрадок. Мышиное гнездо в ящике ближней парты, брошенное, с мумифицированными трупиками мышат. В ящике другой парты что-то блеснуло:

– Тут что-то есть, – он встал и откинул крышку парты.

Та гулко хлопнула по столешнице.

– Тихо ты, – зашипел Ринатик.

– А то что?

– Услышат!

– Отсюда-то, учителя или кто там, сторож? Да ладно!

– Да не учителя!

– Не урось[14], – оборвал Ринатика Денис. – А что там?

– Зеркальце, – Колик протянул жадную лапу и выхватил из парты поблескивающий квадратик. – О, нещечко какое баское!

Все посветили в его чумазую ладонь: прямоугольное зеркальце с гладко обточенной кромкой, из двух слоев стекла с амальгамой внутри.

– Чо зырите, – Колик скорей сунул его во внутренний карман куртки и с победой посмотрел на Мура. – В большой семье народов клювом не щелкай!

– Ну, наверно, тебе нужнее, – отшутился Мур. Зеркальце чем-то тревожило, брать себе он бы его точно не стал. Он бы вообще ничего отсюда брать не стал, как не берут с кладбища.

– Надо пошарить, – сказал Ринатик. – Вдруг чо еще…

Ребята рассредоточились, обшаривая светом мобильников мертвые парты, хлопали крышками, бубнили что-то. Темнота зашевелилась вокруг. Они уже забыли про низкий подземный гул. Мур присел и прислушался: казалось, гул стал слышнее. И даже не гул, а будто где-то далеко пила работает… Словно урчит… Или нет, рычит. Он посветил вокруг под партами – ой! Вскочил и скорей крикнул:

– Ребят, светите под ноги! Тут ямищи какие-то!

Голос разнесся глухо, парни что-то пробурчали в ответ, но свет фонариков заплясал по низу. А гулкое рычание стало громче. Может, это по подземным пустотам, по бывшим шахтным выработкам издалека доносится гул заводов? Каких-то механизмов?

– Ой, блин! – что-то загрохотало, потом раздался истошный визг Колика и рычание. Колик блажил: – Робя!! Тащите! Сожрет ведь!!

Мур не поверил. С Колика станется… Но подбежал вместе со всеми, вцепился в плечо и капюшон – Колик, съехавший в яму, визжал, а свет его телефона мелькал глубоко внизу, где он мельтешил ногами. Что это Колик такой тяжелый, ведь их трое… Да это его тащит вниз! Кто-то его сцапал и тянет! Они на «раз-два-три» дернули его изо всей силы, и Колик вдруг репкой вылетел из дыры, и они все повалились с ног. Колик так на четвереньках и припустил, хрипло взвизгивая, на далекий свет выхода, Ринатик вскочил и за ним. Денис гремел, запутавшись,

[14] Не ной, не хнычь (уральск.)

партой, в которую рухнул. Колик визжал уже где-то на выходе. Мур наконец отмерз, вскочил, подал руку Денису, помог встать и, уже отворачиваясь бежать, все-таки зачем-то посветил в яму, где ворчало – там валялся, мигая раздавленным экраном, телефон, и уползало в нору что-то черное, мохнатое.

Глава 4. Когтистая бабушка

1.

– …Бросьте, ребята, и в сказки не верьте,

А перед штурмом еще раз проверьте

Ваши веревки и ваши железки…

Инструктор Саша, спасатель и спелеолог со стажем, выжидающе оглядел группу, и братва вразнобой, но весело отозвалась:

– …Белый не любит неверной навески![15]

Или в сказки не верить, или Белого Спелеолога не бояться. Фольклора пещерного Мур наслушался тут уже через край, причем не всегда было понятно, выдумки это или правда. Народ реально верил в некоторые вещи на полном серьезе, и так не только пугали новичков, но и объясняли мир. Байки часто преподносились старшими как правда, которая должна обеспечить порядок и на земле и особенно под землей. «Будешь спать в палатке ногами к выходу, так Белый придет и тебя за ноги вытащит!» – такая пугалка на самом деле учила, что при ЧП выбираться из палатки будет проще, если лежишь головой к выходу. В общем, учиться вязать узлы и прочей туристско-пещерной науке под жутковатые байки было интересно. И четверг, когда он ходил в Клуб спелеологов, был легким днем, веселым. И полазить можно на скалодроме. Еще разок электричкой ездили на Тридцатый километр, на мост, тренировались спускаться-подниматься на веревках, – вообще праздник. Передышка такая в середине недели.

Если бы не Егоша.

После школьного подвала она следовала за ним всегда, будто для нее больше не имело смысла прятаться. Хорошо хоть, в школу не лезла. А на улице, только оглянись – вот. Собака черная, косолапая. Или не собака. Жуть смотреть. У деда спросил, а тот только плечами пожал: «Теперь так. Охранять взялась. Не обращай внимания».

Попробуй, не обрати… Глаза как черные камешки и сама как земля.

«Нельзя ставить палатку на месте разрушенного дома, не твое это место!» – вспомнил он еще одно поучение, когда в синих сумерках мчался (через сорок минут занятие с петербургским репетитором по зуму) домой и, оглядываясь на полувидимую неотвязную Егошу, смотрел на подступающие к логу жилые массивы в тусклых бусах вывесок и фонарей. Сколько раз он уже слышал, что где-то в городе трескались от фундамента до крыши здания, построенные над забытыми выработками, и не понять было, правда это или вымысел. Может, и вот этот новенький жилой комплекс около школы тоже порушится, раз на болоте стоит? Кто-то ведь сказал, что тут раньше болото было, потом довоенные деревянные дома, а потом пустое место болотное, строить нельзя?

Дед отмахнулся, сказал, ну да-да, болото было, да, одноклассники его в тех домах жили, и вечно у них веснами вода в голбцах была. Они с Витькой как-то хотели там клад зарыть, значок с ракетой да копеечки, копнули разок-другой, а там жижа. Сырой грунт. Тетя Вера, Витькина мать, потом, когда Витька на велосипеде под «Урал» попал, под заднее колесо и сразу насмерть, потом все в подполье игрушки кидала. Купит машинку подороже, всю ее слезами обольет и бросит в проруб, дырка такая в половице для кошки… Как зачем? Чтоб там играл, к живым не поднимался… А вообще-то, внучок, это уральская фобия такая – бояться, что все провалится в тартарары или в болото, что земля затягивает. Ты пряжку-то носишь?

Дед что-то был раздраженный последнее время, уставший, очень занятой. Они виделись только по вечерам, и Мур был рад, что успевает днем в промежутке между школой и всем

[15] «Песня про Белого Спелеолога», автор Наталья Богуславская, конец 1970-х

остальным сгонять в магазин, натаскать дров и еще что-то поделать по мелочи, а потом мчаться в автошколу или на лекции к вечерникам в университет – дед выправил ему пропуск, выдал расписание, на какие лекции ходить, и Мур ходил. Сидел позади студентов, старался не привлекать внимания. Пару раз даже к самому деду на лекции попадал. Интересно. Только трудно, и, как слово не понять, надо в интернет лезть. Иногда дед по дороге домой в машине объяснял что-нибудь.

Тяжело, да. Но он привык, втянулся. Даже школьную домашку успевал делать, пока в ночь топил печь, чтоб тепла до утра хватило, слушал вой зимы в трубе, а дед сидел над своими камнями и статьями. А с утра все сначала. Он даже не успевал подумать, тем ли хочет заниматься на самом деле. Геология, конечно, круто, мужская работа, но ему иногда казалось, будто он, собираясь в геологи, играет роль. Хорошо так играет! Вжившись аж на триста процентов. Но не для того, чтоб, скажем, деду угодить, оправдаться за наследство, а просто потому, что не знает, кем бы стать другим. Ну, в общем, он ведь всегда был бесхарактерным. Повели на фигурное катание – занимался, велели бросить – бросил. Мама хотела, чтоб стал юристом – собирался. Дед со своей геологией – и опять чувство, что случайно заскочил в подошедший поезд и едешь куда-то. Куда привезут. Но ведь пора ж наверно что-то самому решать? Но ведь штуфы, ювелирка, геофак и вообще все дедово – это ж в самом деле высший класс. Как откажешься? К тому же если никаких собственных талантов в нем нет.

Хорошо всяким юным художникам, музыкантам и спортсменам, они-то знают, кто они такие, и прут вперед. Паровозу нужны рельсы. Впрочем, Мур теперь тоже пер, как паровоз, по проложенным дедом рельсам. Как будто в самом деле обладал талантом. А дед? Что дед? Он как может, так и помогает вырасти и кем-то стать. Был бы, скажем, врачом или металлургом, наверно, тоже бы сумел очаровать своим делом и передать все наработанное. Скажешь: «Нет, деда, это не мое» – так у него сердце встанет. К тому же разве камни – это не его, Мура? Гнейсы и граниты, гипс и галька?

Долька вроде как не обижалась, что Муру даже в кино некогда с ней сходить. Хотя однажды они с ней, празднуя, что сняли лангет с руки, сбежали с уроков, хотели в кино, да проболтались просто так по городу, промерзли на набережной над грандиозной белой Камой и сходили погреться в Краеведческий музей. И эта жуткая, древняя бронза звериного стиля – медведи, люди-лоси, люди-птицы, ящеры под ногами у богов, какие-то еще твари, похожие на Егошу – так и стояла у Мура потом перед глазами, хоть рисуй. Он потом у деда в подвале часами копии перебирал, альбомы разглядывал – потому что в музее Долька не дала нормально разглядеть, все ныла, мол, пошли пить кофе. Она все время прихорашивалась и нервничала. То весь день все смешком, с ехидцей, то жалкая и грустная. Переживала, что ломаная рука стала заметно тоньше другой, и Мур купил ей эспандер. Жаловалась, что с сестренкой совсем трудно, ничего не хочет, молчит, учебниками швыряет даже в отца и в школу не идет, хотя гипс ей тоже сняли уже. Хоть домой не ходи, а ты занят все время…

Мур опасался, что Долька и сама, того гляди, учебниками швыряться начнет. Ей не училось, ничего толком не хотелось. Смешки становились все растерянее. Нездоровилось, и пару раз она отпрашивалась с уроков через медкабинет, а назавтра приходила вся аж зеленоватая.

Мур утешал, как мог. Без поцелуев. За руку он ее еще водил, а целоваться, после той истории, закончившейся на Сылвенском мосту в Кунгуре, не мог: все казалось, что от Дольки пахнет льдом и снегом. И еще чем-то… Не очень хорошим. Долька толком не помнила, что случилось в Ергаче. Ей просто было стыдно, что сама позвала парня на дачу, – а из-за того, что там не случилось всего, чего она, наверно, тоже боясь, ждала, ей было еще стыднее. Мур понимал, что виноват. И в этом тоже. Но больше в том, что с Долькой случилось там что-то жуткое. Егоша в нее правда вселялось и что-то в ней поломала? Раз Долька такая теперь все время квелая, сама не своя? Или это почудилось? Тогда почему Дольке плохо? Она уже не была гордой и тугой как струнка, ссутулилась даже, как будто надломилась внутри, и Мур не

знал, как ее починить. Он даже отсел от Дениса к ней, чтоб не мучилась, и по утрам дарил шоколадки. Она плохо их ела, но забирала, относила сестричке.

Да и вообще голова кругом идет. Егоша эта. Вдруг опять в Дольку вселится. Или в любую из девчонок, только им улыбнись? Из-за нее, черной, то видимой, то невидимой твари, которая мерещилась везде, Мур будто жил в дополненной реальности непрерывно – аж подташнивало. Как починить мир обратно? Как избавиться от этого существа? И что, Егоша действительно может залезть внутрь человека, забрать его тело себе? Или она людьми кормится? А если снова вселится в Дольку? Долька сейчас беззащитная какая-то. Или вселится в кого из ребят? В деда?

Да что этой Егоше надо от них, Мурашей, вообще?

Февраль тут был безнадежно ледяной, обмерзлый, пасмурный. Низкое небо, солнца нет, под ногами кайнозойские слои черного, серого и снова черного льда, припудренного снежной крупой. Мур спешил, поскальзываясь, а со стороны домов, стелясь по стенам, витринам, заборам, стволам деревьев, по обледеневшим, твердым как камень сугробам его сопровождала Егоша. Куда б он ни пошел, она – следом, на расстоянии броска. Чаще всего она была невидима, так, облако инея или тумана. Или просто влажное пятно на стене. Когда Мур бывал один, могла и показаться: черным клубком, катящимся в тенях и исчезающим на свету. К ночи она, по-хозяйски разгуливая по опустевшему Разгуляю, разрасталась до крупной собаки или даже зверя куда больше. Как посмотришь перед сном в окно, так вот она – высунет морду из опрокинутой бочки, вмерзшей в снег возле стены депо, и уставится. Морда неподвижная, как маска. Глаз не видно, а мороз по коже. И в школьном подвале, в яме, точно была она. Черная и мохнатая. За столько лет, пока сначала дед, а потом отец в этой школе учились, она уж там, пока их караулила, обжиться успела, нор накопать. Выучила, небось, что «жи-ши пиши с и». Образованная теперь… Зачем она их всех караулит? Что ей надо-то? Может, вот эту пряжку седьмого века, на которой вроде как она и есть? Что ей надо вообще от людей, если она вон такая вековая? Дед сказал, она людей ненавидит – так и шла бы куда хочет, вон целый Урал вокруг… Речек мало, что ли?

Временами ее присутствие, особенно в сумерках на улице, сводило с ума. Как заметишь – так будто глыбы ледяные в животе проворачиваются, и ноги немеют. Даже в школе он всегда помнил, что глубоко внизу, под всеми перекрытиями, она лежит под гниющими партами в логове своем, в сыром мертвом грунте, и дремлет, прислушиваясь к голосам учителей и детскому гвалту на переменах. Дергает ухом, когда тишину раздирает звонок. И выжидает чего-то.

Конечно, каждый урок или лекция в университете выметали мысли о Егоше из головы, как сор. Потому он и не пропускал ни часа из этой гарантированной на все шесть-семь уроков или пары лекций безопасности этого нормального мира. Но когда он, собравшись с духом, выходил из школы или из корпуса Университета и смотрел, как в сумраке зажигаются рыжие фонари, то очень хотел вернуть такое понимание жизни, в котором нет никаких Егош, горных девок и Белых Спелеологов.

Потому что жизнь здесь, в странном городе, в доме деда на краю лога, всегда рядом с никому не видимой черной зверюгой, выламывалась из школьной логики с треском. Костей, деревьев, хрустом крошащихся каменных останцев – не разобрать. Но тут возможно все. Звериный стиль жизни. Как будто во что веришь, то и будет. Он остановился у светофора и посмотрел на черную тень – та тоже остановилась и посмотрела на него. Фольклор? Ага. Как же.

Колик вон в школу до сих пор не ходит. На ноге, хоть и штанина в лохмотья, всего одна царапина была, хотя он орал, что ногу ему отгрызли, так больно, но до дома сам дошел, они провожали. Трясло их всех тогда, конечно, но Колик вроде был ничего, они ему царапину йодом облили, весь хлеб с колбасой, что в доме было, съели – а Колик не стал, лег и уснул прямо при них. Они тихонько ушли. Друг Ринатик остался на посту. А к вечеру Колику поплохело, ногу раздуло, температура к сорока и сознание стал терять, а мать на дежурстве. Ринат скорую

вызвал, и доктор сразу спросил: «Что, по заброшкам лазили?» Оказалось, заражение крови и от одной царапины запросто получить.

С дедом опять поговорить? И что рассказать? Что его все время преследует инфернальная водяная росомаха, эта Егоша, магическое или черт знает какое существо из Егошихинского лога? Так он знает. Дед устал. Он замучен лекциями и вереницей каких-то дел, на которые у него не хватает ни времени, ни сил. Сутулый ходит, мрачный, от телефона не отрывается. В аптеку ходит, потом таблетки ест.

Кому другому рассказать? Дольку пугать нельзя, маму тем более, в школе, даже ребятам – ну-ну, живо на Банную гору сопроводят. Нет, выход надо искать самостоятельно. Потому что сам же принял решение остаться в этом городе, когда дед предложил. Никто за язык не тянул. Мало ли, что сказочный синий город оказался таким жутким. Что под асфальтом тут древние красные песчаники, тайные подземелья и грунтовые воды, сплетающиеся в лабиринты, похожие на узоры древних бронзовых блях. И там же, в глубине – подземля, черт знает какой континуум, из которого то и дело вылезает Егоша.

Надо справиться. Еще непонятно как, но надо справиться. Не возвращаться же в Петербург.

Он представил, что живет в Петербурге, один в пустой квартире, и всех проблем – только зачем-то поступить на юрфак. В школу – хочешь, ходи, хочешь – не ходи, кому какое дело; доставка еды, звонки маме с посекундным тарифом, рафчик в кофейне у подъезда… И поговорить можно только с репетиторами, если вдруг зададут дежурный вопрос, как дела. Нормально поговорить и вовсе не с кем. В классе том он был так, никто, тусклая лампа, девчонки на него и не смотрели. А тут… Тут – все, что случилось, такое великолепное, как не с ним будто.

У калитки во двор он оглянулся – Егоша неспешно покрутилась у вмерзшей в сугроб лежачей бочки, залезла туда, потопталась и легла, положив меж лап длинную морду. «Она теперь не тронет», – сказал дед. Ну а вдруг? Вон когтищи какие. Что она таскается за ним? Мур посмотрел на ветхие доски калитки, на сам дом. Крыша под весом снега, казалось, вот-вот сползет вместе с трубой. Сколько лет эта потусторонняя зверюга привязана к Мурашам, скольких внуков она уже охраняла, пока они сами в дедов не превращались? Сколько она проводила гробов, вынесенных через эти ворота? Он посмотрел в сторону большой улицы – шум ее доносился глухо, как сквозь подушку. Наверно, весь этот уцелевший кусок старого города, кусок прошлого, которого нигде больше нет, накрыт присутствием Егоши, как огромной невидимой подушкой. Тяжело и дышать нечем, но он и дед тут в безопасности… Как спрятаны от бед. Потому что зачем-то ей нужны. Зачем-то? Дед же сказал, что таким тварям человека изнутри сожрать – самая сласть! Но ведь не жрет. Охраняет.

Мур для храбрости потрогал архейский камешек в кармане и сделал шаг к Егоше. Та приоткрыла глаза, устало, по-старушечьи. Мур шагнул еще – она изумленно подняла голову, моргнула. Да это не собака, это какой-то недоделанный медведь. Помесь медведя с выдрой. Он шагнул еще, разглядывая – широкие лапы напряглись. Шерсть буро-черная, грязная, тусклая. Старое животное. Еще бы. И тут дошло:

– А ты же росомаха, – сказал Мур вслух.

Егоша сморщила переносицу, обнажив желтые тупые клыки, но не зарычала, не загудела. Да она и Колика нечаянно поцарапала, а вовсе не хотела сожрать, понял Мур. Припугнула просто. На что ей тушка Колика – разве потусторонним существам нужен обыкновенный белок? И почему такое чувство, что ей нужна поддержка?

– Что ты ешь? В самом деле людей изнутри? – спросил Мур и сразу рассердился на себя за этот вопрос.

Мало ли что она жрет. Может, души еще не рожденных младенцев. Ага. Душ нет. Мозг материален.

И мир материален. Но…

Вон Егоша – тоже что ли материальна? Или состоит из каких-то мистических кварков[16] и колдовских мюонов[17]? Не стоит нырять в безумие. Надо отвернуться и уйти в дом, затопить печку… Но Мур почему-то стоял на месте. Снова потрогал камешек, потом – дедову пряжку на шнурке под свитером. Вблизи Егоша выглядела совсем уж доисторической. И да, была похожа на зверя с пряжки. Он сказал, что думал:

– Мне тебя жалко.

Егоша спрятала клыки и положила голову на снег между лап. Такая поза у исследователей пермской бронзы называлась «жертвенной», он читал у деда в подвале. Егоша этак хочет что-то сказать или просто устала? Как же ей надоели, должно быть, бесконечные Мураши. Бесконечные люди.

– Ты дух речки Егошихи? Кто ты?

Егоша шумно вздохнула, совсем как настоящий зверь. И исчезла. Наверно, совсем надоел.

Мур тоже шумно вздохнул и побежал в дом – до занятия с репетитором оставалось пять минут.

2.

Зима кончилась. Вернее, ей оставался последний день, сегодняшний. Учителя тоже посмотрели на календарь и теперь пугали экзаменами, как сговорившись, на всех уроках.

– Хватит мечтать, заземляйся, – проворчала Долька на алгебре. – Ты какой-то странный теперь, как обалделый. А раньше был веселый и добрый.

– Я добрый. Вроде бы, – новые, взрослые серые мысли временами заштриховывали весь прежний мир. Он узнал так много новых людей, и еще узнал, что люди веселые и добрые, только если им хорошо. А хорошо не бывает всегда. – Не знаю просто, кем быть, каким быть.

Черт его знает, как в этом мире найти силы быть добрым. И, главное, зачем? Даже прежних теплых чувств к Дольке он находил в себе на донышке. После того, как она фыркала на грубую древнюю бронзу в музее, не хотелось показывать ей что-нибудь красивое – да от усталости он и не замечал ничего такого давно. Проще было купить ей капучино с пирожным, тогда она переставала ныть. Но ведь Долька не виновата, что такая. Не то что бы жадная. А просто настроенная всегда брать. Ну, и ей всегда нездоровится. Или вроде бы нормально себя чувствует, но вся на нерве и глазами блестит, как зеленая лихорадка.

– Как это ты не знаешь, кем быть?

– Ну… Все-таки геологом, наверно, – он пожал плечами: – Раз уж так все складывается.

– Так сложи по-своему.

– Да все меня устраивает. Геофак так геофак. Я люблю камни. Устаю сейчас просто.

– Логично. Я бы не смогла столько тащить. Школу-то одну с трудом. Потому что ни на чем сосредоточиться не могу… – шепоток ее стал быстрым, нервным: – Слуш, а дед-то тебе поступление организовал уже, наверно?

– Я сам поступлю.

Долька усмехнулась. Мур разозлился, опять вспомнив, что, возможно, сел не на свой поезд и теперь уезжает от собственной судьбы. Но альтернативы геофаку он не видел. Так, это просто минута слабости. Все уже решено. Геофак тоже не на блюдечке достается, что бы там Долька не выдумывала. Минут пять они занимались трудным уравнением, вернее, Мур занимался, а Долька у него списывала. Не закрывать же тетрадку.

---

[16] Кварк – фундаментальная частица в Стандартной модели физики элементарных частиц, обладающая электрическим зарядом и не наблюдаемая в свободном состоянии.

[17] Мюо́н – в Стандартной модели— неустойчивая элементарная частица с отрицательным электрическим зарядом и спином 1⁄2.

– Ну, в общем, да, ты вон какой умный, наверно, сам все сдашь, а дед просто распорядится, чтоб тебя первым списком зачислили, – дописав, она уныло крутила в руках зеленый пластмассовый транспортир. – Ненавижу алгебру… А папа навел справки, кто такой твой дедушка, Мураш Петр Петрович, профессор геологии, вот, и сказал, что ты не просто так тут появился, видимо, деду есть, что тебе передать. И не в хибаре разгуляевской тут дело, да? Даже не в домине том кунгурском или что там еще у деда твоего есть. Вообще, наверное, даже не в недвижимости…

– В тайных сокровищах? – усмехнулся Мур.

– Это тоже, наверно, – Долька уронила транспортир, звонко загремевший по полу, и не стала поднимать. – Да, папа еще сказал, что кому, как ни твоему деду, знать, где на всем Урале всякие подземные сокровища. Говорит, дружи-дружи с мальчиком, богатый будет. В гости, говорит, приглашай.

– Так и приглашай, – Мур наклонился за транспортиром, чтоб скрыть тоску. И не удержался, уязвил девчонку: – Я собираюсь много денег зарабатывать. Полиметаллические руды, платиновый пояс Северного и Среднего Урала, алмазы Вишеры. Геологи всегда нужны. Если они хорошие специалисты. Я уже готовлюсь.

– Значит, ты хочешь на Урале остаться насовсем? – кажется, Долька тоже скрывала именно тоску.

– Мир большой, – сказал Мур, вспомнив всякие Аппалачи и Фудзиямы, и сам усмехнулся тому, как нахально это прозвучало в душном классе так себе школы. – И я хочу увидеть как можно больше. На всех материках побывать. Не унывай, Долька. Еще покатаемся с тобой. Ах, да. На весенние каникулы с Петербургом не получится. У меня все под завязку. А еще с клубом спелеологов поедем в Большую Мечкинскую пещеру, хочешь со мной? Я спрошу, можно ли тебе с нами. Там такие есть гроты, что…

– Да зачем мне ваши пещеры, я их боюсь, – перебила Долька. – Мурчик, ты думаешь, я алмазов твоих платиновых хочу? Я хочу вообще отсюда уехать… Хоть в Москву, хоть в Питер, хоть… Да хоть во Владивосток. Насовсем.

– А почему?

– От всего. Мне уж кажется, что из-под земли всякие твари лезут и меня за ноги вот-вот схватят и утянут… Будто пальцы такие невидимые черные… Да не бойся. Это не шиза. Так, от переутомления, наверно. На самом деле я тоже устала. От родителей. От сестры… Она совсем уже с ума сошла…– нижняя губа у нее задрожала, но Долька перемоглась, не заплакала. Зеленая опять вся. И похудела чего-то. – Галька ж капризная, бешеная. Когда по времени у нее раньше тренировки начинались, теперь лежит на полу и ковер на нитки раздирает. Вот кого на Банную Гору бы отправить.

– Не злись. Это – да, ты устала очень, вот и все. Гальке тоже ведь плохо.

Долька пожала плечами. Задумчиво посмотрела на Дениса на соседнем ряду, торопливо покрывавшего циферками тетрадный лист: ради экзаменов он пахал, как раб ради свободы. Потому что собирался подавать документы в московский институт. Денис умный. И еще – рослый, красивый. Добрый, губастый человек-лось. Мур скорей отвлек Дольку:

– Так, вот что. Нужен отдых. Давай-ка смоемся с шестого? И пойдем погуляем, и купим все, что ты захочешь! Давай сестре твоей тоже что-нибудь купим?

– Да я и не знаю, что ей купить, – растерялась Долька. – У нее только коньки в голове. Ну, катастрофа, что больше кататься нельзя. Будто больше в жизни смысла нет другого. Ну ее… Ай, Мурчик, с шестого мы точно уйдем, – на миг она стала похожа на прежнюю самоуверенную Дольку. – Сколько можно время терять.

Это она ведь не о нем? На литературе, под речитатив учительницы о том, как «автор проводит героя через новый круг испытаний», он все думал, как дальше жить. Есть ли у него своя собственная цель? Потому что вот он сам – чего хочет? Ему все казалось, что новая жизнь

влечет его, как лодку без весел. То дед сказал: «Давай, будешь геологом» – и Мур учит геологию. Долька сказала: «Будешь моим парнем» – и Мур с ней гуляет. Но ведь и геология – круто, и Долька – прелесть? Чего еще хотеть? Не искать же себе «новый круг испытаний».

Снаружи мокрая погода потихоньку ползла к весне, и Мур сосредоточился на ней, чтоб не думать о планах Дольки на его жизнь. Как будто она уже все решила за него, и с какой стати… Ну, она ведь «долька». Может, и не случайно ей такое имя нравится, потому что не может и ли не хочет быть целой? Сама идти по жизни боится? Надо, чтоб за руку вели? Потому и липнет к нему? А никакой любви нет? Ох, да как же разобраться, любит или подлизывается?

Ну нет, она же хорошая…

Так, надо думать о весне! Верба пушистая и мать-и-мачеха, это уже скоро! В сером небе неспешно протаивало голубое, скрывалось, снова протаивало. Пахло мокрым снегом. Журчали под снегом ручейки. До каникул – три недели, а после, может, стоит уйти на дистант, чтоб спокойно готовиться… Долька чуть обогнала его и заглянула снизу – а этот зеленый цвет ее линз вовсе и не малахитовый, природный малахит цвета светофора никогда не бывает.

– А давай поедем в аэропорт и посмотрим на самолеты? – заискивающе улыбнулась Долька. – Давай? Пожалуйста!

Но она правда будто ожила, как будто не было никакого Ергача. Даже щеки розовые! И Мур согласился.

И они, перепрыгивая через прозрачные снежные лужи, поспешили на трамвайную остановку на соседней улице. Егоша, не оставляя в слякоти следов, стелилась вдоль стен – всегда рядом, всегда начеку. А ведь от нее, наверно, можно улететь на самолете? Уехать на поезде? Как она догонит? А кто тогда в Ергаче был?

– Что ты все вбок косишься? – поморщилась Долька.

– Кофейню высматриваю, – соврал Мур.

Никто, кроме него, черную полувидимую тварь никогда, к счастью, не замечал. А то как бы он объяснял, кто это и что это, той же Дольке? С другой стороны, Долька, пожалуй, тут же исчезла бы из его жизни. Зачем ей жених с приветом. «Жених»? Мура замутило.

– В аэропорту кофе выпьем, – мечтательно сказала Долька. – И будем делать вид, что мы никакие уже не школьники, ладно?

– Зачем? Долька, ты подумай, вот наступает последняя школьная весна. И другой такой никогда не будет. Что плохого в том, чтоб быть самими собой?

– Пфф, – отмахнулась Долька. – Самой собой быть скучно.

В трамвае они встали на задней площадке, и сквозь забрызганное грязью стекло он увидел, что Егоша растерянно топчется, будто решает, прыгать ей в трамвай или нет. Сунулась было вперед, но двери зашипели и закрылись. Егоша посмотрела на отъезжающий трамвай с ненавистью и побежала следом. Она же старая. Ей же трудно… Ей не было трудно. Она разогналась и мчалась легко, как будто ее несло ветром. Или тянуло на невидимом канате, привязанном к Муру. Она даже лапами не особенно усердно перебирала – все равно асфальта не касалась… В животе снова зашевелились ледяные осколки, и Мур сунул руку в карман и крепко сжал камешек гнейса. Черное пятно Егоши летело то по проезжей части, то по тротуару, не огибая ни машин, ни людей – пролетая насквозь, как будто их для нее не было. А вдруг она и по небу летать умеет?

– Ты чего? – Долька будто почувствовала его ужас. – Ну не хочешь или некогда – не поедем.

– Поедем, – а если слишком далеко от своего лога Егоша отбежать не сможет? Ослабеет? Можно ли от нее в принципе оторваться? Но ведь она была в Ергаче? – Не пойду в Клуб сегодня, зачет по навеске я в прошлый раз уже сдал. Ты права, надо отдохнуть. Посмотреть на самолеты, – и вспомнить, что кроме Перми существует еще целый глобус. С океанами и материками. На тот бок глобуса Егоше, наверно, никак. – Нам теперь на автобус?

Пока ждали автобус в аэропорт , выглянуло солнце, и лужи засверкали так, что язвило глаза. Долька жмурилась, потом привычно прислонилась к нему, он – привычно ее обнял, прижавшись щекой к зеленой шапке. Пахло от Дольки приятно и успокаивающе знакомо. Долька в самом деле – хорошая девчонка, красивая. Только какая-то замученная, всегда усталая. Из-за школы, из-за домашних проблем. Но, наверно, в будущем ей нужна другая взрослая жизнь. Обеспеченная и размеренная. А не с геологом, вокруг которого крутятся то горные девки, то черные Егоши, и который лезет во всякие опасные места. Да, экспедиции всякие бывают – а какой геолог без экспедиций? Дед уже и маршрут летней экспедиции в деканате утвердил, и списки – Мур поедет рабочим. Перед сном он как колыбельную повторял: «геофизические исследования, геологическое картирование и отбор проб для геохимического анализа в лаборатории». Но если Егоша тоже за ним в горы увяжется, это ж кончится черт знает чем?

А тварь неторопливо подходила к остановке. Она снова стала полностью видимой, мокрая шерсть на спине и маленькой злой голове поблескивала под солнцем. Нагло прошла сквозь толстую тетку с сумкой-тележкой, сквозь мужичка, выскочившего из магазина с прозрачной, ослепительно сверкнувшей на солнце бутылкой, прижатой к груди, сквозь девицу в обтягивающих серебристых штанах – и аккуратно обошла пацаненка с ярким ранцем, сосредоточенно переступавшего в снежной, искрящейся серебром луже желтыми сапогами. Муру стало легче – значит, Егоша не трогает детей?

Она подошла совсем близко и несколько секунд смотрела Дольке в спину, будто оценивая. Дернула носом, будто поморщившись. Подняла морду – невидимый взгляд холодом мазнул по лицу Мура – и отошла. Потопталась, озираясь, явно оценивая всех на остановке, и прицельно подошла к невысокой тетечке в черном пальто, уткнувшейся в телефон. Подошла, ткнулась носом в подол, постояла, шевеля носом; двинулась дальше сквозь тетечку – а насквозь не прошла. Не вышла. Осталась где-то внутри черного пальто. А та, не отрываясь от телефона, как-то странно повела плечами, нагнула голову, ссутулилась.

Мур попятился, увлекая за собой Дольку.

– Ты чего?

– А вон… автобус… – через силу сказал Мур.

Тетка подняла голову – и оказалась старухой. Только что была нормальной, лет сорока – и вот уже седые космы и синие губы. Она смотрела прямо ему в глаза, и взгляд сквозь модные, в красивой оправе очки, дико смотревшиеся на белом морщинистом лице, был прозрачный и ничего не выражающий, как вода. Пустой. Очки, видно, помешали Егоше, и она смахнула их с лица неловким, собачьим движением – блеснув, они упали на мокрый асфальт. Покатилось вбок стеклышко. Двинувшись вслед за пятившимся к автобусу Муром и Долькой, тетка наступила на хрустнувшую оправу. А в автобусе, качнувшись, когда он тронулся, выронила телефон.

Долька бездумно, по привычке хорошей девочки – Мур не успел ее оттащить – подняла телефон и протянула тетке:

– У вас упало!

Егоша взяла, кивнула. Телефон теперь держала крепко, как бы напоказ, мол, я такая же, как вы, люди. Взгляд ее на Дольку был таким же пустым, ничего не выражающим. Звериным. Долька потащила Мура в сторону:

– Ты чего как деревянный? Давай отойдем, а то бабка эта какая жуткая… А нам еще столько ехать!

А нам еще столько жить, – подумал Мур. В нем окаменел даже костный мозг. – И как бы в этой жизни обойтись без Егоши? Как от нее отвязаться? Убежать-то, похоже, не получится… Вдруг, если Мур поедет к маме, Егоша и в маму вселится?

Ну, вот она и цель в жизни: избавиться от Егоши.

Вот только как?

3.

Весна на календаре, весна на улице, все тает и течет, только на душе никакой весны нет. Да еще и снег опять идет и сразу тает. Черное сражение зимы с весной. Долька болеет, да еще деду со вчера нездоровилось, температура и «полный развал», и сегодня, утром в субботу, Мур встал пораньше, в школу не пошел, а истопил печку, сварил гречневую кашу, замотал ее по дедовой науке в одеяла и сунул под подушки, зарядил деду термосы с травами и стал собираться в Кунгур. Оставлять деда одного было не по себе, очень уж у него глаза больные, будто свалился в глубокий шурф и выбраться не может. Суседушко-то не то что каши не сварит, а и воды не подаст. Только пустым блюдцем гремит под печкой. Мур сунул ему пряник.

Надо ехать к людям, которых дед по-старинному называл «компаньонами»: сегодня они ждут партию дедовой работы бронзовых украшений «под древность»: подвесок в виде солярных кружков, небесных лосей и медведей, вычегодских календарных колец, простых женских бляшек с совами или выдрами и, главное, с насечкой по краю, чтоб древним способом рассчитывать лунные месяцы. Надо будет Дольке такой подарить, когда поправится. В школьном ранце вместо учебников лежали запакованные коробки и залитая от греха в мягкий пластик заказная серебряная чаша, копия чаши старого клада, с вогульским[18], на шестиногом лосе всадником и расходящимися от него двадцатью шестью лучами и тройными точками, – тоже древний способ расчета солнечного года. Мур знал, сколько все это стоит, но даже думать о цифре не хотел. Это у деда хобби такое, и все. Вчера вон опять весь вечер сидел, молоточком новое блюдо выстукивал… Надо отвлечься. Хотя о Егоше думать он тоже не хотел – но отвлечься был не в силах.

Трамвай по ненарушимому порядку катил сквозь утренние сумерки и бесконечный снегопад. Рельсы он отыскивал, наверно, на ощупь. Мур вынул бокс с наушниками, глянул – нет, только не вколачиваемые нотами простые эмоции. Сил нет сопереживать даже ерунде. Спрятал. Пусть лучше тишина. Хотя какая ж тишина? Город, люди. Но полупустой трамвай шел почти неслышно. Думать не мешал. Как же тошно-то, а.

Егошу Мур видел, когда вышел из дома – та будто из-под земли через мокрое снежное месиво вылезла. Посмотрела на него, потом по сторонам и косолапо потрусила в сторону большой улицы, тут же скрывшись в метели. И на трамвайной остановке Мур ее не увидел. Хотя тут слякоти, луж, почерневших сугробов столько, что она где угодно может таиться. Если она водяная ведьма, то во всей этой мартовской слякоти под ногами ей привольно, как опарышу в падали. А может, уже влезла в кого, и Мур пристально разглядывал людей на остановке: кто ссутулился, кто постарел? Вроде не видно, но поручиться он не мог. Вон бабка с кошкой в переноске – настоящая или нет? Егоша бросила бы переноску или нет? Бабка влезла в трамвай, плюхнулась к окну, бережно уместила переноску на коленях и что-то забормотала кошке – значит, настоящая. Егоша всегда молчит.

Та, в черном пальто, старуха так и доехала тогда с ними до аэропорта, какое-то время бродила по залу ожидания, разглядывая людей – люди шарахались – и временами проверяя взглядом Мура. Мур отвлекал Дольку, веселил, оберегал, незаметно отворачивая так, чтоб она не видела старуху. В аэропорту было полно народу, с детьми, даже с собаками, с громадными чемоданами – а на табло полно строчек с «отменен». Дело в погоде? Люди нервничали. Надо уводить Дольку. И самолетов из зала не видно. Когда они «как уже не школьники», едва приткнувшись к неудобному столику, пили капуч в переполненном кафе, Егоша-старуха вдруг ухмыльнулась ему, ощерилась из-за колонны. Зубы… Зубы у нее… В тусклом свете кафешки пасть у нее светилась, как расплав серебра.

---

[18] Прежнее название народности манси, малочисленный финно-угорский народ в России. Как этнос манси сложились в результате слияния местных племён уральской неолитической культуры и угорских племён.Первоначально манси жили на Урале и его западных склонах, но коми и русские в XI—XIV веках вытеснили их в Зауралье.

Потом она пропала. Но Мур замечал то бледную растерянную старушонку с розовыми леденцовыми волосами и в розовом же пальто, у которой свалился с коленей на бетонный пол дорогой ноут, то толстуху, сдувшуюся на глазах посреди зала ожидания, изо рта которой немножко, жутко-жутко светило серебряным, то девушку в форме на стойке регистрации, у которой тряслись руки и на полумертвом сморщенном лице как зияющая рана пылала смазанная на щеки помада. А Долька тем временем ушла глубоко на дно депрессии, потому что из нового здания аэропорта самолетов никак увидеть было нельзя, как они не искали панорамных окон на поле. Только из накопителей, а туда без билетов никак. Тогда они вышли на улицу и по снегу попробовали подобраться к воротам на летное поле у старого здания аэропорта – оттуда было видно кусок летного поля с зелеными и бело-красными самолетами вдали. Долька смотрела на них голодными глазами, пока ее не затрясло, то ли от холода, то ли от горя. И Мур снова потащил ее в нервную толпу, пить кофе, отогреваться. Самому плевать было на самолеты. Они казались игрушками, да и глаза на них не смотрели – потому что никакой самолет в мире не унесет его от Егоши. Уж это тварь дала понять. Для того, наверно, и увязалась за ним: мол, оставь надежду.

Но самое ужасное стряслось дня через два после аэропорта. Долька заболела – заболела вдруг, в школе. Нет, не простудилась. А заболела жутко. На алгебре кисла-кисла, вздыхала, ерзала, пила из термоса, откуда горько пахло пижмой, потом притихла – и вдруг легла головой на парту и сказала:

– Можно мне в медпункт…

– Мураш, проводи, – отмахнулась учительница. – Таким образом, эта переменная…

Мур вскочил, подал руку Дольке, она ухватилась белой рукой, встала – и в классе наступила страшная тишина.

– Богодай, сядь обратно, – повернулась от доски, бледнея на глазах, учительница. Учебник сам собой выпал из ее рук на стол. – Чердынцев, марш в медпункт за доктором, скажи, пусть аптечку тащит. Обвинец, бегом за дежурным завучем. Корякин – за директором. Сюда, мальчики, не возвращаться, ясно? Все остальные – тихо-тихо собрали вещи, встали и быстро все спустились в столовую. И не орать по школе, вы взрослые люди. Живо. …Мураш, а ты что, особенный?

– Я не уйду, – Мур придвинул свой стул к Дольке, обнял ее, положил головой на плечо. Долька привалилась к нему, улыбнулась беспомощно и закрыла глаза. – Глаза не закрывай, – приказал Мур. – Ну же, Долька! Все будет хорошо! – Посмотрел на учительницу: – Скорую скорей.

– Сейчас, – учительница достала телефон. – Конечно…

– …Что еще за ужасы! Кто это тут кровищей истекает?! – влетела мелкая, как пинчер, хамка-завуч. – Что это еще за… Господи, – и тоже схватилась за телефон. – Конечно, Дашенька, солнышко, мы сейчас… Сейчас…

Мур держал Дольку и старался не коситься вниз. И Долькину голову ладонью поддерживал так, чтоб лежала на его плече повыше, чтоб она тоже не видела красное под стулом. Он ведь знал, знал, что ей плохо, но думал, опять капризы, чтоб не возиться с интегралами. Скотина тупая. Прибежала доктор, сунула вонючую ватку Дольке под нос:

– Деточка, ты чего это у нас? И часто у тебя так?

– Нет… Так первый раз… Но у меня… У меня уже три недели они не кончаются…

– А маме что не сказала!!

– Маме некогда…

Когда шумно вошла бригада скорой, Мура, конечно, выгнали. Он подумал и сбегал в раздевалку за Долькиным пальто, сунул его женщинам в класс, и потом Дольку так завернутую в это зеленое пальто и вынесли на носилках. Он пошел рядом, стараясь не путаться под ногами у взрослых, проводил мимо здания большой школы до площадки у маленькой, где стояла скорая

– Долька по дороге виновато улыбалась ему, дурочка беспомощная, – а потом к школе подлетело такси, оттуда выскочила Долькина мама и ее сразу подсадили в салон скорой, та захлопнула все двери, развернулась и уехала, включив сирену. Мур посмотрел на пинчер-завуча. Та развела руками, бледная, выбитая из колеи. Потом собралась и велела:

– Быстро в школу, Мураш, холодно.

С тех пор прошло две недели. Долька неделю была в больнице, теперь пока сидела дома. Мур не знал, как она после такого вернется. Потому что одиннадцатый класс-то да, на словах «взрослые люди», а по факту растерянные и нахальные подростки, которые ничего не знают и не понимают, но которым кажется, что они знают все. А Долька боится, что «вдруг опять». Мур пару раз заходил к ней домой, решал с ней задачки – Долька старалась, не тупила, но сил у нее было мало. И в кофейню спускаться она не хотела, даже если нелюдимая – Мур ее так и не видел –младшая сестра в своей комнате включала музыку и начинала скакать, как коза: «Да пусть, ей от этого легче…»

Почему женское здоровье сломалось в Дольке? Мур сразу подумал, что это из-за Ергача, из-за мерзкой твари, которая полсуток сидела у Дольки внутри. Егоша тоже может влезть в любого, он сам видел. И наверняка влезает, и ей там, пожалуй, неплохо. Когда на уроке биологии между делом сказали, что в организме взрослого человека – примерно 65% воды, 70% которой находятся внутри клеток, а 30% во внеклеточном пространстве, понял, что Егоше этой водицы точно хватит, чтоб угнездиться. От тоски стало холодно, тело отяжелело, как если бы Егоша уже расположилась в нем, а руки и ноги болели, как у старика. Так он и влачил это состояние, хотя и надеялся на пряжку с «Когтистой бабушкой», ведь дед сказал, что она защищает… А других людей что защищает? Что горные девки, что Егоша, что невесть еще какие твари из Подземли, если им надо, влезут в любого. И, может вокруг полно людей, которые уже, сами того не замечая – носители? Кормовая база?

И Долька, милая, глупая, жадная до всего, до всей жизни Долька – что с ней будет дальше? Как она смотрела на самолеты тогда, как храбрилась и пила кофе «будто мы уже не школьники», испуганно косясь на злых и нервных взрослых вокруг, таскающих за собой громадные чемоданы – а у нее все это время болело там все внутри? Но ее же вылечили? В нее столько крови донорской влили. И витаминов, и лекарств. Обидно, что пока восемнадцать не исполнится, кровь сдавать нельзя. Мур бы Дольке всю отдал, только бы скорей поправилась. Ничего, поправится. Вот окрепнет, пойдет в школу, все будет хорошо… Все будет хорошо!

Мир от того, что в нем вообще-то есть смерть, от того, что никак не избавиться от водяной доисторической Егоши и прочей тайной силы, как-то связанной со смертью, стал пасмурным и страшным. Будто от этой твари исходила невидимая, но тлетворная, едкая радиация, разъедавшая не только девичьи внутренности, но и нервы, и логику, и саму базовую природу реальности. Того гляди, исчезнет город и поднимется вокруг страшная, черная парма. Он почти всерьез повернулся к окну, чтоб убедиться, что страшные мертвые, может, каменные, сосны и кедры еще не лезут из Подземли, взламывая асфальт. Нет. Просто идет серый снег.

На самом деле тут где-то под асфальтом речка Перминка, похороненная заживо, течет в склизкой трубе. Так что если и полезет кто наружу, так какая-то болотная тварь, может, обозленная еще пострашней Егоши… А может, вылезла давно и тоже таскается за каким-то горемыкой, как за ним Егоша? Девчонок губит?

Трамвай ехал по краю Эспланады мимо едва видневшегося сквозь снег бесконечного бугра Слудки, на котором выстроились, застряв со времен советских парадов, серые коробки. Потом подступили ближе облезлые пятиэтажки в коросте ярких вывесок, в шелухе отстающей бурой штукатурки. Люди взрослые, что ж вы, неужели не понятно, что не надо красить дома в цвет дерьма? Где же тот сказочный синий город, который он полюбил с первого взгляда? Теперь это было какое-то глубоко провинциальное дно. Понятно, почему Долька хочет сбежать. С

такой реальностью Мур не хотел соглашаться – но что, значит, теперь он видит мир как он есть, видит правду? И все взрослые видят мир вот таким убогим?

На передней площадке дедок, от которого разило мочой, устроил склоку с кондуктором, визжал и плевался. Тоже, значит, мир не устраивает. За окном замызганный пластик остановок пестрел розовыми и желтыми бумажками: «Помощь при алкоголизме», «Подсобники на стройку», «Позвони Ксюше», «Работный дом», «Работа вахтовым методом»… Да, из этого складывается мир взрослых, которые не стали никем. Откуда тогда чувство, что всех этих нищих, к кому обращены объявления, обманывают? Вроде все обычно, только очень уж противно, будто мир уже сдох и разлагается.

А вдруг эта тоска и нужна Егоше? Вдруг она только и ждет, когда и он расхнычется и сдастся, чтоб влезть в его внутриклеточную воду насовсем? Его продрало холодом.

Нет.

Ни за что.

Но где ж набраться воли, характера, сил? Он не боец. И защищает его от Егоши только вот древняя «Когтистая бабушка» – Мур сквозь куртку потрогал ее на груди и чуть утешился. Камешек еще в кармане потрогал, которому около трех миллиардов лет. Успокаивает сразу.

Зимой, когда Егоша, грязная и старая, лежала в бочке, а он назвал ее росомахой, Мур вроде бы жалел ее. Хотел как-нибудь помочь. Если не спасти, так успокоить. Но сейчас, вспоминая, как быстро румяная, живая Долька сделалась бледной и восковой, того гляди растает, – понимал, что помогать Егоше сверх его сил, как сверх сил и возможностей расчистить ее лог от кладбищ, плотин, дамб, коллекторов и вернуть Егошихе первозданную свободу, чтоб текла себе, сверкая на солнце, чистая, по песку и камешкам – в большую Каму… Да еще б Егоша людей не ненавидела. Ведь гнилой ручеек, закиданный мусором, собравший стоки грунтовых вод с кладбищ, заводов, жилых массивов, – жалкая жилка, что осталась от древней речки, течет в трубу коллектора, как в могилу, а оттуда, трупным ядом – в Каму и дальше.

Понимание, как Егоше плохо, больше не вызывало жалости – после того, как Мур посмотрел в мертвые, пустые глаза тех людей в аэропорту, в которых она влезала, посмотрел на лужу Долькиной крови под школьным стулом. Да как же сделать, чтоб Егоша исчезла? Упокоилась в подмирье или где там ей надо упокоиться?

– Уходи, – прошептал он, будто Егоша могла его услышать. – Ты не должна быть здесь.

Трамвай равнодушно катил к вокзалу. Речка Перминка под землей текла в другую сторону. Снег падал.

Да никому Егоша ничего не должна. И что ей вообще считаться с людьми? Она мстит. И что, с ней надо сражаться, как герои фэнтези-саг, защищая якобы невинное человечество? Тьфу. За Дольку он бы стал сражаться. Как? Найти в тайных горных пещерах заветный меч-кладенец? Что-то он плохо представлял, как стал бы гоняться с острой железкой за плешивой и, когда ей надо, невидимой, доисторической росомахой. И, главное, зачем? Если Егоша – зло, то его сами люди веками сами творили. Но… Нынешние люди ведь ей ничего плохого не делали, они живут здесь. Они лишь унаследовали от родителей этот давно испорченный мир. Долька точно никому ничего плохого не делала.

Сверху крупные белые хлопья посыпались еще гуще. Город за грязным стеклом стал исчезать как под гигантским ластиком – остались едва намеченные карандашом линии на грязном ватмане. Мур сдуру представил себе гигантскую росомаху из грязных снежинок, занявшую промежуток от асфальта до туч, мягко ступающую по городу. Изнутри плеснуло кислым ужасом, но воображение несло дальше. Шерсть Егошиного брюха космами снегопада цепляется за крыши, столбы, провода… Лапы с неслышным хрустом давят автобусы и машины, ежащихся людишек, кто подвернулся – вернее, давят в них все хорошее и доброе… А они и не замечают, едут и бегут себе дальше. Раздавленные. Минут пять он потом внушал себе, что нет, это не всерьез, просто фантазия, – и так и не убедил. Потому что снег – это вода, а Егоша любой водой

пользуется, как захочет. Захочет – разрастется во весь снегопад. И черт их знает, какие егоши водятся в дождях и снегопадах, в обычных и подземных мелких речках, в Каме, в Неве… В морях и в тучах. В каждом цунами… Мур одернул себя. Хватит фантазировать. Это все снег. Это все погода давит. Ну, и то, что Долька как-то жутковато болеет и что дед прихворнул. Вот наступит весна и все будет хорошо.

От трамвая до вокзала через бесконечную площадь он мчался ссутулившись и натянув капюшон до носа. Вокзал с громадными буквами «Пермь II», уже знакомый, сквозь снег казался порталом в иные миры. В самом деле, что это значит: «Пермь Вторая»? Может, это еще одна, совсем другая, нереальная? Другой город? Под вокзалом лабиринт туннелей, там только разок сверни не туда и, может, в самом деле выйдешь в другой мир? Или в Подземлю? Надо попробовать. Меч-кладенец поискать.

Но не сейчас. Его в Кунгуре ждут. Поэтому порадовался, что в зияющие пещеры под синими буквами «Тоннель» не надо, взбежал по лестнице и в главные двери вошел в кассовый зал. Свет, люди, тепло. И небо не валится на голову мягкими хлопьями. Отряхнул снег с капюшона, купил билет и – а, еще есть время на кофе! Купил стаканчик в зале ожидания, отошел к большому окну на перрон. Снег все валил. Таял, едва коснувшись слякоти на асфальте. На вкус кофе был как земля. Будто туда Егоша плюнула. Он поставил стаканчик на подоконник. Надо успокоиться. О чем бы подумать? Посмотрел вокруг – зал ожидания старинный, еще с царских времен, часть старого вокзала, встроенная в советский вокзал. А еще есть «Пермь Первая», исторический вокзал у Камы, неподалеку от Разгуляя, нарядный, как из мультфильма по русским сказкам. Может, когда-нибудь будет и «Пермь Третья»? Он поймал сознание на том, что оно вкладывает вокзалы и времена друг в друга, как матрешки, и за «Пермью Третьей» уже складываются из звезд, металлических ферм и детских кубиков «Четвертая» и «Пятая» – мозг шел на любые хитрости, чтоб хоть ненадолго забыть о Егоше.

За огромным окном – перрон, дальше – рельсовые пути во все стороны света. Вроде бы там свобода. И снег. Поэтому нет свободы и, куда ни беги, везде настигнет эта тварь, которой что-то от него надо, которую не видит никто, кроме его и деда. Но дед относится к ней все равно что к морозу или оттепели, ну есть и есть, она ведь для него всегда была, с детства. И горные девки для деда как будто реальность, и Суседушко, и черт знает кто еще. Но деду они привычно безразличны, как самому Муру – соседи в многоэтажке или люди вон вокруг, чужие все…

Ой. Красиво как! Это… Это же… Похоже на сказочный фильм.

Девочка.

Просто девочка. За окном на перроне, под крупным снегом – девочка в белой шапке, вся заснеженная как в шубе, подставила лицо снегу и ловит снежинки на ресницы. И никакого дела ей нет ни до людей вокруг, ни до проходящего по дальнему пути грязного товарняка и остального неправильного мира. У нее свой, хороший. Только она и снежинки. Мур раньше тоже так умел: увидел что-то хорошее и враз напрямую к нему подключился… Теперь уже никогда, наверно, не будет так хорошо, как в детстве. Пусть бы девчонке везло подольше.

Запиликала музыка и объявили посадку. Народ повалил наружу. Мур вышел на перрон в ближнюю дверь и сразу посмотрел, где девочка, не приснилась ли – нет, есть на самом деле! Она так и стояла, смотрела сквозь свои снежинки на ресницах на подтягивающийся состав. Мур прошел совсем близко – на щеках у девчонки крупные капельки от снежинок, под ними – редкие светлые веснушки. Худенькая, лет тринадцати. Глаза серые, ясные. Сама на снежинку похожа. Что она делает одна на вокзале? Может, подойти – так ведь напугаешь… Поезд остановился и открыл двери. Девчонка вздохнула, деловито смахнула снежинки, попрыгала, стряхивая снег с себя и с плотно набитого рюкзака, сняла шапку – светлая растрепанная косичка змейкой выскользнула на волю – стряхнула с шапки целую метель, надела и пошла к вагону. И правда одна едет.

Мур поднялся сразу за ней, посмотрел, где села, и сам сел так, чтоб присматривать. Хотя какая от него польза? Чем он ее защитит, если что? Разве что кого ранцем с бронзой по башке может треснуть. Мало не покажется.

Динамик над головой прокудахтал что-то, а белый перрон, рябящий от черных следов, уже плавно-плавно поплыл назад – Мур и не заметил, как поезд тронулся. Снег вот-вот растает, черные следы исчезнут, и на перроне ничего не останется от тех, кто сел в поезд и уехал. Так и всю жизнь человек проживает: наследит как умеет, натопчет в тающей слякоти, но только шагнет за край – и следа как ни бывало. Да в общем-то, хоть не в снег, а в горячий асфальт следы впечатывай, хоть петроглифы на скалах выбивай – разница не велика. Все дело ведь в шаге за край. Только не на поезд этот шаг, а в никуда. В ничто.

Аааааааааа.

Как же ему уже осточертели эти депрессивные мысли. Ну да, мир поломанный, и что? Просто его надо починить, прошить в нем новые настройки на все хорошее, а не на «работные дома». Пропатчить. Хотя, впрочем, попытки таких прошивок каждым новым поколением прописаны, наверно, в самом исходном коде людей… Да что ж такое! Просто болезнь сознания какая-то. Порча. Будто какая-то злая сила сидит на плечах и прямо в мозг эти унылые мысли впрыскивает. Егоша, чтоб тебя, отвали!

Мур на миг сильно зажмурился, потом жадно распахнул глаза, чтоб увидеть мир по-новому: этот детский фокус обычно помогал прогнать мысли о плохом. Снегопад снаружи вроде бы редел. Мелькали столбы, угадывался лес за стеной снега. Промелькнул шедший навстречу снегоочиститель, залепленный снегом по самую крышу. Что с таким Егоша может сделать? Вон снегомет какой, на двадцать метров вбок, как белое крыло. Мир вполне исправен.

Бессмертия нет, так что теперь, выкинуть жизнь в мусор? Ну уж нет. Она одна. Прожить надо как можно дольше. Потому что интересно. И так жить недолго, в лучшем случае плюс-минус сто лет, если с медициной повезет. Правда, он читал, что его ровесникам и тем, кто младше, может повезти дожить до ста двадцати. Здорово бы было. Главное, из ума не выжить.

Девчонка в белой шапке уткнулась в телефон и стала обычной. Мур тоже проверил сеть – Долька что-то не пишет. Гальку отправили в ортопедический санаторий, дома тихо стало, значит, Долька спит, наверно. Поправляется. Как бы ее поддержать? Помочь. Экзамены-то ей, наверно, не отменят. Их сначала надо сдать, а уж потом мечтать о Москве или куда она там захочет…

Мур достал подсунутый дедом вузовский учебник по географии Урала. Все пробники он решал уже на сто из ста, но в удачу не верил, и от экзаменационных бланков его мутило. С трусостью перед экзаменами помогали справляться только учебники. Поезд шел себе и шел, никуда не торопясь, точно по расписанию, станция за станцией. В мире вроде был порядок. Поезда ходят, школьников ждут экзамены… И тут он понял, что больше чем на полчаса забыл о Егоше. Неужели оставила в покое, мол, все равно никуда не денется?

В дальнюю дверь вагона вошли контролеры. Народ закопошился, доставая билеты или открывая их на телефонах. Мур достал свой, предъявил. Девчонка тоже закопошилась по карманам куртки, потом проверила рюкзак. Замерла. Зачем-то посмотрела в шапке. Контролеры, дядечки в черно-красной форме, каждый под сто двадцать килограмм, двигались с концов вагона – и девчонка находилась ровно на середине. Там великаны и сошлись, встали над ней, как две горы. Девчонка еще раз порылась по карманам. Мур думал, заревет – но она молчала. Только как-то беспомощно показала контролерам пустые ладошки. Те стали требовать оплату – она опять показала ладошки.

– Высадить права не имеем, – загудел контролер потолще. – Поедешь с нами до конечной, сдадим в Дистанцию, пусть родители приезжают и оплачивают проезд и штраф.

Девчонка молчала. Змейка косички ее тряслась, телефон в разноцветном чехле упал на грязный пол. Мур схватил рюкзак и учебник, подошел:

– Не надо, погодите, я оплачу!

– На каком основании, молодой человек?

– Соседка по даче, – соврал Мур. – Картой можно?

Через минуту все кончилось. Контролеры двинулись в другой вагон. Пассажиры косились на Мура и усмехались. Ну и фиг с ними. Белый листочек билета дрожал у девчонки в руке. Надо успокоить. Мур сел рядом, подобрал с пола ее телефон – и заметил на полу под лавкой точно такой же белый, со штрихкодом, прилипший к мокрому билетик. Трогать не стал, грязно – скорей всего, просто уронила. Но это уже не важно. Он обтер телефон об джинсы, сунул девочке:

– Да все, успокойся уже. Они ушли.

Она, разок промахнувшись, сунула телефон в карман. Спрятала билет. И вдруг уткнулась в Мура, вцепившись в рукав, и заревела. Навзрыд.

– Напугали девочку, ироды, – проворчала бабулька сзади.

– Так сама виновата, – отозвалась серая тетка через проход.

– На-ко, углан[19], – мужик в спецовке вынул из за пазухи желтую бумажку с цифрами и буквами «Работ… вахт..», достал оттуда и сунул Муру рублей двести: – Я б выручил дитё, да не сообразил! Не соображаю, слышь, быстро-те! Возьми хучь себе, хучь малой шоколадку купи! А то небаско[20] так-то!

– Спасибо, – Мур взял, запихнул в карман девчонки.

Та все ревела, прячась ему в плечо. Домашняя девочка, нежная, иначе б не испугалась до слез. Куда ее несет одну-то? Суббота же, утро – школа; она в школе должна быть? Поезд мчался через словно бы замерший снегопад. Мир был равнодушен, как всегда. Случился же с ними такой… Как жить-то с такой кучей отягощений? Но то, что девчонка, да еще настолько младше, прижималась к его боку, наполняло его новой волей.

4.

На очередной станции она привстала было выйти, но Мур буркнул:

– Сиди.

И она послушалась. За окном проплыла вывеска станции: «Ергач». Мур передернулся. Потом простучал под колесами мостик через невидимую под снегом речку. Девочка, иногда шмыгая, так и сидела всю дорогу до Кунгура, прижавшись к Муру, будто знала его давным-давно. Молчала. Но не расспрашивать же ее на глазах у всех. Маленькая, растрепанная. Ресницы длинные – как раз снежинки ловить. Он тоже будто бы знал ее давным-давно. Где ж он видел такие серые, совсем светлые глаза? А, у Дольки такие же, но она их стесняется, за линзами прячет. Да и, правда, у Дольки глаза теперь выболевшие, холодные, как ледышки. А у этой – мокрые, детские.

– Куда тебе надо?

Пожала плечами.

– Ты из дома удрала, что ли?

Опять пожала плечами. Отпускать нельзя никуда. Мур и не отпускал:

– Будешь со мной. Сначала по делам, а потом решим.

А что решим, он и сам не знал. Ладно, разговорится же она. И он, наверное, сделает все, что она попросит. Но не так, как для Дольки – чтоб ладить и чтоб дала поцеловать. А чтоб помочь. Эта же маленькая совсем.

В Кунгуре снег валил еще гуще, чем в городе, никакой Егоши за пять шагов не разглядишь. Но чувство, что она неподалеку, стало острее. Поезд больше не защищал Мура всем

[19] Мальчик, подросток (уральск.)

[20] Нехорошо (уральск.)

своим железом и электрическими цепями. И вообще тут, в крохотном городке, нынешней век опять стушевался, отступил, как незваный гость. Одноэтажный лабиринт подслеповатых домиков с дворами и гаражами, глухая тишина, изредка проезжающие внедорожники и грузовики, еще реже бредущие сквозь метель пешеходы. С девчонкой за руку – вцепилась, как маленькая, временами поскальзывалась и вообще что-то прихрамывала – Мур по навигатору заранее добрался до адреса, впрочем, он тут с дедом уже пару раз был. И никого случайного, даже если это похожие на снежинок девочки, водить сюда, естественно, было нельзя. Он, головы не повернув, прошел мимо нужного дома:

– Веришь мне? Тогда слушайся.

Она кивнула. На другой стороне улицы, неподалеку от багрово-красного, как борщ, кирпичного собора с колокольней, была сувенирная лавка, и он завел ее туда и велел:

– Вот побудь тут, посмотри пока камни и всякое вон красивое. Никуда не уходи. Минут через пятнадцать я вернусь. Искать тебя, если уйдешь, не буду. Поняла?

Она кивнула. Глаза наполнились слезами. Да что ж это такое:

– Не вздумай реветь.

На самом деле, конечно, искать стал бы. Обегал бы все. Но зачем сложности?

– Даже выходить отсюда не смей. Поняла?

У собора Мур видел паломнический микроавтобус, заметно ошалелый, что удалось прорваться сквозь мартовскую метель. Но в лавке народу было немного. Тетеньки в платках и юбках в пол перебирали магниты, простенькую галтовку, фигурки из селенита, подсвечники непонятно из чего, зеленые брошки из якобы «малахита», подвески из латуни, статуэтки, отлитые из полимера в Китае и раскрашенные под камень, нитки бус. От вида шкатулок из змеевика, на крышки которых присобачили картинки из детских книжек по сказам Бажова, его чуть не вывернуло. Пожалуй, с «посмотри красивое» он поторопился. Настоящие уральские камни в углу за спиной продавца: розовый орлец, пейзажную башкирскую яшму, пестрый змеевик – тетеньки словно не видели, будто настоящего в их мире не было никогда и теперь они не могли его узнать.

Дедова работа тут не продается, конечно. Более того, за одну подвеску дедовой работы тут весь прилавок можно купить – да только к чему этот мусор. Девчонка смотрела на теток и дребедень на прилавке так, будто тоже отличала хорошее от плохого.

– Не разговаривай ни с кем, – проворчал Мур строго, как только мог. – Я скоро.

Так, через улицу, потом обогнуть бело-зеленый, в кирпичных узорах, купеческий дом, вросший в грунт уже по самые подоконники, спуститься во двор, как в снежно-земляную крепость, через двор направо и постучать в раму второго от угла окошка с кружевными занавесками. Не дожидаясь ответа, перейти к крыльцу – от крыльца навес только остался, с узорными кирпичными колоннами, основания колонн вместе со ступеньками уже в землю ушли… Открыли.

– А, молодой Мураш, – усмехнулся знакомый дядька в кожаном фартуке со следами каменной пыли. – Ждем, входи.

Наверняка тут под домом имелось собственное подвальное кирпичное царство с секретами. И этому царству тут в городе-музее поспокойней. За дедовы подвалы в центре громадного города, в котором на каждом пятачке перла какая-нибудь многоэтажная новостройка, Муру было все тревожней. Тут и Егоша не поможет, если город решит, что все под снос.

Дом-то дедов, каждый кирпичик, жалко. Пронумеровать бы каждый, разобрать, потом перевести сюда и на дедовом подворье возвести заново? Это ж сколько денег и времени, да и секретность как сохранить?

Он выложил залитую в пластик чашу и коробки – дождался сообщения от деда, что пришел перевод, получил две, с ладонь, плашки орлеца и маленькую коробку с необработанными дымчатыми топазами, отказался от чая с пирогом. Дядька хмыкнул:

– Ну дак, вы, нынешни, теперь все без глютена да без сахару… А что, дедо-то тебя уж во всем в курс ввел или еще проверят?

– Да я тупой внук деду попался, – пожал плечами Мур, усмехнувшись. – Еще орлец от родонита [21] отличать никак не обучусь, какое там «в курс».

Мастер тоже усмехнулся:

– Слухи-то по промысловикам уж поползли, что у старого Мураша внучок объявился. Ты, парень, поумнее будь, поосторожней. Люди есть люди, начнут проверять, мол, через старого Мураша не удалось выведать, дык мож, молодой сдаст. Берегись. Даже с парнишками вроде тебя, кто вдруг навязываться начнет, смотри, не дружись. Жадность людская черт знает до чего доходит. А за эти годы они уж, кнешн, насочиняли: и платиновые россыпи, и выходы изумрудов, и подземный город, и чуть ли не новое месторождение то ль медной руды, то ль калийной соли – кто во что горазд. Понял, нет? Выдумки-то в нашем деле жутче правды.

Мур вспомнил планы папаши Богодая на профессорское геологическое «наследство» и слегка испугался. Вот так живешь себе, задачки по геометрии решаешь, с девочкой целуешься – а из-за дедовых секретов ты уж на примете у хапков и жадюг. Он вспомнил и отчима, который никогда не упускал ни копейки – вот уж кому и знать нельзя про дедов промысел. Не то что про горно-рудные его тайны. Да и с этим мужичком нечего откровенничать:

– Я что-то не понимаю, о чем вы.

– Да ладно, парень, ты вон с дедом-то на одно лицо, кому он, если не тебе, доверит?

– Да у него вообще-то сын есть.

Мастер потемнел. Махнул рукой:

– Батя штоль твой? Да тот если и знат чо, с него спросу нет. Какой спрос с горного.

– С горного?

– …Дедо чо, не объяснял еще? Ну, я не буду, не по чину. Так что, чайку-то точно не бушь?

Снежинка стояла в углу лавки, окруженная кудахчущими паломницами, перепуганная, вцепившаяся в рюкзачок. Протолкавшись, Мур опять увидел капельки на щеках – да только не от снега. По крайней мере, она не рыдала, как в электричке. Увидела Мура, бросила рюкзак и вцепилась в него крепко-крепко. Мокрая бамбоха шапки ткнулась Муру в лицо.

– Да я же сказал, что скоро! – Мур отодрал ее от себя, подобрал рюкзачок, взял за руку, кивнул тетечкам и сонному продавцу: – Извините за беспокойство, мы уходим.

На крыльце спросил:

– Да что ж ты ревешь все время?

– Боялась, что сбежишь, – низким шепотом сказала она.

– Чего мне от тебя сбегать? Но только что с тобой делать? Куда тебе надо, лягушка-путешественница?

Она как-то укрепилась, вытерла глаза. Пальцы худущие, как птичьи лапки. Ответила таким низким голосом, что Мур струхнул:

– В пещеру.

Вообще не девчачий голос. Несколько секунд она всматривалась в его глаза, будто изучала его испуг, его мысли, словно искала что-то хорошее. Подтверждение, что он никуда не денется. Мур испугался, что не найдет, и скорей пересилил испуг:

– В Ледяную? Да я и сам там не был еще. А потом?

Она пожала плечами. Словно все, что будет после пещеры, решится тем, что она там в пещере найдет. А что там можно найти? Туристическая пещера, цивилизованная.

---

[21] Это названия одного и того же поделочного камня. Родони́т, рубиновый шпат или орлец – минерал, соединение марганца. Образуется в результате метаморфизма осадочных пород, богатых марганцем, в особых условиях на контакте с магмой.

Мур посмотрел, который час. Если бегом на автостанцию, то как раз успеть на автобус обратно, как с дедом и договаривались. Но в пещеру тоже хочется. Он позвонил деду:

– Ты как себя чувствуешь?

– Лучше, – голос и правда звучал бодрее. – Статью пишу. У тебя все в порядке?

– Да, все хорошо. Деда, я в Ледяную пещеру уже который раз не попадаю, думаю вот сейчас сходить. Уж если я здесь. А то потом, сам знаешь, некогда, – а правда некогда, на носу третий, очный тур олимпиады по географии, потом экзамен в автошколе, потом пробники, а в каникулы в другую пещеру, Мечкинскую, для проверки, годятся ли они в спелеологи. Но с толпой братвы в обвязках впервые в жизни заваливаться в пещеру он не хотел. Ребята из клуба уже бывали, конечно, в пещерах, с отцами или еще как. Из них он один даже в безопасной и освещенной Кунгурской не был. Позор. Ленинградская Саблинка тут не считалась вообще. – Так я схожу, посмотрю спокойно?

– Иди, – кашлянул дед. – Жаль, я сам хотел тебе показать… Ну да ладно, осмотрись, потом тебя послушаю. Позвоню сейчас туда, тебя у кассы встретят.

Мур спрятал телефон. Снег все валил. Девчонка мрачно всматривалась в улицу, будто что-то могла разглядеть дальше, чем десяток метров. Мур никак не мог отделаться от представления, что весь снегопад – это одна бесконечная, из миллиардов снежинок, Егоша.

– Ну пойдем. А ты раньше была там?

Она не ответила. Неразговорчивая. Впрочем, так куда лучше, чем слушать неостановимый, подпрыгивающей на каждом камешке ручеек сознания Дольки, для которой норма коммуникации в том и состояла, чтоб озвучивать все впечатления. Хотя сейчас он бы послушал. Эта просто шла в ногу, как мальчишка, и крепко держалась за руку. Иногда прихрамывала, и Мур старался выбирать путь поровнее.

– Ты чего хромаешь, нога болит?

Опять промолчала, только рукой махнула. Так ведь не ноет. Было бы серьезно – так заныла бы, вон у нее глаза и так почти всегда на мокром месте. Спрашивать, что у нее стряслось, Мур не стал. Потому что опять отмахнется. Надо так подгадать, чтоб ответила. Низким голосом этим своим невероятным.

Вот и автобус до Филипповки, почти к пещере. Там, в обшарпанном салоне с одной сплошной лужей на полу, грязными волнами переливающейся туда-сюда согласно торможению и ускорению автобуса, они плюхнулись на сиденья и перевели дыхание. Как же хорошо, когда снег не валит на голову. За окном – белая стена, даже показалось, что различимы отдельные пряди егошиной шерсти. Валит и валит. Если б не таял под ногами – то завалило бы не то что по крыши – по маковку багровой колокольни… И от остановки автобуса пришлось еще грести по мокрому снегу еще с полкилометра.

Молодой парень, встретивший их у кассы, сразу скомандовал:

– Бегом, бегом, – и у похожего на космический шлюз входа в пещеру пристроил их в хвост уже почти втянувшейся внутрь группы, махнув экскурсоводу: – Маш, у тебя еще плюс двое!

И они оказались в страшноватом бетонированном тоннеле, выкрашенном серой краской. Свет дня отсекло дверью, но тут было ярко от электричества. Еще несколько метров – и вот оно, подземное царство. Все покрыто толстой шубой сверкающего инея так, будто они оказались внутри гигантской искореженной морозилки.

– Грот Бриллиантовый, – донеслось с головы экскурсии.

Толпа заслоняла им всю эту внезапную красоту, которой Мур вот никак не ожидал сразу при входе увидеть, поэтому они немножко приотстали, глазея. Пахло подземной зимой и чем-то очень чистым и свежим. Мур перевел дыхание. Подсветка медленно переливалась уныло-новогодним, дешевым каким-то спектром синего, алого, зеленого, лилового.

– Грот Полярный…

Тут все было покрыто льдом и инеем. А потом с каждым шагом дальше вся ледяная причудливая кожура сошла на нет, и мощь подземного движения пород явилась во всей жути геологических процессов.

– …Грот Данте… Толщина сводов от сорока до восьмидесяти метров…

Пещера. Он в самом деле наконец-то в пещере. Гроты, нависающие своды, пустоты, промытые за миллионы лет подземными водами, обвалившаяся порода. Движение геологических горизонтов. Миллионы лет, которые вот, можно потрогать.

– …Сталактиты… Сталагмиты… Десять-двенадцать тысяч лет назад…

Это она про образование пещеры. А Мур смотрел на ледяные, мутные сталактиты и сталагмиты – карбонатный сталагмит высотой один метр вырастает примерно за одиннадцать тысяч лет. Посмотреть бы на такое своими глазами, а то тут таких нет. Только ледяные. Подморозит – нарастут, потеплеет – растают. Потом опять нарастут.

– …Грот Крестовый… – голос экскурсовода едва доносился.

Посреди грота на каменной осыпи возвышался пугающий могильный крест, будто под ним в самом деле кто-то был захоронен. Заиндевевшие стены остались позади, сейчас бетонная дорожка шла среди осыпей и осколков глыб, когда-то рухнувших сверху. Похоже, когда-то все верхние своды просто рухнули вниз и завалили древнюю красоту, которую миллионами лет создавала подземная вода. Интересно, понравилось ли бы тут Егоше? Переселилась бы сюда. Столько гротов, столько подземных озер с прозрачной минеральной водой. И капает, все время капает сверху – просачивается вода с поверхности. Егошин рай.

– …Вымывание гипсов и ангидритов… Река Сылва… Грот Метеорный…

Девчонка крутила головой во все стороны, будто высматривала что-то кроме экскурсионных диковин. То лезла вперед, прислушиваясь к экскурсоводу, то отставала, догоняя, когда экскурсовод отключал подсветку.

В гроте Метеор показали фокус: выключив весь свет в гроте, посветили красным фонарем в боковую галерею – и во мраке высветился силуэт изогнутой кометы. А потом вырубили и этот свет, чтоб туристы ощутили «вечный мрак и безмолвие пещеры». Во мраке Снежинка крепко схватила его за руку и больше не шевелилась, даже, кажется, не дышала – но из-за остальных с безмолвием не получилось: кто сопел, кто кашлял, потом заныл ребенок и кто-то нервно заржал, и свет включили. Сильно пахло мокрой известкой.

У бессмертной елки в гроте Лукина девчонка словно приросла к дорожке.

– …Полтора года вот именно эта елочка стоит… Старая традиция… Простояла восемь лет… Особые условия…

Надо у деда расспросить, как такое может быть. Он вспомнил про телефон – связи нет. Сфоткал елку, сфоткал причудливые карстовые натеки, поразмышлял, какой объем грота занимает обрушившаяся порода и песок, двинулся вслед за всеми – а девчонка исчезла. Только что разглядывала игрушки на елке, и вот уже ее нет. Он догнал остальных – не видно белой шапки; вернулся к елке – никого. Пустой каменный трон рядом, на котором только что все фоткались. Где-то далеко впереди экскурсовод дернул рубильник, и кислотная цветная подсветка погасла. Потому что даже такие мелкие лампочки нарушают температурный режим пещеры. В темноте стало страшновато.

Подсвечивая телефоном, он немного прошел обратно и снова оказался в огромном гроте, где сильно пахло мокрой известкой – и вроде как услышал сквозь редкую капель удаляющийся звук шагов. Что она задумала? Вот не было заботы! Как же ей-то в этой темнотище не страшно? Тут запросто хоть ногу подвернешь, хоть шею сломишь. Странная она, конечно. И кричать нельзя из-за возможных обвалов, и разве она послушает? Надо догнать экскурсовода, сообщить, пусть девчонку специалисты ловят – но Мур почему-то, подсвечивая себе таким жалким во мраке фонариком телефона, побежал за ней. Еще один грот, узкий и длинный, даже на стене вон табличка «грот Длинный», потом поворот за поворотом, шаги все ближе – и тишина во

мраке. Только шорох. Мур подбежал, посветил – шорох доносился из дыры сверху, а на камне рядом черным было написано: «Ход в новые открытые грота 1935». Это ж вход в заповедную часть пещеры, куда никому нельзя! Мур вцарапался к дыре и зашипел во мрак:

– Вылезай немедленно!

– Мне надо туда! – голос у нее все-таки жуткий.

– Охране будешь объяснять, что тебе там надо!

– Да я только спрячу и вылезу…– низкий какой. Как будто сами камни говорят. Или темнота.

Шорох удалялся. По уму и по всем правилам нужно было оставаться на месте, ждать следующей экскурсии или кого пришлет спохватившийся экскурсовод их группы, и пусть взрослые лезут и вытаскивают эту упрямую дуру… А если она загремит в подводное озеро, заденет осыпь, подвернет ногу? А вдруг там сифоны с ледяной водой, да и просто глубокие провалы, колодцы? Надо ловить. Вот Гальку не поймал тогда в Егошихинском логу под трамплинами, и чем кончилось? И Мур полез в дыру.

Очень далеко впереди мелькал телефонный фонарик дурехи. Мур покрутил фонариком, осмотрелся и выбрался на расчищенную тропу. Двинулся вперед и скоро догнал девчонку:

– Ты понимаешь, что нам будет, если тут поймают?

– Не поймают, – ее трясло, то ли от холода, то ли от эмоций. – Вот спрячу… – и она опять понеслась вперед, спотыкаясь на щебне, и ввинтилась в очередной лаз.

Это точно не человеческая девочка. Человеческие девочки так себя не ведут. Они боятся мрака и пещер. Эта – что-то другое, Мур не понимал пока, что, но точно другое. А там во мраке – озера, воронки, заполненные ледяной водой, развалы глыб и, наверно, обрушение сводов в любой момент. И он полез следом: поймать и выволочить назад силой. Скорей!

Лаз оказался длинным, метров восемнадцать – двадцать, грязным, мокрым и тесным, но вместе с рюкзаком на четвереньках Мур, зажав телефон в зубах, пробирался, не цепляя потолок. Потолок цеплять нельзя, – вспомнил он науки спелеоклуба. Можно зацепить замковый камень, сдерживающий массив обломков, и тогда обвал. Про эту же Кунгурскую пещеру рассказывали, что давным-давно группу студентов-геологов на новый год где-то вот тут в Заповедке такой внезапной осыпью как замуровало, и сидели они там два дня, пока снаружи не разобрали… А всего-то нечаянно один камешек сдвинули, наверно. Яркий кабинет клуба на площади Дружбы, с картами пещер, где проходили занятия, похоже, остался на другой планете. А он тут. В пещере. На самом деле – холод, мрак и тишина подземелья. Каменная крошка в ладони впивается сквозь мокрые перчатки. Он остановился на миг – он правда в пещере! Да круто же как!

Выбрался из лаза он полный гордости. Первый раз под землей, и уже надо спасти девчонку – что может быть круче! Так, что-то надо ведь сделать, когда выбрался из лаза в незнакомый грот… Он светил фонариком во все стороны. Ух ты! Это оказался обвальный зал, почти круглый, сильно обрушенный, посередине – глыбовый навал. Девочка взобралась по этим глыбам и теперь водила лучом фонарика по развалам камней, осколкам, стенам в потеках воды и льда, сводам. Из зиявшего прямо над ней отверстия «органной трубы» редко и звонко капало. Капли щелкали по ее плечам, по рюкзаку. Мур поднялся к ней и задрал голову. Они, не сговариваясь, вместе посветили вверх: каменные, выглаженные водой и искореженные отломами стенки уходили в темнотищу, которые лучи фонариков пробить не могли. Наверху там миллионы лет назад, наверно, был понор в дне карстового провала. Потом его перекрыло пластами других отложений. А поверх всего наверху – снег. Растает, а вода так весь год и будет просачиваться сквозь породу. Сколько месяцев молекулы воды вот в этих капельках, что щелкают по голове и плечам, точили себе путь вниз?

Мур слез на ровный грунт и велел:

– Прячь уже, что там тебе надо, и пойдем назад. У меня телефон скоро разрядится, а тут нельзя без света оставаться.

Она слезла, сняла рюкзак, присела, потроша его. Мур посмотрел в раскрытый рюкзачок: под ее руками мелькало зеленое. Знакомое почему-то. Мур присмотрелся: да эти узоры под малахит, круглые «изумрудные» стразы и всякие блестки он узнал бы из тысячи.

5.

Ничего, что нужно по технике безопасности брать с собой в пещерные заброски, не было. Ни снаряжения, ни двух фонариков, ни воды, ни аптечки. Ничего. В рюкзаке только поделочные камни да учебник географии. У Гальки рюкзак был вообще пуст. Зеленую шубу Хозяйки Медной горы они подстелили на большой камень, чтоб можно было сесть. Ноги не держали. От телефона, кроме света, толку не было: в пещерах они не работают. Хотя в некоторых случаях, если есть железные конструкции, то сигнал как-то по ним может просочиться через небольшой слой породы в метр-два, а в рыхлых известняках и больше. Но не здесь, где до поверхности от сорока до восьмидесяти метров. Галькин давно сел, а со своего Мур без всякой надежды послал смс деду, потом выключил и сунул в тепло за пазуху – зарядки процентов тридцать, надо экономить.

В полном мраке начала наплывать жуть. Галька шмыгнула и придвинулась под самый бок. Негодяйка. Ревела, конечно, когда Мур высказал все, что подумал, насчет ненормальных младших сестер, от которых одни проблемы.

Вот что Мур ее не узнал – так это понятно, видел всего раз, тогда в логу, да и то одни глаза над краем капюшона. И не рассматривал ее вовсе, надо было не рассматривать, а вытаскивать к Скорой, засранку эту тяжелую и костлявую. Но почему Галька его не узнала? Или узнала, и все это – с контролерами, со слезами, с цеплянием за руку – притворство? Или, дура маленькая, просто не знала, как назвать себя?

Холодно как. На ощупь они пересели на рюкзаки – под Гальку еще Мур подсунул раскрытый учебник – и накрылись зеленой шубой, чтоб хоть немного обогреваться под ней теплом дыхания. Была бы свечка, тогда б вообще не мерзли…И не так страшно было бы, как в полном мраке. Теперь они сидели, прижавшись друг к другу, и ждали, когда их найдут.

Какой позор.

Потому что Мур не отметил лаз, из которого они сюда выползли, а из грота их расходилось – как дырок в сыре. Оставалось только ждать. Самим соваться в любую щель нельзя. Найдут и там в итоге, эта пещера истоптанная, и даже в Заповедку часто ходят спелеологи. Надо набраться терпения. А вдруг по выходным в эту часть пещеры никто не ходит?

В полной тишине капала вода. Не только из «Органной трубы», а, кажется, отовсюду. Эхо капель множилось, сбивало с толку. Клонило в сон. Мур сперва-то пару часов проверял ходы метров на пять-десять, перекрикиваясь с Галькой, прислушиваясь – не слышал никаких людей. Орал изо всех сил, звал – без толку. Скоро закроются кассы, пройдет последняя экскурсия – и дальше что? И почему их не ищут? Почему не хватились на выходе, что двоих не хватает? Ведь есть подземный закон: сколько в пещеру вошло людей – столько и должно выйти. Даже по билетам… Они не покупали билеты. Парень в синей куртке просто втолкнул их вдогонку уходившей экскурсии и крикнул: «Маша, у тебя еще двое». А Маша могла и не услышать.

Не надо волноваться. Дед знает, что он в пещере. И если Мур не позвонит, не вернется домой – дед поднимет тревогу. Так что надо набраться терпения и ждать. Только как же тут холодно. И – да, страшно.

Галька была молодец, не ныла. Она притулилась к Муру, скрючилась вся для тепла и дышала себе за ворот куртки. Шуба пахла новогодними мандаринками, пахла Долькой, и потому казалось, что она где-то тут рядом, стоит во тьме и подслушивает.

– Ты раньше была тут?

– Нет.

– А мы с клубом спелеологов в каникулы в Большую Мечкинскую пещеру поедем.

– Я тоже хочу.

– А Долька не хочет.

– Долька темноты боится. Ой… Слышишь?

Мур прислушался: капель, шорохи. В пещерах часто блазнит.

– Ничего я не слышу. Ты зачем шубу эту зеленую у нее украла?

– Да чтоб она выздоровела – настоящим горным девкам отдать.

Ну вот опять горные девки. Мур знал теперь, что эти девки, как Хозяйка у Бажова, ищут холостых парней, влюбляют в себя, испытывают трудными заданиями – вроде как замуж выйти стремятся. Но на самом деле все это обман: зачем им замуж, бессмертным? И как, если на самом деле они бесплотные? И тут он понял, как и зачем. В «Малахитовой шкатулке» все написано, если вчитаться. Там в семье мастера, который общался с Медной Горы Хозяйкой, потом девочка родилась красивая-красивая, ни на кого не похожая, и мать говорила, мол, будто подменил ей кто девчонку. В итоге та девочка превратилась в красавицу в малахитовом платье и ее потом вместе с Хозяйкой видели у Медной горы. Значит, так горные девки и размножаются: вселятся в обычную девушку, а потом вот и дите будет, только матерям оно чужое, подмененное. Ужас. Этого не может быть на самом деле.

Но в Ергаче… Толком не вспомнить, будто память кто-то подтер. Он помнил морок сознания, помнил, что действовал как во сне. А Долька была не Долькой, а куклой вселившейся в нее Егоши. Мур потрогал «Когтистую бабушку», чтоб успокоиться. Но разве Долька помнит, как в нее что-то вселялось? Муру казалось, что она ничего не поняла, забыла.

– Это Долька тебе велела?

– Я сама. Вдруг поможет.

– В чем?

– Нельзя горными хозяйками притворяться. Они не простят. А Долька вон даже трусы зеленые носила. Дура крашеная.

– Почему крашеная?

– Потому что на самом деле у нее волосы белые, как у меня. И глаза не зеленые, а серые. Мама даже плакала, что Дольке противно быть настоящей. Да блин, у нее даже имя – и то не настоящее. Не Долька она, а Дашка. Вот и достукалась.

Может, Долька правда где-то перешла границу, заигравшись в зеленоглазую Хозяйку? И в ней правда мало настоящего оставалось? Потому и стала уязвимой для Егоши? Или Егоша напала на нее из-за самого Мура? Как разобраться?

Да еще горные эти. В полном мраке в горных хозяев верилось на триста процентов. Наверняка вон смотрят из тьмы… Мрак. Полный. Абсолютный, как смерть. А ведь это жуть как она есть! Сердце пропустило удар. Так, тихо. Спокойно. Дышать ровно. Нельзя пугать Гальку.

Минуты три – хотя кто их считал, подземные минуты – Мур слушал хорал капели, думал о том, почему мастер, которому он отдал дедову работу, назвал его, Мура, отца, горным. И почему мама давным-давно сбежала от отца из Перми. Неужели дед вот этак, как в сказе Бажова, прижил ребенка с горной девкой? И если его отец – горный, то кто же тогда Мур? Да ведь горные девки не вселяются же в парней? Если отец – человек, и это все фольклор, уральские выдумки, значит, и он сам нормальный, обычный, как все. Надо у деда наконец все выспросить. Но как было бы круто, если б отец правда был горным… Это ж любые проблемы можно решить, любые самоцветы добыть… Наверно… Найти бы его. Он бы все объяснил… Минуты тянулись и тянулись. Ноги совсем застыли, руки он грел дыханием. Потом спросил:

– Кто ж такие горные?

– Ты что, дурак? Кто же их в горе-то вспоминает?

– Это фольклор.

– Кто бы говорил. Слуш, Мурчисон[22], а нам самим никак не выбраться?

– Почему «Мурчисон»?

– Долька злится, что ты пермским геологом хочешь стать.

– Пусть сама едет куда хочет. Выздоравливает и едет. А мне тут надо быть.

– Она одна боится ехать. Говорит, она по жизни вагончик, а не паровоз… Она вообще трусиха… Ой. Опять. Слышишь? Тут кто-то есть.

– В пещерах всегда так кажется.

– Что-то шуршит… Я уже давно шаги слышу. Я… Боюсь. Очень. Мурчисон, давай выбираться.

– Обсуждали уже. Нельзя.

– Страшно тут.

– Пещера.

– А тебе не страшно?

– Больше стыдно. В клуб спелеологов третий месяц хожу, дед геолог-спелеолог – и на тебе, в экскурсионной пещере заблудился.

– Это моя вина.

– Сказала бы раньше про шубу спрятать – придумали бы вместе что-нибудь. Вообще-то в пещере нельзя мусор оставлять. Никакой, и…

– Вот опять. Слышишь?

– Капает, и все.

– Идет кто-то. Дышит.

– Блазнит, – сказал Мур. – Звуки сплошных сред. Породы ползут, трескаются. Каждая трещинка – это инфразвук, что мы уже…

– Чего это ты сейчас сказал? Кто ползет? А! Смотри… Там свет! – и Галька вскочила и бросилась в сторону слабого желтоватого отблеска из какой-то дыры: – Люди! Ау! Подождите! Мы тут!

Мур выпутался из Долькиной шубы, скомкал и закинул ее куда подальше – горные девки, заберите и простите ее за притворство; схватил рюкзак с камнями и помчался, спотыкаясь на обломках и щебенке, за Галькой. Свет! Да где же? А вон! Галька на четвереньках пробиралась по какому-то лазу, неважно, какому, ведь впереди был свет, очерчивал сияющим контуром ее шапку. Обдерет ладошки и коленки, дуреха…

– Погодите! Люди! Мы заблудились! – заорал изо всех сил Мур, напяливая рюкзак, и ринулся в лаз за Галькой.

Галька ойкнула и куда-то свалилась – свет стал ярче. Но он удалялся, светило из-за куска скалы, в распор стоящего между другими. Самого огонька не видно. А Галька барахталась на усыпанном мелкими камешками полу корявого маленького грота. Мур выбрался из лаза, вскочил, помог Гальке встать, схватил за мокрую, скользкую от глины ладошку и потащил за светом:

– Да погодите же!

Свет удалялся. Почему они не слышат? Ну да ладно, сейчас… Вот сейчас… Догоним. А странный свет, теплый, а не электрический… От свечки, что ли? Да кто тут ходит нынче со свечками? Хотя нет, есть вроде вечерняя экскурсия нервы пощекотать, как в старое время, то ли со свечками, то ли с факелами…

Мур споткнулся и упал, сильно ударившись коленкой. Вскочил, потер ее, похромал дальше:

---

[22] Родерик Импи Мурчисон, 1792 – 1871, – британский учёный геолог и путешественник, впервые описавший и исследовавший силурийский, девонский и пермский геологические периоды, причем описание последнего он делал по обнажениям медистых песчаников и других древних пород в Егошихинском логу в Перми в 1840 – 1841 годах.

– Стойте, кто там! Подождите!

Черт, а вдруг это аудио-экскурсия, со зловещими рассказами и музыкой в наушниках, тогда им ори – не ори, бесполезно. Но проводник ведь должен быть с ними? Или проводник тоже в наушниках? Он оглянулся к Гальке:

– Ты как?

– Норм, побежали скорей!

Свет опять повернул за скалу. Мур нашарил телефон, скорей включил, чтоб не переломать ноги – отблеск свечки не стало видно. За поворотом прямо под ногами уходила в черную пустоту дыра сифона. Примерно в метре внизу мелкой рябью пошла вода и снова замерла.

– Осторожно, Галь. Спокойно, не спеши. Я посвечу. По краешку. Шажок за шажком. Давай, я первый. Держись за руку.

Кромки как раз хватило, чтоб обойти сифон, прижимаясь спиной к карстово-глинистой стенке. Из-под подошв обрывались камешки, и вода гулко булькала, отзываясь эхом. Вот разбудят кого-то на дне сифона эти камешки…

– Куда теперь? – Галька крепче вцепилась в руку.

– А вон, – Мур выключил фонарик. Света от экрана хватает, а батарею надо беречь. И видно золотистый отсвет свечки. – Видишь? Не бойся. Я читал у них на сайте про экскурсии во времена Ермака, с факелами, что ли, или с блендочками.[23] Догоним.

Хотя от факела света было бы больше. И почему так трудно идти, если они догоняют экскурсию? Тропы-то нет, камни, глыбы, щебень, глина… По стенам влага мутная, растворяя гипсы, течет… Плита, громадная, косо лежит на расколотых глыбах, над ней чернота, света экрана не хватает пробить… Некогда; скорей, скорей! Вон стенка впереди засверкала от света свечки кружевами инея, на миг стало светлее – и опять свернули, так Мур ни саму свечку не увидел, ни тех, кто ее несет. Мур посветил вперед – длинный глинистый язык сползал из широкой щели. Из глины торчали грязные камни. Надо взбираться. Галька поскользнулась на мокрой глине, он успел подхватить, удержал. У нее и так нога ломаная болит, наверно.

– Когда гипс-то сняли?

– Две недели назад. Велели разрабатывать.

– Похоже, ты с этим перестаралась!

Дальше пришлось взбираться на четвереньках, цепляясь за торчащие из глины валуны. Потом ползком, на животе, в щель, откуда слабо светило. Мур полез в щель первым, толкая рюкзак перед собой, чтоб пролезть и ни за что не зацепиться. В щели, задев камень лопатками, разом ощутил миллионы тонн над собой. Так, не визжать. Девчонка рядом. Галька ледяными, костлявыми как у скелета пальцами вцепилась в правую щиколотку, и правой ногой отталкиваться было нельзя. Она молодец. Пыхтела, чуть слышно поскуливала, не отпускалась. Тащить не надо было, хорошо ползла сама. Храбрая. Он полз и полз, вслепую обшаривая грунт перед собой. Ледяная глина, камешки, сор какой-то вроде сухой травы… Свет впереди то ли мерцал, то ли казался. Наконец рюкзак перед ним соскользнул вниз – едва удержал. Сам весь в глине, скользко вывалился на сухое, опять ударился коленкой. Тело стало какое-то тяжелое. Все болело. Он встал, поймал скользкую от глины, как ящерица, выскальзывающую из рук Гальку, чтоб не ушиблась, прижал к себе:

– Какая же ты молодец.

Вытащил телефон, посветил вокруг, сколько хватало света от экрана на эконом режиме: глыбы нависали со свода острыми зубами. Казалось, они держатся на честном слове. Пещерам хорошо без нас, – подумал Мур. – Мы тут лишние. С другой стороны, пещера сама себя не увидит…

Галька немного пришла в себя:

---

[23] Шахтерская лампа

– Под ноги свети лучше… Ой, Мурчисон, рыба!

– Рыба?

На гладком, замытом куске гипса лежал рыбий скелет. Будто кто-то съел и положил. А вот подальше, на гладком языке глины, еще один… Мур сделал свет поярче: дальше под скальную стенку вдоль всего узкого, еле протиснуться, прохода, уходил край подземного озера. Значит, что, рыбы сами приплыли? Если пещера какими-то глубокими норами сообщается с Сылвой, то, когда в половодье вода поднимается, дура рыба вполне могла заблудиться во мраке… Вот и осталась тут навсегда. Накатила жуть, и он изо всех сил заорал вслед тающему далеко-далеко отблеску:

– Люди! Да стойте же!

Свет вроде замер. Вдоль уреза воды, бочком, они долго протискивались по наклонной щели. Зато немного счистили с себя глину. Галька в одном месте, где надо было наклониться и пролезть под камнем, застрявшем между стенками, охнула, когда Мур отпустил ее руку, но совладала с собой, не разревелась. Пробралась и снова вцепилась. Рука маленько дрожала.

Они выползли наконец в грот, облитый белым, как молоко, льдом. Сбоку одной стеной спускался бугристый ледяной водопад.

– Тут кто-то есть, – низко сказала Галька. – Тетя, вы кто?

Мур посветил – свет от экрана телефона дрожал и дробился. Казалось, в толще льда водопада кто-то стоит… Ой. И правда стоит. Мутный силуэт с белыми глазами. Вон, смотрит… Тьфу. Просто их отражение… Холодно как.

– Это мы отражаемся.

– Нет, – Галька помахала рукой. Во льду ничего не шевельнулось. – Видишь? Это не мы.

– Значит, подо льдом камешки застыли, взвесь гипсовая… – он посветил поближе: правда похоже на вмерзшую в лед девку с белыми дырками глаз. – Нет никого.

– Лучше бы был, – шмыгнула Галька и безнадежно позвала: – Люди, ау… Мурчисон, чего мы их никак не догоним?

– Ползем медленно… Не реви. Если лед, значит, выход близко, – подбодрил Мур. – Это воздух снаружи так конденсируется и замерзает…

– А где свет?

– Вон… Ох, как они туда вцарапались?

Отблеск дрожал в ледяной дыре над столбами и натеками водопада, метрах в двух от пола. Даже если допрыгнешь – скользко. И дыра маленькая, разве что кошка пролезет. Мур пошарил вокруг – должен же быть обход? Лед-то нетронутый? И почти сразу нашел шкуродер, пологий, длинный, узкий как печная труба – но там наверху мерцал свет.

– Лезь, – пропустил он Гальку вперед. – Если что, не бойся, вставай мне на плечи. Цепляйся за все, что угодно. Ты легкая и сильная, ты вытащишь себя, не бойся. Они пролезли, и ты пролезешь.

Он подсадил ее, подтолкнул вперед, в самом деле подставил плечо под измазанный в глине ботинок. Галька пыхтела вверху, шуршала, цеплялась, шкрябалась, вкручивалась. Муру на голову мокрой, тяжелой от глины лягухой упала ее шапка. Когда ботинок Гальки сначала перестал давить, а там и вовсе оторвался, Мур наклонился, нашарил ее шапку, затолкал в рюкзак, потом снял на всякий случай куртку – вон, даже Гальке тесно – свернул грязью внутрь и тоже затолкал в рюкзак. Отстегнул одну лямку рюкзака, привязал повыше колена покрепче, чтоб свисал вниз и не мешал упираться подошвой; вдохнул поглубже, выдохнул и полез в каменную жуткую трубу.

Про шкуродеры чего он только не наслушался в клубе. Мол, что даже бывалые застревают и истерят. А надо дышать спокойно, только не полной грудью, и тихонечко вцарапываться… Можно упираться спиной и руками немножко в распор, чтоб не сползать вниз… Эта дыра тысячи лет тут, чего бы ей сжиматься… Камень не сжимается… А вот если вся плита стро-

нется… Не думать про это. Не сметь. Он неловко подвернул руку и на миг замер, не зная, как вытащить. В ушах застучала кровь. И света вверху не видно, все Галька перекрывает… Галька… Галька – это маленький камешек, гладкий, окатанный. Вполне подземное имя… Рука застряла. Пульс стал отдаваться через камень обратно. Перехватило дыхание, и ужас пополз снизу от занемевших ног. Застрял?

Не может быть.

Он мелкий, худой, он мельче взрослых. А они тут пролезли.

Спокойно. Чтоб не думать вообще ни о чем, Мур стал вспоминать какую-то дурацкую клубную песенку: «У альпиниста век недолог… И потому так сладок он… Но чем же хуже спелеолог… Он тоже слышит крючьев звон…» Нету у них с Галькой никаких крючьев. Холодно-то как… Не визжать, не пугать Гальку. Сползти чуть вниз, благо рюкзак тянет… Ах да, там в песне тоже ведь «Рюкзак титаново-чугунный… Моток веревки на руке…» И веревки нету. Мур соскользнул еще ниже, высвободил наконец руку и, ободрав тыльную сторону об шершавую стенку, просунул руку вверх. Нашарил какой-то выступ пальцами, чуть подтянулся. Вдруг стало светлее, и Галька звонко сказала сверху:

– Мурчисон, я вылезла!

– Молодец, умница!

Золото девчонка. Сильная. Отважный человечек. «Не доверяйте деве юной…Бить шлямбура в известняке…» И шлямбуров нету. Ничего нету. Девы юной тоже нет, потому что Галька не дева никакая, а чудовище. Чудь белоглазая. Нет, это что-то в голове путается. Галька – это камешек. Дите камня. Какой камешек? Белый опал. Или турмалин чистой воды. А что там дальше в песне, он забыл. И не важно. Под пальцы попадались зацепистые уступчики, вроде стало свободней, и Мур все быстрее попер вверх. Наконец голова высунулась в свободу – мрак и свежий-свежий, сладкий воздух. Очень холодный. Значит, приток воздуха снаружи. Куда это их занесло? Он вылез, вытащил рюкзак и с наслаждением отвязал его наконец. Жуть как холодно, и он вытащил из рюкзака куртку, надел. Галька безмолвно, как статуя, стояла рядом. А свет где?

Света не было. Или был? Мрак не был полным, он угадывал глазами – вот камень, вот Галька… Какой огромный грот… Ветер гуляет. Но нигде ничего не светило. Почему он тогда видит? Ну, почти видит?

Мур вытащил телефон, посветил вокруг: глыбовая осыпь конусом, как под «органной трубой», уходит к потолку; грот обвальный, глыбы горой к своду, как замок… Похож на тот, где они сидели в Заповедке. А вот и дыра в своде. То есть свет оттуда. Намек на свет – ночь ведь. Просто глаза к темноте привыкли, иначе бы не увидел.

И никого. И никакой новой норы или щели в заиндевевшей стенке. Только та нора, под ногами, откуда они вылезли, и немного в стороне сползает в щель ледяной натек – превращающийся внизу в целую ледяную стенку с белоглазой девкой внутри.

– Куда же они ушли? Ну эти, со светом?

– Я не знаю, – Галька прислонилась к стене. – Я никого не видела. И спать хочу. Все, Мурчисон, не могу я больше.

– Ну что ты, – Мур подошел, обнял ее, прижал к себе. – Ты же герой. Держись. Спать нельзя, замерзнешь.

Галька судорожно вздохнула и прислонилась к нему:

– Холодно.

Вверху в случайном луче телефона мелькнуло что-то крохотное, легкое, белое. Мур посветил – из дыры в своде падала снежинка. За ней – еще одна. Он включил, наплевав на экономию, фонарик – резануло светом по глазам. Снежинки, да. Падают. Вон поверху конуса обломков белое, пушистое, да. Он бросил рюкзак, прислонил Гальку к стене, чтоб не свалилась, и скорей – на самом деле долго и неуклюже – взобрался на осыпь, посветил вверх – снежинки.

Белые. Падают по «органной трубе», ведущей к поверхности. Там дыра наружу. А за край дыры вылезает что-то черное, мохнатое… Помстилось? Только снег. Падает. Труба в породе метра три диаметром, гладкая, сужается кверху. Палки какие-то повыше застряли, сор, комья земли. Корни свисают. Но вроде и небо виднеется, снежное. Самим не вылезти. Даже не допрыгнуть до нижнего края. Но не может же быть, что им тут…

Мур посмотрел на экран телефона: зарядки двадцать процентов. Время какое-то дикое, восемь тридцать пять… Уже утра, что ли? И… И есть связь. Одна палочка.

Глава 5. Рыбка большая и маленькая

1.

Мур трясущимися руками скинул деду точку геолокации. И успел еще дозвониться и крикнуть, что сидят на дне провала под понором на поверхность, видят небо. Но телефон тут же пиликнул, мол, прости, брат, и выключился. Мур даже не понял, услышал ли его дед. Стало тихо и жутко. И дико холодно. Галька присела у стены на корточки и не шевелилась. Надо растормошить. А как, если сил нет? Надо согреваться. Он отыскал рюкзак, положил на камень побольше и поровнее, сел, втащил вялую Гальку к себе на колени. Потом додумался расстегнуть куртки, прижал ее, костлявую, к себе, укутал. В самом деле постепенно стало теплее. Галька была как в полусне, и Мур пристроил ее головой себе на плечо под куртку, велел:

– Не спи. Пока они еще доберутся. Терпи, не спи. Нам уже повезло, мы почти вылезли. Нас не завалило. Ты такая молодец, ты герой. Все хорошо уже, нам только дождаться. Не спи, замерзнешь.

Он стал с силой растирать ей ледяные лапы, кое-как отогрел, велел сунуть под мышки. Ничего, они молодые, у них горячая кровь, они не замерзнут.

Когда же приедут спасатели? Или кто? Мур слышал, что тут есть одно капитальное противоречие: спелеологи умеют работать в пещере, но по закону не имеют права спасать людей. Спасатели имеют право спасать, но не умеют работать в более-менее серьезной пещере. Ну и для Ледяной как экскурсионного предприятия факт, что двое подростков так запросто смылись с экскурсионного маршрута в Заповедку и всю ночь там ползали – это здоровенная неприятность. Эпик фэйл. Наверно, просто скроют. Деду, который попросил за Мура, тоже неприятность…

– Так не бывает, – Галька вдруг подняла голову, выпроставшись из куртки, и с недоумением спросила: – Это мне все снится? Вся эта подземля – это на самом деле?

– Да. Осталось дождаться. Все хорошо уже. Не смей спать, – и Мур стал растирать ей плечи и спину под курткой. Одни углы и суставы. Анатомию можно изучать. Зато сам чуть согрелся. – Ты храбрая. Таких девчонок и на свете нет, настолько ты храбрая.

– Страшно. Вот оно все как посыплется сверху… Как завалит… И будет как могила…

– Перестань. Смотри сама, тут уже чего могло посыпаться, уже упало, – на самом деле это не так, свод мог в любой миг порушиться сверху что песком, что кусками породы. Но Гальке не надо об этом знать. – Знаешь что? Где-то на Урале есть пещера Медео, заполненная реликтовым льдом. Старым-старым, аж со времен динозавров, наверно. Он вообще не тает. Представь себе подземные залы, где вместо пола – черный лед. Здорово?

– Здорово, – неуверенно согласилась Галька.

– И мы с тобой туда поедем, вот я узнаю только, куда ехать. Возьмем с собой коньки. И покатаемся. Покатаемся ведь?

– А мне нельзя больше кататься.

– Почему это? Нога зажила?

– Зажила… Болит только.

– Скоро перестанет. Катайся себе. Можно ведь и для себя кататься, не для медалек.

Галька долго молчала, потом выпрямилась и сурово спросила:

– Мурчисон, пойдешь со мной на каток?

– Пойду. Покатаемся.

Галька вздохнула и снова съежилась. Сказала:

– У тебя сердце стучит так громко.

– Это чтобы тебе спать не давать, – Мур маленько смутился. Еще никто в жизни не слушал, как у него стучит сердце. – Не спи. Повторяй в уме, как делать четверной тулуп.

– Ты шутишь? Я только еще разок его чисто прыгнула…

– Вот и повторяй. И внутренний аксель тоже.

– Ты что, в теме?

– Отчасти.

– А Долька даже аксель от лутца не отличает, – равнодушно, с отболевшей обидой сказала Галька. – И папа с мамой тоже.

– Аксель – реберный, лутц – зубцовый, – язык еле ворочался, но он готов был обсуждать сложность любого прыжка, придумывать любые каскады, лишь бы им не заснуть. Ноги, кстати, онемели уже от холода, будто долго катался в слишком туго затянутых ботинках. Захотелось услышать, как цокает конек по льду. – Вам просто надо вместе с Долькой покататься. Тогда она все поймет.

– Пока она не уехала? Думаешь, надо?

– Вы же сестры.

У Гальки родители уже с ума сошли, наверно. Им-то как объяснить, что ребенок оказался в пещере? Неизвестно, сколько ждать помощи. Воскресенье… Пока дед дозвонится, пока администрация что-то решит… Спасателей даже не будут вызывать, своими, наверно, силами станут справляться. Позовут знакомых спелеологов, может, даже из Клуба. Но пока они доедут… Доедут. Хотя дед еще вечером должен был всех на уши поставить, когда Мур не вышел с экскурсией. Может, их уже в Заповедке ищут…Может, вот-вот из шкуродера вылезут и скажут, давай обратно, через верх никак… Но сначала навтыкают Муру в загривок, наверно, за тупость и всевозможное нарушение правил техники безопасности. Может, даже из Клуба выгонят. Позорище. И деду за него – тоже. И оправдываться ни желания, ни сил нет.

Уже светало, и жуть обвала под дырой вырисовывалась явственней. Со всем безразличием гравитационных констант к мелким и мягким людишкам, которых так легко раздавить. Природа. Снежинки все падали и падали. Растают и станут той самой водой, которая вытачивает полости и каверны в рыхлых подземных горизонтах. Падение снежинок очерчивало в полумраке силуэт длинноволосой девушки в платье… Или вроде даже без платья. Горная красотка пришла… Соблазняет. Все равно. Даже и на испуг сил нет. Мозг вяло предположил, что горная девка из карстовой пещеры должна быть страшная, цвета грязного гипса, вся белесая и в ледяной корке, в глине, и глаза у нее тоже белые… Вон смотрит. Мур присмотрелся – просто редкие снежинки. Обиделась, ушла? Все равно ей спасибо, что вывела. Если это она, конечно, со свечкой-то… И спасибо, что в Гальку не вселялась – а что ей Галька, галька – камешек, маленькая еще, ребенок, не во что в ней вселяться, одни кости… Тяжелые…

– Галька, не спи.

– Сам не спи…

Спускаться сверху в карстовый провал довольно опасно, потому что он будет сыпаться. В самом деле порода может рухнуть и похоронить их тут. Но из-за них, конечно, полезут, рискнут. Но это будет долго. Надо набраться терпения. Терпеть, в общем, легко, вот только холод… И Галька такая тяжелая. Вроде худышка, одни кости, а будто свинцом налита. Ну, это он сам устал очень просто. Все болит. Он снова посмотрел на серенький свет из трубы. Там отверстие наверху совсем маленькое, наверно. Как его совсем не замело? Снега сколько. Считается, что сейчас открытых провалов на горе нет. В смысле через который можно куда-то вниз попасть. Но такой провал может возникнуть в любой момент – вот и возник, осыпался за зиму. До весны, до того, как снег растает, его бы и не заметили. А на горе много снега. Всю зиму валил и валил, и вчера тоже… Как взрослые сюда доберутся? На снегоходах? Лазит ли кто на гору зимой? Зачем им? Да и опасно это из-за воронок… Сколько людям проблем. Галька виновата, да, но кто он будет, если свалит вину на маленькую девчонку? Что же ее

родителям говорить? Папаша Богодай точно пришибет. И как хорошо, что мама самого Мура ничего не знает. Как же это расхлебывать все? Глаза слипались. То ли он согрелся, то ли просто перестал чувствовать холод. Мур привалился к стене и закрыл глаза. Чуть-чуть подремать. Просто закрыть глаза.

– Не спи, – сказала Галька. Взяла его руку и стала растирать своими птичьими лапочками. – Не смей спать.

– Галька, а ты хоть раз видела тех, кто нес свет?

– Никак не догнать было. А ты?

– И я не видел…

– Ну, значит, нас горные вывели.

– Зачем им это?

– Я-то откуда знаю.

– Обратно на тропу проще было бы. Ты взрослым не говори про горных. А то они нас прямо отсюда на Банную гору отвезут. Тоже станем «горные».

– Что, и про свет не говорить?

– Никто не поверит.

– Мы станем легендой, – засмеялась Галька. – Ой… Слышишь? Гудит.

И правда, гудело. Похоже на моторы квадроциклов. Снегоходы, наверное.

А ведь опасно подъезжать к краю. К краю воронки даже подходить опасно. Все снегом завалено, наверно, весь провал. И дырка в понор в самом низу. Моторы стихли, послышались голоса, но так далеко, что ничего не разобрать. Потом застрекотал маленький квадрокоптер, его звук то приближался, то отдалялся – и тогда Галька начинала дрожать. Сверкали отблески вспышки камеры квадрокоптера.

– А они точно нас увидят? – спросила Галька. – Эй, люди, мы тут!

Прозвучало это жалко, негромко.

– Пойду поору, пусти. Вставай, – велел Мур.

Галька еле встала. Кое-как, опираясь, как дед, на коленки, он встал, разогнулся. Тело было непослушным, задеревеневшим. Он стал вскарабкиваться на осыпь – посыпались с гулким звуком камни. Квадрокоптер застрекотал ближе. Мур присмотрелся – что-то блестящее мелькало выше завала из палок и корней. Он на всякий случай помахал рукой. Донесся всплеск голосов. Значит, заметили. Орать не надо. Все равно сил нет. Мур потихоньку стал скидывать верхние камни с конуса осыпи, чтобы сделать площадку ровнее и устойчивей. Руки какие-то непослушные… Пальцы плохо хватают. Он посмотрел – ладони в ссадинах, в глине. Ну и что.

Наверху началась какая-то возня, посыпались камешки, комочки глины, промороженная земля. Потом рухнул большой кусок дерна, и стало светлее. Скоро, стукнув его по макушке, сверху упал небольшой пакет на шнуре. Мур хотел его отвязать и не смог – пальцы, как крюки, не слушались. Он потянул пакет вниз, к Гальке, и она помогла отвязать – пальчики тоже все в ссадинах и глине. Справились, открыли – там лежали термопакет и рация. Мур содрал с термопакета герметичную упаковку и сунул Гальке за пазуху. Потом схватился за рацию – и та сразу зазвонила:

– Эй, Мурашонок, ты живой там? – заорал Саша, руководитель Клуба.

– Холодно… – еле выговорил Мур. – Нас двое.

– Двое?! Откуда двое?! Так, ладно, мы вам еще ща пакет скинем с едой, термосами и пленкой, укутайтесь там, поешьте, а то мы пока до вас дошкрябаемся, часа два пройдет. Ребята за бревном поехали, чтоб в распор установить, а то сыплется все…

– Деда как?

– …Петр Петрович в добром здравии, – подумав, сказал Саша. – Но… В изумлении. Мы все, надо сказать, в изумлении… Мы вас чудом, считай, нашли, тут снега… Дичь, короче.

Слышь, видели – росомаха вон даже у дыры топталась, вас, видать, вынюхивала себе на обед… Лови пакет.

Саша, по жизни молчаливый, не переставая тарахтел обо всем подряд – о бревне, о росомахе, которую спугнули от воронки, о тросах и карабинах, о погоде, о модели снегоходов, о том, кто что наверху из команды делает, о что на машинах не подъехать – по телефону, пока его не стало слышно самого по себе, когда подобрался к понору. А потом он только еще разговорчивее стал. Все это время его голос, добродушный, уверенный, взрослый голос был чем-то вроде спасательного троса. И обязательно надо было отвечать. Спрашивал и Мура, и Гальку, как дела, какие планы, куда будут поступать и какое Галька мороженое любит. Та сказала, что любит колбасу. И дайте еще бутерброд, пожалуйста. Саша скинул еще пакет с едой, извинился, что уже без бутербродов, нету, а с шоколадками.

Все это мероприятие было жутким риском – порода могла поехать вниз в любой момент. Хорошо, что Галька не понимает. Сидит, шуршит фольгой. Сам Саша спустился вниз первым, минут через сорок. Увидел чумазую как мелкий черт с косичкой Гальку, завернутую под курткой в одеяло из фольги, уже вполне себе хорошую, обогретую, допивающую супчик из термоса вприкуску с шоколадкой, и хотел сказать что-то такое, что тут же зажал себе рот.

– Здрасьте, – сказала Галька. – Это я в Заповедку полезла. А Мур меня ловил. Это я дура и негодяйка, а не он.

Опустивший было руку Саша снова зажал себе рот. И потом он обращался с Галькой, как с хрустальной, пока засовывал ее в обвязку и страховал на подъеме, говорил тихонько, ласково. Галька рядом с ним казалась игрушечной. Когда передал ее наверху товарищам, съехал обратно к Муру. Спросил:

– Вот как? Скажи, как? В догонялки играли?

– Убегала, да. Потом заблудились, – пожал Мур плечами.

– А сюда как попали?

– Вот, – показал Мур в дыру шкуродера.

Саша присел, направив в дыру свет налобника:

– И чо, без веревок? Как?!

– Сначала она. Потом я, – Мур влезал в обвязку и даже умудрялся затягивать пряжки сам. – Да тут метра четыре всего-то. Застрял было, но сполз вниз, извернулся и вытянулся.

– Повезло. Если б ты только понимал, как вам повезло, – Саша словно осунулся. – Там внизу ребята нашли, где вы в Заповедке сидели, книжка там валяется. А потом… По следам пошли… И… Немыслимо. Пройти там снова сможешь? Вспомнишь?

– Сегодня?

– Ты пионер-герой, что ли? А если б ходы вниз повели, если б осыпь? Там, где вы следы оставили, сыплется все, только тронь… Придавило бы, как котят, или замерзли раньше, чем мы б вас отыскали. Как вы вылезли вообще сюда, никто не понимает.

– Мы, в общем, недолго пробирались.

Саша посмотрел на него как-то странно:

– Недолго? Погоди-погоди, ты думаешь, ты все еще в Заповедке, что ли? Да это Байдарашки уже. Неоткрытая часть.

– Чего часть?

– Неоткрытая часть пещеры, понял? Не было тут никого никогда. Пустоты эти только недавно ученые оконтурили электроразведкой, – Саша уставился так, что Мур испугался. – Правду, видать, говорят, что вы, Мураши, из горных.

– Ты-то хоть не начинай. Просто мы с Галькой за кем-то шли, – сказал Мур. – Только догнать не могли. Надо осмотреться тут, наверно, где-то еще лаз, куда они ушли.

– Кто? – устало спросил Саша.

– Горные, кто! Не знаю. Я не видел, кто. У них свечка была. Саша, ну сам подумай, разве мы сами могли бы выйти? Без света, без веревок, наощупь? Нас кто-то вел, молча, светом, как… Как глубоководный удильщик.

– Ты хочешь сказать, у нас тут под носом кто-то лазит и все давно разведал, а мы не в курсе?

– Саша, я не знаю. Может, тут в горе какие-нибудь объекты со времен ядерной войны секретные, вот какие-нибудь чекисты и шныряют. Или у кого еще тут схроны какие-нибудь. Должно же быть объяснение.

– Следов-то нет… Только ваши. Ладно, – встряхнулся Саша. – Объясним. Вот как ты дозвонился еще, мне непонятно… Ладно. Давай, лезь… Готов? Вира помалу!

Подъем, свет по глазам и пахнет небом, озоном, а это вот – бескрайний, жутко бездонный сверху простор, вцарапаться на бревно; потом трап из досок, наконец снег, он пахнет арбузом и осиной, потом твердый грунт под ногами, счастье спасения и ужас пережитого, запахи острые, живые; дядьки большие, их громадная куртка прямо поверх его грязной и обвязки; хлопки по спине и «Заново родился!», потом снегоход, едко пахнущий бензином и мазутом, и позади отваливает в прошлое громадный глинистый, чуть присыпанный снежком, с бревном поперек, провал воронки, куда спускаются один за другим спелеологи в красных и оранжевых комбезах; потом чей-то внедорожник – и как-то сразу дом деда на другой окраине Кунгура, и там еще какие-то люди, вроде как начальство Пещеры; и прямо посреди комнаты спит на раскладушке между двух обогревателей Галька, умытая, с забинтованными руками, со здоровенной ссадиной на лбу – и в тоненькую руку воткнута иголка капельницы, а женщина какая-то, наверно врач, рядом.

Мур перевел дыхание. В разлохмаченной косе у Гальки кусочки глины и гипса, надо бы вынуть, а то поцарапается…

И дед. Обнял Мура, похлопал по спине, потом помог стащить рюкзак, обвязку и одежду, грузно от глины шлепавшуюся на пол, дал напялить шерстяной свитер, напоил горячим, велел лечь на диван – и через минуту в руке Мура тоже торчала иголка капельницы, а доктор регулировала скорость подачи лекарства.

– Спасибо… Деда, я…

– Спи. Потом объяснишь.

– Про Гальку надо сообщить. Это сестра Долькина, она из дома сбежала. А я поймал.

– Поймал, поймал, – дед направил на него обогреватель. Мур видел, как струится жаркий воздух, но тепла почему-то вовсе не ощущал. – Сказала уж она. А ее, кстати, дома и не теряли, она потому что в санатории должна быть… Решим потом. Сколько проблем от этих девок… Спи уже, потом все расскажешь. Живой сам, девочку сберег – это главное.

2.

Комочки глины сыпались и сыпались на лицо, подтаивали и липли к коже, а утереться нечем, руки застряли в каменном одеяле… Лямка от привязанного к ноге стопудового рюкзака так врезалась, что нога онемела. Будто ее уже откусил кто гипсовыми зубами.

– Мурчисон, я вылезла!

И тут же самого Мура выдернуло сквозь мертвую белую шерсть корней наружу – как пробку. Он ткнулся лицом и корявыми руками в снег, испугался еще, что испачкает нетронутую белизну грязью и кровью. Поднялся кое-как: пологий, мягкий склон идеального снежного кратера, волнительный, как отпечаток женской груди. Он оглянулся посмотреть, куда пришелся сосок – черная-черная чернота, откуда он вылез. Подземля. Подмирье. Подснежье. Ох, только не туда обратно! Скорей наверх! Взрыхляя снег, выволок рюкзак с дединими родонитом и коробочкой дымчатых топазов, полез к такому же снежно-белому небу. Небо тверже, чем снег. Да оно и вовсе – гипсовое. Серое, твердое. А где Галька? Следы вот, обледеневшие

почему-то отпечатки босых ступней – а где сама? За краем воронки увидел: вот она! Как же она в глине вымазалась. Будто целиком глиняная вся чудь белоглазая. Лопатки торчат. Идет по снегу, не проваливается. Снег тает под ее маленькими ногами и тут же застывает скорлупками льда. Чтоб не раскрошить их ненароком, Мур взял в сторону:

– Галька, подожди, ты же замерзнешь!

Галька оглянулась – и тут же с беспомощным вскриком ухнула вниз. Это новой воронкой мягко просел грунт. Нельзя подходить к краю. Но Мур подбежал, заглянул за крошащийся край – это не воронка! Это жуткого диаметра круглый провал со слоеными стенками, бездонный!… Девчонка не упала. Она, не шевелясь и не дыша, зависла немного ниже уровня земли, и ее белые волосы стелились в сторону, как по воде. А по недвижной поверхности, потихоньку мутнея, расползалась гипсовая пленка – такая микронная корочка, которая образуется на поверхности минеральных подземных озер, если вода неподвижна… И тут из стен провала медленно полезли корявые, длинные гипсовые наросты – такие были на видео из Туркмении, дед показывал. Да, в гидротермальных условиях гипс образует очень странные структуры типа лап длиной по нескольку метров… И вот эти гипсовые лапы, шевеля корявыми отростками, от стен провала тянулись к Дольке… К Гальке? И никак не могли дотянуться, потому что провал неслышно расширялся со скоростью большей, чем они росли. Замершую девчонку уносило от края и от тщетно тянущихся лап все дальше, и как же ее достать, прыгать? Надо плыть… Мур скинул куртку вместе с рюкзаком, содрал ботинки и прыгнул – вода теплая, неощутимая, только хрупнула гипсовая корочка…

И он проснулся.

Открыл глаза: как ярко.

Потолок из крашеной вагонки. Вещи, окно. Обычный мир. За окном солнце дробится в сосульках. Капель лупит по подоконнику. Он же спасся. То есть их спасли. Все хорошо. Можно дальше жить, это же радость? Почему… Почему нет счастья? Болит потому что все? Преодолевая боль и сопротивление занывших мышц, он сел, потом встал. Спотыкаясь, подошел к окну, к солнцу – он ведь тысячу лет не видел солнца!

Снаружи сад с голыми черными, по колено в сверкающем на солнце снегу деревьями. Синие короткие тени, и – какой-то мальчишка в желтом комбинезоне. Но из-под знакомой шапки – длинные светлые волосы. Галька! Она протаптывала тропинки от дерева к дереву, и вокруг деревьев образовывались синие ожерелья, соединенные цепочками. Галька снова и снова ходила по этим тропинкам, то приостанавливаясь, то пускаясь почти бегом; взмахивала руками, кружилась. Да она танцует! И каждый жест такой отточенный, такой… Такой печальный. Мур и сам знал, что значит быть никому на самом деле не нужным ребенком, неужели и Гальке всю ее коротенькую жизнь так казалось? Может даже, ей пришлось похуже, чем Муру: режим, тренировки, правильная еда и всем важен только результат в соревнованиях, но никак не она сама. Да и Долька – если дочку любят, она не будет в горную девку перекрашиваться и только и думать, как уехать…

Как же Галька танцует! Вырисовывает собой печаль. И надежду. Каждый жест, каждая фигура, которую она собой создает – полны надежды, будто она хочет вырваться из одиночества. И сделать что-то хорошее для всех.

– Неугомонная, – сказал подошедший дед. – И упрямая, как черт. Родители вчера приезжали, так в отца чашкой с чаем запустила. С горячим. Ну, стресс у девчонки.

– Ты сам-то как? Поправился?

– Разом. Пока ехал сюда, еще лекарства пил, а тут уж как отрезало. Девчушка-то, я им сказал, пусть у нас побудет, раз такое дело. Ну и хоть отойдет немножко от пещеры. А то сколько можно реветь. Видать, в большой обиде на родителей, хоть они ей вещи там привезли, подарки-конфеты… А она мать вон тоже к себе не подпустила, орала так, что, я боялся, тебя

разбудит. Хотя, правда, под такими лекарствами еще никто не просыпался, ори – не ори. Ты как?

– Вроде нормально.

– Рассказала она, как вас с маршрута унесло. Говорит, во всем сама виновата. Но это так, риторика, а вот рассказывает она странное. Я, конечно, родителям сказал, что под землей еще не такое мерещится. Сенсорная депривация, все дела. Особенно детям часто блазнит.

– А ты сам что думаешь?

Дед пожал плечами. Спросил:

– А ты?

– Мне уж кажется, что все приснилось. Деда, а Долька с ними приезжала?

– Нет, куда там… Внучек, вот с Долькой-то твоей неладно… Потому младшую родители нам так легко и доверили. Им, слышь, некогда с младшей, старшую спасать надо.

– Спасать?

– Да с кровью у нее беда. Улетели сегодня утром в институт Гематологии в Москву. Я деньгами помог маленько… – Дед с минуту молча смотрел на Гальку внизу. – Виноваты мы, поди-ко.

– …В Москву, – вот вам и самолеты.

Как же так. Он же видел, видел, что Долька чахнет! Надо было раньше деду сказать, посоветоваться, надо было заставить Дольку пойти к доктору, да вообще что-то надо было делать, а не утыкаться в учебники, не винить ее в том, что жадная… Не отворачиваться от нее душой! Может, вся ее жадность от того, что ей чувства жизни не хватало? Что у нее остывала кровь и она искала лекарство? И надо было ее любить изо всех сил, согревать и беречь? А не злиться, что жадная и на шее у него хочет уехать отсюда подальше? Потому, что ей тут плохо? Разве она в том виновата? Но, может, чем дальше от Егоши, тем Дольке лучше будет?

– Виноваты мы, да… Я виноват… Потому что… Это все вредит Егоша наша? Дед, может, если убить Егошу, Долька выздоровеет?

Мур всем сердцем надеялся, что дед скажет, мол, какая к черту Егоша, что ты выдумываешь, никакие подземельные твари в людей не вселяются, это все блажь – но дед так не сказал.

– Поди-ка ее убей, – дед вдруг показался очень старым. – Никак да и нечем. Небось из Мурашей каждый пытался.

– И ты?

– И я. А ей чего – только сильнее делается. Ей людская ненависть как диетпитание.

– Потому ты просто стараешься не обращать на нее внимания? Что есть она, что нет?

– Она на своих убийцах только жиреет.

– Так что же делать-то? – Мур смотрел на Гальку, которая устала танцевать, лепила снежки и с детским прилежанием пристраивала их на ветки вместо яблок. – Долька-то как же?

– Медицина сейчас сильная, – вздохнул дед. – А так да, губит Егоша девок. Как вселится, так девка чахнуть начинает, и хорошо, если быстро помрет. Худо, если девка с гнильцой да сама рада позлобствовать, то Егоше в ней милое дело. Самая жизнь у нее начинается. Девка сытая делается, красивая, все посмеивается, доброе охаивает, злое хвалит. А сама, слышь-ко, как кукла Петрушка на руке, шкура одна.

– Долька не такая!

– Не такая, да. Да вот только, вишь, все равно не обошлось.

– Я видел, как Егоша в людей вселяется. Они делаются… Старыми.

– С девками не так. Сверху, до пояса – девка как девка, пригожая, глаз только нехороший, стеклянный будто. И красота – спасу нет, какая манкая. А подол задерешь – там костяк один.

Мур вспомнил Долькины коленки в зеленых колготках – нормальные. Красивые очень коленки. Почему ж тогда заболела?! Спросил:

– Ты на самом деле видел?

Дед кивнул.

– Ты потому ни на ком не женился?

Дед снова кивнул.

– А она… Во всех наших девок вселяется?

– Она не разбирает, наша или не наша. Девки в соку – корм ей. Любые. Эту Галочку твою пока не тронет, выждет, наверно, сволочь, пока девчонка в возраст войдет. Детей не трогает. Сына я спокойно вырастил, а тебя, вишь, мать вовсе утаила, потому как обиделась, что сын мой жениться на ней не стал. Ну и хорошо, что уехала.

– Их дело.

– Да пойми, внучок, как жениться-то нам, хоть по залету, хоть по любви? Один черт, бабам с нами не житье. Как Егоша-то маму твою проворонила, не знаю – видать, в то время в стерве какой жировала.

– Мама хорошая.

– Дак и хорошему человеку от Егоши только вред. Может, она и видела, да подступиться не успела – у них разом все случилось по молодой горячке, он говорил, а беременных, видать, курва эта тоже не трогает. Сынок мой рвался все к матери-то твоей душой-то, а так-то при встрече руганью ругал, чтоб отстала. Чтоб оберечь. После, мама твоя как уехала, так у него тогда жизнь тоже наперекосяк пошла. Воем выл. Ну, дело прошлое. Зато живы все. И ты – вон какой.

– Я хочу его повидать. Он когда приедет?

– Не знаю, – дед, как обычно, уклонился от разговора об отце. – Смотри-ко, видишь? Вон у забора куча, я по осени старые яблони пилил. Под нее смотри.

Под блестящими на солнце корявыми мокрыми стволами, кое-как наваленными друг на друга, в подтаявшем снегу темнел синий лаз. Мур содрогнулся.

– Логово?

– Дрыхнет, – кивнул дед. – Как светать начало, пришла откуда-то, холеная вся, шерсть гладкая.

– Это она Гальку подкарауливает? – Было жутко, что девчонка ненароком подойдет к куче мертвых стволов и веток.

– Черт ее знает. Пока не тронет. А может, и вовсе не тронет. Мне кажется, она за девчушкой этой… Присматривает, что ли. Как за нами в детстве. Как нянька.

– Нянька! Дед, а за мной зачем она таскается? Тоже присматривает? Что ей надо?

– Охраняет. Нянька, да. За мной тоже ходила, и за отцом твоим. Пора уж тебе рассказать… Расскажу когда-нито. Иди за девчонкой сходи, а то она без тебя завтракать не стала, говорит, дождусь.

Едва Мур, хромая, обогнул дом и вошел в сад, Галька замерла – а потом уронила снежные яблоки и помчалась напрямик по глубокому снегу, раскинув руки – желтая, как солнце на детском рисунке. В этом желтом комбезе ее Мур тащил вместе с Денисом по бесконечным ступенькам из лога – и так же ослепительно сверкало солнце. Галька не плакала тогда. Поорала сначала, а потом замолкла. Только дышала часто-часто, пока они ее тащили вверх мимо трамплинов. А сейчас она скакала по сугробам как горная коза – откуда в девчонке столько силы? Мур заметил, что бежит ей навстречу, чтоб удержать, подхватить, если упадет – не упала. Врезалась в Мура и свалила его в снег. Шмякнулась сверху всеми своими костями:

– Мурчисон! – какой же низкий голос, жуть! – Твой дедушка сказал, мы еще в пещеру пойдем! Чтоб потом всю жизнь Подземли не бояться! А я и тогда не боялась… Нет, боялась, но не так, чтобы уж очень-очень. А ты боялся?

– Очень, – Мур выкрутился из-под нее, сел.

Заметил, что из логова высунулась взъерошенная спросонок Егоша, какая-то ошалелая. Неприятно удивленная. Похоже, прямо сейчас в пещеру ей тащиться за ними было неохота.

Ой. А может, это в пещере Егоша была? Она их и вывела, потому что с какой-то стати должна оберегать Мура? Галька села, сдвинула шапку и почесала подсохшую ссадину на лбу:

– Что ли не пойдем?

– Не, в пещеру надо сходить, только… Только я тебя в обвязку засуну и к себе пристегну, чтоб не свинтила опять. А лучше к деду или к Саше, они тяжелее!

Но в пещеру что-то пока никто не рвался. Колено болело, Мур ходил-то с трудом. И Галька вон вся в синяках и ссадинах.

За завтраком Галька сметала все, что подставлял ей дед. Светлые волосы ее, немного растрепанные, сверкали от солнца, бившего ей в спину, как серебряная корона. Мур даже есть перестал. Одна прядка волос у нее была зачем-то заплетена в странную, спутанную косицу. Галька под его взглядом насторожилась:

– Ты чего?

– Ты очень красивая.

– Да, – согласилась Галька. – Я тебе потом фотки с соревнований покажу, я там вообще… Как это… А, «чудное виденье», тренер говорил. Долька только все равно красивее.

– Может, тебе ленточки какие купить, ты скажи. Зачем ты такую косичку странную заплела? – спросил дед.

– А, это, – Галька потрогала косицу. – Это не я. Я проснулась, а оно – вот. Распутать не могу. Потом, – она внимательно посмотрела на Мура. – Ты тоже красивый, – посмотрела на деда. – И вы. Ой! Знаете что, вы такие… Ну, будто один и тот же человек! Да, точно, один человек, только в разном возрасте!

До каникул оставалась неделя, но дед сказал, что всем нужен досрочный отдых, и пусть каникулы будут прямо сейчас. Мур и Галька, конечно, чудо, что не простудились, но официально доктор им справки дала и от школы освободила. Хотела вообще на карантин посадить, мало ли они там что в пещере подцепили. Так что в город они не поехали, остались в большом, сияющим свежим деревом доме. Эта нежданная свобода, эта новая совсем жизнь были бы великолепным, как огромный, пронизанный солнцем сияющий самоцвет, если бы не болезнь Дольки. Галька грустила, временами начинала мыкаться по дому, не зная, куда себя деть. Дед старался Гальку подбадривать, учил различать камешки, разрешал сидеть рядом, когда мастерил что-нибудь, даже, кажется, сказки рассказывал. Еще они вдвоем то варили суп, то пекли пирожки, причем изобрели какие-то новые, которые прозвали «байдарашками».

Сам Мур заставлял себя сидеть, готовиться к экзаменам, но вся эта школьная наука, казалось, нужна для какой-то прежней, простенькой жизни, которую и пещера, и угроза, нависшая над Долькой, отменили. Он сидел, уставившись в тетрадку и не видел иксов, ничего не видел, не слышал, что там бормочет из ноутбука видеоурок по алгебре или физике. Как жить, если в мире есть смерть? А если б воронка обвалилась? А если б их придавило где-то раньше в этом нестабильном глыбовом навале огромного грота? Мур представлял деда, которому говорят: «Не найдены», и его начинало трясти. А маме такое услышать? А Долька? Ей же столько крови тогда перелили – все равно плохо? Бедные, бедные Долькины родители. Бедная Долька.

– Деда, а как мы выбрались вообще? Как я дозвонился? Ты понимаешь?

– Мы разбирались на днях, – дед потер грудь слева. – Чудом, как еще. Там на склоне горы когда-то, в сороковых, что ли, пробурили гидронаблюдательную скважину. По ней провал и произошел – по забытой этой, давно забитой грунтом скважине. Она была обсажена железной обсадкой. Вдоль трубы активизировался карстовый процесс, что в конце и спровоцировало провал. Недавний, кстати, зимний. А то б раньше заметили. Ну, а труба осталась на месте, в стене. И по ней сигнал кое-как выбрался на поверхность.

– Почему обвалилось? Так, что ли, вся гора может начать обваливаться?

– Да нет, там такие перекрытия пород по всей горе… Ледяная гора как слоеный пирог. Сама пещера развита в нижней сульфатной пачке – ледянопещерской, потом идет неволинская, карбонатные породы с шестиметровым прослоем гипса посередине, далее опять гипсы, шалашнинская пачка в сорок метров.

– Сроду бы не вылезти.

– Да, через «органную трубу» никак, они у нас только внизу, в ледянопещерской нижней пачке есть. Упираются в карбонат. Вы на окраине горы вылезли, на склоне, где перекрытие над пещерой не такое большое. Не семьдесят метров, а тридцать. И – ослабленная зона, пересечение тектонических зон, да и скважина еще добавила неустойчивости. Сверху-то, я смотрел, провал малозаметен. Едва-едва дошел до поверхности и открывается небольшим отверстием. Так что не странно, что не заметили. Саша говорит, там внизу этот новый зал достаточно большой, раз обрушившийся материал в него поместился. Вы, собственно и пробирались между глыбовым навалом и стеной провала. Как вас там не задавило – вот чудо. Там живое все, неустойчивое, – у деда чуть задрожали руки. – Рушится, только задень.

Деду надо было съездить кого-то повидать в сторону Кишерти, на учебную базу университета, и он взял их с собой – Мур подозревал, что без этой поездки дед бы обошелся, но захотел их немного отвлечь:

– А вот посмотришь. Природа уникальная, заказник. Долина Сылвы глубоковрезанная, по берегам – скальные обнажения нижнепермские. Памятник природы.

– В пещеры полезем? – оживилась Галька.

– Нет, но камень Ермак посмотрим и, может, Камайские зубцы, – пояснил Муру: – Рифогенные известняки и доломиты.

Дорога шла по берегу Сылвы, но черно-белый, все еще безнадежно зимний пейзаж хотелось скорей пролистать до лета. Галька притихла на заднем сиденье. Сылва тянулась справа, вся в бурых водомоинах по льду; слева пошли серые камни все выше и выше, заснеженные, истрескавшиеся, поросшие елкой, сосной и всякой дурниной. Выходы породы, которым, если это нижняя пермь, точно больше двухсот пятидесяти миллионов лет, останавливали взгляд, но дед проезжал мимо. У горы Ермак притормозил было, но там было полно машин и буйных людей, поверх курток выряженных в яркие сарафаны и рубахи, с намалеванными красными щеками, в масках, в желтых париках и красных платках. Не особенно были они похожи на людей, и Мур был рад, что дед добавил газу:

– Масленица.

В деревне, где располагалась научная база, тоже гуляли. На берегу догорало чучело, дым стелился над редкими домиками, народ расходился, дети перекидывались снежками. Где-то далеко играли на гармошке. В доме, к которому они подъехали, тоже было весело, многолюдно, и через минуту они уже оказались за столом перед башней блинов, и Галька уже утащила один, шмякнула на него ложку сметаны, а потом полила смородинным вареньем. Полюбовалась, свернула в трубочку и вилкой и ножом стала аккуратненько его уничтожать.

Как тепло с людьми. Как тут светло и жарко. И как хорошо, что до них самих никому особо дела нет, только: «А-а, Мурашата пещерные с дедушкой приехали! Те самые, да-да, те самые! Добро пожаловать!», и веселые тетки подсовывают новые стопки блинов и рыбные пироги:

– Кушайте, ребятки! Отъедайтесь за пещеру-то, там небось горные не накормят!

– А и предложат, дак хоть кусочек съешь – все живое забудешь! Сметанки вот еще к блинам, а то, может, холодца с солеными огурчиками?

А дед сидел на другом конце стола с товарищами, смеялся, что-то рассказывал, и казался в сто раз моложе. Эти седые дядьки вели себя совершенно так же, как ребята из клуба. Что они там плели, Мур бы послушал, но не разобрать. А пока, осоловев от еды, чтоб не уснуть,

вытащил такую же осоловевшую Гальку из-за стола. Сколько надо они помогли добродушным теткам менять тарелки и таскать чайники, потом вывалились из духоты в снежную крепость двора – дорожки были глубиной Гальке по плечи.

Они вышли на улицу. Смеркалось, пахло зимой, и мир опять показался синим, волшебным, с золотыми мандаринками далеких редких фонарей. Вокруг горы – и небо вроде бы немного ближе. Они спустились к белой, в темных разводьях, реке, остановились у жаркого, все еще мерцающего углями черного пятна костра, где сожги Масленицу.

– Тэли атыл паси[24], – что-то непонятное сказала Галька.

– Что?

– Говорю, зимним запахом пахнет.

И правда, глядя на снежные отвалы дороги высотой метра в два, на ненарушимый толстый лед на реке, в весну не верилось. Мур оглянулся: горы в лесной шубе. За рекой – такие же. Урал. Был всегда и будет всегда, что ему до человечков с их короткими жизнями. Все равно, как решат эти горы, это небо, эти недра под горами – так их жизнь и сложится.

– Ой, – низко сказала Галька. – Лодка? На льду?

По белой полосе вдоль берега в самом деле ползла лодка, которую тащил маленький, тихонько рокочущий мотобуксировщик. В лодке горели огоньки свечных фонариков и сидел человек с удочкой. Дальше от берега показалась еще лодка на мотособаке, тоже с огоньками; мужик в ней стоял и забрасывал спиннинг. Было слышно, как трещала катушка.

– Это чего… – Галька прижалась к Муру. – Это они – зачем? По льду?

– Не знаю. Они не ловят рыбу, они только вид делают…

Послышался звук двигателя помощнее, и из-за прибрежных камней показался снегоход, потихоньку волочащий здоровенную лодку с плоским дном, в которой народу было несколько человек. За лодкой стлался шлейф дыма. У людей в лодке стоял стол с тарелками и свечными фонарями, блестели бутылки, а на корме невозмутимо дымил медный самоварище, в боках которого отражались рыжие огоньки. Люди негромко смеялись, разговаривали, звякали стаканами. Тетка в сарафане поверх шубы, с размалеванным лицом, с носа потянулась вперед, к мужику на снегоходе, с миской, от которой валил пар:

– Облом Петрович[25], пельмешков вам пожалуйста!

Мур и Галька переглянулись. И тут из-за поворота вылетел еще снегоход с двумя седоками: один рулил, а другой, в серой куртке, привстав, размахивал громадным рыболовным сачком:

– Ловися, рыбка, больша и маленька! Облом Петрович, доброго вам здоровьичка! Ловися, рыбка, больша и маленька!

Снегоход пьяно вилял, объезжая торчащие у берега камни. Мужик с сачком то привставал, то плюхался на сиденье. Снегоход выехал на берег, и Мур потащил Гальку назад. Но снегоход был быстрее.

– Ловися, рыбка, больша и маленька!

Сачок хлопнулся об снег совсем рядом, и Галька взвизгнула. Их обдало вонью выхлопа и колючим снегом из-под гусениц. Мур оттащил Гальку еще дальше, но снегоход зарычал и развернулся, ослепил их фарой. Метаться нельзя, – понял Мур, будешь бегать, эти пьяные в азарт войдут, гоняться станут! Он сунул Гальку за себя; заорал:

– Стой!

Так они и послушались. Правда, ход сбросили, и сачок взлетел над Муром и Галькой медленно, аккуратно – и накрыл обручем, от которого полетели в лицо колкие крошки снега, тоже аккуратно, не задев – только сетка мягко упала на голову:

---

[24] Язык манси

[25] Персонаж уральского рыбацкого фольклора, хозяин воды

– Поймалась, рыбка, больша и маленька! – ликующе завизжал мужик.

Мура дернуло обручем в бок. Галька заорала на одной жуткой ноте. Черный комок вылетел откуда-то сзади и врезался в мужика. Тот выронил сачок и кувырнулся со снегохода, водитель потерял управление, и снегоход мотнуло в сторону реки – и громадного, как лоб мамонта, валуна: хресь! Водитель слетел с сиденья и на четвереньках побежал в сторону. На него прыгнула Егоша. Фара погасла. Мотор рычал и кашлял, потом смолк и загорелся.

Что делала Егоша, было не разглядеть – только водитель перестал уползать, упал на живот, прикрывая голову. Тот, рыбак в серой куртке, лежал, раскинув руки, и не шевелился – и вроде у него было две головы. Мур присмотрелся – камень. И под светом от все злее полыхающего снегохода блестит этот камень красным.

Хорошо, что Галька за его спиной и не видит…Ей не до того: орала и дергалась, как рыба. Мур, сам трясясь, попытался высвободить их обоих из сачка, но никак не мог дотянуться до обруча. Из домика геологов бежали люди без курток.

По тому берегу Сылвы, глухо прогудев в сыром воздухе, безучастно промчалась, сияя полосой окон, серо-красная электричка.

Дни шли. С Гальки все было, похоже, как с гуся вода. Прооралась, когда сняли сачок – проплакалась, прижавшись к деду. Рыбака, расколовшего пьяную башку о валун, ей увидеть не дали, геологи загородили, никто ничего не сказал, да и добрые тетки сразу увели ее скорей в дом, утешать. Там покушала еще блинков, пока Мур на улице давал показания и шла вся эта муторная возня. Хорошо, что так много было умных взрослых на его стороне. И даже пьяные из лодок остановили мотособак, добрели до берега и тоже давали показания. Мол, не справился парень на снегоходе с управлением. Играли, да; ребятишек перепугали.

Водитель снегохода – куртка на спине у него была раздрапана на ленты – сидел на чурбаке, мотал пьяной башкой, мычал, а фельдшер Скорой заматывал ему башку слоями бинтов.

А один мужичок с реки, маленький как карлик, с заячьей губой, совсем мутный, тоже в серой куртке, все предлагал всем, даже полицейским, чайку из остывшего самовара:

– Испейте, испейте горяченького… А чо, а чо, Облом Петрович свое взял, да, так-то рыба должна нонче идти, должна! Испейте чаечку!! Ну а чо!

Потом Мура рвало за углом сначала блинами, потом горькой пеной. Егоша стояла близко у него за спиной, повернувшись мордой к людям, толпящимся у давно залитого из огнетушителя снегохода, у машины с мигалками, у скорой, у труповозки, и тихо, утробно гудела. Охраняла. Как же хорошо, что Галька в доме с университетскими тетками и ничего не видит и не знает.

Она ехала домой спокойная, сонная, в обнимку с банкой варенья. По пути Мур видел на Сылве еще несколько огоньков в лодках, что волокли мотособаки. И еще казалось, что Егоша рядом, едет с ними: может, на крыше, может – в багажнике…

Дни в Кунгуре шли и шли, да. Долька отвечала все реже. Спать Мур почти перестал. Когда днем делалось совсем тошно, шел или дрова таскать, или прибираться во дворе или в подвале – что дед велит. В сад он старался не заходить. Все равно там все тает, течет.

Но именно поэтому дед послал прокопать канавки, чтоб вывести воду в дренажную канаву. А может, понимая, как Мура крутит, нашел ему заделье, чтоб отвлекся. Галька увязалась следом. Тоже поковыряла сырой снег большой лопатой, устала, занялась, мурлыча, снеговыми ручейками, пуская в них кусочки коры с яблонь, щепки. Мур старался скорей отвести воду к канаве под забором и утащить Гальку из сада, подальше от Егоши, которая так и хоронилась в раскисшем сугробе под спиленными яблонями. Рыл, копал, откидывал снег – и вдруг услышал, что Галька тихонько поет. Голос ее звучал как ручеек, искрящийся на солнце. Мур

прислушался – и ничего не понял. Прислушался снова. Галька низко выпевала странные, как заклинания, слова:

– Анкватегын – макем вольги, емасын – туйткве сольге…[26]

Мур подошел, спросил шепотом:

– Ты что это за песню поешь?

Галька сосредоточенно прокапывала палкой канавку для ручейка. На Мура даже не взглянула. Рукава у нее промокли, лапы от холода покраснели. Впрочем, шмыгнув, ответила:

– Аквмеква[27] научила.

– Аква… Кто?

Галька выпрямилась. Из-под шапки торчали эти странные косички. Она странно, диковато как-то оглянулась на нору под кучей у забора, ответила:

– Аквмеква. Бабушка. Ну, та, которая нас вывела тогда со свечкой.

– Что?

– Мурчисон, не тупи, – она снова воткнула палку в ноздреватый рыхлый снег. – Почему ты все забыл, ты что, головой тогда в пещере ушибся?

– Не было там никакой аквабабушки.

– Я тоже так думала. Но она была. И есть. Я когда уснуть не могу, она меня утешает. Колыбельные поет. И плетет косички.

Мур покрылся ледяной коростой.

– Так-то она невидимая, – взглянула Галька.

– Но ты ее видишь?

– Иногда. Ты ведь тоже видишь. Она то как тень, то как снежинки в темноте, вот как тогда в пещере, когда мы ждали спасателей… То как старушка, то как девушка прозрачная, вся цвета луны… Красивая-красивая. Мурчисон, ну что ты уставился? Я нормальная. И ты нормальный. Она есть.

Вечером Гальку забрала двоюродная тетка и увезла в город, к себе, чтоб поводить в поликлинику, сдать анализы на всякий случай. К тому же правильнее, чтоб девчонки жили у родственников, а не у «не пойми кого», как проворчала тетка. Галька, конечно, уезжать не хотела, поплакала, но за Мура не цеплялась. Сбегала в темный сад – Мур, в общем, понял, зачем: с аквмеквой прощалась – потом обняла деда и, вытирая слезы, забралась на заднее сиденье теткиной машины. Помахала белой ладошкой из темноты салона – и тетка вырулила за ворота. Дед нажал кнопку, и воротины неспешно поползли на свое место. Встали. Моторчик смолк, и стало жутко пусто и тихо.

– Идем чаю, что ль, попьем, – сказал дед.

На кухне он заварил чай. Сел напротив. Мур смотрел на деда, тот – на него. Мур молчал, не зная, как начать. Дед, видимо, тоже.

– Она всё тебе рассказала? – тихо спросил дед.

– Я не знаю, что – всё, а что – не всё, – как можно спокойней ответил Мур. – Расскажи, что вообще происходит. Почему мы с тобой видим Егошу как страшную росомаху, как старуху жуткую, а Галька – как девушку цвета луны?

– Да Егоша кем хочет, тем и будет казаться, хоть бочкой. Я ее и росомахой видел, и просто черным клубком, свиньей клыкастой раз даже видел, когда… Когда… Сын родился, а мать его, милая моя, умерла. Егоша ж ведьма, вувериха. Вит-эква. Вампириха такая, куда там Дракуле.

– Баба-Яга?

---

[26] Взглянешь – земля блестит, ступишь – снежок хрустит… (Манси)

[27] Бабушка (Манси)

– Да пострашнее, пожалуй. Яга на той стороне, в мире мертвых, сюда не лезет. А эта тут, у нас пасется. И в девок вселяется, я ж тебе говорил. Хищница такая… Как ей надо, так и морочит. Вит-эква, еще называют, то есть Водяная старуха.

– Аквабабушка, – тоска взяла за сердце.

Как уберечь Гальку от Егоши? Да, Егоша не трогает детей, но что она хочет от Гальки? Зачем подманивает, зачем приручает древними песенками? Косички плетет! Колыбельные поет! Курва. Дольке вон уже спела.

– Я нашел в интернете, «Аквмеква» – это в самом деле «бабушка», только на языке манси.

– Автохтонное население, – вздохнул дед. – Может, и манси. Какая разница. Правильно мы девчушку отослали. Что наша тварь задумала, гадина такая, хотел бы я знать, – дед встал, шагнул к окну в сад: – Ох ты ж. Чего это она?

Егоша неуклюже вскарабкивалась на кучу корявых стволов. Кое-как умостилась там, опасливо перебралась передними лапами на перекладину сплошного забора, отделявшего усадьбу от улицы, и замерла, вытянув плоскую голову в сторону, куда увезли Гальку.

– Не похоже на нее.

– Дед, почему она будто прикована к нам? Вот смотри, Галька ей приглянулась, но она ж за ней не полетела? О, я видел, как она за трамваем летала, она может. Но она осталась.

– Ну… Скажу тебе, раз подземная смерть тебя отпустила. Ты теперь вторую жизнь живешь, сам-то понял ли?

– Я думал об этом… Я теперь горный?

– Да ты что, – махнул на него дед. – Не дай бог!

– А мой…Ух, – вдруг сломалась ветка под задней лапой Егоши, и она тяжело сверзилась в корявую кучу. Напоролась бы она там на сук… Так даже если напорется, ничего ей не будет. Мур ведь что-то важное хотел спросить, но… Ай, есть поважнее: – Лучше бы не мне вторую жизнь, а Дольке нормально свою одну прожить. Ведь если б она не заболела, Галька в Заповедку шубу прятать не полезла.

– …Какую шубу?

Мур объяснил. Дед хмыкнул:

– Заигрались девчонки. Глупости все это, видимость. Сам подумай. Есть ли Горным дело до глупой девчонки, как она ни нарядись? Им вовсе до людей дела нет, пока мы им не мешаем, не лезем горам под скальную юбку…

Они смотрели, как Егоша елозит под стволами, потом протискивается наружу, оставляя на сучках клочки черной, тут же растворяющейся в воздухе шерсти. Почему она ветки не может пройти насквозь? Что ей эта преграда? Егоша выбралась; понюхала себе правый бок. Встряхнулась. Угрюмо подняла башку к окну, и на миг Мур почувствовал укол ее взгляда. И тут же она исчезла, будто разозлилась, что они видели, как глупо она упала. Дед отвернулся. Снова сел за стол. Лампочка люстры отражалась в остывшем чае двух забытых рядом с чайником чашек, как чьи-то глаза.

– А с тебя теперь другой спрос, так вот слушай… Черт с ней, с Егошей. Ей нас ни убить, ни помиловать, ни в покое оставить. Видать, никому из нас от нее не избавиться, а то, что сторожит – так даже на руку. Вот слушай… Петька, я дома кой-что хорошо припрятал, считай, клад для тебя – да и не клад, а так, считай, ухоронка…

Мур похолодел. Кладов ему только не хватало:

– Не надо мне. Не вздумай помирать, дед. Ну что ты, а?

Дед только усмехнулся. Продолжил:

– А вот мало ли. Я уж столько передумал, пока ты там в Ледяной-то… Но вот мож и правда Егоша помогла, самим бы вам оттуда… Меня раз тоже этак кто-то вывел. Я по молодости как-то один пошел – да заплутал по глупости в горе, неделю шарился, воду со стен лизал, свечки кончились, батарейки сели – и уж все, с жизнью прощался. Уж девок слышать начал

– а то хуже нет, как в пещере услышать, как девка поет. А он вывел. Смешком все. Смеется, а не догнать. И свечка вроде у него была – такой, свечной свет, теплый отсвет на камнях, а саму свечку я не видел.

– Мы тоже не видели. И не догнали. А ты – того? Кто смеялся? Ты догнал?

– Догнал, – дед взглянул простодушно, с тенью прежнего того, подземного страха: – Я сам это был. Старый только. Каску помню, мне тогда показалась – как у космонавта. Фонарь только разбитый.

– Дед, ты мне в самом деле сказки какие-то рассказываешь.

– Каска-то есть теперь у меня такая, на конференции в Башкирии подарили. Желтая та, ну, ты видел… Сказки, – усмехнулся дед. – А и думай пока так, внучок мой золотой, тебе вон еще сколько провернуть надо, экзамены эти. Коленка болит?

– Не сильно. Заживает.

– Иди спать, Мурашок, завтра… Завтра к нотариусу с утра пойдем. Надо на тебя все остальное отписать.

– Так срочно?

В школе после каникул без Дольки было тошно. Мур так и сидел один рядом с проклятым стулом. Колика Усольцева, которого в подвале то ли Егоша поцарапала, то ли он сам за что-то зацепился и получил заражение крови, из больницы выписали, но был он бледный, вялый, все молчал и ходил в медицинской маске, потому что врачи сказали, что даже детский насморк его уложит. И не ходить нельзя: экзамены все ближе. Сам Мур учиться почти бросил, в школу ходил, чтоб перед собой легче притворяться, что жизнь все еще нормальная, как у всех.

Гальки в школе и раньше было не видно из-за того перелома, но и сейчас она не ходила, не будет же ее тетка из Закамска возить. Телефон Галька потеряла в пещере, и тетка, ей, видимо, новый покупать не стала. А родителям, понятно, не до того. Завуч-пинчер, когда Мур набрался храбрости и спросил, сначала заверещала, ну сколько можно ей мешать работать, потом заворчала, что от учениц Богодай всю жизнь одни проблемы, младшая точно на второй год, а со старшей не пойми что с этой больницей в Москве! Очнулась, перевела дыхание, наконец всплыла на уровень человека и сказала, что да-да, здоровье важнее всего, пусть Даша поправляется скорей, мы ее пока ни из каких списков экзаменационных не вычеркиваем, но если что, по уважительной причине… по состоянию здоровья… Ну какие ей экзамены, Мураш, сам посуди?

Дольке Мур писал несколько раз в день – иногда она даже отвечала парой слов с опечатками. Сил у нее нет на правильные буквы. И живет на чужой крови, свою костный мозг плохую вырабатывает.

3.

Весна, какое голубое небо ни будь, стояла черная. Апрель давно. Егоша по улицам сопровождала по-прежнему, но вроде как с ленцой, иногда и вовсе пропадала, уверенная, что никуда Мур не денется. Снег наконец стаял, обнажив бурьян и прочую отсыревшую дрянь в логу; наверху в городе подсыхали газоны, пахло землей. Мур надеялся, что Егоша меньше будет мозолить глаза, ведь воды везде меньше – но однажды вечером Егоша черным туманом просочилась из-под крышки канализационного люка чуть ли не у него под ногами, в другой раз – высунула мокрую плоскую башку из мелкой, насквозь просвеченной солнцем лужи. Ей хоть полстакана воды, хоть чайная ложка – найдет дорогу. А в дождь Мур заметил ее под стоком водосточной трубы на углу маленькой школы: валялась там, как толстуха в гидромассажной ванне.

Ум как в клетке бился – но решения, как пересилить эту проклятую водяную старуху Егошу, не было. Вон сколько дедов и прадедов бились, а уж они точно были поумней Мура. И куда смелее. К тайной силе, к ночной мгле, к подземному мраку – вплотную, без ослепительных фонарей. Мур представлял себе противостояние с Егошей, когда в ночи только красный

уголек лучинки, или свечка на ветру, или защищенный тоненьким стеклом огонек керосиновой лампы – и шел покупать батарейки. Фонариков у него было уже пять штук, здоровенных, а еще новая каска с электрическим освещением и два спелеологических налобника, один из которых, самый легкий, но ультра мощный, подарил дед. Дед вообще показал, где что лежит из снаряжения, сказал: «Все твое, осваивай», и, в общем, Муру по росту все подходило, только комбинезоны и ботинки великоваты.

Клуб затеял тренировки в Разгуляе на старом, бывшем Трамвайном, мостике, чтоб отрабатывать вертикальную навеску, подъемы и спуски, и дед позволил парням сгружать веревки и снаряжение в малухе. Пару раз даже по семь-десять коробок пиццы им заказывал, ставил настоящий, на углях, двухведерный самовар, и, когда после тренировки двор наполнялся крепкими парнями в яркой экипировке, звенящими весельем и карабинами, и везде на чурбаках лежали куски пиццы, пирожки, стояли громадные чашки с чаем, и дед, молча усмехаясь, доливал кипяток в громадный – «на пенсии уж дедыньке на заводе вручили на первое мая году в семидесятом» – заварочник, на боку которого пылал герб СССР – казалось, в мире нет никаких Егош, а есть только весна, синее небо, желтенькая мать-и-мачеха на пригреве, байки и хохот. От кучек спитой заварки, вытряхнутой под забор, завитками струился парок, а самовар дымил, как пароход, и казалось, дворик несет по невидимой реке.

– … А чо ты думаш, так и было: кобель о прошлом годе у Мишки в Кунгуре залез в какую-то дырень, и ни писку, ни визгу, орали-орали, свистели-свистели – нет. Все, хана, думали, придавило. А он через неделю в Кизеле вышел! Живой, отощал только и лапы сбил…

Братва о происшествии в пещере, понятно, не знала, хотя продление пещеры обсуждалось жадно, ведь всем хотелось со старшими товарищами в Понарошку, как Саша и все за ним прозвали новооткрытую часть. У Мура хвастаться Понарошкой не было ни мысли, ни желания. Вот братьям своим настоящим, которые уже неделю хвалились, что прошли отбор в какой-то финский юношеский хоккейный клуб, Мур бы рассказал про тьму под семидесятиметровой толщей ненадежного скального грунта. И как ребра болят в трубе, и каково ползти под плитой, над которой целая гора. Но зачем? Они теперь все равно что на другой планете. Маме бы не стал рассказывать. Не надо ей тревог, ей там, в Лапландии, похоже, хорошо.

Когда ребята расходились, Мур прибирался, подметал лещадь от фантиков, жег коробки из-под пиццы в пустом огородике за дровяником, вытряхивал туда же золу из теплого самовара. Саша, пару раз задерживаясь еще на чашку, все обиняком заводил разговоры о том, как же Мур выбрался в большой новый провал почти без света и снаряжения да еще и девчушку вытащил, но Мур мог только пожимать плечами. А дед говорил: «Повезло». Что-то он с Сашей осторожничал. И правда, тот все время расспрашивал. А что расскажешь-то? Кто в тот подземный, непонятно чей, огонек поверит? А в Егошу? Муру и самому казалось, что такого не могло быть. Но ведь было же – теплый рыжий отблеск на камнях?

Тогда «на каникулах», как окрепли, дед повез их в пещеру, отвлечь от произошедшего на Сылве, и Галька в своем желтом комбинезоне, в обвязке, в каске поверх шапки, с дедовым налобником, вела себя как заправский подземник. Не похоже, чтоб пережитое как-то ее травмировало. В Заповедке, едва просочившись по длинной щели, она тут же повернула налево к гротам, которые считались слепыми, и сходу попыталась вкрутиться в первую попавшуюся нору с кличем: «А-там-што-я-хочу-знать!». У Мура чуть сердце не выпрыгнуло, но Саша среагировал быстрее и поймал ее за хвост, первооткрывательницу. Хотя Гальке никто и не объяснял, что это она и Мур правда открыли новую часть пещеры, чтоб не болтала. Ведь всю историю с их спасением скрыли, чтоб не подводить никого. Раз уж все хорошо кончилось. Мур тоже не собирался болтать, а честь открытия уступил спелеоклубу – если б не они, гнили бы под провалом их с Галькой трупики. А до этого было бы еще бесконечное умирание, и каково бы – умирать, видя кусочек неба в поноре?

Клуб помаленьку разведывал новые гроты со всей осторожностью, а потом, когда из-за небывало обильного половодья Сылвы началось подтопление, разведку приостановили. Экскурсии тоже. А Гальке тогда во второй раз пещера была как пещера, ей казалось, что уж в Кунгурской-то люди были везде, и ничегошеньки она не боялась, никаких обвалов. Внимательно слушала деда и Сашу. Муру сперва было не по себе, и он все следил, где Галька, как она, не отпускал от себя. В новый, «их», проход Саша его не пустил, сказал, что еще опасно, что ребята разбирают обломки, чтобы взрослому пролезть, и что там дальше вода в озере поднялась немного. И все спрашивал:

– Ну как ты? Не боишься?

– Да я бы тут все облазил, – вздохнул Мур. – Хотел бы сам все открыть, научно. А не так понарошку, как вышло.

– Да какая ж «понарошка», – засмеялся Саша. – Ход есть, люди прошли. Наши знают, кто первый, остальное не так и важно. Да ты не переживай, тут еще открывать и открывать. Ты вон какой спокойный, серьезный, самое то для подземника.

Дед только хмыкнул, довольный.

Мур подумал, что если б не Егоша, если б не заболевшая Долька, если б не придавленный бедами дед, то не был бы он ни серьезным, ни спокойным. Валялся бы от счастья, как щенок, визжал бы от ликования, если б спелеологи хотя бы за это нечаянное открытие приняли его в свои ряды на равных. Чтоб только взяли с собой в дальние туннели, норы, гроты. Чтоб потом когда-нибудь в самом деле проползти туда, где никого не было, открыть новую пещеру с полным пониманием, что делаешь, а не случайно.

Саша был крут, конечно, у него учиться и учиться. Дед после пещеры, дома уже, так и сказал, мол, Саша мастер, присматривайся, как и что он делает. Но велел лишнего с ним не болтать даже о подземных чекистах, мол, кто об этом племени в Ледяной знал бы наверняка – так это Саша. Ты не болтливый, вот и держи характер, чтоб не прослыть дурнем, гоняющимся за горными девками, шерпами, дырками в Шамбалу[28] и не пойми еще за чем. «Береги честь смолоду», помнишь?

– Это про Петю Гринева.

– И про тебя, надеюсь. Да и если о чем-то Саша про меня будет спрашивать, особенно про экспедиции в девяностых годах или с какими камнями нынче я работаю – уж помалкивай. Не знаю, мол, не понимаю. А то он хитрый. С выучкой такой… особой.

В конце апреля напротив дедова дома начали сносить депо, и вокруг стало пыльно, шумно, грязно и людно. Сказали, будет сквер, но дед не верил. Мол, пока речь о сносе оставшихся в Разгуляе «исторических» домов не идет – но дед тем более не верил. Страшно, что скоро подберутся, и, хотя по документам усадьба была неприкосновенным и вроде как даже охраняемым зданием девятнадцатого века, дед пригнал из Кунгура свой экспедиционный ЗиЛ-автодом и кое-что самое важное из подвалов они перевезли в Кунгур – и разместили, понятное дело, тоже в подвале.

Сам ЗиЛ был прекрасен. Хоть в экспедицию вокруг света, и дед, конечно, Мура порадовал: в первые же выходные они уехали километров за триста от города, свернули на грунтовки. Дед, правда, переживал:

– Распутица, весна, вон все только стаяло. Проедем ли. Вон водомоины какие… А на севере, в Чердыни, в Ныробе, в Искоре, снег еще, небось, лежит… Ни проехать, ни по речкам – лед, поди, еще, не вскрылись… Что, внучок, рискнем?

– Вроде ехать можно.

[28] мифическая страна в Тибете, где якобы живут великие учителя, направляющие эволюцию человечества.

– Попробуем поверху, по перевалам… Ну, на крайний случай у нас лебедка есть, вытащимся как-нито.

Егоша вроде бы за ними в леса не увязалась, но кто ее знает. Все равно было чувство, что кто-то за ними следит. Дед тоже больше нужного поглядывал в боковые зеркала, а в лесу раз остановился сразу за поворотом и сказал:

– Посидим, посмотрим. Кофе мне налей, внучок.

Мур налил, подал кружку:

– Ты кого-то опасаешься?

– Так, мало ли. Решат еще, что я поехал тебе тайные западенки показывать, где золотые россыпи притаил.

– Кто?

– А так… Промысловички. Промысел разный бывает. Кто, значит, по горам лето за летом с кайлом, а кто на готовенькое норовит. Так что, внучок, закон: что знаешь – не сказывай никому, – он усмехнулся, – вот кроме разве что внучка, да и то, если гож будет.

– А я гож?

– Ты не жадный. Гож.

– Дедо, а кстати, золото вообще можно еще добыть на Урале?

– На Урале все можно. А если всерьез, то в эту сторону, где мы сейчас с тобой, западнее Камы – нет, нефть да газ, не наше дело. Золото – это север, Гремячинск, Качканар, да и выше, Горнозаводск и Красновишерск. Да там уж все известные месторождения выбраны уже давно. В Невьянске вон было в породе по пятьдесят грамм на тонну против обычных пяти, так это уж когда, выработано все. Народишко потом от бедности все старые отработки повторно перебирал. Золото над слабыми людьми одним званьем своим верх берет. В Баньговской шахте, как прошел слух, что в сланцевом участке золото пошло, так директора прииска с товарищами в охотничьем домике спящих прирезали всех, золото искали. А тебе золото зачем?

Мур пожал плечами. Даже чтобы маме послать богатства или Дольке на лечение – золото сначала надо в деньги превратить. А как? Толку не хватит.

– Золото сейчас кустарно брать – пустое дело, – серьезно сказал дед. – Рассыпное оно все в аллювиальных отложениях, просажено на самое дно, всё последующими слоями перекрыто. Двадцать, двадцать пять метров – поди-ка, лопаткой да кайлом добейся… Драги нужны, глубокая разработка, индустриальная работа. Да, старатели-одиночки по овражкам на северах по Печоре, по Иньве, по Яйве роются, наверно, да что там намоешь, если там грамма два-три на тонну. Но это рабский труд в кабале у тайных купцов. С коренным месторождением, если такое найдется, то же самое – большие вложения нужны. Так что явного золота, вот как Огневушка-Поскакушка показывает, репкой да самородками, думаю, одиночке теперь не взять, – он усмехнулся. – Если дикий фарт сам по башке самородком не шабаркнет. Но тут уж радости мало, хоть и богатство. Не к добру. Ну что, соглядатаев вроде как нет. Поехали, что ль? Давайка за руль.

– Я? Сам?

– Ты должен все уметь. Права дело наживное. К июлю на грузовик должен получить, а? Успеешь?

– Да. В мае сдам. Сразу, как восемнадцать станет.

– Хорошо бы. Ну, пока вон, учись, по колдобинам. Давай.

И Мур, сев за руль, огляделся, привыкая к высокой посадке и размеру руля, к габаритам машины, к здоровенным педалям под ногами.

– Вот рычаг передач, вот раздатка, – показал дед. – Включай вторую и поехали.

Мур повернул ключ зажигания, почувствовал, как ожили все восемь цилиндров и машина проснулась. Он выжал жутко тугую педаль сцепления, со второй попытки попал в нужную передачу, легонько нажал педаль газа – двигатель рыкнул, а Мур взмок. Какая ж мощь.

Понял, как правильно работать газом, плавно отпустил сцепление и закрутил руль вправо, выруливая на дорогу. ЗиЛок, переваливаясь по колеям, попер вперед.

– Переходи на третью, – подсказал дед.

Машина. Большая. Взаправду. Это ж бессмертный железный мамонт. Мура трясло от ужаса и от радости. Но он ехал и ехал. Даже в передачах быстро перестал путаться. Иногда рычал вместе с ЗиЛом. Дед посмеивался и подсказывал, когда переключать передачи.

И еще бы тысячу километров проехал, но скоро они добрались до места, до каких-то отрогов хребта – серые выступы скал торчали вдали над полуголым весенним лесом.

Ту же фразу, что геолог должен все уметь, дед повторял, как заклинание. Как выбрать место для стоянки, как спрятать ЗиЛ, как отабориться, как построить балаган для ночевки и какие ветки резать на подстилку – лучше пихты не найдешь, как развести костер из сырых дров, как приготовить кулеш – хотя в автодоме была плитка и в рундуке – большая коробка с ИРП. Даже показал, как ставить силки на зайца: уже в сумерках, в бело-зеленых коврах цветущей ветреницы, они поставили петли. Просто курс выживания, хоть снимай и выкладывай в сеть.

Пока Мур чистил и варил картошку на ужин, дед подремал, отдохнул – и потом в ночи они засиделись у костерка. Черный лес шумел, собирался дождь, пахло мокрой землей, корой и, тонко и страшно, сладкой отравой от небольшого кустика волчьего лыка на дальнем краю полянки, сквозь темень заметного бледными цветами, облепившими ветки. Еще и лета в помине нет, на деревьях ни листика, только разбухшие почки – а оно уж вовсю цветет. Мур старался на него не смотреть. Вот, бутерброды, чай из котелка, мятные пряники… Золотые угли под потрескивающими дровишками, редкие искры над костром. Бледное небо позднего вечера, предвестник скорых белых ночей, и впервые он его видит над черными елками и соснами, а не над многоэтажными проспектами Петербурга, не над дворцами и Петропавловкой с Троицкого моста… Тут – другой мир. Свобода. Счастье, если б не… Долька сегодня не отвечала. А маме ее он боялся писать.

– Вот еще тоже наука, где воду для лагеря брать, – сказал дед, прихлопнув искру на колене. – Ищи ручейки, лучше – родники, да чтоб ничем не пахла вода. Сырую воду пей только в крайнем случае, дизентерия в экспедиции – позорное дело. Кстати, надо нам с тобой аптечку собирать уже. Да и вообще пора ЗиЛок готовить, затарить по максимуму. Он горючего много берет. Второй бак само собой, Шестьсот тридцать километров он на двух баках всего проходит, потому я и в кузов вон в отгородку бочку ставлю, а то и две. И в канистрах еще.

– Предусмотрительно. Но до июля долго еще.

– Тише едешь – дальше будешь.

– Дед, а Егоша за тобой по экспедициям таскалась?

– Да. Но по-разному. То под ногами путается, то раз за месяц из шурфа какого вылезет, посмотрит – и в лес. Скучно ей с нами было, я девок молодых никогда с собой не брал, кого ж ей жрать.

– Мужиков вообще не жрет?

– Батя говорил, может. Но я сам не видел. Мож, старая совсем стала, мужики ей не по зубам, – невесело усмехнулся дед. – Берегись все же, пряжку не снимай. Никогда.

Где-то далеко заухал филин. Дед пошел укладываться спать в ЗИЛок, а Мур остался в балагане – зря, что ли, мастерил. Все по древней охотничьей науке: между двух еловых стволов перекладина, на нее жерди, потом береста и ветки елки или пихты, и с боков так же закрыть. На землю тоже коры, потом слой еловых лап потолще, и готово, ночуй себе. Даже если костер прогорит, жара от углей хватит, чтоб прогреть пространство под козырьком. А чтоб не прогорел, нужна нодья – бревнышко потолще или даже два рядышком. Мур подбросил еще веток в балаган, расстелил пенку, спальник и полез устраиваться. Угнездился. Было мягко и тепло, даже жарко. Костер потрескивал, дальше виднелся любимый мамонт ЗиЛок, еще дальше рисо-

вался зубчатый край леса на бледном краешке неба, там же сияла крупная зеленая Венера. Сонно шумели верхушки деревьев, издалека на пределе слуха доносилось журчание ручейка.

Он проснулся среди ночи и не сразу понял, что разбудило. Костер все потрескивал, бревнышко прогорело еще даже не до половины. Все нормально… У котелка, стоящего на земле возле пакета с едой, сидел зверек вроде белки, только полосатый и к чему-то прислушивался. Потом опять тихонько зашуршал пакетом, вытаскивая что-то из дырки – пряник!

В лесу, далеко, раздался свист.

Зверек насторожился. Мур испугался, вспомнив разговоры деда. Свист раздался снова: какой-то неумелый, неловкий, так свистят тетеньки, подзывая собак. На птицу не похоже. И все-таки жутко. Бурундук точил пряник, не обращая внимания на далекий свист, потом пряник ему приелся, и он полез в пакет с головой и лапами, шуршал там, драл что-то, наконец вылез, обалделый, с куском сыра. В лесу все посвистывали. Но свист не приближался, скорее, перемещался по краю слышимости. Кто-то идет по ночному лесу и свистит? Зачем? Ну да, лес, наверно, не пустой, весна же, охота – значит, охотники; может, туристы маршруты обновляют… Но свистеть зачем? Медведей отпугивать?

Утром, когда варил кофе, спросил у деда. Тот ответил:

– А, я слышал. Это менквы[29].

– Чего?

– Они… Это, людоеды немножко.

– Дед! Замучил уже фольклором!

– Самые их места, родина, – ухмыльнулся дед. – Патрулируют. Вишь, народу последние года тут немного ходит, деревни вымерли, лагеря гниют стоят, вот они и вновь расплодились.

– Деда!

– Что «деда»? – с удовольствием каким он произнес это слово. – Да ты не бойся. Жрут они или жадюг-охотников, которые зверя-птицы слишком много бьют, или, опять же, тех, у кого совесть нечиста. Жалко даже, что менквы города боятся… Что свистел – это хорошо, это значит, он уж подходил, обследовал, понял, что мы не вредители, и отошел, свистом товарищам знак подавал, мол, ложная тревога.

В понедельник в школе клонило в сон, и, стоило прикрыть глаза, в уме начинала раскатываться серая лента с разметкой. Как дождаться пятницы, когда они выедут на три дня майских праздников? А заяц, тушенный в котелке с картошкой, был – язык проглотишь… А ветреницы как пахли… А в пещерах…

На перемене тихонько подошел Колик, пробурчал сквозь маску:

– Слышь, москвич. Сними порчу. Что ты хочешь – все сделаю.

– …Ты нормальный?

– Я-то да, нормальный. А вот ты – нет. И дед у тебя знаткой[30], все знают.

– Колик, ну что ты несешь.

– Не отпирайся. Как ты пришел в школу – сразу все к черту пошло. Ты – урочливый. Даже если не колдун. Глаз плохой у тебя, черный. Вона, в логу тогда девки расшиблись, потом я вот, злился потому что на тебя, что Долька… Ну, приревновал я, да. А ты вон и ее изурочил, как свое получил. В Москве, говорят, она, в раковой больнице.

– Дурак ты, Колик, – собрав силы, ответил Мур. Не раздражаться же на этого пожелтевшего парня, которому стала велика собственная рубашка. – Ничего я не получил, не было ничего у нас. Целовались только и бродили везде вместе, за руки держались… Да если б я мог…

[29] Лесные великаны (манси)

[30] колдун

Колик беспомощно смотрел поверх черной маски больными, красными глазами. А вдруг, если маску снять, обнаружится костяной оскал и треугольная дырка носа? Он гниловатый, Колик этот, глуповатый и жадный. Может, потому Егоша его и зацепила? А. Жадный. И Мур придумал:

– Колик, слуш. Помнишь, ты там в подвале зеркальце взял?

– Ну?

– Так верни.

– Дык на! – он неловко полез в карман.

– Не мне.

Колик посмотрел в пол, вздрогнул и с ужасом замотал головой. Мур пожал плечами. Но тут же устыдился, что стоит, такой подтянутый, загорелый уже от тренировок на Трамвайном мостике, с отросшими до плеч волосами, весь красавчик, в новых летних кроссовках, с дорогим ноутбуком в рюкзаке, победитель ЗиЛа, ведь сам проехал за рулем почти сто километров по весенним грунтовкам – стоит рядом с этим изболевшимся, в изношенных джинсах парнем, которого, вроде бы, растит одна мать с так себе зарплатой. На прошлой неделе Колика поймали на том, что он спер у двоечника по фамилии Дно пособие по математике. Днище и к экзаменам не допустят, а Колик до сих пор как оплеванный. Сам виноват, конечно, но… Не топить же его еще глубже. Мур предложил:

– Могу проводить. У меня как раз фонарик с собой. Но войдешь и положишь сам.

Снова ножичком откручивать винты, уже почти раскрошившие пересохшую древесину в дырках, открывать дверь на грязную лестницу. Снова тяжелый, земляной запах воздуха, в котором почти нет кислорода. Та дверь, нижняя, так и стояла приоткрытой в темнотищу. Никого тут не было с зимы. Было видно пыльные мешки с цементом, заляпанные серыми кляксами неструганые доски, истлевающие клочки газет и грамот на земле. Мур включил фонарик, и белая волна света залила подвал. Низкий, огромный – но луч фонарика пробил его насквозь и уперся в самую дальнюю кирпичную стенку с черными тенями от парт.

– Ух у тебя какой фонарище!

– Спелеологический… – Мур прислушался: вроде бы ничего из-под земли не гудело. – Знаешь, тут вообще темнота не страшная. Не подземная, а… Подшкольная. Ну что, идем?

Ни он, ни Колик, понятно, не помнили, из ящика какой из облезлых, в клочьях краски парт Колик в январе выхватил зеркальце, да это не так и важно. Они прошли подальше, Колик дрожащей рукой положил остро свернувшее в луче фонарика зеркальце в парту, аккуратно прикрыл скрипнувшую крышку. И тут запиликал телефон. Мур посмотрел на Колика, Колик – на него, и оба сказали:

– Это не у меня!

Звук шел снизу. Ну да, там же яма эта… Хотя и успев сообразить, что никакой телефон, особенно разбитый, не будет держать зарядку с начала января, Мур автоматически посветил в яму. Телефон валялся на утоптанном, в черных шерстинках, гладком дне, и треснувший экран светился входящим вызовом: «Систра Д.».

Глава 6. Кладбище кораблей

1.

Май почти прошел – холодный, мерзкий. Мура весь месяц знобило. Галька не писала – она посылала снимки: вещи, деревья, отражения в лужах, и эти кадры были немного жуткими, странными, ни на что не похожими, как если бы фотографировал инопланетянин. От одних у Мура начинала кружиться голова. От других – становилось горько, так ясно было, что фотограф вцепляется зубами в красоту мира и отхватывает куски, чтоб хоть немного… Хоть немного что? Примириться с ним? Галька умела находить красоту, да. Она, кажется, буквально питалась красотой всего, что и как фоткала. Может, потому, что ей больше нечем было питаться.

Это Галька сама нашла Мура в сети, у Дольки в друзьях, и Мур даже обрадовался, принял заявку – ей одиноко, конечно, мать с Долькой в Москве, а отец занят, денег ведь столько надо на лечение. А Галька сидит у тетки в Закамске и в школу не ходит. Так и с ума сойти недолго. Но Галька не надоедала, так пара странных фоток в неделю, причем у себя на стене все эти одуванчики снизу и блики на стаканах она не постила – пустая у нее стена, чистая. Не болтала зря, на вопрос ответила, что да, старый телефон она в пещере потеряла, этот новый – тетя свой старый отдала… У Мура сердце болело по Дольке, он даже ее маме разок написал – та ответила, что, мол, «ситуация такая неясная, лечение то помогает, то нет, мы… Денег не хватает… Тут вот новое лекарство немецкое нам…» В общем, все плохо. Что же с Долькой случилось до него, Мура, такого плохого, что она не хотела быть собой настоящей? Ну что, в самом деле, плохого в светлых волосах и глазах? И почему она изо всех сил хотела уехать, улететь? Убежать? От чего? И можно ли было ей помочь?

Чтоб не думать, что это он сам привел к Дольке Егошу, Мур попытался отвлечься, силой заставляя себя понять, как так может быть, что потерянный, завалившийся в какую-то щель или вовсе утопленный в сифоне Галькин телефон позвонил на убитый еще в январе телефон Колика. Рассудок помаялся-помялся вокруг разбитых экранов, на которых высвечивались номера, которые, если позвонить на них, «больше не обслуживаются», и отказался данный факт обдумывать. Предложил лучше обдумать, как сто пятьдесят лосей помещаются в восьмицилиндровом двигателе ЗиЛка… Но это было трусливым фокусом, попыткой себя обмануть, что счастье в жизни все-таки есть, и это сам ЗиЛ, и поездка с дедом на Майские далеко по Сибирскому тракту, а там опять по грунтовкам…

Нет, страшно что-то жить на свете.

Да и город этот, вытаявший из-под снегов, звериного стиля город, обросший по газонам свежей зелененькой шерстью, весь в густой весенней дымке холодного мая, днем залитый платиной солнца по новым и старым крышам, а ночью – тусклым сиянием белых ночей, таил с себе столько всего жуткого, о чем никогда не расскажут в школе. Особенно под землей. История державы, да. Какое уж тут счастье. Тут храбрость нужна, а не счастье.

Мур шел в Разгуляй с первого экзамена, географии. От школы он сдавал ее один, ребята даже ржали, мол, ты чо, путешественник? Да, путешественник. А вы сидите на своих менеджментах, торгуйте овсянкой всю жизнь… Каждый сам кузнец своего счастья. Еще русский и математика – и через неделю он будет свободен. Чтобы сократить путь, с улицы Сибирской пошел дворами. В первом же дворе большого, в стиле конструктивизма, почти столетнего дома натоптанная тропинка сворачивала в запущенный скверишко. На краю – детская площадка с качелями без сидений и кривой, из гнутых труб, ракетой. А в глубине… Мур даже встал. Потер глаза. Нет, это не мерещится от переутомления: посреди скверика, в кустах, торчали три громадных ржавых светофора. Все как надо, на четыре стороны линзы. Красный, желтый,

зеленый, только не светятся. Черт их знает, что эти светофоры тут делали. Росли. И уже давно, если судить по мху на козырьках линз. Никаких следов асфальта или вообще каких-то признаков проезда под ногами не было – утоптанный суглинок, из которого лезут редкие сорняки да перевернутые метлы кустов, будто стая Бабок-Ёжек приземлилась, организованно повтыкала свои транспортные средства черенками в грунт и так же строем ушла на пенсию. Он еще раз оглядел светофоры – старые. Потрогал ближний – настоящие. Краска чешуей отслаивается. Что тут думать? История державы, да.

Он пошел дальше. «Времена не выбирают, в них живут и умирают»[31], кто это сказал? И нечего ныть. Какой бы ни была жизнь, Мур не хотел ничего упустить, не хотел потом сожалеть, что чего-то не увидел, не услышал, не понял, не пережил. Вдруг жизнь окажется короткой. Надо все успевать.

Полдень, солнце. Скоро лето. Исполнилось на позапрошлой неделе восемнадцать, а на прошлой – сдал экзамен и получил права категории «ВЕ». Вот оно, удостоверение, жжет карман. Осталось «С» получить в середине июня. Как там дед сказал? «В поход за счастьем надо правильно собрать рюкзак». Но разве счастье снова когда-нибудь будет? Только если Долька поправится. А пока просто хотелось наконец выехать на ЗиЛе за черту уличных фонарей и ехать и ехать по грунтовой, в лужах, дороге среди бесконечного дремучего леса. Не за счастьем. А подальше от горя.

Егоша трусила вдоль стен домов, исчезая на солнце и появляясь черной росомахой в тени. Раз остановилась и по-собачьи полакала из лужи. Мур посмотрел через неширокую улицу в зеркальное окно какого-то магазинчика: он сам там отражался, далекий парнишка в белой рубашке с короткими рукавами – почему-то похожий на призрака. Лохмы до плеч, рюкзак с больше не нужным учебником. А вот Егоша – он проверил взглядом ее наличие в тени под кленом – в витрине не отражалась. Да, этот город научил Мура какой-то другой правде про мир. Может, более правдивой? Или просто более древней, звериной?

Он зашел в магазин за кефиром, потом свернул в Разгуляй. Депо снесли, груды кирпича пылили под ветерком с Камы. На другой стороне старой улицы, в тени под щелястыми кривыми заборами, лезли под ноги желтые бесхитростные одуванчики. А Долька все пропустила. И ледоход на Каме, и первые травинки на пригреве, и эти одуванчики… И соловьев, что орут вечерами в логу, как сумасшедшие, тоже пропустит… Во дворе было тихо, уютно, пахло домом. Дед в старой рубашке с дырами на локтях рылся под навесом, что-то перекладывал, позвякивая железом.

– Деда, привет!

Дед почему-то не ответил, даже не повернулся. Мур не стал отвлекать. У деда такое бывало, если на чем-то своем сосредоточен – может не отозваться. На прошлой неделе Мур раза три его позвал, прежде чем дед оторвал взгляд от какого-то полосчатого штуфа.[32] Пусть роется. А то опять с мысли собьешь – расстроится.

Мур поднялся в дом, сунул кефир в холодильник, снял крышку с кастрюльки на плите – чего там дед наготовил?

– А, Мурашок! Ну, как экзамен? – дед, в легком пиджаке поверх белоснежной рубашки, вышел из своей комнаты, на ощупь завязывая галстук.

Мур наклонился к окну – у дров никого. Посмотрел на деда. Тот удивился:

– Ты чего?

– Да я вот только что тебя у дров видел.

---

[31] Александр Кушнер, первые строки одноименного стихотворения 1978г.

[32] (от нем. Stufe – в значении секция, блок) – скол, кусок или образец горной породы, друзы минералов, руды или другой твёрдый геологический объект.

– Поблазнило с переутомления, – дед почему-то помрачнел. – Если еще вдруг так увидишь – скажи. В пещере я не мерещился?

– Нет! Я сказал бы. Ты это к чему?

– Да так. Ну что, довезешь меня до универа?

– …Я боюсь!

– Дак когда-то надо начинать. Права-то где?

У гаража над логом дед почему-то не остановился, а прошел дальше, к Трамвайному мостику. Мур за ним. Вид с мостика в обе стороны открывался грустный: с одной стороны внизу какие-то серые руины, брошенные гаражи, повыше сгрудились древние домишки; с другой – поблескивающая в едва зазеленевших метлах канавка Егошихи. Листва полностью еще не прикрыла шубой все корявое убожество склонов, и, скорей всего, это ей и не удастся.

– Все склоны почему изрыты?

– А тут садоводства в советское время были. В самом деле, чего людям нормальную землю под редиску выдавать, примут и бросовую, на склонах, да еще и в ножки поклонятся… Мы там в детстве яблоки воровали, в коллективных садах. Так-то лог был чистый, никакой ольхи. Лыжники катались… Тогда это место хотя бы хотело казаться хорошим. А теперь что… Конечно, Егоша всех проклинает. Вон, внизу бетонный коллектор, видишь? Она там живет. Поганое место. А ушла бы – тогда и был бы город-сад. Как бы ее наконец выжить отсюда…

– Ты говорил об этом зимой. А я смогу ее прогнать?

– Не знаю, – вздохнул дед. – Слушай-ка, Мурашок… Вот про клад-то я тебе зимой говорил? Так вот… Тележка, помнишь, внизу у нас стоит? Отметь ровно меж передними колесами – там лаз под полом. Откатишь, пол распилишь – там откроется ход. Так себе, в три погибели, кирпичи кой-где из свода попадали, и идти долго, метров сто, все прямо. Выйдешь в другой подвал, глухой, без выхода, тоже купеческий… Там столбы. Они чугунные своды подпирают, а сами литые, красивые, в завитушках. И стоит там…

– Деда, не надо мне ничего!

– Я старый, я – пожил, а девчонка твоя…

Мур не стал говорить, что давно уже не считает Дольку «своей девчонкой». Какая любовь, если Долькина ласка к нему вся была про Петербург, вся – чтоб уехать. На кой ей сам по себе Мур без Петербурга. Разве бы стала она его любить на самом деле? А он стал бы любить ее настоящую, а не яркую зеленоглазую красавицу с темными волосами? Но все-таки Долька была – своей. Просто своей, а не «своей девчонкой». Она же – друг. Надо спасти, а как? Отдать деда за ее жизнь? А кто сказал, что берут в уплату? Это же так, фольклор, предание. Бабьи сказки. А если б брали, это что же – выбирай, Мурашок, кто тебе нужнее, дед или Долька?

Поздно вечером позвонил папаша Богодай. Мур ничего не успел подумать, его просто заколотило. Трясущимися пальцами принял звонок:

– …Алло.

– Алло, ты слышишь? Галька у вас не появлялась?

– Галька?

– Опять сбежала. Ушла от тетки и все. На звонки не отвечает. Где искать, не понимаю… Объявится – звони, пожалуйста… Долька пока стабильно… Стабильно плохо. Да эта дура упрямая еще…

– Когда она ушла?

– Днем еще.

– Спасателям звоните! Искать же надо!

– Да я думал, сама придет… Буду звонить. Ты смотри, дома сиди, вдруг к тебе придет!

Дед на кухне пил кефир, что-то читая на ноутбуке. Мур был у него сегодня на обеих лекциях, даже проектор помогал подключать – и видел, что дед вымотался. Что его дергать.

Мур и сам не знал, что делать. Ехать в Закамск? Бегать по бескрайним лесам? А если Галька не сама ушла, а украли? Мур ушел к себе, посмотрел в окно. Руки тряслись, и он их спрятал под мышки. Свет белесой ночи наполнял мир от пола до твердого, с обломком опаловой луны, потолка. Что делать-то? Он нашел телефон, позвонил Гальке – вне зоны доступа. В сети была утром. Куда ее унесло, негодяйку?

Егошину бочку давно укатили – высились только кучи битого кирпича. Среди куч, стараясь не шуметь, лазили грязные мелкие люди, брякали царскими кирпичами, из более-менее целых выкладывали на паллетах терриконы, потом на расхристанном ржавом грузовичке понемногу увозили. При свете дня Мур их не видел, наверно, кирпичи эти жуки попросту воровали и были вполне реальные, объяснимые – но в белой ночи казалось, что они как раз из-под земли вылезли и кирпичи эти тоже утаскивают куда-то в подземелье, выкладывают там из них сводчатые коридоры и комнаты своих нелегальных убежищ.

Руки все тряслись.

Когда он вышел на улицу, чуть скрипнув калиткой, мелкие люди пригнулись, присели за кирпичами – только черные глаза опасливо блестели на пыльных лицах. Мур сделал вид, что не заметил их, пошел торопливо к Трамвайному мостику.

Из лога несло гнилой сыростью. Никаких соловьев. Узкая Егошиха чернела, как прорезь в зеленых берегах, отражала круглую луну. Круглую? Как это? Мур посмотрел на небо – круглой не было. Обломок опала почти над горизонтом. А в Егошихе вон –металлическое блюдце. Мур потер глаза – луна в черной воде задрожала рябью и исчезла.

Так, что – спускаться к коллектору? А может, Егоши тут и вовсе нет, может, она где-то… на выпасе? Охотится? Весна на исходе, кругом полно спелых стерв. Мур перегнулся через перила и тихо спросил:

– Ты здесь? – и тут же возненавидел себя.

Не стоит связываться с тайной силой. С нечистью. Даже ради… И с чего он взял, что Егоша сможет отыскать Гальку? Он сошел с моста на дорожку в Мотовилиху, спустился чуть по откосу и сам не зная почему, сказал:

– Аквмеква… Э… Вит-эква.

Ничего не изменилось. Мур зачем-то спустился ниже, заглянул под мост – пусто, глина да песок. Он вернулся на мост. Холодно, и тянет из лога сыростью. Егошиха лежала внизу, как дохлая змея. Ну что, в самом деле, за судьба у речки: выбиться из мрака подземных толщ на поверхность где-то на Липовой Горе, бесконечно плестись, вилять по излучинам лога, измучиться в трубах под путепроводами, наконец вырваться в большой лог, на простор, и Кама вот, совсем рядом – и опять в смрадный коллектор. Был бы он Егошей, то на Липовой Горе жил бы, у бочага, откуда течет Егошиха. Там хоть не так обидно… Да там вообще не знаешь, что будущее готовит. С мостика он свернул на свою улицу, покосился на гараж, где спит дедов «Крузак», первая машина, на которой он… по городу… сегодня… сам…

Перед ним стояла черная старуха с серебряными зубами. Будто в самом деле сожрала луну. Мур отшатнулся, запнулся и шлепнулся на задницу. Старуха смотрела сверху, бледная и морщинистая, как сгнивший изюм. Страшно древняя, жуткая. В руках, грязных, с черными когтями, она держала какое-то овальное блюдце. То самое, из Егошихи, металлическое. Будто знала, что люди что-то должны носить в руках и пыталась притвориться человеком. Откуда она взялась? Мур вскочил, попятился. А если б встретить Егошу на Липовой Горе, у истока – она бы девкой молодой явилась? Старуха, то ли восковая, то ли мертвая, так и смотрела вниз. На место, где его уже не было. Мур еще попятился. Собрался с духом и сказал:

– Галька потерялась.

Серебряный свет у старухи во рту вспыхнул ярче. Отблеск попал на блюдце в руках, и Мур увидел, что это кладбищенская табличка, вон и ржавый шуруп из дырки с краю торчит – с памятника отодрала, что ли? Кладбище-то вон оно, за дамбу и рукой подать… Ой. Табличка

со звоном брякнулась на обломок кирпича и перевернулась – портрет так выцвел, что остался лишь силуэт человека, не понять даже, женщина или мужчина… Да и кому это важно после смерти… Ой. Егоша исчезла. Мур стоял и моргал сонно. Не понимал. Была же. Вот. А теперь нет. Вот гараж. Наш. Там… Я сам… По городу… Мур сел и привалился спиной к ледяному железу гаражной стенки, закрыл глаза. Спать. Как же он устал…

…Горячие деликатные ладони взяли его за плечи, потрясли. Кто-то бормотал, бормотал что-то. Снова потрясли, Мур слегка стукнулся затылком об стенку и слегка проснулся: а. Люди-жуки. Не страшные. И он улыбнулся, закрыл глаза и совсем хорошо уснул.

…Звонил телефон. Надрывался прям. Мур кое-как перевернулся, вытащил его из кармана штанов, приложил к уху:

– Слушаю… – что ж так твердо-то, так холодно? – Да, говорите!

– …Мурчисон! Мурчисон, ты только посмотри, как красиво!

Мур продрал глаза и увидел холодно блестевшую сталь колуна, воткнутого в чурбак. Он лежал во дворе, под навесом дровяника, на досках, которые дед припас, чтоб… Кто его сюда притащил, люди-муравьи?

Ой.

– Галька?

– Да смотри же ты!

На экране бескрайняя водная гладь. Кама. Утренняя, пустая, синяя. С розовыми перьями восхода на волнах.

– Галька, ты где?

– А я сама не знаю, – она развернула телефон к себе. Губы синие, сама трясется, взъерошенная как пацан. – Смотри, тут много дохлых кораблей!

Папаша Богодай подлетел через десять минут. Мур плюхнулся на сиденье – и, пролетев пустыми улицами, они вылетели на прямой как стрела бесконечный Коммунальный мост. Жуть пространства Камы внизу, и берег со шпилем Галереи все дальше, дальше. Мост разматывал серую ленту скорости. Богодай вдруг резко вильнул, чуть не вылетев на встречку, выровнялся:

– Видел? Твари! Опять крышки нет!

– Крышки?

– Да тут в полотне люки какие-то… Технологические, что ли, чтоб мост обслуживать. Советский идиотизм. И вот эти крышки то ли воруют, то ли их фуры ломают… Пару раз огораживали, видел, а вот так-то поутру зевнуть да колесом влететь… Слышь, позвони этой засранке еще! Кладбище кораблей, господи!

Галька сидела высоко на носу проржавевшего теплохода, свесив над голубой бездной ноги, слезать не собиралась. Пока ошалевший сторож и папаша Богодай орали на нее снизу, Мур сторонкой пробежал по песку, нашел пару досок, заброшенных концом на вросшую в песок баржу, поднялся, вдоль борта – не перейти напрямик через пустое, жутко глубокое, ржавое, с радужной водой на дне брюхо – долго пробирался к кривому трапу, перекинутому на теплоход. На щеке борта – полустертые буквы «Композитор Скрябин». Первая палуба, трап с гнутыми, будто по ним кувалдой лупили, ступеньками, вторая палуба. Отовсюду торчали обрезки проводов, преграждали путь раскуроченные люки и силовые щиты, битое стекло иллюминаторов хрустело под ногами. Какой большой теплоход был. Бело-синий красавец! Ходил по Каме, по Волге. Возил счастливых людей в белых рубашках, в платьях в цветочек, детей в панамках… Что ему судьба не задалась? Как он тут оказался? Мур заглянул через разбитый иллюминатор внутрь каюты: поломанные шкафчики с выдранными дверцами, изрезанные крест-накрест диваны, пакостные надписи на стене. Так и задумаешься о природе зла – ну ладно, этот нищий гоблин украл тут что-то, но почему разнес-то все? Мстил, что никогда ему не покататься на белом пароходе? Ненавидел – кого? Судьбу? Времена? Пермское речное пароходство? Себя,

никчемного? Из каюты веяло густой, человечьей, беспримесной злобой – никаким бесам не угнаться. Надо скорей увести отсюда девчонку.

Обходя проржавевшие дыры в палубе, когда-то крашенной синей краской, старясь ступать как можно легче, он подошел к Гальке:

– Привет. И в самом деле красота какая. Вон дымка от солнца розовая. Как рай между небом и водой.

– Кама, – протянула Галька. – Люблю Каму. Говорят, под ней еще одна Кама течет. Черная.

– Из нефти, что ли? Да нет, вранье.

Мур слышал эту байку. Плевать на все байки в мире. Скорей вытащил из рюкзака свитер, напялил на эту ящерицу синегубую в мурашках, заметив, что да, правда стриженая, как пацан.

– Не вранье. Не из нефти. Просто – другая.

Мур не стал спорить, а сел рядом, сунул ей в руки термос с кипятком, в который дома плюхнул ложку варенья – успел собраться, пока не подъехал Богодай. Тот внизу стоял под носом корабля, сунув руки в карманы. Уже не орал. Иногда поглядывал вверх, но больше ошалело рассматривал ржавые корабли: баржи, буксиры, «Метеоры», «Восходы» и «Ракеты», маленькие и большие теплоходы, катера, толкачи, дебаркадеры, грузовые суда; что-то спрашивал у сторожа. Тот сквозь матерок, махая рукой, отвечал что-то про «Порт пяти морей» и «консервацию» – но по кораблям-то видно, что их тут похоронили. Как же их много, этих преданных кораблей. Муру будто воткнули железный прут поперек грудной клетки – даже дышать нечем. Почему, за что сгрудили их тут? Как так вышло, что они стали не нужны? Старые стали? Топлива нету? Людей? Капитанов? Менеджеров? Каюты заварены, трюмы затоплены. На палубах мусор и брошенные цепи, якоря и еще какие-то железяки.

По берегу вокруг забор, но он почти весь проржавел и повалился. Под деревом за забором стояла едва различимая старуха в черном. Смотрела на воду. Как ей удалось заставить Гальку позвонить?

Галька попивала из термоса, тоже смотрела на водную гладь. Муру казалось, что смотрит она в ту же точку, что и Егоша. Ох, если бы все это было фантазиями. Или даже психической болезнью. Только чтобы никакой этой Егоши не было на самом деле, а Галька бы позвонила сама! Ведь могла же она сама позвонить, с тоски? Из термоса пахло летом, смородиной. А у Дольки из термоса тоже пахло летом… Но каким-то горьким. А, пижмой. Зачем она ее пила?

Чуть дальше в Каму впадала Чусовая, и водная гладь раскатывалась красотой по всему горизонту. На дальнем берегу виднелись серо-белые, в трещинах, древние на все свои триста миллионов лет, скалы, поросшие лесом. Как будто там начиналась совсем другая страна. Леса и лоси. Горы и горе. Кама и камни.

– Ты как сюда попала?

– А просто по берегу шла. По песочку. Он хрустел. Шла-шла и пришла.

– Сюда?

– Да нет. Я и не знала, что такое место есть. Просто шла.

– Тошно потому что?

– Да. Хочешь помочь – и не можешь. Мне все снится, что я сама, как дядя Саша нас тогда, вытаскиваю Дольку из пещеры. А она белая вся, как ледяная. Тяжелая. Только смеется все, хихикает, знаешь, нервно так. И никак не вытащить.

– Иногда… Иногда вытащить невозможно.

– Я знаю, но… Я еще попытаюсь. Корабли-то как жалко!

– Мне дед рассказывал, что когда ему было лет десять – двенадцать, их в пионерлагерь вывозили, который был устроен вот на таком старом теплоходе. Они там, правда, только ночевали, так все на берегу – походы, соревнования… А, он и родился-то даже на пароходе! На буксире, который плоты волок…

Мур не стал передавать рассказ деда, как они, пацаны, ныряли там у своего пионерского парохода и наткнулись на целое подводное кладбище кораблей, затопленных еще с Гражданской, и как один из пацанов там и остался, зацепившись за какую-то проволоку. То есть его вожатые скоро вытащили, даже откачали – но он все равно через полчаса умер. Наглотался воды, она попала в легкие и оттуда как-то в кровь – и кровь стала не кровь. Вот как у Дольки – кровь как не кровь.

Галька допила свой кипяток с вареньем, встала. Наконец-то посмотрела на отца внизу, помахала. Тот не заметил. Галька пожала плечами. Сказала:

– Вот если б им подсунуть чучело какое вместо меня.

– Родителям? Ты что!

– Да они и не заметят…

Долго смотрела на покорно ржавеющие суда. Глаза яркие, светлые, детские совсем.

Мур сказал:

– Это ж сколько труда. Придумать, построить. А до этого – руду добыть, сталь выплавить…

Галька опять пожала плечами:

– Миры умирают.

2.

Когда сдал русский и шел нога за ногу домой, Мур у дома наступил на овальную кладбищенскую табличку, что видел тогда в руках у черной старухи. Стало тошно, и он сорвал молодой лопух, взял им табличку, рассмотрел – ничего не разобрать, ни букв, ни фото. Будто в самом деле, как в анкете какой, надо вписать имя-фамилию и фотку вставить. Неужели Егоша в самом деле для этого принесла? Табличка стала будто сто килограмм весить. Ну нет. Пусть сама вписывается. Мур пошел к Трамвайному мостику, спустился немного по откосу на той стороне и сунул безымянную табличку в какую-то щель в земле, прикопал. Стало немного легче. И покойнику не обидно – не валяется, как мусор.

Он постоял на мостике, разглядывая зеленую шубу лога. Егоша после кладбища кораблей куда-то пропала. Может быть, она снимет с Дольки порчу, если принести ей какую-то жертву? Какую? Она все, что хочет, сама берет. Речки Егошихи уже почти не разглядеть, так, поблескивает чуть под деревьями. Небо серое. Стало накрапывать, и он пошел домой.

Еще послезавтра сдать математику – и все, свобода! Только результатов дождаться и аттестат получить. И подать документы. А там – лето, экспедиция. Лес и камни. Пещеры. Скорей бы. Он-то будет жить и радоваться, увидит новые места, а Долька… Не будет он радоваться. Никто не будет. Как она проживает каждый день, каждую ночь? Как она борется за каждую секунду?

Деда дома не было. Странно, он же говорил, что сегодня лекций нет. Хотя у него полно дел, в которые он Мура не посвящает. То телефонные звонки, то отъезды. Но насчет отъезда он обычно предупреждает. Мур написал маме, что русский сдал и тема текста была легкая, про то, что зло прокрадывается в души людей незаметно, и надо быть начеку, чтоб не стать его частью. Этим бы милейшим публицистам да с Егошей познакомиться. Он поставил чайник, сделал себе бутербродов. Замер, задумавшись, стал ли уже частью Егошиного зла. По всему выходило, что стал. Погубил здоровье Дольке, втянул Гальку – от хорошей жизни девчонки вдоль ночной Камы не шляются. И назад не отмотать, и как все исправить – неясно. Даже руки затряслись. Преодолел себя, промахиваясь по буквам, написал Дольке, но не про русский, чтоб не напоминать, что они здоровые и сдавали, а она – нет, а так, пару шуток, чтоб ей не было одиноко – хотя и знал, что она не ответит. Разве что сердечко поставит.

Бутерброды какие-то безвкусные получились. И одиноко стало ему самому. Как же одиноко-то. Сидел на кухне, смотрел то в пособие по математике, то в окошко на серый дождь: там

лило и лило. Первое июня, и лето полилось. Свалить бы эту тусклую погоду на Егошу, вообще все беды на нее свалить – может, тогда сдохнет? А если тогда все станет еще хуже? – почему-то подумал он. – Может, благодаря Егоше все как раз висит на какой-то тонкой ниточке? И Долька все еще живет. И Гальку Егоша никогда не обижала, наоборот, нашла ведь на Кладбище кораблей. Защитила их от дураков на снегоходе. Похоже, что и из пещеры вывела?

Чай тоже какой-то горький. Он пошел к себе, сел за учебники. Нечего бездельничать, но… На полке у книг лежал штуф пехштейна. Мур взял зачем-то, рассмотрел: вот мелкие кристаллики полевого шпата и кварца. Это вулканическое стекло, эффузивная магматическая порода. Ему сотни миллионов лет. Где, какой вулкан извергался, когда; и как этот кусок остывшей лавы попал к деду? А вот рядом, у Атласа пещер, многоцветный, в зеленых и черных искрящихся пятнышках штуф миндалекаменного базальта, поры заполнены кальцитом. Сколько ему? А вот еще кусок вечности – Мур дотянулся и взял штуф темно-серого, мрачного перидотита – в общем, просто оливин и пироксен, вот только относится к ультраосновным интрузивным породам и залегает под слоями габбро на глубинах ниже десяти километров. Вообще, наверно, из протерозоя.

Что может быть обычнее камней, – усмехнулся Мур. А на самом деле , хоть на кванты их разложи, до разгадки всех тайн не доберешься. Интересно, горные девки, если они правда есть, в самом деле знают тайны камней? Что значит – «уйти в гору»? Какое-такое мастерство там можно узнать? Дед как-то обронил, что горные всегда забирают столько же, сколько дали… Может, поэтому отец куда-то запропал, «в гору ушел»? В самом деле стал «горным»?

Взгляд упал на учебник математики, и Мур сам над собой посмеялся. Реальность в том, что дед просто не хочет о сыне, отце Мура, говорить. Значит, там что-то с ним неприятное, нехорошее. А может, секретное. Раз обронил, что сын, мол, горемыка и перекати-поле. Ну и не надо деда расстраивать.

Хватит отвлекаться. Послезавтра последний экзамен, и школа – все. Он подумал, что если б Долька не заболела, то сидели б сейчас вместе, решали задачки, Долька бы тупила, он бы, тренируя терпение, объяснял – а она беспомощно рисовала бы сердечки на полях. Роняла бы транспортир.

Дед не вернулся к вечеру, и телефон не отвечал. Странно. Спал Мур вполглаза – ждал. Казалось, в доме кто-то ноет едва слышно. Из-под печки. Суседушка расстроился? Среди ночи, когда пошел попить и посмотрел в окно, показалось, что за забором ходит кто-то серый. Он потер глаза – никого. Только люди-жуки на развалинах депо тихонько копошатся, разбирают кирпичи. А много уже убавилось. На небе – месяц. Вздохнул, положил мятных (дед специально покупал «для Суседушки») пряников на блюдце, задвинул в подпечье. Пошел к себе, глянул в окно: опять месяц! Да не может быть. Это окно на другую половину неба, чем из кухни. Вернулся на кухню, посмотрел – ну да, месяц, только рогатулькой в другую сторону, старый. А в окне из спальни – молодой. А так одинаковые, как отражения. Мстится. Это не страшно. Что месяцу до него, Мура? Да, в общем, и Муру – что до месяца? Лег, уставился в потолок. Домовой все ныл.

И вдруг Мур проснулся – и оказалось, уже давно день, одиннадцать часов, солнце шпарит. Он вскочил и в два прыжка долетел до дедовой комнаты: может, проспал его возвращение? Но нет. Пусто. Схватил телефон – опять «вне зоны». В кухне у печке валялись куски блюдца и раскрошенные пряники. В тоске Мур вышел в огород, где пахло горячей крапивой и пыльной землей, и вместо умывания вылил на себя два ведра холодной воды из бочки для полива. Вода, сверкая, потекла в заросшие пастушьей сумкой и мокрицей междурядья грядок, притворяясь микроскопической рекой в микроскопических джунглях. А солнце совсем не греет. Градусов пятнадцать, и ветер с Камы тугой стеной. Мура заколотило.

Где же дед? Почему не предупредил? И у кого бы узнать, с кем посоветоваться? А скажут: значит, ненадежный внук, если дед скрыл, куда поехал… Что ж делать, если человек вот так

исчез, не предупредив? Он же пожилой, скоро семьдесят. И не железный. Он все время слева грудь трет, если думает, что Мур не видит. И суставы у него ноют и ноют, особенно в дождь и долго после. Надо что-то делать. Ведь явно же что-то стряслось. Да почему ж Мур такой бестолковый-то, а, ни с Егошей не поймет, что делать, ни сейчас вот… Деда, дедынька. Где ты есть?

Кому бы позвонить? С кем посоветоваться? Он присел, пошлепал ладонью по луже между грядками:

– Эй, аквмеква. Где дед?

Вода не отозвалась. Утекала, впитывалась в грунт. Ну, может, Егоша с дедом? Может, с ней он в безопасности? Мур вспомнил, как она бросилась на пьяных мужиков на снегоходе, как потом блестел красным валун. Этот серый рыбак потом еще сколько снился. Вроде и не был Мур ни в чем виноват, просто оказались они с Галькой на берегу не вовремя – но ведь с ними была Егоша, тайная сила. Само зло. На миг ему привиделось, что деда поймали какие-то бандиты и хотят отобрать миллиметровки с секретными отметками, где алмазы-золото копать – а Егоша разодрала этих бандюков на бефстроганов с кусками костей и клочки тряпок.

Мур, превозмогая ледяной ужас, съездил в университет, заглянул на кафедру, посмотрел расписание, где там в графах фамилия Мураш. Послезавтра только экзамен и на той неделе еще два. С ним на кафедре здоровались, но спрашивать, где Петр Петрович, он стеснялся. Скажут еще, внучек Петенька дедушку потерял. Не потерять бы в самом деле, – обдало его холодом. Хватит страдать. Надо действовать. Он вышел на улицу и позвонил Саше . Тот – спасатель, и точно знает, что делать, если пропал человек.

Саша нашел деда через полчаса. В реанимации Девятой медсанчасти, в Балатово, потому что плохо деду стало рядом с больницей, на шоссе Космонавтов. Сердечный приступ и что-то еще, Мур плохо расслышал:

– Куда, куда ехать!

– На стоянку к гаишникам; езжай машину забери, а то там каждые сутки черт знает сколько стоят! А к деду тебя все равно не пустят!..

Мур все-таки поехал в больницу. Не пустили. Но хоть сказали, что состояние стабилизировалось, хотя еще очень тяжелое. Инфаркт, да. Нет, нельзя звонить, вот когда в палату интенсивной терапии переведут, тогда и позвонишь. Иди-иди уже, мальчик, иди, не задерживай очередь. Нет, никаких передач.

Как же подать деду знак, чтоб знал, что Мур хотя бы в курсе, где он? Вот каково это, лежать там где-то в больничном лабиринте на жуткой, с кучей устройств, кровати, на которой уж сколько пациентов уже умерло? Так, стоп. Ведь и поправились тоже. Их в палату перевели. И деда переведут. Ох, деда.

По дороге домой «Крузак» тормозили раза четыре, хотя Мур идеально соблюдал правила, рядность и скоростной режим. Но со стороны посмотреть – Мур бы и сам такого водителя проверил: какие восемнадцать? Пацан в футболке, косматый, нервный, школьник школьником. Мур так и говорил, что правам неделя, а машина дедушкина, дедушка в больнице. Проверяли, отпускали. Когда доехал, почему-то все уже стало золотым от заката. Прежде чем загнать машину в гараж, Мур осмотрел ее снаружи – никаких царапин и вмятин, впрочем, гайцы сказали, что дед потерял сознание на светофоре. Хорошо, мол, что скорую быстро вызвали. Мур представил, как у деда темнеет в глазах и дышать нечем, в груди печет, а на светофоре уже зеленый, и сзади сигналят, сигналят…

Но ведь ему на глазах Мура не бывало настолько плохо. По Полюдовскому кряжу, когда ездили на майские праздники на Ветлан, Полюд и Помяненный Камень смотреть останцы из кварцевых конгломератов и песчаников, ходил легко, быстро, как молодой, и над Муром посмеивался, что пыхтит. Показывал сверху, где алмазоносные пески проходят. А ведь там по горам везде курумы, ходить тяжело, а по моховой подстилке еще тяжелее. Что же, сердце взры-

вается вдруг? Само по себе, просто потому, что изношено? А если… А если деду кто позвонил, или встреча какая-то плохо прошла, словом, он узнал что-то такое, что его расстроило? Все последние дни он мрачный был, всегда уставший, в мастерскую не спускался, приезжал поздно, мол, дела…

Мур решил обшарить салон, может, найдется что еще, кроме папки с материалами к лекции и ноутбука, что вернули гайцы. В бардачке всякая знакомая ерунда – но и коробочка лекарства, Мур посмотрел в интернете название – кардиологический препарат. Значит, уже мучился, и надо было в больницу, а он почему-то не мог? Зачем скрывал? Считал, что Мур не помощник? Пугать не хотел?

Запиликал телефон. Мур схватился за карман – но свой молчал. Пиликало из-под пассажирского сиденья. Он присел, пошарил – и вытащил знакомый дедов аппарат в толстом противоударном корпусе. Черт, значит, деду в больницу не позвонить; ладно, надо передать как-то… Экран жутко помаргивал. И на нам светился вызов: «Систра Д.» Мура обдало испугом, как огородной ледяной водой, и он уронил телефон. Тот лежал на коврике под сиденьем, помаргивал и знакомо пиликал. Мур, продавливая густой воздух, как невидимый полимер, протянул руку, взял телефон и принял вызов:

– Алло.

Там было тихо. Тихо тишиной пещеры. Даже, кажется, слышался далекий звук капель.

Дождавшись утра, Мур встал, собрался и пошел на экзамен по математике. Потому что нечего осложнять себе жизнь неявкой. И так все непонятно и непросто. Надо все сдать и закрыть вопрос с аттестатом. Потому что надо поступать. Чтоб отсрочка. А то в армию. Мало ли, что голова кружится от бессонной ночи, и мерещится всякое… А где, кстати, Егоша? Нету. Провалилась бы она насовсем. Ох, если голова такая тяжелая, чего она кружится так легко… Мур купил кофе – но, едва пригубил, чуть не вырвало. Так, надо собраться.

– Ты чо такой? – спросил Колик, уже отиравшийся во дворе чужой школы. Тоже пришел раньше времени. – Зубрил чо ли всю ночь?

Мур и правда читал учебник, чтоб долгие часы ночи скорее проползли сквозь черный тоннель и притащили рассвет в последнем вагоне. Логарифмы прыгали в голове, параллелепипеды кривили по градусам свои вписанные прямоугольные треугольники, никак не замерить угол… Опять затошнило.

– Да нет. Дед в реанимации, я волнуюсь.

– А ты чо, один чо ле с ним? А взрослые? Батя?

Мур пожал плечами:

– Он далеко, – не объяснять же, что вовсе никогда отца не видел.

– Чо тебе батя скажет, если дед помрет без него? Ты звонил?

– Звонил, – в списке контактов на дедовом телефоне он нашел слово «сын», но… – «Номер не обслуживается». Не знаю, что делать.

– А если он тоже помер?

Мур опять пожал плечами. Телефон деда, едва он его зарядил, стал сигналить каждые пять минут, и Мур его снова выключил, чтоб не сдуру не ляпнуть чего кому не надо, так много было у деда всяких дел, которые, похоже, быстро перерастали в проблемы – если судить по последним сообщениям. Почитал, так голова кругом и поджилки трясутся. А то и вовсе реальный ужас накатывает, будто земля разверзается под ногами и летишь в ледяную пропасть. В общем, понятно, почему дед не распространялся об этих делах. Но и обидно немного – Мур ведь не маленький. Может, хоть в чем-то помог бы.

После экзамена Мур снова поехал в больницу. По дороге купил на свое имя симку и самый дешевый телефончик, передал деду, вышел в больничный скверик, сел на лавочку и

стал ждать звонка – хотя сказали, что какие звонки из реанимации! Вот переведут в палату, тогда! Хорошо хоть, телефон взяли.

Сидел, зажав в кулаке камешек гнейса, смотрел под ноги, на выщербленную плитку дорожки, потому что по сторонам глаза не смотрели. Через квадратик плитки хотелось провести диагональ и посчитать площади треугольников… Куда ж пропала Егоша? Заслать бы ее по водопроводным трубам в реанимацию, пусть бы капала из крана и подслушивала, что там с дедом. Хотя как бы она Муру потом рассказала? Она только с Галькой говорит. Вздохнув, Мур написал Дольке всякое хорошее, написал Гальке – и время опять остановилось. Надо ехать домой…

– О, ты вот он! – подошел Саша с коробкой нового телефона в руках. – А я вот думаю Петру Петровичу аппарат передать, как думаешь, возьмут?

– Я передал уже. Но сказали, нельзя из реанимации звонить, – Муру стало не по себе при виде цветной коробки у Саши в руках, особенно яркой на фоне его серой рубашки. Что же, у него тоже к деду неотложные дела? Насколько опасные? Он спрятал гнейсик в карман, ответил на рукопожатие. – И нам туда тоже нельзя звонить. Надо ждать, как деда в палату переведут, тогда.

Саша сел рядом:

– А скоро? Чего говорят?

– Все тоже: стабильное, тяжелое. И навещать нельзя.

– На кафедре-то знают?

– Надо позвонить, – Мур стал искать в интернете телефон кафедры. Еще вчера надо бы это сделать, да его вышибло из ума содержание адресованных деду сообщений. – А, вот, нашел…

Саша почему-то слишком внимательно смотрел в экран его телефона. Будто проверял что-то. Будто вообще следил за Муром. Хотел помочь? Но дед предостерегал, мол, никому не доверять.

– Ты сам-то как? – спросил Саша.

– Математику сегодня написал. Нормально.

– Деньги-то есть у тебя? Может, надо помочь валюту поменять?

– Откуда у меня валюта?

Саша усмехнулся:

– Не страшно одному-то?

– С чего бы.

– Да не будь ты пионером-героем, Мурашок. Придут да спросят, так что говорить будешь?

– «Придут»? За валютой, что ли?

– Не прикидывайся. Мож, кто и за валютой. А другие… Ты вон какой весь из себя дедов внук, молодой, да ранний. Ясно же, что дед тебе все секреты свои передал.

– Да какие там секреты… Огранка да шлифовка.

Саша усмехнулся. Не верил. Ну, Мур мудрить не собирался: если уж знаешь секрет, так никто больше и заподозрить не должен. Саша сказал:

– Надо бы поберечься. По уму-то тебе бы затаится сейчас где-то. Есть же у деда еще домик-другой, кроме Кунгура?

– Да если б и был, я от деда не уеду, – выдать тайную зимовейку невдалеке от Полюдова Кряжа? Нашли дурака.

– Ну смотри. Петру Петровичу здоровья. Уж больно не вовремя с ним это стряслось. Покажи, где тут телефон-то передать можно?

Мур привел Саши к окошечку регистратуры. Отстояли в очередь, разговаривая все о пещерах да о маршрутах в них; а тетка в окошечке, регистрируя передачу телефона, аж возмутилась:

– Да вы что, господа хорошие! Это ж реанимация! Куда ж вы больному человеку телефоны эти суете! Вы уж сговоритесь как-нито, ведь четвертый аппарат ему за сегодня передают! Не, не приму и не уговаривайте!

3.

«ЗиЛок» рычал, форсируя очередную водомоину на дороге. Мур уже давно хотел остановиться и передохнуть хоть немножко, что-то съесть, но боялся, что не хватит духу потом снова сесть за руль и заново начать вгрызаться колесами в чертовы эти песок и глину. Загадывал сам себе: вот еще километр проеду. А потом – а что там за поворотом? Ничего интересного, елки да скалы, да вода поблескивает за обочинами в подтопленном лесу, как осколки разбитого зеркала. Тогда еще один километр… А километры на этой старой дороге раз в пять наверно, длиннее обычных. И с зимы тут, наверно, никто не ездил, нет следов, кроме лосиных да медвежьих. Ямы, лужи, провалы грунта. Разок пришлось из кузова бензопилу достать и покромсать упавшую поперек сухую березу. Заодно тут же и наколол чурбаки на звонкие дровишки, собрал, ведь пригодятся ночью – не лазить впотьмах в поисках топлива для костра, закинул в ящик сразу у задней двери, где еще валялись мелкие полешки с весны. Дед научил в тот раз, на майские, когда тоже пришлось пилить дерево, рухнувшее поперек дороги, дровишки в запас собирать. Потому что мало ли. Надо ко всему готовым быть. Ох, деда…

Правда, свежие спилы оставляли след, да и пила, казалось, рычала, как нервный медведь, на весь Урал, и колея от ЗиЛка всем колеям колея, но Мур надеялся, что следом за ним никто не увязался. Хотя дело, конечно, было серьезное. И опасное. Кем-то снаряженный и загруженный какими-то кофрами и контейнерами «ЗиЛок» он забрал в Кунгуре и поехал по маршруту, что дед проложил и скинул ему на телефон. Кто загружал ЗиЛ? Что там в контейнерах? И почему дед послал с грузом не тех, кто грузил, а именно его?

Дед тогда, как разрешили навестить, на больничном балкончике, болезненно жмурясь от солнца, сказал, мол, меньше знаешь, крепче спишь; главное – довези, там люди ждут, некого послать больше, никому не верю. Дорога трудная, да и ты не сопляк, справишься. Не спеши, не гони, тише едешь – дальше будешь. Там в кунге, помнишь, топор, лопатка… Лебедка – если что, за дерево захлестнешься, ЗиЛок сам себя и вытащит, а под днищем, справа, скобы приварены, там жесткая сцепка на всякий случай… А там отец встретит, а может даже, на полдороге, и дальше уж все проблемы пусть он решает. Открой-ка карты… Вот смотри, сначала на Чердынь, потом – на Вильгорт и Ныроб, там заправишься, потом уж на Петрецово, но не по той дороге, где все ездят… А вот сюда. Не видно? А ты думал, общедоступные карты всегда правду говорят? Ничего, проедешь. Лысины-то эти? Да следы от лагерей. Да уж не пионерских, родной. Не бойся, никого там нет. Так, слушай дальше…

Проблем-то похоже, не мало, и из больничной палаты деду их все не решить. Дед худой стал до ужаса, белый, седой. Только черные глаза аж плавятся от упрямства – смерти не уступил, справился, надо выздоравливать.

За поворотом открылся удобный отнорок с дороги, по которому когда-то давно вывозили лес. Мур потихоньку свернул и проехал под деревья, пока капот не уткнулся в молодые елки. Заглушил двигатель, обнял руль, лег на него лбом, закрыл глаза. Как же тихо.

Что-то легонько стукнуло, а потом зацокало по капоту. Мур посмотрел сквозь руль: серенькая желтоклювая птичка шажок за шажком неуклюже процокала до середины, там клюнула какое-то бесполезное пятнышко, обиделась и вспорхнула. Мур распрямился, потер глаза и открыл дверь. Запах леса. Лета. Солнца, пробившегося сквозь перегретые еловые лапы и еще совсем новенькие, июньские листья. Он попил воды, потом открыл дедову карту на телефоне:

сколько еще? А сколько уже? Что там с бензином? Ну, можно часок отдохнуть, пожалуй. А еда? Он вспомнил, что в рундуке под сиденьем в кузове есть коробка с ИРП, спрыгнул на мягкий лесной грунт.

Лес. Невдалеке где-то ручей журчит. Как же тут спокойно. Как будто мир устроен правильно, и все страхи и опасности остались в другой истории. А тут только мхом и травой природа затягивает, как рану, брошенный лесовозный волок. Даже не по себе стало, что черными грязными колесами ЗиЛа заехал на этот тонкий, как бинт, зеленый коврик. Ох, жить бы, как леший, посреди самого глухого леса в домике на солнечной полянке, которую никто никогда не найдет, пасти… кого? Ежиков? Медведей? Хлопот не оберешься…

Ой. А это что? На обочине выставлялся из травы ржавый изгиб здоровенной якорной цепи – как от сухогруза. Мур подошел – и правда, вон, на распорке одного из звеньев марка из отожженной проволоки, так моряки по вытравленной цепи глубину промеряют. Что эта цепь тут делает? За трактор цепляли и таскали что-то? Так она вся вон, вросшими в землю витками в траве, сама в десятки метров и тонн – никакой трактор не уволочет. И лежит тут теперь, будто железный полоз, который сам обратно к месторождению помирать приполз. Или кто-то просто давным-давно сбросил океанский рудовоз с неба помирать, рассыпаясь в ржавь: вон дальше в лесу еще куски какие-то, балки, рельсы, зубчатые колеса, станины, куски не пойми чего.

Мур зевнул, потом потер лицо. Все эти корабельные железяки, которые кто-то зачем-то приволок сюда вместо переплавки, словно говорили: подумай-ка, а где закончишь ты. Домиком в никому не ведомой чащобе? Так успеется – вон, на дедовой карте по всему Уралу и в горах, и в лесах секретные значки его зимовеек, землянок, схронов. От каждой экспедиции след, а сколько всего таких экспедиций было – только дед и знает. И чужие такие избушки-землянки, и брошенные, и те, что хозяева, охотники или старатели, еще навещают – тоже отмечены.

Много чего на этой карте отмечено, но чужой ничего не поймет, если карта не в те руки попадет. Все дело в легенде, табличке символов, которую Мур выучил за ночь, сидя со спелеологическим фонарем в тайном подвале.

Когда дед сказал: «Надо», Мур кивнул, ответил: «Сделаю». Запутывая всех возможных «заинтересованных лиц», приехал на трамвайчике из больницы к школе, погулял с Денисом и Коликом. Даже не то что не стараясь казаться беззаботным, а полностью переключившись на обычную жизнь, в которой никаким кладам, картам и многотонным тайнам места нет, а есть только летний треп, городские красивые девчонки, кофе – ну, и папки с оригиналами документов для поступления, которые еще, вот как объявят начало работы приемных комиссий, надо отнести в приемные комиссии… Они даже зашли в коворкинг библиотеки в ТЦ, арендовали на часок одно место, чтоб экран большой, порылись на сайтах университетов. Мур надеялся, что втроем они выглядят правильно: безопасные, как пушистые наивные щенки, вчерашние школьники, у которых важнее поступления ничего в жизни нет. Ну, разве что еще крайне важны вошедшие в коворкинг незнакомые девчонки, красивые, кто в летних сарафанах, кто в шортиках, тоже абитуриентки, тоже нервничают; да еще тут же в ТЦ одноклассников встретили – в общем, часам к пяти на фудкорте на крыше образовалась компания человек в двадцать, все перезнакомились, накупили пицц и мороженого, и даже к Колику льнула Наташка из параллельного, а Дно, который к экзаменам допущен не был, ушел из школы в мае и тогда же был зачислен в какое-то задрипанное училище, явился аж с двумя девчонками и вел себя как шейх. Девчонки Дна были страшные, простодушно вульгарные, но длинноногие и веселые, как лето. К Муру тоже приглядывались и новые девчонки, и свои, из класса, но про Дольку никто из одноклассников не спрашивал. Жизнь как жизнь, люди как люди. Никто не хочет думать о плохом, все хотят, чтоб мир казался раем.

Мур через Колика вбросил в умы идею пойти гулять в Горьковский сад – чем не райский? – и нестройной пестрою толпою, позабыв стаканчики с недопитой газировкой, вся толпа

вывалилась на улицу и, обрастая новыми молекулами, неспешно потянулась по горячему от солнца асфальту в старый сад с аттракционами. В зеленоватой тени вечных лип девчонки казались русалками, а Дно – менквом-лешим, и веселье началось по новой. Мур решил, что отвлекающий момент удался, и кто бы ни следил за ним, тот уже успокоился, ясно же, что у парнишки одно лето в голове и девчонки. Незаметно пристроившись к незнакомым девчонкам-ровесницам, будто он с ними, Мур вышел из парка на остановку, а там в трамвай, а потом на другой, а потом на автобус – и домой в Разгуляй пришел через Планетарий из Мотовилихи. По Трамвайному мостику, под опорами которого торчали жирные лопухи. Лог уже совсем зарос зеленой шубой, ни Егошихи, ни бетонных башенок коллектора было не видно. Где она, тварь водяная, таится все эти дни?

Домик стоял как пустой. Как же все-таки здорово, что в него никому чужому не войти. Посмотреть бы, как незваные гости будут пытаться, а Соседушка будет им головы морочить. Весной Мур видел, как разносчик рекламы от их ворот убегал, теряя свои цветные бумажки. Но нынче возможные незваные гости могли быть крепче мотивированы. Справится ли Соседушко? Ну, со сталинскими чекистами справился же. Мур первым делом набрал на блюдце всего повкуснее, конфет и орехов – и, да, мятных пряников – сунул в подпечье. Потом снял брючки-рубашку «приличного мальчика», влез в джинсы, надел старые кроссовки на шерстяные носки, нашел самый теплый толстый свитер – дед говорил, мол, бате, прадеду твоему то есть, на Приполярном Урале подарили, в благодарность за… ну в общем, в благодарность, и что связан он из шерсти мамонта. Да-да, откопанного из вечной мерзлоты мамонта, обычное дело там на севере. Шерсть эту манси начешут, намоют в ледяных речках, просушат на солнце да на ветре с Ледовитого океана, а потом – вот, свитер. Да ты не бойся, мы его потом еще в автоклаве стерилизовали… Свитер правда был какой-то дикий, и связан странно, как малица. Главное – грел, как печка.

Мур взял с собой два заряженных фонарика, термос, пару пряников и потихоньку через темный первый этаж и голбец спустился в черный мрак подвала. Это всегда было жутко, хоть он и знал, что выключатель вот, под рукой. Бурые кирпичные стены, тележка у стены… В углу ведро финской краски с зимы стоит…

И пол – цементная стяжка. Ровненькая.

Отступать нельзя. А! Дед же рассказывал как-то между делом весной, чем резать камни, сталь, бетон… И вроде даже какой-то резак есть в малухе… Через большую мастерскую Мур промчался по лестницам в темную малуху – только полоски призрачного света над ставнями снаружи, кругом глыбовый навал, как в пещере, только миниатюрный: дедовы запасы поделочного камня, какой попроще. А вот и бензорез… А, и ломик, чтоб плиту подцепить потом, и респиратор… И тут, наверху, чтоб сеть была, хоть видос посмотреть, как бетон-то режут! Откатил тележку – в ней лежали мешки строительного цемента – ну, дед, ну, конспировщик.

Включать бензорез было жутко. Потом дело пошло, правда, кое-как. В общем, часа через два под кусок бетона удалось подвести ломик и сдвинуть его в сторону. В полу отвезлась прямоугольная дыра с дурацкими запилами по мокрым краям, где тяжелый бензорез Мура не слушался. Из-под краев, как зубы, торчали кирпичи в запилах, потому что Мур пропилил насквозь только бетон, а по кирпичам только чиркал – а свод был разобран давно. Из дыры пахло плесенью. Мур посветил туда – старые битые кирпичи лежали всего-то метрах в двух внизу, аккуратно сдвинутые к стенке. Но все равно, обратно не допрыгнешь, и он сходил за веревкой и привязал ее к лестнице, сбросил хвост вниз. Попил кипятка из термоса. Теперь надо спускаться… Жуть. Ладно, дед, свод-то он ведь разбирал, там внизу во мраке был. И все прочие прадеды до него. Так что вперед. Не в пещеру же.

Для храбрости он снова надел мамонтовский свитер, сел на край, спустив ноги в дыру, осветил внизу все хорошенечко – и мягко спрыгнул вниз. Внизу, на уровне груди, открывался проем подземного хода. Мур присел и посветил: спелеологический фонарь залил этот тайный

ход как солнце, навылет, и на кирпичах стен и потолка было видно каждую выбоину, каждое пятно плесени. Мур, скрючившись, шажок за шажком, перешагивая через выпавшие кирпичи, двинулся вперед. Он видел весь длинный коридор, все сто метров. Под ногами сыровато, местами на стенах вон аж струйки блестят. Герметичность нарушена. Как бы починить? Да, и кто же из прадедов расстарался все это построить? И почему? Что это за мир подполья, мир, в котором все таятся? И от каких угроз они прятались? От тех же, что Мур и дед теперь? Поговорить бы с прадедами этими. До чего ж продуманный у них подход был к выживанию!

Вот поворот, а за ним кирпичные стены раздвинулись, образуя перед низенькой дверкой что-то вроде бочки, чтоб хоть выпрямиться. Крюк из стены торчит, чтоб, значит, фонарь повесить. Дверка медная, вся зеленая от яри – может, тут и дышать опасно, ярь ведь ядовита, – и перекрыта поперек засовом. Замок с два кулака. Опять похоже на то, что все устроено не для того, чтоб снаружи, как Мур сейчас, не войти, а чтоб оттуда, изнутри, не выйти. Холодок пополз по шее. Мур потер ее колючим мамонтовым рукавом, разом согрелся и осмелел. Вытащил из рюкзака кран от двухведерного самовара и словно наяву услышал смешок деда, мол: «А ты думал!», пшикнув ВД, парой ударов ювелирного молоточка сдвинул прикипевшую от ржавчины задвижечку, прикрывавшую прорезь. Руки дрожали, но кран-ключ точно вошел в нее, теперь надавить вниз – провернулся, и замок расщелкнулся. Почему-то стараясь действовать бесшумно, Мур снял замок, зацепил за крюк, потом вынул засов, собрался с духом и потянул дверь на себя. Из темной щели его обдало холодным спертым воздухом.

Сунув впереди себя световой щит фонарика, Мур наклонился и пробрался вслед за светом – ух ты… Все, как рассказывал дед. Кирпичный продолговатый зал с математически идеальными сводами, посреди – два чугунных красивых столба с листьями и завитушками. А между ними… Мур даже сразу не поверил, что осветил белый луч фонаря и что он видит именно то, что видит – длинную черную лодку.

Она казалась крепкой, новой, стояла на особых подпорках так, чтоб киль не касался пола. И за пропасть лет тут в подвале не подгнила и не рассохлась. Очертания ее были как на картинках в учебнике истории – невыносимо древние и изящные. По Каме, наверно, она летела, едва воду веслом тронь. Веке в восемнадцатом? Зачем же ее сюда затащили? На зиму? А замуровали потом зачем? Все равно что похоронили. Вон, выхода-то другого из этого подвала нет. Хотя, может, и есть, да пока дед не скажет – и не догадаешься. Муру почудилось, что и какой-то прежний дед, из пращуров, невидимо стоит тут и ухмыляется в сивую бороду: «А ты думал!»

В лодке поверх банок лежали весла – одна лопатка треснула. На носу – то ли ушат, то ли ведро, собранное из деревянных досочек и обмотанное еловыми прутами – как из мультфильма про бабу-ягу. Пустое. Больше ничего. Ну и где тут искать клад? Дед сказал, что, мол, догадаешься. Но Мур так устал, что голова кружилась. Световое пятно фонаря, попадая на стены, заметно дрожало. На каменном, из плит, похожих на те, которыми вымощен двор, только не истертых, сырость и плесень. Не присесть. Тогда Мур залез в лодку, сдвинул весла и присел на банку. Потрогал уключины, обжегшие пальцы подземным холодом. Оглядел пустое нутро лодки еще разок. Как плотно пригнаны тесины. Если б спустить ее на воду… Законопатить, просмолить заново. Обернулся, оглядел корму… И догадался. С кормы лодка снаружи была больше, чем внутри! И доска лавки перекрывала пространство между бортами, как маленькая палуба. А что? Груз поставить, сети вытащить… А доску подковырнуть бы… Вот, уключиной!

Внутри, как в сундуке, лежал сваренный из нержавейки кейс с сейфовым замком. Мур, как велел дед, набрал дату своего рождения и откинул крышку. Документы, карты, толстые исписанные тетради… Ой. А вот интересно, код дед когда менял? Пол-то бетонный пришлось вон бензорезом вскрывать, при Муре дед ничего такого не делал… Откуда он раньше знал, когда день рождения у Мура? Он же сказал, что про внука не слышал? Или? А может… Да с таким дедом все может быть. Мог и нарочно все сделать, чтоб мама уехала и его, младенца,

увезла. А отчим… Он ж тоже с геологией связан, горнопроходческие щиты проектировал, в Лапландию на рудники просто так из России не приглашают…

Опять мир оказался глубже и страшнее, чем казался еще минуту назад. Опять Мур ощутил сложную, как ходы в муравейнике, невидимую сеть причин и следствий, которые привели его в эту лодку. Хотя… Да ладно. Все равно у деда другого внука нет. Кто ему еще поможет? А спросить прямо – так признается, пожалуй. Мур даже знал, что скажет: «А чтоб целее был». И резон этот теперь-то вполне понятен.

Так, копию карты дед велел забрать и носить с собой, с виду она обычная, а вот легенду к ней… Выучить здесь. Ох, сколько значков… Да в человеческих ли это силах? С минуту Мур поборолся с искушением сфоткать легенду, потом со вздохом достал из рюкзака термос и пряники и принялся зубрить. В голову к нему никто заглянуть не сможет.

В тишине становилось все страшнее. В углах – мрак. И холодно. Значит, надо учить быстрее.

Часа через два, когда фонарик стал тускнеть, а значки больше не путались и на самой карте находились точно там, где Мур ожидал их найти, он, закоченевший, наконец встал. Все сложил и спрятал. Неуклюже выбрался из лодки, похлопал ее на прощанье и, хромая, как старикан, поплелся к двери.

Ход казался бесконечным, и разок Мур несильно стукнулся головой о торчащий сверху кирпич. Пока тер темя – оказалось, вот уже в луче света вдали поблескивает желто-зеленая веревка. Подошел, наконец выпрямился в кирпичной бочке, подергал веревку, проверяя прочность – а веревка вдруг подалась под рукой и все быстрее поползла к нему сверху. Отвязалась? Но он ведь правильно привязывал… Суседушка шутит? Жесткие петли веревки тяжело и мягко свалились на голову. Мур отскочил. И чуть не заплакал. Электрический свет сиял наверху, а бурый кирпичный свод, кирпичик к кирпичику, казался отсюда архитектурным шедевром. Ладно, главное – допрыгнуть. Он забросил рюкзак наверх, потом собрал оставшиеся силенки и подпрыгнул. Где там. Второй прыжок – пальцы только больно чиркнули по корявому бетону в запилах. В запилах? Мур быстро подхватил из-под ног веревку и, сперва глубоко подышав и старательно думая только о девчонках сегодня в парке, грамотно сплел на ее конце плотный, крепкий обезьяний узел. Добавил три толстых узла пониже, для перехвата. А вот та девчонка, что в медицинский хочет поступать, как ее звали? У нее еще сквозь платьице немножко… просвечивали… А кружок в квадратике на дедовой карте – это… Веревка сразу легла точно в самый широкий запил. Повезло. Теперь осторожненько… Мур потянул веревку, и узел застрял над запилом в сантиметре от кромки. Он снял тяжеленный свитер, тоже забросил его наверх, подергал веревку – вроде держится, и не спеша, перехватываясь повыше узлов, вытащил себя вверх, зацепился за край, перехватился второй рукой – и тут обезьяний узел подло выскользнул из запила и веревка шмякнулась вниз.

Мур удержался. Даже зарычал, подтягиваясь – куда делись силы? Так, не суетиться. Он же может. Он такое делал много раз. Это он просто очень устал. Ничего. Держаться. Пальцам почему-то стало скользко – а, ободрал сильно… Держаться!

Кто-то сильно и мягко подтолкнул его снизу в подошвы.

Мур вылетел из дыры, как пробка из шампанского, откатился, вскочил, схватил бензорез и повернулся к дыре. Там было тихо. Он осторожно заглянул и успел увидеть, как во мраке исчезает черное и мохнатое.

А сейчас вокруг лес. Такой, как будто на всей планете ничего и никого, кроме рассыпающегося трупа корабля и его якорной цепи, которая когда-то вспарывала толщу океана, и хмурых елок, прущих к небу из каменистого грунта, нет. Этот первозданный, с изначальных времен, лес похоронит любую цивилизацию. Превратит обратно в железную руду.

Так клонило в сон, что все казалось ненастоящим. Он устал и сам себе казался лишь оболочкой – будто больше от него ничего не осталось. С утра как будто века прошли. Тогда, часов в пять утра – неужели правда сегодня? –выбравшись, он, плача от натуги, ломом сдвинул выпиленный кусок бетона на вкось торчащие из свода кирпичи, наскоро размешал полведра бетона, залил щели, накатил на место тележку – бетон подсохнет, так и будет совсем незаметно. Руки тряслись, голова кружилась, но он смыл с себя бетонную пудру, собрался, вышел в синее сырое утро и, незаметно, как диверсант, озираясь, поехал на вокзал к первой электричке до Кунгура. Никто за ним не следил, даже Егоша. И потому все недолгое железнодорожное время он проспал, и вроде ничего, вон потом, как сел за руль, сколько проехал, почти полдороги… Но это была легкая полдорога. Сначала федералка, потом серая лента, шелком стелившаяся под колеса. Мур ехал и ехал, воображая, как дед лежит на больничной кроватке и представляет себе, как Мур едет в надежном, обкатанном с весны ЗиЛке в синей тени зубчатого леса – посреди гор, посреди материка, по постеленной вдоль каменных стен серой ленте. Даже после жуткого, наполовину из заборов в колючей проволоке, полузаброшенного Ныроба с часок ему везло.

Пока не свернул на эту вот… Этот вот… Какой-то там, чтоб его, тракт. По которому с весны, похоже, никто не ездил. А может, и с прошлого лета. А весной тут, не ходило, наверно, никаких машин, только талыми потоками текло, завихряясь водоворотами в размывах, и медведи устраивали заплывы в бурой от глины воде. В общем, экстремальное вождение вне цивилизации и вообще какой-то там истории из учебников. Другой мир, через который надо продираться, сцепив зубы. Другая страна, древняя. Аж лобаш в грязи, прозрачных молодых листочках и сосновых иглах.

Хорошо он спрятал машину или? Скорей всего, или. Но сил нет. Еще подумал о диких животных: лоси там, медведи, волки… Росомахи… Глаза слипались. И – еда!! А еще в кунге котелок есть, вот надо с ним к ручейку, что в сторонке журчит, за водой… Он скорей обошел ЗиЛок, отпер дверь, поднялся внутрь. Сколько же здесь всяких чужих контейнеров. Скорей бы избавиться. И потом ехать налегке обратно, останавливаться, где захочешь… Спать вон на верхней полке…

Коленки, как джинсовые яблоки. Мальчишечья, ежом, голова. Глаза, как удар под дых.

– Мурчисон! Ты почему так долго!

Глава 7. Серый рыбак

1.

Котелок больно стукал по колену. У ручья, хоть Галька уже перестала реветь, Мура все еще потряхивало, но она двинула его в бок локтем и подняла указательные пальцы: левый прижала к губам, а правым ткнула вперед – в паре метров от них на кривой елке сидела маленькая сова и ошалело моргала. Их она у своей елки никак не ждала – разноцветных, растрепанных, городских. С минуту, обо всем забыв, они таращились на нее, изысканно пеструю, со смешным, с виду безобидным клювиком, с живыми топазами глаз, так же ошалело моргая, как она. Настоящая! Ох, да тут ведь все настоящее, это не кино, это не сон, это вправду! Плеск ручья, нытье комаров, Галькино дыхание. Галька вдруг монотонно зашептала:

– Сова, сова, брось своего птенчика!

И низко ответила за сову:

– Нет у меня птенчика!

– А где он?

– На месяце!

– А месяц где?

– Ведьма съела!

Мур даже отступил:

– Галька, ты чего?

– Так, сказку вспомнила, Егоша рассказывала, – виновато улыбнулась она не ему, а сове.

Они потихоньку обошли елку – сова поворачивала голову с топазами на сто восемьдесят градусов, совсем как в фильмах о дикой природе – и вот он, ручей. Вокруг валялись заостренные бобрами ветки и жерди, и рядом с похожим на перевернутого остроголового идола собственным пнем зависла в комарином воздухе, застряв вершиной в соседках, целая зеленоствольная осина. Ее комель, ладненько обтесанный в виде торпеды, являл собой пугающе осмысленную работу. Будто мелкие лесные мужички острыми топориками ладили тут свое деревянное царство, да дело не пошло.

Хотя вон выше по ручью – плотина, палки черные и свежие торчат из нагромождения стволов, а подтопленный лес поблескивает зеркалами луж и бочагов. Рай для кикимор. Пока Галька зачерпывала котелком прозрачную воду, Мур подобрал три заостренных жердинки подлиннее, пристроить над костром для котелка. А все таки хорошо, что она тут. Галька, да. Как же, оказывается, ужасно быть одному долго и как же она, Галька, нужна! И как человек вообще, живой и шумный, и как вроде бы беззаботное, легкое, странное существо с прямыми словами и взглядом как серое небо. С ней и мир как проснулся, стал ярче и правильней, как будто его отремонтировали. Как бобры плотину. Недавно ушли, вот щепки у ствола еще влажные и свежие… Палки… Может, еще взять, для костра, посуше, вон сколько валяется, будто на стройке, где работники вдруг все побросали и убежали… Это они их спугнули, конечно, работничков этих зубастых, вот бы посмотреть. А то лишь следы от лап и широких хвостов на рыжем песке у воды. У плотины плеснуло, будто бобры сказали: «Валите уже отсюда, не срывайте производственный процесс». Мур подал Гальке руку, помог взобраться на обрывчик берега, посмотрел к плотине – там из переливчатого зелено-голубого отражения торчал черный мокрый камень. Или плоская голова. Мур шепотом сказал:

– Смотри, бобр!

– Не, – глянула через плечо Галька. – Аквмеква.

И правда.

– Это ж она меня привела, – пожала плечами Галька и наконец объяснила: – Я в Кунгур на последней электричке приехала, ночью уже. Она была собакой. Черной такой, как подземля, большой. Шла рядом. И ко мне никто не подходил, все боялись. И в Кунгуре прямо в этот автосервис привела, у насыпи за гаражами, где ваш грузовик стоял, там еще паллеты с кирпичами были… Его грузили такие люди… Странные, будто какие-то… как жуки. Но Аквмеква так сделала, что они меня не видели. Я просто прошла мимо них, по лесенке залезла, а внутри – наверх. Легла и уснула. И все.

Мур молчал. А что тут спросишь. Да что ей надо от них, Егоше этой? Они обошли елку с совой, у которой были топазы, а птенчика не было, обогнули почти круглый провал с водой, куда свисали и стелились, как зеленые волосы, травы. Затопленный карст? Бочаг? Да тут весь грунт, значит, в любую минуту может провалиться. Сразу сгинешь и под землей, и под водой. Только сил уже нет бояться.

Какое счастье ступить наконец на твердую полянку невдалеке от дороги – значит, надежный грунт. В сторонке от ЗиЛа, на солнышке, он установил треногой осиновые, украденные у бобров жердочки, подвесил котелок на цепочке, развел костерок. Из кунга принес по упаковке ИРП «Охотник», научил Гальку собирать жестяной разогреватель, и та безмятежно и ловко возилась с кружками, с пачками галет, с банками консервов, будто играла в кукольную посудку. Набросала в котелок листьев малины и дикой смородины, и вокруг запахло счастьем. Галька явно радовалась лету, лесу, еде и костерку, будто оказалась в туристическом походе. Ее вовсе ничего не тревожило. Еще бы – вон у нее какая защитница. Защитница, мокрая и гладкая, тем временем ходила вокруг ржавых корабельных железяк, обнюхивала, цепь даже потрогала лапой. Галька, наверно, считает, что если Егоша зачем-то привела ее сюда, в глухую чащобу, то – хорошо. Если привела вот к Муру – так вообще прекрасно, значит, наверно, будет интересно. Как тогда в пещере.

– Смотри, Пустодымка, – показала Галька на костер. – Ну, как же ты не видишь? Дымок закручивается, будто девочка в сарафане танцует.

– Огневушка-поскакушка?

– Типа того. Будем золото копать? – оживилась Галька.

– Некогда, – Мур добросал в себя кашу с тушенкой, запил сладким чаем, и его повело. – Галька, ты тут посиди, отдохни… Приберись, да? Я посплю чуточку, все, не могу больше…

Глаза искали, где лечь, но везде мокрая трава и насекомые в ней, а то и гадюки, а в кунг он не хотел, чтоб слышать все вокруг, и если что, сразу проснуться. На капот? Грязи-то. А! на крышу! Там было чисто и сухо, только какие-то царапины появились – ветками скребло? Мур лег на нагретое железо, и стало тихо и уютно, как в какой-то лесной избушке на печке, где они как-то ночевали с дедом ранней весной… Деда, деда, не волнуйся, я все сделаю, я только… полчасика…

Гроза? Загрохотала, загудела крыша, Галька брякнулась рядом и схватила за плечи:

– Мур, Мур! Кто-то едет! Я боюсь!

Мур оторвал тяжелую башку от зеленого железа. Мир кружился и крошился по краям. Он сел и проснулся: да, двигатель. Вон, по тракту, тоже рычит-мучается, близко уже. Галька отползла за него и прилегла, притаившись. Через минуту за деревьями показался «УАЗик-Патриот», в грязи по самую крышу, и резко затормозил. Мур подумал, что люди в уазике не ожидали увидеть ЗиЛ. Но тут же, расшвыривая комья глины, уазик свернул к ним, подъехал и встал бампер к бамперу. В Муре открылось внутреннее кровотечение ужаса и досады. Огромный вздох застрял в груди, застыл мутным гипсом. Захлопали дверцы, и наружу выбрались два мужика, один в зеленой, другой в коричневой куртке, оба громадные, веселые, скалящие зубы:

– Доброго дня, дорогой! Вот он ты, нагнали!

Лишь бы они не почуяли его ужас. Нашли. Догнали. Эти типы точно с ними расправятся, на раз-два, Мур это ощущал. Он это знал. Еще и выпотрошат сначала – куда едешь, что везешь. Галька лежала на крыше, словно пытаясь провалиться сквозь. Кажется, даже не дышала.

И тут за спинами мужиков среди елок беззвучно появилась черная росомаха, и Муру стало чуть легче. Она же… Если что… Но Егоша стояла неподвижно, как статуя. Наблюдала. Больше за ним, чем за типами, будто оценивала, насколько он может справиться сам. И ее неподвижность убивала надежду. А ни на сколько он не справится. Ни себя, ни Гальку он не сможет защитить. Орать? Спрыгивать на грунт и пытаться заколоть этих здоровых кабанов заостренной бобрами жердинкой от костра?

Мужик в зеленом запрыгнул на подножку ЗиЛа, заглянул в кабину, потом задрал голову:

– Пацан, ключи давай.

– С чего бы.

– Отдай, – попросил второй, коричневый, и выговорил странное слово: – Что тебе дальше мучиться. Мы уж сами.

Казалось, на них с Галькой опять накинули жуткий рыболовный сачок, только невидимый. Как стыдно от беспомощности. Как досадно, что попался.

– Мы отгоним, куда надо, даже за Колву, – не напрягаясь, гнал пургу коричневый. – Ты и так, малой, герой, раз досюда доехал. Тут же никто не ездит. Старая дорога воровская. Ну, что смотришь? Что, сам рулить хочешь? Типа победитель? Дак ладно, рули. А мы подстрахуем, что. Ты ж вон, ухайдокался уже.

– Нет, – буркнула Галька и села. – Врете вы.

– Девка! Ты-то еще кто? – оглянулся зеленый на коричневого. – Ай, потом разберемся. Хотите, сами езжайте, жалко, что ли, – он оглядел Гальку, как облизнулся. – А то как вам отсюда самим. Проводим, да. Дорога тяжелая. Дальше – хуже. Размыло. Не доедешь. И выдернуть некому, если чо.

Мур знал, что отец или люди от отца должны его встретить. Именно встретить, а не нагонять. У Колвы, да. Но как же жутко, что эти мужики знают, что он едет на Колву. И значит, те, кто их науськал, тоже знают. Но Мур не знает, куда ехать потом. От Колвы. Потому что на месте встречи нет ни деревень, ни зон, ни заимок – ничего. Только километрах в десяти за Колвой на дедовой карте отметка. Просто кружок. Но там вокруг и других отметок полно, про месторождения и старые рудники.

Галька отползла к другому краю крыши. Напряженная, колючая, перепуганная, она, однако, не собиралась вытворять ничего дурацкого, к примеру, спрыгивать и бежать в заболоченный лес. Она тоже видела Егошу. И верила ей.

– Слазьте уж, ребятишки. И давайте поехали уже, время – деньги… Черт, что за…

Егоша сзади неслышно подошла к коричневому, вздыбилась и мягко поставила лапы ему на плечи. Зеленый замер, потом стал рыться в трясущейся куртке, рвать что-то из подмышки – из кобуры? Егоша улыбалась, обнажив клыки. Розовая морда коричневого побелела, глаза, наоборот, стали яркими, полезли наружу. Щеки худели на глазах, на миг он стал худым, молодым и красивым, только глаза стеклянные – но быстро пожелтел и словно провалился внутрь себя, все силясь поднять руки, повернуться – но успел лишь чуть двинуть вбок обтянутый коричневой кожей череп. Глаза ссохлись и вывалились из глазниц слюдяными комочками на канатиках нервов. Мумия постояла еще секунду, потом с хрустом и шелестом сложилась под тяжелыми лапами Егоши. Егоша мягко перескочила грязный ком куртки, под которой, рассыпаясь в труху, истлевало остальное. Зеленый наконец выпростал маленький, какой-то игрушечный пистолет из кобуры, трясясь, наставил на Егошу, но его так колотило, что пистолет стукнулся о торчащее зеркало ЗиЛа и вылетел из пальцев. Егоша прыгнула. Мужик успел только разок хапнуть воздух ртом, как рыба на суше. На лету росомаха обернулась тьмой, окутала мужика и с ним внутри красиво приземлилась у заднего колеса. Не останавливаясь, прошла

дальше, за елки – и ее как не бывало. А у колеса на траве остались штаны да куртка, из которой торчала костяная коричневая рука.

– Это она из них всю воду, что ли, выпила, – сказал кто-то, и Мур не сразу понял, что произнес это сам.

Его тошнило и трясло, будто все камешки, из которых он был сложен, превратились в простую галтовку, которую нещадно крутило в барабане для шлифовки. Он встряхнулся и выпрямился, чтоб Галька ничего не заметила.

Егоша ушла за елку. Судя по звукам – ее тошнило.

Галька придвинулась к нему, притиснулась. Но не заревела. Съежилась только вся, показала пальцем на пистолет под елкой:

– Они бы нас убили?

Мур не знал. То есть знал: запросто.

– Они хотели все отобрать?

– Скорей, узнать, куда мы едем. Кому мы это все везем. Понимаешь, дед за жизнь, видать, столько по Уралу сокровищ нашел, что ему и помереть спокойно не дадут. Вот и следят. Думают, мы куда-нибудь на тайные золотые прииски едем.

– А мы куда едем?

– Не знаю. Я должен передать груз, и все. А груз не похож на приисковое оборудование. Это геофизика, геологоразведка, ну и припасы какие-то.

– Ну, передашь, а потом?

– Не знаю. У нас вон и бензина-то в один конец. Как возвращаться?

– Дедушка бы тебя не послал в один конец.

– Да дед в больнице, мне назад скорей надо, – про повидать отца, что обещал дед, он не стал говорить. Язык не повернулся. – Как-то выберемся.

– Приключение будет, – удовлетворенно сказала Галька.

– Тебе что, мало?!

– Ну, мы же победили.

Мур хотел засмеяться, но только всхлипнул. Ладно. Пока – живы и невредимы. Опасности нет. Пока что. Потому что мало ли кто еще пустился в погоню за этим странным тайным грузом. Опасность, риск везде, все время.

Жердочки над кострищем уазик сбил, котелок валялся в стороне. А над угольками в ужасе замерла Пустодымка. Но вот налетел равнодушный ветерок, и она опять закружилась, ловя свою жизнь, пока все еще не потухло.

В сером сумраке ночи Мур опять смотрел на костерок, который больше дымил, чем светил. Пустодымкам было тесно, они толкались над углями, злились, потом исчезали – мол, тут не по душе. Полупрозрачную ленту дыма относило на реку и там, над холодной водой, вплетало в туман – будто по берегам Колвы, многие километры без отдыха петляющей по безлюдной ландкарте, дымили все костры, когда либо зажженные на ее берегах. Из всех веков. Может, даже из будущего.

Егоша в туман не вплеталась, даром что водяная ведьма, – дрыхла посередине между ним и ЗиЛом, где на крыше в спальнике свернулась Галька. Присутствие Егоши уничтожало комаров и гнус так, что их стон стоял лишь по окружности примерно метров десять по диаметру, в центре которой валялась на боку чистая Егоша – до нее дотягивал редкий смертник. Вся трава, камни, галечник, ЗиЛ, Мур, головешки костра – все было покрыто невесомым серым одеялом трупов, шевелящимся, если налетал ветерок. Мур изредка отряхивал волосы и плечи. Зато не кусают. А как было б без Егоши? Репелленты? Ага. Сожрали бы заживо, слизав репеллент для аппетита. Комары и мошка все перли и перли, неостановимо падая и падая на траву неслышно, как снег. Гальку на крыше небось тоже засыпало серым. Костер потрескивал комарами и бере-

стой, пускал желтые искорки. Ночь была белая, как подушка, теплая, соловьиная до звона в ушах, как спать?

К тому же Мур ждал – и караулил. Договорились с Галькой сторожить по очереди. На самом деле эта довольно ровная поляна на самом берегу узкой речки Колвы, почти на границе с Коми, была финишной точкой. Доехал, да. До сих пор ныли и дрожали от руля руки, и он то прятал их подмышками, то грел над костром.

Как же орут соловьи. И черемухой пахнет: вон доцветает. На небе пусто, будто ведьма в самом деле сожрала месяц. Даже звезд нет – слишком светло. А уже середина ночи. Вчера в это время он сидел в похороненной лодке и учил карту. Мур вздохнул: вот бы эту лодку сюда, на Колву, и плыть в ней потихоньку по частым ее кривулям, смотреть на дикий, древний, какой-то совсем нерусский, бесчеловечный лес, в котором даже не бабки-ежки водятся, а только жуть вроде Егоши – но ничего и никого не бояться.

Дорога, казалось, уходила прямо в воду – ну, может, там брод? Хотя на том берегу, за туманом, сплошь, как забор, торчали черные, будто вырезанные из пехштейна, елки. Мур надеялся, что за елками никто не прячется, не следит, никакой менкв или жуткой судьбы человек.

Вот бы присутствие Егоши и на чужих людей действовало так же, как на комаров. Ну, хоть отпугивало бы. Рядом с ней тяжело. Когда она зверь – хоть сознание не теряешь. А если человек – Мур помнил, как черная старуха встала тогда перед ним у Трамвайного мостика, и очнулся он уже на досках у дедова дровяника. Он покосился на Егошу – и снова стал смотреть на ночную, сонную воду Колвы. Та бормотала и бормотала, неустанно, как старушка в молитве. Казалось бы, вот, целая река рядом, а Егоша дрыхнет не под водяным одеялом, а тут, на суше. С ними. Охраняет от комаров? От бандитов? От… От всех, для кого его, Мура, жизнь, не стоит и копейки? Те коричневый с зеленым время бы на них с Галькой тратить не стали. Бах-бах, а болото вон, рядом. И провалы карстовые.

Да что ж там в кузове за груз в контейнерах, от которого столько проблем? Мур хотел днем посмотреть, но не решился. Что он стал бы объяснять гайцам, если б вдруг остановили? На контейнерах пломбы с непонятными знаками, не срывать же. На кофрах – тоже пломбы, но что там – понятнее: наверно, какая-то дорогая аппаратура. Кофр у передней стенки он узнал, на позапрошлой неделе сам ездил его забирать в мастерскую, специально изготавливали по заказу деда под большой геофизический детектор. Если учесть, что в марте дед ездил в Екатеринбург за каким-то большим керамическим тиглем и потом тоже заказывал под него сверхпрочный кофр, то можно предположить, что штука эта, что сумасшедших денег стоит, тоже тут где-то едет. И лучше не знать, зачем все это едет в глушь. Где официально нет никаких экспедиций, никаких производств, никакой власти, никаких поселений. Где пустая земля. Но где все это ждет его, Мура, отец.

Так что он забрал из рундука воду и упаковку пряников, сел в кабину, вцепился в руль и покатил дальше. Допоздна они с Галькой ехали и ехали, иногда переглядываясь, почти не разговаривая. У Гальки ввалились глаза, она стала замурзанная, бледная; пряников в такой тряске не хотела. Конечно, можно было бы сдаться, повернуть обратно, позвать на помощь того же Сашу, сочинить всякие оправдания для деда. Но Мур знал, что не сделает этого. Никому доверять нельзя. Надо ехать, надо жить. Пусть время идет, сматывая километры, медленно, но идет, и пусть дорога тянется навстречу вместе со всем этим страшным, лесным, каменным Уралом.

Упавшие преградами деревья попадались все чаще. Хуже стало и с размывами: распадок за распадком, водомоина за водомоиной, яма за ямой, лужа за лужей. Там, где казалось попроще, Галька порой выбегала вперед, в больших мужских сапогах промеряя лужу или тыча в нее осиновой жердинкой, чтоб показать глубину; а там, где было совсем страшно, Мур вылезал и промерял лужи сам, приглядывался, прикидывал. Иногда, как бобер, валил пилой ближний сухостой на обочине, скатывал в размывы и провалы. И так осторожничал, что не засел ни

разу. Что он стал бы делать, засадив в суглинок многотонную машину, набитую геофизическим оборудованием на дикие тысячи денег? Страха и сложности добавлял факт, что ЗиЛок волочил за собой уазик на жесткой сцепке, чтоб его следы перекрывали следы ЗиЛа. Хотя кого это обманет? Отец разберется, что с этим «Патриотом» сделать. И кто это вообще был – оставшееся от мужиков тряпье и пистолет Мур подцепил костровой жердью и утопил в бочаге провала по пути к ручью, а в машине рыться не стал, только отогнал, чтоб ЗиЛ выехал – ну, и, подумав, слил их бензин в свой бак.

Мур надеялся, что отец объяснит все, что не стал объяснять дед, решит все проблемы. И можно будет выдохнуть и стать обычным самим собой. Вернуться в город и вернуть Гальку папаше Богодаю, позвонить Дольке, позвонить маме… Забрать деда из больницы и дальше думать только про геологию и про сбегать в аптеку и за кефиром. А пока терпеть, вести тяжелую машину по ужасной дороге и не пугать девчонку. Галька сидела рядом, с ногами на сиденье, потому что на полу под торпедой стояла бензопила. Камешки ужаса – особенно как выходить наружу перед водомоиной, провалом грунта, лужей или преградившей березой или ольхой – перекатывались лишь в животе, Гальке не видно, да и, кажется, острые грани камешков потихоньку стачивались друг об друга. От тряски. Выдержать можно. Егоша всю дорогу лежала на крыше – чем она там цеплялась-то? Вот кто крышу-то исцарапал… А он, наивный, и не замечал ничего…

С реки сквозь завесу соловьев донесся всплеск. Рыба? Егоша подняла голову. Тут же поднялась и, взметая клубы дохлого гнуса, исчезла под ЗиЛом – прикинулась темнотой за колесом. Чего она опасается? Мура затошнило. Может, спрятаться? Это от отца-то? Но он ведь ждал отца. Ждал… Всю жизнь, кажется, ждал. На реке снова плеснуло, уже ближе. Мур встал. Из тумана течение вынесло серую лодку. И рыбак в ней был тоже серый. Мур вспомнил зиму, Сылву, рыбаков в лодках, которые волочили по льду мотособаки. И рыбака в сером, который расколол башку об камень. Вернее, ему помогла Егоша. Камешки в животе снова закрутились, заскребли острым по живому.

Кто-то на корме пеллы[33] слегка шевелил веслом, а рыбак стоял на носу и то забрасывал крючок, то крутил, сматывая, чуть слышно трещавшую катушку спиннинга. Да почему ж так жутко смотреть на это? Мур хотел встать и не мог. И чем это запахло так противно?

Лодка причалила к берегу, заскребла звонким дном по камням. Рыбак как-то неловко приткнул спиннинг в нос лодки, качнувшись, с плеском перелез за борт. Почему он тоже, как тот на Сылве, такой весь серый, как туман? Как камень? Горный? Он приближался, расправляя плечи и неуклюже загребая ногами, и противный запах стал отчетливей, сильнее, Мур распознал сивуху – и морок развеялся. Но стало еще страшнее. Как же хорошо, что Галька спит и не видит. Наверно.

Серый рыбак зачем-то взмахнул тощими руками, как дирижер, и по-блатному затянул:

– Есть по тайному тракту дорога,

Да не видно на ней шоферОв…

Он шел шатко, разметая гнус, и почему-то казался смертельно напуганным. Даже, вроде, дрожал. Мура свело внутри адской болью. Все соловьи в округе заткнулись. Серый рыбак – у него был один только глаз, жуткий, стеклянный, а вместо другого – корявый шрам! – покашлял, сплюнул гнус и опять хрипло затянул:

– Но проехал отчаянный шОфер…

Звали Петька его Мурашов!

Мур встал на мягкие, как вареные макароны, ноги. Провалиться бы сквозь землю. А человек этот, копия дед, только весь серый, иссохший, испитой алкаш, встал за костерком и поклонился, как клоун:

[33] Тип гребной пластиковой лодки

– Сыночек пожаловал!

–…Здравствуйте.

– А… А! Да ты что… – он посмотрел вбок от Мура и шарахнулся. Его заколотило, он опять взмахнул руками и вдруг завизжал: – Курву эту зачем приволок! – задохнулся от кашля. – Я ж домой носа не кажу из-за этой падлы, а ты…

Егоша подошла и мягко села возле Мура. Совсем рядом, так, что черная шерсть касалась джинсов.

– Да штоб тебя, Петька, кой черт тебе тварина эта сдалась! А ну вали к черту отсюда! Проваливай, говорю! Пшел вон!

2.

– Полярная звезда – это гвоздь, на котором прибито вращающееся небо, – пробормотала Галька, прижимаясь к Муру так, будто хотела спрятаться у него в грудной клетке. – Но я ее не вижу. А ты?

– Светает уже, – Мур кутался в ее маленькую куртку, дрожал, обжигался об Гальку, смотрел на развороченный песок и щебенку на колее, уходившей в Колву – там в самом деле был брод. Уже можно было разглядеть в следах каждый камешек. – Какие звезды.

Серый, призрачный свет с неба все превращал в ненастоящее: елки, сырую поляну на берегу, туман над стальной водой; Егошу, неподвижно стоящую в карауле, мордой к воде, вернее даже, к тому берегу; раздавленный, в глинистых следах протектора раскрытый рюкзак Мура, опрокинутый котелок, уцелевшую охапку полешков. Через кострище тоже проходил след от широкого колеса ЗиЛка. Пара угольков еще дотлевала: ни тепла толком, ни Пустодымки. И подтопить нечем – все в росе. Никогда в жизни Муру еще не было так холодно.

Он и раньше понимал, что отец втянут во что-то ужасное. По переписке на дедовом телефоне знал уже, что тут, на Колве, в дунитах,[34] небольшое старательское тайное предприятие, добывающее платину в когда-то обнаруженных дедом слепых россыпях. Для такого дела и бандиты, и чекисты – да кто угодно! могут представлять опасность. Но вот что отец – такой… Сам как бандит… Даже страшнее тех, от которых их спасла Егоша… Тошно.

– Мы долго еще будем тут сидеть? Ты что, думаешь, они вернутся? Ты их назад ждешь? – Галька тоже смотрела на след от ЗиЛка. – Мне страшно.

– Надо уходить, – Мур потер горячий лоб. – Дойдем как-нибудь.

– По дороге догонят. Не эти, так те. Надо как-нибудь так… Вообще в другую сторону. И… По звездам? Только вот Полярную звезду не видно, – шмыгнула Галька. – Мурчисон, чего это мы такие никому не нужные? Чего он нас прогнал?

– Не нас, меня, – пересилил отчаяние Мур. Можно было наврать что угодно, и Галька поверила бы. Но он сказал правду: – Бывает, отцам не нужны сыновья. Ну и что? Как будто он мне нужен.

– Был нужен! Ты вон сколько деревьев распилил по дороге, столько ям переехал. Не сдался, все рулил. Ты ж не знал, что он – так тебя испугается?

– Егошу.

– Тебя, – повторила Галька. – Потому и кривлялся. У него как будто… Ну, как будто перелом души. Неизлечимый. А наша Егоша, может, только предлог тебя прогнать.

– Предлог бросить нас в лесу?

– Ну, меня-то никто не видел. Я молодец, – гордо сказала Галька и покосилась на круглый, как дедморозовский мешок, красный спальник, в который напихала, сколько смогла утащить, ИРП.

---

[34] дунит – ультраосновная горная порода магматического происхождения, состоящая из оливина и пироксена, содержит хромит-платиновые руды.

Как она с этим мешком, в белой ночи, умудрилась выбраться из ЗиЛка и спрятаться в чахлых елках? Как вообще догадалась незаметно сползти с крыши кунга, забраться внутрь и сообразить, что надо хватать еду и сваливать? Мур сам до последнего не верил, что серый рыбак просто оттолкнет его жесткими, железными будто руками, залезет в кабину, заведет двигатель и поедет прямо в Колву. А Мур бежал рядом и барабанил по кунгу – боялся, что Галька внутри, а потом запнулся за камень и плашмя рухнул в воду. Когда вскочил – ЗиЛок, волоча за собой захлебывающийся уазик, был уже на середине реки. А другой мужик, из лодки, греб, догоняя машины. Зацепился за крышу уазика, подобрал весла. Оглянулся на Мура, поднял из-под ног и показал ружье, блеснувшее черными стволами.

Мур стоял по колено в воде. С него текло. Упасть и захлебнуться? ЗиЛок рычал, удаляясь. Родной ЗиЛок. И в нем – все. Догнать, хоть как, Галька же, и пусть стреляют – промахнутся! Подавятся! И он решительно побрел сквозь тугую сильную воду за ЗиЛом, уже выбиравшимся на дальний берег. Мужик в лодке опять оглянулся и погрозил ружьем. И тут прямо перед Муром всплыла черная страшная Егоша и зарычала. Мур хотел ее обогнуть, обматерил – но тут сзади взбурлило, обдало брызгами и его обхватила Галька:

– Стой, не надо!

И Мур едва не заревел.

Все это случилось, может, полчаса назад. Теперь они сидели на берегу и дрожали. Живы и невредимы, оба. Все хорошо. От колючек Галькиных волос несло сосновой смолой и дымом. Егоша караулила тот берег. Вершины елок там припорошило розовым. Скорей бы уже вылезло солнце. Как же холодно!

Галька повернулась, сверкнула светлыми, как вода, голодными глазами:

– Может, поедим?

– А правда, давай. Хоть согреемся. Знаешь что, Галька? Ты самая крутая девчонка на свете, – Мур отпустил ее и заглянул в мешок. Там поверх ИРП оказался еще фонарик, веревка и молоток. Набор для Подземли.

– Молоток-то зачем?

– Не знаю. Я торопилась и вообще не знала, что брать, – она вроде собиралась заплакать, но только прикусила задрожавшую губу, шмыгнула и схватила упаковку ИРП. – Давай одну на двоих? Экономить надо!

– Давай только сначала отсюда уйдем. А то будто следит кто с того берега. Видишь, Егоша какая?

– Тоже следит. Опасается. Люльсын[35], говорит, плохо тут, уходите, – Галька встала, подобрала котелок. – Какын ойка[36], говорит, плохие люди.

– Как ты ее понимаешь?

– Не знаю. Просто начинает пахнуть водой, и приходят мысли, – Галька забрала котелок, выковыряла из травы алюминиевую, дедову походную, ложку. – Или песни. Я уже привыкла. Она тоже слышит, что я думаю. Пойдем уже, а, – она подняла и притащила Муру раздавленный рюкзак: – Может, что уцелело. Ну, Мурчисон, не сиди. Тут правда паршиво – как на тарелке.

Собрались они быстро. Мур выжал одежду и снова надел, чтоб быстрее сохла. Трясущиеся от озноба пальцы плохо слушались, но добытой Галькой веревкой он обвязал спальник с едой так, чтоб можно было нести через плечо, перетряхнул рюкзак – там раздавило телефон. Вот это фатально. Карте и запасным носкам не сделалось ничего. Носки он отдал Гальке и велел надеть. У нее вообще с собой никаких вещей не было, мокрые джинсы-кроссовки и сухая куртка, так что пусть тащит легкий рюкзак с картой, молотком и фонариком и котелок. Она храбрилась:

---

[35] Плохо (манси)

[36] Паршивые люди (манси)

– Давай воды с собой наберем? Вот сейчас отойдем подальше и чай закипятим, да, Мурчисон? Но… А куда идти-то? Обратно по дороге? Я боюсь.

И правда, кому навстречу можно прийти по следам от ЗиЛка и УАЗика? Кто там еще пустился в погоню? Они с Галькой не знают ничего про платиновый прииск, не видели – да кто ж им поверит? Запытают. А другой дороги не было. Лес кругом, сырой, комариный. Парма. Жуткая, бесчеловечная. Самый большой лес Европы. Во все стороны иди – никуда не дойдешь. Ладно, надо хотя бы уйти с поляны. И… Если скрытно идти вверх по Колве, то, может, видно будет, откуда приплыл серый рыбак? Он, похоже, всегда тут живет, где? И – зачем?

Мур остановился, спрашивая себя, правда ли хочет это знать. И нужен ли ему отец. Вот такой. Сивушный, перекореженный. Смотрящий на нелегальном руднике? Или кто он там?

Галька заглянула ему в лицо, мол, куда? Я везде за тобой! Мур посмотрел на Егошу, хромающую от реки, и решил:

– Пройдем сколько-нибудь вверх по берегу, чтоб тут не торчать. Спрячемся где-нибудь, обсохнем, поедим и отоспимся. И тогда, может, сообразим, как выбираться.

По лесу идти в кроссовках было страшно – вдруг гадюки – и неудобно. Да они еще и от воды раскисли. Веревка резала плечо. Но Мур шел, переступая кочки, ветки, упавшие от старости лесины и косясь в сторону сверкавшей за елками воды. Не хватало только заблудиться. Дебри.

Жутко, что только что он был героем, одолевшим размытую опасную дорогу, экипированным на все случаи туристской жизни, а теперь остался никем и без ничего.

Жутко, что это сделал отец, и жутко, что он… такой. Одноглазый, как таргылтыш[37], горький алкаш.

Жутко, что с ним Галька – только бы с ней ничего не стряслось.

Жутко, что парма не простит ошибки. Что Урал убьет и даже не заметит. Мало ли тут по лесам истлевает скелетов.

Жутко было осознавать, что отсюда бесконечно далеко до города. До асфальта с такси, до чистых красивых квартир, до людей, которые ходят на работу или сидят в кофейнях, до магазинов с туристическим снаряжением, до аптек. А у них с собой даже лейкопластыря нет. Рисковать – не сметь.

Жутко было понимать, что дед ждет звонка от него, от Мура – и в ближайшее время не дождется. Даже если б был цел телефон, черт его знает, где тут искать связь – в парме-то на границе с Коми.

Жутко думать, в каком ужасе родители Гальки.

Хотя, наверно, получив груз, отец как-то сообщит деду, что все норм, все доставлено? На карте за речкой, куда угнали ЗиЛок, был почти незаметно, карандашом вдоль речки намечен пунктир – и терялся в зеленом поле, будто его стерли… Тайный прииск там. По словам деда, небольшое платиновое рудопроявление с западного края Чистопского участка, удобное для разработки штольней и достаточно богатое. На кой же там геофизическое оборудование? И вообще проблемы там, что ли? Может, платиноносная руда истощилась? Надо срочно еще что-то отыскивать? И дед по-быстрому оснастил блудного сына для серьезной геологоразведки в окрестностях рудничка? Но чтоб оснащать, надо иметь основания, догадки. Значит, тут еще что-то есть?

Версты примерно через две глаза начали вышаривать вокруг любое ровное укромное местечко, где бы упасть: под кустом, в сухом песке под выворотнем, под елкой, гостеприимно поднявшей одну из нижних лап… А что? Не хуже палатки. И на хвое будет тепло. И солнце, оказывается, давно жарит, прогревает и эту темную старую елку, и крохотную полянку. Мур

[37] Одноглазый дух человека, умершего неестественной смертью, водится в жутких урочищах, где творится непонятное (марийск. Миф.)

оглянулся на Гальку: совсем как мальчишка. Страшно замученный только мальчишка, вон, глаза погасли. За Галькой плелась понурая Егоша. Она, наверно, могла бы плыть по реке. Но против течения и у нее не было сил. Старушка же. Мур скинул с истерзанного веревкой плеча котомку спальника и сказал:

– Все, девки. Привал.

Галька тут же сняла рюкзак, осмотрелась, упала на четвереньки и, как ящерица, заползла под елку:

– Чур, я в домике…

Егоша посмотрела на Мура, вроде как пожала плечами, покрутилась, обнаружила в стороне сырую ложбинку, выстланную желтым мхом, и шлепнулась туда – чавкнуло. У Мура еще хватило воли снять и пристроить на припек свои кроссовки, насквозь мокрые, и – даже не проснулась, когда стягивал – Галькины; потом заполз под елку и упал с другой стороны шершавого, с торчащими сучками ствола. Твердо, колко. Под боком что-то мешает… Плевать. Медведи? Плевать. Серые рыбаки, сколько их ни есть на свете? Егоша разбудит.

…Топ-топ. Топ-топ. И – так темно. Снег повалил гуще, и совсем ничего не стало видно. От голов уже валил пар, значит, много протоптали. Пыгрись, как подняли и погнали, рад был, что оказался крайним в шеренге, чтоб по пути видеть хоть что-то, кроме черных спин и затылков, но сейчас уже глаза не смотрели. Топ-топ. Да и смотреть не на что. Просто белое все внизу и темное наверху. И, ясно, сбоку было холоднее, чем внутри порядка. И тяжело рукой правой вперед тянуться, держаться крепко за бушлат впереди идущего. Мерзнет рука, немеет. А левой руке легче – он сам сбоку крепко держится за бушлат соседа, а тот – за его. Теплее так-то. Топ-топ. Топ-топ. Бубны в голове и в хвосте порядка, глухо сквозь снег: бум-бум. Бум-бум. Надо шагать под бубны: топ-топ. Если собьешься… Нельзя сбиваться. Он шел и шел, утаптывая тяжелыми валенками снег. С большого мужика валенки, и след от них большой, это хорошо. Чтоб не болтались, Пыгрись в них тряпок напихал. Тряпки, правда, были закорузлые, в крови, и к концу первого прогона уже становились скользкими, горячими. Но все равно, с тряпками в валенках легче. Потому что у Пыгрися ноги в два раза меньше, чем у мужика, которому этот валенки скатали. Таких мужиков Пыгрись теперь редко видел. Да и тех – дохлыми. Живые такие большие, говорят, еще где-то в порядке есть. Посмотреть бы. А то валенок больших много. Вон у соседа – тоже большой валенок. Правый. Левый маленький, тесный. Неудобно совсем. Пыгрись ему говорил, чтоб в большой валенок тряпок напихал, легче чтоб топтать. Не хочет, говорит, воняет. Ну да, воняет. Но ведь тут все воняет. Хотя нет. Снег не воняет. Пыгрись поймал ртом пару хлопьев. Ничего, не пахнет. Если бы еще и снег вонял! Хотя, когда порядок проходит, снег после него, пожалуй, тоже воняет. Не может не вонять. Пыгрись сам не видел, но представить если. Вон следов столько. Кровь, дерьмо, моча. Пятна от кормежек на стоянках. Как же жрать охота. Снег, снег. Топ-топ. Если долго не жрать, топчется плохо. Вчера не кормили…

– Ты что так орешь, – Галька схватила его за плечи и затрясла. – Мур, Мур, ты чего!

Мур сел, и тут же щеку ободрало шершавой мертвой веткой:

– Ой… – зато боль привела в себя. Вокруг лес, жаркий, золотой и зеленый, летний. А вовсе не снежная тундра. – Приснилось. Жуть такая. Как будто зима… И много-много народу куда-то гонят… Ну как «куда-то». В никуда. По тундре. Просто чтоб умерли все. Этап такой.

– «Этап»?

– Так называется, когда зеков от зоны к зоне перегоняют. Тут же… Места такие. Лагерные. Я было забыл про это. Теперь… Я как будто сам… Там был. Такой же, как все. Пыгрись звали.

Егоша снаружи подсунула морду под еловую лапу и уставилась ничего не выражающими, черными как камешки, звериными глазками. Но Мур каким-то образом понял: она знает. Как будто сама видела такой же сон.

– «Пыгрись» – это просто «мальчишка» на ее языке, – Галька посмотрела на Егошу. – Говорит, что да, было. Что очень страшная тут земля, а ты спал, наверно, на месте, где тот мальчик умер. Надо уходить отсюда.

– Я не понимаю, куда уходить, – Мур вылез из-под елки. На крохотной полянке булькал кипяток в котелке над костерком и ждал распотрошенный пакет с ИРП. Мур отломил, забросил в пасть половинку галеты – и живот свело от пинка голода. Он съел вторую половинку: – Если просто так вот идти и идти по Колве, будут деревни. Две или три. Надо карту посмотреть.

– Я уже давно проснулась, только есть очень хочу, – Галька выглядела свеженькой, умытой – и нервной. Заметно старалась держаться спокойной. – Значит, поедим и пойдем вдоль Колвы. Далеко?

– Не знаю, – Мур, разворачивая карту, задумался, как тут измерять путь: в часах, километрах или в единицах усталости, равных одному дневному переходу по лесной чащобе, который может выдержать девочка-подросток. – И они могут быть брошенными… Или просто опасными. Мало ли кто там живет.

Оба посмотрели на Егошу. Та фыркнула, как барсук, и отвернулась. Ушла, улеглась в свое мокрое лежбище. Мур вдруг подумал, что дед знал, что Егоша будет его сопровождать и, если что, вмешается со всей своей бесчеловечной силой. Иначе бы не рискнул отправить одного, потому что – ну кто он есть? Пацан. Никто, ничто и звать никак. Без Егоши ни с какими врагами не справится.

Галька усмехнулась:

– Мы, в общем, тоже опасные, если нас обижают, да, Аквмеква? Ну, а даже если деревни брошенные, дороги-то еще там есть? И мы пойдем по ним и выберемся, да, Мурчисон?

– Да тут такие дороги… В такие места ведут, что… Лагеря бывшие, зоны брошенные, лесозаготовки, рудники, промыслы, прииски. СССР как ушел отсюда, так черт знает, кто тут живет и чем. Анархия, произвол. Дорог – лабиринт, да только почти заросший уже. В самом деле тут где-то тайный тракт проходил, по которому в Строгановские времена через Хребет купцы соль и пушнину возили втайне от властей, его так и звали – Воровской. Ну и вообще много тут было дорог через Хребет. История.

– Может, и сейчас возят где-нибудь по тайной дороге, – всхлипнула Галька. – Что-нибудь же возят?

– Может. Запросто. Хищники кругом, и люди пострашней волков будут. Одно слово – Урал.

– Ты меня пугаешь.

– А ты и бойся. Как увидишь кого – прячься. Егоша вон старенькая уже, вдруг не успеет.

Егоша подняла голову из ложбинки, пару секунд смотрела ему в глаза, будто что-то искала в его взгляде. Потом встала и ушла, оставляя мокрый след.

– Обиделась?

– Не, – вздохнула Галька. – Что мы ей, несмышленыши. Пыгрись и агирись[38]. Усталая, да. Но не старая. Просто… Древняя. Устала быть одна, наверно. Она… Она хочет быть нам нужной.

– А мы ей зачем нужны?

Галька пожала плечами:

– Чтобы было, кому быть нужной?

[38] Мальчишка и девчонка (манси)

За остаток дня они прошли не так уж много: идти по мху, перебираться через болота и бочажины, в которых глохли притоки Колвы, через ручьи – быстро не получалось. Ноги не просыхали, темя жгло. Все время хотелось взобраться на сосну и осмотреться: сколько там еще впереди этих сверкающих на солнце речных петель. Ноги ныли. Топ-топ. Тошно, как вспомнишь. Срезать бы путь от петли к петле, но без компаса Мур не решался. И того гляди в болото угодишь. Лес то шумел от ветра, цепляя черными копьями елок быстрые облака, то замирал, затихал, будто задумавшись. В тихие минуты комары не зудели – они выли над головой, осыпаясь на плечи невесомыми трупами. Егоша не отходила ни на шаг, и казалась уже не страшной бессмертной тварью, а уставшей донельзя, старой, смахивающей на медведя косолапой собакой. Лес по округе звенел птичьими голосами, но там, где они шли, все стихало – только звуки резкого вспархивания. Когда попался ежик – заверещал и задергался, пока проходили мимо. Мур и не знал, что ежики могут кричать. Егоша на истерящего ежа и не взглянула. А вот не успевшую отползти гадюку прикончила: Мур ту и не заметил, а когда оглянулся на бросок Егоши и шум, то уже гадючья голова летела в одну сторону, все остальное, узорчато извиваясь в воздухе – в другую. С этого момента Егоша обогнала Мура и теперь брела впереди, оглядывая мох и траву. И зачем Егоше заботиться о них? О Гальке? А может, Галька так нравится Егоше, что та замышляет сделать ее своей помощницей? Вырастить из Гальки новую ведьму?

Егоша оглянулась и посмотрела так, будто подслушала мысль. И вроде как этой мыслью Мура была возмущена.

– Что же тогда тебе надо от нас? – подумал ей Мур. – Убить тебя нельзя. Что ж тогда сделать, чтоб ты оставила нас в покое?

Та отвернулась и потрусила вперед. Мур перевел дыхание. Ну не может ведь быть так, что Егоша просто завела их себе, как милых домашних любимцев, чтоб, как сказала Галька, быть хоть кому-то нужной. Тут вон ты собственному отцу не нужен – а тайной силе вроде Егоши приглянулся? Галька добрая, слишком доверяет Егоше. С другой стороны… Егоша в самом деле несчастная – что бы Мур на ее месте сделал, чтоб избавиться от одиночества? А что Галька ей нравится – то как Галька может не нравится? Она умная, храбрая. Так тяжело продираться сквозь сырой лес вдоль реки – а она смеется, будто на прогулке. Ни разу не заныла. Будто ей за счастье такая жизнь. А что? Приключение же! Крутая девчонка. Ловкая и понятливая. Мур оглянулся: идет. По сторонам озирается. Лес ей нравится. Он постоял, поджидая Гальку, и заметил, что грунт стал посуше, а Колва, виляющая слева, темнее и уже, что упавшие елки почти перегораживают ее. И уже вечереет.

– Может, пора на ночевку? – оглянулся он на прихрамывающую Гальку.

– Павыл[39], – вымолвила Галька. – Егоша говорит, вот.

На бугре над рекой, облитом рыжим закатом, домишки еще стояли, зияя черными дырами окон, ниже, в синих сумерках – торчали только развалившиеся стропила да печные трубы. Ближе, за земляной плотиной, низко в берегах, тусклой тарелкой застыл круглый вонючий пруд, и оттуда далеко разносился ор лягушек.

– Я в эту деревню не хочу даже заходить, – сказал Мур. – Мало ли. Вдруг тут бывает кто. Нарвемся еще.

– Опять под елкой спать?

Мур проводил взглядом Егошу, которая без всплеска ушла в шелковую воду притихшей Колвы, скрылась опять. Стало опять не по себе.

– Нельзя спать в брошенных домах. Потому что это не дома уже, а трупы домов.

– Может мы там найдем какое-нибудь… Одеялко? Топор? И ножика у нас нет.

[39] Поселок (манси)

– Ну посмотрим, – признал дельность предложения Мур. – Хотя вряд ли, конечно. Растащили все давно. Этот мир кончился, видишь ведь.

Они обошли пруд со стороны плотины, во множестве мест тихонько журчавшей – ручейки сбегали в канаву старого водотока, уходившего в реку; параллельно стоку еще можно было различить останки корпусов горного заводишки, которому пруд отдавал воду. Странно как-то, что лет двести назад тут плавили руду на чугун. Где ж тут месторождение было? Он оглядел лесной окаем – как разобраться вообще, что тут в недрах? А до заводишка – кто тут жил? До русских? До пермяков? Не стояла ж эта земля пустой. Тут где-то ведь по пещерам и горам и находили всю эту звериную бронзу, жутковатую и непонятную, как с другой планеты.

Дальше по реке начиналась песчаная отмель и через теплую протоку от нее к берегу – полумесяц уютного пляжа. Песок был еще теплый – солнце только-только скрылось за стеной леса на том берегу.

Галька сбросила рюкзак и начала раздеваться.

– А может, там русалки? Водяной? – на темную быструю воду даже в мелкой протоке смотреть было жутко. Вдруг там затаился на дне пермский ящер. А еще на Урале полным-полно подземных рек.

– Может, – согласилась Галька. – Потерпят. Я быстренько.

Она оказалась костлявая, как пацан, с чуть заметными пупырками груди, которых она вовсе не стеснялась, будто их и не было и которые, да уж, вот никак не принять за девичью грудь. Но вся какая-то мускулистая, ладненькая. Спортивная. Вроде и не ребенок, но и до девушки ей еще как до луны. Мур вспомнил, какая мягкая и плавная, вся нежная и округлая была Долька и чуть не заплакал. И позвонить – никак. Жива ли она еще? Какой же кошмар родителям: и старшая в беде, и младшая опять пропала. А виноват опять он сам. Ну вот чего Галька увязалась за ним? Наверно, Егоша б не привела ее, если б не было в Гальке этого детского, ровного тепла к Муру, этой верности, которой она и не замечает. Просто помогает во всем. Будто взяла и подарила ему себя, свой ум, силенки, приязнь – без корысти и без страха. Да и Муру она после Ледяной пещеры все равно что родная.

– А от тебя, Мурчисон, между прочим, тоже пасет будь здоров, и космы слиплись, – она уже полоскала футболку в воде, отжимала и полоскала снова. – Вода какая теплая!

И темная, как крепкая заварка. Руки-ноги в ней казались коричневыми, как из глины. Мур плавал и плавал. Полежал на спине, глядя в золотистое и бездонное северное небо, а течение потихоньку, но ощутимо, потащило его от шумного плеска Гальки, и он скорей перевернулся и поплыл обратно, к ней. Нельзя оставлять ни на миг. А Галька уставилась на пряжку у него на шее:

– Ой! Это ж Егоша! Я такую же хочу!

Мур подумал – снял с шеи и отдал ей «Когтистую бабушку»: целее обе будут. Парма, тут только оступись. Пусть пряжка Гальку защищает, если уж в бронзе этой древней вправду тайная сила. Такие штуки, дед говорил, в самом деле шаманы отливали, потому-то они такие безыскусные, угрюмые. Говорил еще, прежние пермяки души какие-то в эти пряжки помещали, то ли звериные, то ли птичьи, то ли человечьи – но это уж правда миф, наверно. Ничего этого он девчонке говорить не стал – пусть любуется пряжкой и носит на здоровье. А ему зато сразу стало немножко спокойнее.

После купания он скорей собрал плавника да бересты и сучьев с упавшей со склона березы, запалил костерок всепогодными спичками из ИРП, пристроил котелок кипятить воду. Галька пыталась сушить над костром футболки, и свою, и Мура, и жадно поглядывала на упаковки еды. Мур скорей подогрел ей банку каши с тушенкой, а сам поел галет с паштетом. После еды и горячего чая разморило. Но надо уходить с открытого места. Мало ли. Еще не поздно, да и вообще ночь июньская, белая, темно не бывает, но все равно лучше скорей осмотреть поселок, поискать топор и спрятаться где-то в лесу на ночлег. Они залили костерок водой, заки-

дали песком угли, надели пятнами просохшие, пятнами сырые продымленные, но зато чистые футболки и пошли вдоль воды, выбирая место, где бы подняться к домам.

– Следы, – сказала Галька. – Ой. Ты тоже это видишь?

Знакомые следы Егоши выходили из воды и тянулись сперва вдоль уреза, потом сворачивали к зеленому склону, к едва угадывавшейся в траве тропинке. До травы, на четырех-пяти метрах полосы серого плотного, зализанного водой песка каждый отпечаток был четок, хоть гипсовый слепок снимай. И с каждым шагом круглый звериный след вытягивался, превращаясь в человеческий. И вот совсем не хотелось видеть, в кого именно превратилась Егоша.

– Пойдем сразу в лес, – решил Мур. – Пусть сама тут все исследует. А мы уж утром, при солнышке. И топор поищем, и дорогу. Должна быть нормальная дорога, вон на карте, Лукьяновский тракт на Усть-Бердыш… Да только туда идти все равно что как в сказке, налево пойдешь – коня потеряешь, ну и так далее.

– Коня у нас и так уже отобрали, – усмехнулась Галька.

3.

Среди ночи Галька ткнула его кулаком в бок и зашептала:

– Слушай! Это что вообще?

Мур стал слушать, приходя в себя. Густо пахло подвядшей травой, которой они выстелили себе, как сеном, гнездо в сухой ямке у елок. Плескали чуть слышно волны сонной речки. Ну, собаки лают… Петухи… Бренчит что-то. Деревенские звуки… Кто там этих собак переполошил среди ночи… И что? Ой! Какие собаки, там ведь нет никого, в деревне этой? Ой. А если бродячие, стая, вот учуют и тогда… Бежать! Хватать Гальку, закидывать ее на дерево… Лай не приближался. И… Звучал странно. Гавкают, да, только… Вот если взрослый мужик начнет придуриваться и изображать пса и лаять – вот так оно звучать и будет. Человеческим голосом эти собаки лают. И петухи – тоже. Сумасшедшие? Откуда? Псы заливались. Продрало ознобом, нервы заплясали, как лист на верхушке дерева в ураган. Никакого реального объяснения тому, чтоб взрослые люди собрались и стали кукарекать и гавкать на разные голоса, не было. Галька прижалась к боку и съежилась. Мур ее приобнял и сказал:

– Может, пойдем отсюда?

– То есть побежим?

Самый громкий собачий голос вдруг сорвался на ржание. Другой – замычал. Третий – заблеял.

Гальку затрясло. Но она собралась и сказала спокойно:

– Я боюсь почему-то очень вылезать. Сначала было вроде как люди бормочут, не слышно только, что. Ведра бренчали, а еще такой звук был, как дрова колют.

– А чего не разбудила меня?

– Я думала, это во сне. Мурчисон… Не, мы не пойдем там топор искать, ладно? Мы лучше давай убежим…

Ветви елок раздвинулись, и на краю ямки появилась совершенно спокойная Егоша. Обошла их гнездо и легла в траву между ними и деревней, положила голову меж вытянутых лап. Мех ее блестел, чистый и пушистый. Даже посверкивал розовыми искрами.

– Хоталали[40], – сказала Галька и выдохнула. Расслабилась. – Солнце встало. Теперь они уйдут.

– Кто? – Муру от розового света тоже сразу стало легче. Правда – утро. Не отменить. И психи в деревне стали стихать.

[40] Рассветает (манси)

– Аквмеква говорит, это… Ну, когда люди уходят из деревни, ее занимают другие. Не люди. Какын-пунг[41]. И они там играют в людей. В гости ходят или ссорятся.

– Черти, что ли? – ужас прокатился от подошв до макушки.

– Ну да. Только у них плохо получается, – Галька отлепилась от Мура и встала: – Мурчисон, давай мы уйдем. В лесу какын-пунг нету, они боятся леса.

Вдоль берега Колвы обнаружилась старая, давно заросшая, но все же твердая тропинка сквозь ельники и березняк. Может, по ней веками таскали лодки на веревках вверх по течению? Пока всему этому укладу жизни не пришел конец? Потом тропинка разделилась и правым рукавом отвернула от реки, пошла вверх и напрямик, через островок бора. Впереди сверкало, поэтому Мур не стал сворачивать к воде, где все заросло ивняком и рогозом. Тут, где повыше, свежо и празднично пахло соснами и пихтой, и уже казалось, что гавканье чертей просто приснилось. Но… Хорошо, что Егоша идет последней и прикрывает тыл. Галька замурлыкала:

– Разгорается алая зорька,
Снова ясное солнце восходит,
Согревает зеленую землю…

То ли сама сочинила, то ли Егоша ей нашептала. Мур не стал спрашивать. Да, денек хороший наступает, жаркий. Ну а вдруг дождь пойдет? Похолодает? Надо как можно скорее выбираться отсюда. Как же хочется спать. Выспаться бы. Да, закрыть глаза и забыть на пару часов эту безлюдную лесную реальность, чертей, мокрые ноги, веревку, режущую плечо. И Егошу. Хорошо бы, чтоб приснилась Нева. Широкая, стальная под серым небом, величественная… Или хоть Фонтанка… Да хоть Зимняя Канавка, только чтоб это был другой мир, понятный, человеческий, расчерченный на кварталы… А вот интересно, если уехать в Петербург, то Егоша увяжется следом? И будет жить в Неве? Может, ей там даже понравится? Да хоть в Финском заливе. Будет балтийской нерпой притворяться. Мур оглянулся: Егоша что-то вынюхивала под соснами. Да что ж для нее сделать, чтоб отвязалась, спасибо ей, конечно, за защиту? А Финский залив, похоже, существует на другой планете. Да как же… Деегошизироваться-то а, в конце концов? Чтобы жить уже нормальной жизнью?

– Мурчисон, а куда мы идем?

– От чертей подальше. Мы ж не посмотрели, есть ли дорога от деревни. Тропка вон ведет же куда-то, а по карте дальше еще деревни есть. Не бойся.

В середине дня, мимо каких-то круглых провалов вдоль речки – Мур не сразу понял, что это были заплывшие землей провалы старых кустарных шахт – они пришли к руинам другой деревни. Егоша осталась валяться на отмели, а они пошли искать дорогу. И не нашли. Егоша как знала, что суетиться бессмысленно. Улицы заросли, домов не осталось, только в бурьяне и крапиве – груды обрушившихся серых бревен, дранки, кирпичей. В груде склизких досок, на которых еще оставались следы синей краски, валялась чудом уцелевшая стеклянная табличка с остатками букв: «..почто… отделен… СССР… пос. Мерзлые Каши». В стороне над рекой торчала белая, словно окровавленная от битых кирпичей в кладке, маленькая церковь, зиявшая пустыми окнами; под стеной в бурьяне валялась деревянная, в кованой обвязке, полуистлевшая луковица с нее. Внутри церквухи только плесень и мох по грудам кирпичного боя, битые бутылки, стреляные гильзы от АК да пакостные надписи, – вера погани. Не хотел бы он тут к ночи задержаться: черти тут, похоже, гавканьем не обойдутся.

Посреди деревни лежала круглая, словно вытоптанная поляна, в центре которой трепетала миллионами листьев жуткая осина – или несколько. Словно пять или шесть молодых деревьев кто-то всунул когда-то в грунт и перекрутил между собой – вот осины так и росли, завязанные в узлы, искореженные, озлобленные. Дороги никакой отсюда не было видно. Да и куда? Жутко. Неужели все сообщение шло по реке? По такой узкой уже здесь, мелкой?

[41] Паршивый лысый (манси)

И ветер шумел в черно-зеленых вершинах все сильнее и гуще. Как бы не нагнал ненастье. Галька села в траву возле Егоши, и, как псине какой домашней, скормила печеньку из ИРП. Вздохнув, Мур вытащил из рюкзака, рассмотрел карту, хотя и так помнил, что тут на местности, до последней черточки. До всяких дедовых зимовеек-полуземлянок и тайных избушек было безнадежно далеко. Как это в доисторические времена люди осваивали эти края? Он посмотрел вокруг: и чем тут жить? Хлеб не растет, значит, охота и рыболовство? Век за веком?

Они поели и пошли дальше. Топ-топ. Егоша то пропадала, то показывалась и шла позади Гальки. Шкура ее от лучей солнца сияла скользящими золотыми пятнами. Сопровождала – чтоб даже комары их не кусали. Тут медведей полно в лесах – а к ним вон ни один не сунулся. Никто, ни волки, ни кабаны. Ни даже эти… Гавкающие черти. Может, она так же и людей отпугивает. Ну не может же быть, чтоб вокруг – никого? Вон рыба в речке то и дело плещется. Где ж рыбаки? Где ж всякие сплавщики, туристы, охотники? Старатели? Неужели весь этот край Урала просто пуст? Или люди вроде отца всех распугали, как Егоша гнус? Или Егоша ведет их не по реальному миру, а по краю какой-то подмирной изнанки? Потому что все, что вокруг, не похоже на настоящее.

Да нет, на самом деле это просто сам Урал такой. Солнце, а лес мрачный. На том берегу Колвы – так и вовсе жуткий, шумит от ветра. Черное пространство, пробитое ослепительными копьями. Где-то на том берегу – ЗиЛок. Вернут ли его деду? Вряд ли. Наверно, спасибо, что его, Мура, вернули. Во всяком случае, прогнали. Или – отпустили? Откуда же приплыла серая «пелла»? Но тут столько укромных притоков, которые они с Галькой могли пропустить. Столько заводей и затонов. Да они, в общем, и не вглядывались. Был бы Мур один, он бы попробовал переправиться и разведать, что там. Потому что ЗиЛок жалко.

А так, в общем… Безразлично. Судя по геофизическому оборудованию, наверно, отец занимается серьезной геологоразведкой, а судя по режиму секретности – делает это противозаконно. Бедный дед. Наверно, отец и втравил его во все эти разборки. Кто-то где-то делит этот кусок недр под черными елками и ольхой. Да и до гор тут уж близко… Если не пешком идти, конечно. Может, потому его и зовут горным, что не в тайной силе дело, не в том, что душу запродал Подземле, а в промысле этом? Из которого не выйти, как ни бейся? Так и останешься навсегда «в горе»? Что-то чувствовалось тут сильное, враждебное, жестокое, как большие деньги. Чей это промысел?

К вечеру Галька скисла. Хромала сильнее, и Мур сделал привал. Ела кое-как, потом уснула сидя, привалившись к сосне. Курточка ее вся испачкалась в смоле и травяном соке, из рукава был выдран клок. Егоша свернулась черным клубком – и на глазах растаяла, исчезла. Ей легче быть или не быть?

Что ж дальше-то делать. Куда выводить Гальку? Мур сидел и думал, думал, думал. Вот идут они по тропинке, которую люди несколько веков вытаптывали по всем петлям реки, значит, у них была цель тут лодки проводить в верховья по этой тропе – запряг лося, и вперед, пусть тащит?

Запиликало. Он с недоумением оглянулся – телефон? У кого? Ой. Да это ж его телефон, по которому колесо ЗиЛка проехало… Раздавленный… Мур схватил рюкзак, выковырял со дна аппарат: ну не, непоправимо, корпус всмятку… Сквозь трещины с черного, в радужных пятнах экрана читалось: «Систра Д».

– Это чего? – Галька проснулась. – Он же сломанный?

Вызов смолк, гаджет снова сделался трупом. Будто и не передал вызов из Ледяной пещеры, с зимой еще разрядившегося телефончика в разноцветном бампере, который Галька там потеряла, выронив то ли в щель меж глыбами, то ли в бездонный сифон с сульфатной водой. А горная девка, небось, нашла. Представилось, что та, глиняная, вылезла из ледяного водопада, нашла вай-фай под воронкой, накинула Долькину «малахитовую» шубку на мертвые плечи и сидит, развлекается, тычет гипсовым пальцем в телефон. Муру захотелось зашвырнуть

свой раздавленный гаджет в речку, и пусть лежит – до скончания времен, наверно, успеет раствориться. И говорить Гальке, что эта «Систра Д» звонит, когда вскоре случается что-то плохое, не стал. Плохого много может случиться. Даже если с Долькой… Или с дедом… Совсем плохо, что они с Галькой могут сделать? Бегом в город бежать? Поэтому ответил:

– Глюк какой-то. Отдохнула? Смотри, еще совсем не поздно. Может, еще немного пройдем? Иди впереди, как можешь, в твоем темпе пойдем. А то ночевать тут все равно нельзя: низко, сыро.

– Ну пойдем, – Галька неловко встала. – Не, не выкидывай телефон. Там же литиевая батарея, она для леса ядовитая. Донесем уж до помойки. А то я вон зимой в Ледяной пещере потеряла свой, а от него и бактерии, и всякая дрянь – плохо это, – Галька, чуть не плача, озиралась, будто заново осознала, как безлюдно кругом. – А что ты дразнишься. Природу надо защищать… Даже если она… Такая вот… Страшная.

Лес. То есть не лес – а парма. Реликтовые хвойники. Говорят, с каменного века. Неужели вся планета когда-то такой была? Отсюда веришь, что во всем мире ничего больше нет, только парма. Ее вон даже черти боятся. Тут даже елки и пихты – и те хмурые, черные, как плакальщицы.

А самое страшное – сгинуть тут проще простого. Так что как бы ни было нудно брести вдоль всех петель речки – а отходить нельзя. Компаса нет.

– Мурчисон…– Галька снова села на поваленное дерево, да так и сидела, не шевелясь и опустив голову: – Что-то мои батарейки – все.

И Егоша запропастилась.

Солнце зашло, стало холодно. Мимо по краю полянки проскочил кто-то маленький и полосатый – бурундук? Леший? Еще одна ночь в лесу. Как же выбираться-то? Пока целы? Мур с опаской посмотрел на рюкзак, где лежал сломанный телефон. «Систра Д.» всегда звонит, когда вот-вот плохое стрясется. Он бы что угодно отдал, чтоб схватить Гальку в охапку и перенестись с ней в город. И лучше даже не в страшную Пермь, а в понятный Петербург. Мур вытащил карту. Вон недалеко еще поселок на карте отмечен, только вместо названия у него почему-то цифры. Немножко не дошли. И… И точно не стоит туда идти. Ни сейчас, ни завтра. Даже если серая «пелла» приплыла оттуда. Потому что… Лагерь это. Зона. И не стоит проверять, брошенный с советских времен или нет.

Галька вдруг стала срывать под ногами какие-то круглые листочки, складывать их один на другой. Потом поднесла ко рту – Мур прыгнул и перехватил ее руку:

– Ты что?

– Что… А… Ой. Я думала, это шаньги…

Мур сел рядом и крепко обнял ее:

– Я тебя люблю, Галька. Мы выйдем отсюда. Мы ведь даже из пещеры вышли. И тропы этой на карте нет, так, пунктир в горы, откуда Колва течет. Нам смысла нет туда идти. Это не к людям дорога, а наоборот. Старые вогульские тропы к перевалам в на ту сторону хребта, к Пурамунитур[42], к Маньпупунер[43].

– К-куда?

– Да останцы каменные на вершинах. Нелюдское место. Древние манси там жертвы приносили.

– Что же нам делать?

Муру стало больно от тоски в ее голосе.

---

[42] Пурамунитур (Пурминский камень, Пурма-Мунит-Ур) – гора высотой в 1075 метра на границе Свердловской области и Республики Коми, входит в состав хребта Поясовый Камень. На горе расположены скалы-останцы.

[43] Маньпупунёр, останцы или столбы выветривания (мансийские болваны) – геологический памятник в Троицко-Печорском районе Республики Коми России, 7 столбов причудливой формы

– Прятаться, отабориваться и спать. Утро вечера мудренее. Пойдем все-таки поищем посуше место.

Ему приснилось, что Галька сидит на камне возле самой воды, большой-большой воды, даже не понять, река или озеро, или даже море, ярко сверкающее на солнце. С ней еще две девчонки, маленькая и побольше. Старшая, в синем, расшитом всякими камешками, бляшками и ни на что не похожими узорами длинном наряде, в непонятном голубом головном уборе с лентами и гирляндами серебряных дисков заплетает ей косу. Младшая подает ей гребешки, ленточки. Но ведь у Гальки нет косы… У младшей лица не видно, так завешано украшениями с головного убора, у старшей – длинные-длинные, аж до земли, светлые косы, а лицо в тени, не различишь… Кроме глаз. Сияющих серебром. Она смотрела на Мура без улыбки, насквозь:

– Нанки ёмас юртхум. Пглтал хум.[44]

Мур почему-то понял ее и смутился. А еще подумал, что она похожа на Синюшку из сказов Бажова… И проснулся. Со странной мыслью, что вообще-то хорошо иметь такого друга, как Егоша. Друга? Он даже сел. Вокруг – серая тишь. Лес замер и не шевелится, как каменный. Рядом Галька, под елкой – стопка ИРП, которые они на ночь вынули из спальника – не так уж много осталось. Он накрыл спящую Гальку своей половиной спальника, пошел к близкой речке. Вода чуть слышно шлепала в глину, чуть выше в край берега густо росли кусты дикой сосыг[45], блестели неспелыми ягодами. «Сосыг»? Почему он так подумал вместо «смородина»? Может, это Егоша все еще в его голове? Это она устроила такую серую тишь? И, как тогда зимой она стала целым снегопадом, то теперь вот она – не туман, но серая влажная дымка? И надо успевать что-то делать? Он вернулся на тропинку и пошел посмотреть на брошенный лагерь. Может, удастся… Сам не знал, что. Разведать? Пелла-то только оттуда могла приплыть.

Он прошел еще немного, чувствуя, как от страха холодеют ноги под коленками. Воздух пах чем-то древним, болотом и хвощами, мокрым песком, землей, хвоей. Впереди вон деревья редеют и вроде как за ними открытое пространство за дощатым, местами повалившимся забором. Он чуть не наткнулся на громадный моток ржавой колючей проволоки и замер. Попятился. Дальше валялись еще мотки, какие-то бревна, гнилые доски. Дальше, сквозь провалы в заборе, видно свежие, еще светлые столбы, между которыми часто натянута толстая проволока – новый забор такой? За ним низкие, развалившиеся бараки в черных торчащих стропилах, еще какие-то хибары, домишки, какие-то телеги, а подальше торчит, как скворечник, сторожевая вышка в заплатах свежего дерева – и льется откуда-то справа призрачный, ненужный в белой ночи свет желтого фонаря.

Лагерь пуст? А фонарь?

– Не ходи туда. Не надо тебе там ни на что смотреть.

Под кустом смородины, в лодке, сидел одноглазый, серый как из пепла, рыбак.

---

[44] Ты сам хороший товарищ. Отважный человек. (манси)

[45] Смородины (манси)

Глава 8. Между двух вод

1.

В заводи, куда они завернули чуть отдохнуть и поесть, вода была гладкой и коричневато-золотистой, как зеркало на золотой амальгаме. В нем отражались макушки сосен и елок, и прибрежное кружево кустов, и лодка, и их силуэты. По зеркалу во всех направлениях шныряли мелкие водомерки.

– Водомерки – духи, спасшиеся от вечной смерти, – Галька смотрела за борт. – Мы ведь тоже спаслись, Мурчисон?

– Конечно, – Мур, жуя галеты, постарался не подать виду, что опасности теперь лишь прибавилось. И даже когда они избавятся от груза, переданного серым рыбаком, риска, может, станет только больше. Как же уберечь Гальку? Где ее спрятать? – И, если что, Егоша нас прикроет, – он посмотрел, где та шарится по прибрежным зарослям. – Да еще вон у нас какая лодка!

– Да, лодка хорошая, – улыбнулась Галька. – И река хорошая. Мне так нравится, что у нас плавание. Сколько нам надо еще сплавляться?

– Еще километров четыреста, если до Вишеры. По всем петлям-то. Но самый сложный участок, каменистый, мы вроде почти прошли. Но нам еще по одной речке после Бойца подняться надо, это спрятать, – Мур кивнул на груз – драный (и почти неподъемный) рюкзак.

Да, «пелла» была хорошей: легкой, прочной. Течение – сильным; впрочем, Мур бы не поручился, что Егоша, изредка выныривавшая впереди то тут, то там, не управляет струями течений, во всяком случае, вылезать в воду и протаскивать лодку мимо упавшей елки Муру пришлось лишь один раз. Мели и перекаты он легко обходил, отталкиваясь шестом. На корме висел мотор, но отец велел не пользоваться, «Тишком иди, понял? Пока не сплавишься вот до речки, там впадает у нежилого поселка. Там дальше рыбаки ходят, так что шуметь уж можно, да там и вверх подниматься – сам-от не выгребешь». Речку эту Мур нашел на карте, она течет с Полюдова кряжа, и почти у истока речки – еще одна тайная дедова зимовейка. Там надо будет спрятать образцы из новооткрытых пегматитовых жил. «Да попадается в интрузиях немного олова, вольфрама – тьфу, а и петалита[46] есть, да, сподумена вообще богато есть. Литиевые пегматиты тут полями в километр-полтора жильных тел при мощности почти в пятнадцать метров. На, спрячь все. Нельзя, чтоб у тебя или у деда вообще такое в руках видели. Тут вот кунцит, тут – лепидолит, а вот в этой коробке – литиево-фтористая слюда, смотри, ничего голыми руками не трогай, литиевые соединения бывают ядовиты.»

В глаза он старался не смотреть. Мур и сам не мог на него поднять взгляд, только голос слушал – хриплый, почему-то страшный, будто говорит мертвец. А так, конечно, не в Егоше было дело, когда отец кулаками отогнал Мура, забрав ЗиЛ. На месте отца Мур бы и сам не хотел, чтоб сын увидел, чем тот занят – смотрящий на тайном прииске! А ночью Егоша сама и привела сюда, под самый край зоны. Будто ей край было надо, чтоб Мур встретился с отцом. И теперь он тоже увяз в тайных подгорных делах отца, как в вонючем болоте. Мура мутило, и казалось, даже от рваного рюкзака несет сивухой и тухлой рыбой.

Как избежать такой судьбы? А тоже ведь, наверно, жил-был мальчик, камешки любил, на геофак поступил… И Егоша за ним, присматривала, чтоб не попал в беду? Недосмотрела. Не похоже, что этот одноглазый человек будет жить долго. Может, он отравлен уже литием этим или паленой водкой? Может, они даже не встретятся больше никогда. А дед? Как же

[46] Алюмосиликат лития

дед допустил? Почему? В чем тут дело, что отцу приходится торчать «в горе»? В этих диких деньгах? Или в чем?

Неужели всю жизнь теперь так жить, как дед – все самое важное делать в тайне? Скрываться? Жить на цепи тайного бизнеса? А вдруг и сам не заметишь, что стал, как отец, горным вовсе не в сказочном смысле? А просто похороненным заживо на нелегальном платиновом руднике? Отец сказал: «Да платины этой на наш век хватит! И то сначала место малое было, проглядели его во времена поисков платины в середине прошлого века. Дед твой нашел в девяностых, потом вот, по каким-то мутным обязательствам, пришлось пустить в разработку. Так-то все шло более-менее, под моим присмотром в брошенной зоне разместили тайный горнорудный поселок, добыча идет взрывным способом в штольне. Деньги неплохие, всем, и нам, и падлам этим московским, хватало, но… там пошел еще более богатый слой. Столько, что страшно. Я даже задумал родий получать, так оно выгодней; реактивы ты привез, вот налажу все, дело пойдет, может. Вишь, там довольно сложный состав в этих рудах, проблема в том, что муторные процессы извлечения металлов из руд, и температура плавления у них очень высокая. Ну, посмотрим. Справлюсь. Справлялись же еще в девятнадцатом веке… Родий-то дороже, с родием-то я поживу, кто, кроме меня, им его получит среди лесу-то… А то как бы… Ай, ладно. Плохо только, кто-то еще, видно, прознал, раз на УАЗе-то кто-то за вами приволокся? Мож, дед где прокололся, когда тигли покупал и кислоты… Боюсь я теперь что-то. Да еще другим-от фартом пришибло, да как бы не насмерть. Фарт? Литий этот. Полно проклятого. Не знаю, куда его. Хоть сдавай месторождение государству – ну а платина тогда кому? Родий? Это ж какие деньги… И сбыт есть, полно… Ох, не знаю. Посмотрю. Бросить все? Ты чо, с ума сошел? Тут я если не царь, так полцаря, а так… Не, парень, меньше знаешь – крепче спишь. Давай вот в лодку и вали. Я еле вырвался, некогда мне с тобой. Что тебя сюда понесло-то? Я думал, ты давно в Ныробе уж, а то и дальше – да смотрю – курва пришла, крутится, маячит. Думаю, схожу проверю, чего это нянька суетится – а ты вот он. Еще б чуть – и нарвался б на охрану, а у них там соревнование, сколько кто туристов да бомжей поймал и в шахту сдал кайлом махать… Нам нынче руки нужны, да только… Другие б руки-от, грамотные. Химики-технологи нужны, лаборанты… Так, мечта. Сам справлюсь. Ну, что смотришь? Молодой еще судить нас. Раз уж подвернулся, так вот отвези до зимовейки образцы. …Да какое их исследовать, к чему, и так ясно, что литий есть – спрятать надо, мало ли, кому еще показывать потом придется. Доказательства, что есть литий на Урале… Черт его знает, как тут дальше дело пойдет. Литий – это ж… Шанс, словом. На что? Ох, парень, узнаешь, как время придет. А пока что с тебя за спрос – молодой. Ну, деду скажи, мол, тут теперь пока останусь, решать все надо, запасов петалита в норе этой, похоже, больше, чем на Кольском или в Саянах, добывать и добывать. Грунтовые воды только что-то подозрительные, многовато их, не пойму, откуда прет… Для того геотомограф и нужен, отследить, как там что. Ну, еще что деду сказать? Родием займусь, конечно, да; главное, буду вот сейчас пробовать получать литий непосредственно из сподуменовой шихты, восстановителями, ферросилицием или алюминием. И буду думать, как… Чо как? От компаньонов избавляться. УАЗ-то, чо ты приволок – это уж конкуренты, да все той же подлой породы. Мы уж с дедом не чаем, как вырваться. Со всех сторон волки да овчарки. Знаешь? Ах, смс-ки читал… А про что добыча тут идет руками наловленных бродяг или дураков, ну, этих, «вахтовый метод», как же, беглых зэков и прочих нищебродов да алкашей – руками рабов, словом, – сечешь? Траффикинг, как сейчас говорят… Компаньоны-то наши, когда договаривались, сказали, мол, гарантируют наем рабочей силы – а сила-от ан какой оказалась. Бедолаги. Какой там наем. Работорговля, считай. У них по Уралу таких промыслов много… Где изумруды, где жилки серебряные-золотые, где редкоземельное чего. Бизнес-империя, считай. Но литий им не потянуть, не… Рабы? И ты туда же… Конечно, нельзя. Бесчеловечное дело. Зато выгодное. Такой уж тут, в дикой стране… Звериный стиль жизни. Потому ни я, ни дед и не хотели, чтоб ты знал. Изменить-то как? Самого к тачке при-

куют. Осточертело мне… Вишь, дед как узнал про рабов – ясное дело, возбух и потребовал прекратить безобразия. А ему знаш чо сказали? А чтоб сидел тихо и делал свое дело, а то у него в Питере внук-от есть, и как бы не утонул этот внук в Неве ненароком, такое несчастье может быть, не дай бог. Как прознали?… Ну, я виноват, да, может, по пьяни кому проговорился, не помню, ан может, падлы эти сами справки навели, любят они слабые места искать. А ты вона какая мишень, что меня, что деда им через тебя-от запросто прищучить. Ну, я тебя и прогнал давеча, ни чтоб ты лишнего там у нас не видел, ни чтоб тебя там не видели. Жалко мне, чтоб ты… Ну, замарался. Защитить хотел. …Не, дед не знал. Откуда. Позор же мне, прижить пацана да ни разу его не увидеть…Спасибо, мама твоя имени тебя нашего не лишила, я уж сколько лет только этим и утешался… А дед – да, от наших горных бандюков впервые услышал. Ну, конечно, тоже навел справки. Оказалось – правда внук. Нашей породы, мелкий, верткий, жилистый. Мурашонок – такого не подделать. Дед затих, но, ты ж его знаешь. Вечно всех умнее. Решил взять под защиту внука да поглядеть, не годишься ли взамен меня. Подергал знакомства, связи, и отчима твоего пригласила к себе финская фирма – иначе нафиг бы он кому там сдался, пентюх. Ну, а матери твоей дед сам тишком позвонил, иначе она сроду б в Пермь не поехала, вишь, ей тут горестно пришлось по молодости… Дело прошлое, что ворошить. Живи, чо.»

– Мурчисон, ты чего?

– Так, – стать бы в самом деле водомеркой. Чтоб никаких проблем, никакой платины, никакого лития. Никаких мамы с папой, которые живут себе своей жизнью, а ты потом не знаешь, как все, что они наворотили, расхлебать. Ну ладно серый отец, а мама-то! Обманщица! – Что родителям говорить будешь, где пропадала?

– Да им не до меня.

– Ты б видела батю своего, когда ты с кладбища кораблей позвонила. Он… Переживал, – как же хорошо, что Гальку серый рыбак не видел. Как же хорошо, что Егоша очарована ею – иначе и не назовешь. Когда он приволок отцовский рюкзак к месту ночевки, короткие волосы спящей Гальки по всей голове были закручены в полные Егошиной любви косицы. Только бы Егоша не разочаровалась в Гальке и продолжала ее защищать. – Они, видишь, часто… Только делают вид, что мы – ерунда и обуза.

– То ли важности чтоб себе придать, то ли чтоб мы больше на себя рассчитывали, чем на них, – кивнула Галька. – Не знаю.

– На самом деле им тошно, если с нами плохо.

– И наоборот. Ну, Мур, ты ж не виноват, что твой – такой. Не мучайся. Это ж его выбор – жить, как он живет.

– Не уверен.

Мура вдруг пронзило горечью, как молнией. Егоша шумно завозилась в кустах у воды, высунулась из травищи, и взгляд ее попал точно в глаза Мура. И в голове голос той девушки в синем сказал с горечью и гневом:

– Айме паттат, лылытэ минас![47]

Мур кивнул. Но еще подумал, что отец и пришел не только передать образцы, видно, но еще и затем, чтоб Мур его увидел, вот такого вот. Чтоб испугался до печенок. Показался сыну, как есть. Горнорудного ума палата в скукоженном, отравленном теле. Мол, был у тебя отец, да весь в гору ушел.

Егоша перепрыгнула с берега на нос лодки, почти не качнув ее. Пробираясь на корму, задела Мура мокрой шерстью, и печальный голос в его уме тихо сказал:

[47] Из-за того, что выпил, душу отдал! (манси)

– Минкемнт сорум, ат минкемнт – сорум, кит витыг халт хоталь салтегум?[48]

2.

На моторе вверх по речке они прошли часа за четыре. Потом Мур хотел оставить Гальку с лодкой – Егоша опять запропала – а сам бы оттащил рюкзак. Потому что зачем Гальке-то ломать ноги по лесу да по курумам, но она посмотрела как на идиота, сунула в рюкзачок два ИРП и сказала:

– А лодку мы спрячем вон под елкой, годится?

Годилось, потому что ветви почти рухнувшей, перегородившей речку елки свисали в воду и как раз скрыли «пеллу», будто кто нарочно устроил из елки такой эллинг. На самом деле Галька права, потому что Мур бы с ума сошел представлять, как к ней подкрадываются браконьеры, медведи, кикиморы, менквы. Вместе спокойнее.

Какой же тяжелый рюкзак. День туда, вверх по склонам через море курумника – раскрошенных за миллионы лет, рассыпавшихся гор. Раньше не верилось, что Урал был высотой под девять тысяч метров, как Гималаи, но посмотреть на эти миллиарды миллиардов тонн щебенки, заполняющих предгорья, и поверишь… Или под девять километров это был другой Урал, в конце палеозоя? Дед говорил что-то… И Хребтов тут было несколько, и морей. Что камни тех времен, двести пятьдесят миллионов лет назад, до нас не дошли, их размыло многими водами. В Мелу вроде уже была равнина… Потом опять поднятие… И весь вот этот разрушенный в курумник массив, эти горы, эти останцы – это неотектоника, по мерке планеты. Мур отвлекал себя, чем мог, чтоб не сдохнуть под этим проклятым рюкзаком. Галька даже ревела – жалела его. Он ей даже разрешил в котелок несколько образцов, запаянных в мутный пластик, отложить, и в рюкзак пару взять…

Они поднимались какой-то старой тропой, которой, наверно, тысячи лет. На гладких местах, затянутых ягелем, как шкурой, видна была узкая колея, Мур не сразу понял, что от нарт. Да, наверно, перегонные тропы манси. Ягель ведь ели олени. По сторонам попадались то выложенные из курумника стрелы, то каменные пирамидки, подальше сквозь мхи прорывались полосы острых невысоких останцев, скошенные и страшные, как зубчатые хребты подземных ящеров, того гляди, выпростают из-под мха, стряхивая землю и песок, каменные черепа с зубастыми пастями. Когда налетал ветер – выл, и, чем ближе к перевалу, тем громче и ужасней. Наверно, так выли ящеры. Оказалось, там груда темных, в пятнах лишайника острых камней, которые веками приносили сюда люди, а в вершину воткнут длинный плоский камень с дырой – в ней-то и воет ветер.

В общем, дошли. Вниз было легче. Ночевка в полуземлянке, которую в чернолесье, да еще и впотьмах Мур еле отыскал. Ночной ливень. Отоспались, поели. Утром, лишь чуть разъяснело, обратно. Налегке – хоть в полет. С горы, на ветрах, с ягелевых пастбищ, от воющего камня открывалось бескрайнее, безлюдное каменное пространство, а в синих низинах – хвойное море. Хоть воображай себе, что в первобытные времена попал. Горы, склоны, дали под небом… Что скрывают эти склоны? Что там внизу, под ягелем, под скалами, под шубой леса?

На обратном пути, на мокром курумнике, Галька, как Мур и чуял, подвернула ногу, и пришлось тащить ее, ящерицу, на спине. А это не быстро. Надо под ноги смотреть: грохнуться вдвоем да ободраться – катастрофа. Тяжело, хоть она куда как легче отцовского рюкзака, – зато жарко. А это кстати – погода совсем испортилась, похолодало. Небосвод опух и потемнел, как кровоподтек; то и дело налетал такой силы сырой ветер, что видно было, как в долинах здоровенные елки и сосны все вместе гнутся, как волны, машут лапами, и парма в самом деле становится похожа на зеленое море.

– Молния, – сообщила Галька в ухо. – Далеко. Но страшно.

---

[48] Отправлюсь в путь – смерть, не отправлюсь – смерть; куда я денусь между двух вод? (манси)

Он и забыл, какой у нее бархатный, низкий голос. Вернее, давно привык и не обращал внимания. Надо уходить скорей с каменистого склона, прятаться. Но пространство вокруг будто застыло, как ни перебирай ногами. Только небо двигалось – летело поверху черными и фиолетовыми низкими тучами. Кромка леса внизу, вдоль какой-то речушки, притока той речки, гда спрятали лодку, безнадежно далеко. А на севере опять выросло слепящее, от неба до земли, лиловое дерево. Минуты две спустя донеслось рычание грома. Егоша, трусившая впереди, на ходу повернула морду в ту сторону – и тут же там опять выросло перевернутое дерево. Мур прибавил ходу. С севера шла серая стена дождя. Капли разбивались о камни, рассеивались туманом, и казалось, под струями дождя бегут к ним белые дождевые люди.

Крупная первая капля врезалась ему в висок, когда до деревьев оставалось метров сто. И тут же полилось, да так, что под ногами потекли речки, на глазах вспухая грязной жижей. Галька весело завизжала. Егоша вдруг развернулась и помчалась обратно в дождь. Ну нет, и Мур доскакал до леса и сгрузил Гальку под первой же елкой погуще. Ливень, конечно, пробивал хвою насквозь, но под зелеными лапами хотя бы можно было дышать, не захлебываясь. Струи лились меж хвои серебристыми прутьями клетки. Молнии рвали тучи все чаще и громче, лупили в близкий гребень горы. Сильно пахло озоном и электричеством, и стало жутко. Будто вновь наступили первородные времена мезозоя. Казалось, молнии колют камни и курумник в щебенку. Можно представить, что оказался в позднем триасе, когда такие ливни миллионы лет разбивали и размывали горы… Ну не, жуть.

Человек все-таки очень маленькое существо. Уязвимое. Даже для нынешнего антропогена. Перебежками Мур утащил скользкую смеющуюся Гальку дальше в лес. Треск и грохот стоял такой, что, откройся дверь в подземное царство – он прыгнул бы туда, не раздумывая. Насчет Гальки он не был уверен – этой ливень нравился. Выставляла руки из-под елки, набирала в ладошки воду, умывалась – и сияла. Егоша исчезла. Свалила, наверно, в близкую речушку, залегла там на дно. Он увидел близко друг к другу растущие три елки и, обламывав сухие сучья, затащил Гальку между тремя стволами – там посерединке даже хвоя внизу была сухой. Сам сел, привалившись к стволу снаружи – по ногам лупило – и закрыл глаза. Так устал, что боялся стать землей. Мокрой насквозь. Ледяная вода низвергалась с неба, елки метрах в пяти уже не различить. Наверно, придется ночевать прямо здесь. Вот утихнет гроза, попытаться запалить костерок, обсушиться, Гальке нельзя долго в мокром… В ливне на фоне елок ему привиделась худая человеческая фигура. Она постояла и начала танцевать. Ливень танцует вместе с ней. Блазнит? Нет, правда. Гибкая девушка в странном платье, с длинными-длинными косами – где-то он ее видел… А! Это ж Егоша, та, что снилась, только теперь вся из воды. И она знает, что он ее видит. Ее жесты древние, точные, немного страшные, и мелодия дождя повторяет их шорохом и плеском. Она будто заклинает танцем не дождь – а что? Судьбу?

Вдруг ослепило бело-голубой вспышкой и сразу бабахнуло так, что Галька заорала и вцепилась в плечо.

– Промахнулась, – весело подумал Мур про молнию. И почему-то решил, что дальше все будет хорошо.

Егоша исчезла. Ливень на поляне плясал сам, один, шумел, но над головой, с хрустом ломающихся сучков, с шелестом хвои зашумело что-то еще. Мур задрал голову, высматривая – и тут же громадное черное чудовище, мазнув его мокрыми жесткими перьями по лицу, шваркнулось в ноги. Галька завизжала и тут же смолкла.

– Глухарь, – еле вспомнил Мур, как называется эта огромная, великолепная птица с красными бровями. В учебнике природоведения, в котором он когда-то видел такую, было написано, что глухари едва ли не ровесники динозавров. Оглушило беднягу. Они подождали, но птица не подавала признаков жизни. – Помер. Жалко.

– Жалко, красивый, – Галька вылезла из елок, гладила глухаря по синим перьям шеи, по мощным крыльям. – Ох как жалко. Давай съедим?

А еды у них с собой не было, только спички из ИРП, который они поделили утром – Мур надеялся успеть до ночи к лодке. Только как запалить костер? Льет уж потише, но щепки сухой не найдешь…

– Дымом тянет, – сказала Галька. – Чей-то костер? Я боюсь!

Мур похолодел. Что, уже погоня? Засада? Но какой костер под дождем? Чтоб не трястись зря, потихоньку отправился на разведку. Да везение правда на их стороне: никакой это не костер, а молния! Ударила в кривую, уже рухнувшую вниз верхушкой к воде сосну, сползающую с высокого песчаного берега, и она себе спокойненько, уверенно горит снизу, где ствол не поливает дождем! Впрочем, тот все слабее, и гром порыкивает все дальше.

Мур натаскал под выворотень, образовавший что-то вроде зонтика, палок и веток, подпалил в жарком небесном огне обломок посуше, подсунул под мокрую кучу дров, потом еще. Чадя и шипя, дрова начали прогреваться, сохнуть и наконец занялись. Галька грела белые сморщившиеся руки и улыбалась, а от рваных джинсовых коленок ее шел пар. Муру стало легче на сердце. Он пристроил над огнем котелок с водой, натаскал еще дров; ржавым, найденным в зимовейке ножиком отпилил глухарю лапы и крылья (главное, сделать лицо суровым, чтоб Галька не догадалась, что жалко реликтовую птицу до слез), располосовал и выпотрошил, насыпал внутрь соли и перца из сбереженных хозяйственной Галькой ИРПешных пакетиков, густо-густо обмазал его поверх перьев глиной из обнажения под краем обрыва, закопал его в угли, и сел греться в недоумении: и чего ж это так везет? Какая платина, какой литий? Какие проблемы вообще? Да кроме дождя, рябящего по узкой речушке, мокрого леса, низкого неба – ничего и нет на свете. Дождик утихал. В котелке забулькало, умница Галька, уже не сильно хромая, сходила в край леса, нарвала молодых побегов черники и листьев смородины, бросила в котелок – и опять запахло зеленым счастьем. Правда, примешивался такой вкусный запашок из глиняной скорлупы с глухарем, что потекли слюнки. Но еще рано, и, чтоб занять себя, Мур занялся подготовкой к ночевке. Нашел длинных сухостоин, приволок, комлями уложил в костер, чтоб шаяли потихоньку; стволики поменьше пристроил к выворотню как основу козырька; пошел резать пихтовый лапник, насквозь мокрый – стряхивал воду, пристраивал ближе к костру, чтоб обсох. Запахло еще и новым годом. Интересно, смог бы он вот так, как первобытный, прожить всю жизнь?

Галька вздрогнула и схватила его за локоть:

– Ой. Поезд. Слышишь?

– Показалось.

– Ты слушай.

И правда. Далеко-далеко, на пределе слуха, Мур сквозь гул леса и затихающего дождя расслышал железнодорожное эхо. Примерно там, куда текла Колва. Но ведь там… Железной дороги никакой нет? Он вытащил карту – нет. Далеко только очень, в Соликамске. За горами, за долами, за меандрами рек.

– Мне не почудилось, – беспомощно сказала Галька, приложив ладони раковинками к ушам.

Мур тоже сделал так и снова стал слушать – стучал только пульс. Он махнул рукой:

– Ну, может, еще услышим.

Дождь кончился. Лес встряхнулся и задышал во всю мощь своей реликтовой ботаники. С веток капало, а сбоку из-под тучи вылезло вечернее солнце и подожгло все миллионы капель в лесу. Все сверкало рыжим золотом. Мур отгреб угли, выковырял палками глухаря в глиняной скорлупе, загреб угли обратно – щедрый, ровный, золотой жар. Твердая, обжигающая глина откалывалась кусками, и вместе с ней отрывались и перья, и куски шкуры. Егоша вылезла из воды и крутила носом. Галька, прихватив лопухом, отодрала глухариную ногу и урчала над ней и мурлыкала, потом отодрала остаток крыла с куском грудины, отнесла Егоше. Та ничего, стала есть. Тоже урчала. Мур и сам урчал: настолько вкусной, с горьковатым привкусом хвои,

лесной дикой еды вообще в его жизни никогда не было! Глухарь большой, съесть за раз не смогли, прикрыли лопухами, повалились на лапник под козырек, в пихтовую прогретую нору. Накатывал сон. Галька дышала теплом в лопатки, ноги грел золотой жар, дальше шаяли дрова, и синий дымок лентой тянуло над речкой. Если смотреть вбок из-под пихтового козырька, видно было, как вдали над речным оврагом в разрывы облаков светит белое и бездонное, с сережкой месяца, июньское небо.

Он проснулся от далекого грохота – почудилось даже, что содрогнулась земля. Гром? Снова гроза? Разорались, заметались птицы. Где-то рядом истошно каркала ворона.

– Это чего? – Галька тоже проснулась. – Меня как будто подбросило. А птицы чего мечутся? А Егоша где?

Мур вылез наружу. Егоши было не видно. Солнце поднималось все выше, ворона покаркала еще и замолчала. Мур прислушался – вроде все тихо. Почему ж так не по себе?

– Тут где-нибудь… Лягушек ловит. Вставай уже, утро давно!

Мур расшевелил костер и, чтоб остатки глухаря быстрей подогрелись, решил порезать его на куски и нанизать на палочки. Раз кусок, два кусок. Галька вылезла из пихтовой норы и пошла – почти не хромая – умываться. Ножик вдруг шкрябнул по твердому: зоб! Это бросить, это он хотел отрезать и прикопать… Под ножом блеснуло. Мур расширил разрез и вытряхнул содержимое зоба на вялый лопух: еловые семена, окатанные кристаллики кварца, черные и серые камешки… Золотинка… Ой. Он поковырял в липкой кучке кончиком ножа. Еще одна золотинка. Косточки еще каких-то семян, перетертая хвоя… А это что? Серовато-бурые полупрозрачные камешки, на вид бросовые… Но Мур видел такие в подвале у деда. В дальних закромах, в сейфе. Выбрал их все, и золотинки тоже, побежал к Гальке, сполоснул в речке и протянул на ладони:

– Галька, вот, это тебе глухарь подарил!

Солнце одним лучиком тронуло камешки – и один чуть блеснул. Алмаз, да.

Зеленым виляющим коридором они плыли и плыли сквозь парму. Сначала по притоку, потом спустились в Колву. Через полверсты она повернула, и…

– Ой, Мурчисон… Поезд!

На новом мосту из двутавровых балок, опиравшихся на пару бычков, стоял состав. Пах железом и мазутом так остро, что не понять, как они не унюхали его издалека. Настоящий, хвостом уходящий далеко в лес, из пассажирских вагонов, но…

– Я боюсь. Чего он… Такой черный?

Мур затабанил веслами, через плечо разглядывая перегородивший мир состав. Егоша встала лапами на носовую банку, вытянула морду, принюхиваясь. Загривок у нее встал дыбом. Поезд был длинный, ржавый, в черных потеках с крыши – может, он всегда тут стоит? Уже много лет? Но шпалы новые, бетонные, и мост еще не ржавый, и рельсы-то вон, блестят, накатанные. И контактная поверхность колес тоже блестит. Да и не вонял бы он так мазутом, если б ржавел тут сколько-то лет. Живой поезд, воняет и углем тоже: вон на левом берегу впереди два тепловоза в сцепке – логично, что два, им же состав в гору переть… Только куда в гору-то, там нет… Ничего там нет… Кой черт он тут встал, а не спрятался в лесу? И еще чем-то наносит от ржавых вагонов, тухлятиной какой-то. Окна замазаны краской или вообще вместо стекол вставлена замызганная фанера. Весь в угольной пыли, местами даже краски вагонов не видно. Самое страшное, что поезд звучал и, казалось, подрагивал. Бормотал, ворчал, шипел – кем набиты его вагоны? Куда везут этих пассажиров? Да и… Пассажиры ли это? Бормочут, ноют, но доносится так глухо, будто бормочут вовсе не люди. Как будто полные вагоны какынпунг. А если там люди… Жутью продрало от темени до поджилок.

Какое же счастье, что они тут, снаружи, где небо, воздух, река и лес, а не внутри у этого железного червя перевариваются. Лодку несло под мост. Ждать тут, пока состав уедет – нельзя.

Мало ли кто из вагона вылезет проветриться. Мур мягко направил лодку между быками. Галька сползла с банки вниз, обхватила себя руками. В громадных ее глазах отражалась поперек неба черная полоска моста и состава на нем.

– Ничего, ничего, – прошептал Мур. – Мы тихонько. А они слепые, наверно…

Егоша загудела. Мур сосредоточился на том, чтоб не зацепить веслами кое-как обтесанный, в грубых запилах гранитный бык, мимо которого несла лодку стремительная вода. Накрыло тенью и вонью… И они выплыли словно в другую реку. Пересекли жуткую границу между раем вчерашнего зеленого дня на маленькой речке и реальностью.

Егоша оглянулась, перестала гудеть и свернулась клубком на носовой банке. Минут через десять Колва опять повернула. Мур выдохнул и сильнее заработал веслами, чтоб не сбиться со стрежня.

Что на дедовой карте этой железной дороги нет – понятно, дорога-то вон, новая, в лесу по берегам насыпь невысокая, неширокая без обочин – просто просека меж деревьев, и рельсы. Все равно незаметно такую не построишь. А может, там какая сталинская узкоколейка, лес там или что возить, была, так – подновили? Поезд, наверно, недавно прибыл? Они ж слышали его вчера? И просто ждет, когда можно будет выгружать пассажиров? Так, ладно, куда ведут рельсы? А откуда? Если идти туда, откуда приехал поезд, ведь можно выйти на главную магистраль? Нормальная железная дорога кончается далеко, в Соликамске…

– Мурчисон, что это за поезд?

– Не знаю, – на самом деле он догадался: это похоже на этап. – Мы с тобой к этой железной дороге даже близко не подойдем. Сказки кончились.

– А взрыв? Ну, бабахнуло-то утром?

– Не знаю, – взрыв и правда был слишком мощный для шахтного.

Колва набирала притоков, стала широкой, сильной, страшной. Откуда-то нагнала их большая волна, качнув лодку, быстро ушла вперед. Может, где-то спустили воду, как во времена железных караванов? На просторе пекло солнце, поджаривая темя и плечи, слепило от серебряной воды глаза. И прикрыться нечем. Галька потребовала привал и быстро сплела громадные зеленые венки из трав и молодых березовых веток – и на воде стало легче. Останавливаться, чтоб переждать пекло – опасно. Чем дальше от перевала с воющим ящером, от отца, от страшного поезда – тем лучше. Хотя и на воде, конечно, опасно. Видно их на просторе всему миру. По сторонам пошли скалы-останцы, бойцы, в глубокую быструю Колву то и дело впадали ручьи и речки. Бензин в маленьком моторе давно кончился, поэтому Мур поднял его в лодку, прикрыл лапником. Но река и так быстро и плавно несла остойчивую, легкую лодку. Мур сидел на второй банке от носа и лишь иногда подрабатывал веслами. Вода несет, и хорошо. Егоша в воду почему-то не лезла, сидела на носу, иногда привставая и вглядываясь то в низкие, то в высокие каменистые берега. Может, там медведи? Менквы? Бандиты? Муру тоже казалось порой, что кто-то следит из-за елок и ольхи – тогда он греб активнее. Разок на повороте видели лосиху с лосенком, но те шарахнулись в тальник – толком не успели рассмотреть. По берегам изредка попадались плешины от исчезнувших лесных зон, поселков, староверческих деревень, горных заводиков, ржавели остатки паромов и переправ, иногда поднимались рыхлые светло-серые скальные стенки, по виду – окаменелые известняки с прослоями органогенных обломочных известняков.

Казалось, они с Галькой одни посреди этого страшного края. Пусто. Заброшенный край. Как же тут люди жили до СССР? А после? Мало ли, что никого не видно – это же не пустая земля? Со времен СССР, конечно, как ничейная, даже в обитаемых вроде поселках домишки вон ветхие, всё в руинах, с пустыми кирпичными коробками школ и больничек… Как тут людям жить? Или уж не люди это, а какын-пунг? Только притворяются хорошо?

Колва стала еще шире. Где-то тут вход в самую большую уральскую пещеру, Дивью, но даже думать страшно о Подземле. Скорей бы домой.

Страшный Ныроб (Муру по пути сюда хватило одного проезда на ЗиЛке сквозь умирающий поселок с брошенными зонами) река, к счастью, обходила в нескольких километрах, будто тоже боялась его коснуться, петляла по болотистой низине меж пойменных озер и бездонных трясин. На карте – как лабиринт старых и новых сплетен-петель, как отпечаток огромной бронзовой бляхи, в которой сплетаются силуэты ящеров, зверей и людей. Только бы не ошибиться. Не заблудиться, не нарваться ни на кого.

В вечерних сумерках, когда Галька, не став дожидаться ночлега на берегу, уже спала, забравшись в спальник, головой на рюкзаке, и опять ныл и, не успевая хлебнуть кровушки, подыхал в егошином поле и тихо сеялся на голову и плечи серый гнус, Мур увидел на отмели под песчаным обрывом голую тетку. Почему-то затошнило. Тетка скрючилась на коленях у кромки воды – то ли пила из горсти, то ли умывалась? Туристка, купалась? Из рыбацкой компании? Так привала не видно, никаких палаток – и тихо, жутко тихо. Только зудят комары. Егоша выпрямилась и загудела: утробно, низко, злобно. Встала лапами на планшир, оскалила клыки. Голая тетка, как-то не по-человечески раскорячив колени, приподнялась и зыркнула сквозь слипшиеся пряди мокрых волос, – лица не разглядеть, только челюсть торчит вперед тоже как-то жутко. А еще… Мур зажмурился, но видение тяжелых, обвисших сисек в два этажа впечаталось в глазное дно. Не может быть, нет! Он открыл глаза: ой, правда. Две пары грязных шаров, одна под другой, и к нижней сиське присосался и висит кто-то шерстяной, размером с кошку… Егоша рявкнула, и тетка, не поднимаясь, задом-задом быстро отползла по песку к кустам. А коленки-то у нее назад сгибаются… Мура, едва успел перегнуться, вырвало за борт. Егоша скользнула мимо него и Гальки на заднюю банку и с кормы опять зарычала – лесная нечисть прижала к отвисшему брюху шерстяного детеныша и, скалясь из патл, будто вкрутилась в нору под кустом. Исчезла. В этот миг подняла голову разбуженная Галька, уставилась на него, на рычащую Егошу. На берег – там дыра в нору осыпалась комьями песка, чуть просела – но все равно уже не догадаешься, что под песком – дыра. Так, песок. Мало ли ямок в песке. Галька сказала:

– Егоша, ты чего? Мур? Ты кого видел? Медведя? Вижу, что видел – белый.

– Нет, не медведя – нечисть какую-то видел, – не стал отпираться Мур. – Хорошо, что ты не видела.

Галька съежилась. Вдруг затряслись руки, так что Мур едва удержал весла. Егоша перестала гудеть, свернулась на лапнике поверх мотора, не отрывая взгляда от серой отмели, пока та не скрылась за поворотом.

Приставать к берегам тут не стоит.

Мур греб и греб всю ночь. С рассветом его молча сменила Галька – течение сильное, главное, от берега отгрести, если что, да его разбудить – справится. Егоша перебралась обратно на нос и несла вахту, поглядывая на берега. Мур лег на спальник, закрыл глаза. Плечи ныли. Солнце, еще не жаркое, лежало на щеке, как теплая ладонь. Проспал он, может, часа два – а потом крутил-вертел карту и так и не понял, как это лодка за это время прошла полста километров. Река стала еще шире, просторней, порой попадались оглушительные моторки с рыбаками, а на берегах – яркие палатки туристов-сплавщиков, кто с плотами, кто с катамаранами.

Но они к берегу, хотя тетка с сиськами в два этажа уже казалась приснившейся, старались вообще не приставать, чтоб не наткнуться на каких-нибудь бесконвойных зеков, браконьеров или просто сограждан на промысле. Ну, и кабанов с медведями нельзя сбрасывать со счета. И гадюк с медянками. Как же им повезло, что в парме не было таких встреч. И вообще – везло. Все дело в Егоше? В удаче? Он-то сам никаких подвигов не совершал. Подвиг был бы – самому разобраться с литием и с перспективами его добычи. Никаких хищнических нелегальных разработок он не хотел. Не хотел, чтоб прибыль от реализации лития шла бандюкам, которые торгуют работягами. Неужели ж нет на них управы, кроме тайной силы вроде Егоши? Да и ту от них тошнит. Что ж делать? Сколько не думал, а придумать, как перевести отцов-

ские горнорудные дела в легальное поле, Мур не мог. Стратегия деда, за жизнь наоткрывавшего всяких подземных богатств по всему Уралу, но затаившему их до лучших времен, стала ему понятна. Неужели ж и ему придется принять этот клад да так же, как дед, и передать его потомкам нетронутым?

Он посмотрел на Гальку, у которой из-под венка выглядывал только подбородок и сквозь сухие травинки блестели яркие, как гладь реки, глаза. А вот интересно, Галька любит его сама по себе или это Егошино внушение? Но ведь Егоша Гальку оберегает еще сильнее, чем его. Разговаривает с ней с зимы, а с ним едва пару слов сказала… Как он отдал Гальке пряжку, так вообще не отходит. И… И словно помолодела, шерсть на вид шелковая, двигается плавно. Плавает как нерпа…

От повядших венков пахло баней, но от солнца они все еще защищали, вот и хорошо. Когда на рассвете проходили какой-то еще живой – Вильгорт? Искор? – поселок по левому берегу, среди серых слепых домишек пестревший краснокирпичными, явно досоветскими постройками и разбитыми церквями, на груде серых бревен у воды сидел пузатый мужик в кепке и клетчатой рубахе. Муру показалось, что он только делает вид, что занят удочками, а на самом деле зорко зырит из-под засаленного козырька, будто старательно запоминая и Мура, и лодку. Чего ему надо? Может, пузатому мужику, видать, пенсионеру ФСИН, просто скучно? Просто слишком привык контролировать периметр? А вообще да, они тут с Галькой посреди реки на своей пластиковой лодочке да еще и в мохнатых зеленых венках – все равно что на тарелке, приметные. Опять вернулось чувство, что за ними следят.

Егоша мрачно оглядывала берега. Ей ведь тоже ни к чему их проблемы. Как же он устал. Руки и плечи ныли. Галька молодец, не жаловалась, хотя, конечно, тоже страшно устала сидеть в лодке, затосковала. Муру было больно видеть ее такой тихой. Надо уходить с реки. Там дальше Вишера, потом Кама – но на больших реках в маленькой лодке опасно, даже если с водяной ведьмой.

Чердынь, по здешним меркам большой городишко, они проходили часа в три дня. Небо казалось высоким и твердым, как потолок. Жара. На полузатопленной барже сидели рыбаки и от скуки смотрели на них. Или не от скуки. Один из мужиков, в черных очках, не был похож на пенсионера. Удочки у него не было. Может, конечно, дачник… А может, и нет. Мур посмотрел на городишко. Что ж делать-то… Он, конечно, знал, что это древняя столица Урала и все такое, и при взгляде на кирпичные и белые соборы захотелось взглянуть на них поближе – но лучше… Лучше бросить лодку или продать, и – бегом на автостанцию. Он порылся в рюкзаке, нашел несколько купюр – может, хватит на билеты до Перми?

– Да, – сказала Галька. – Так лучше. Быстрее. Только надо потихоньку пристать, чтоб нас никто не видел.

Они проплыли почти всю Чердынь – домики-домики, над ними изредка выцветшие маковки старых соборов, и Мур уж хотел сдаться и плыть дальше – но, обогнув отмель, нашли подходящее место. Тальник, ольха, за ними – чахлые елки, а дальше – уже улица: ветхие дома, кирпичная серая школа без крыши, с выбитыми окнами, упавшие заборы. Мур причалил к бережку, сложил весла, выпрыгнул за борт, хотел вытащить лодку на берег, но Галька сказала:

– Не надо, – выкинула на берег кроссовки Мура, забрала пустой рюкзак и котелок, сняла с себя пересохший венок и надела на привставшую Егошу. Перескочила, сильно оттолкнувшись, на берег, а лодка от толчка отошла на глубину. – Так лучше. Егоше нравится эта лодка. Говорит, масьтыр хумы варим хап[49]. Сама плывет. Ам ювле палт минегум[50], говорит.

[49] Эта лодка сделана умелым человеком (манси)

[50] Я домой пойду (манси)

Мур ошалело смотрел, как вода относит легкую пеллу с Егошей в венке. Та еще больше привстала, и чем дальше относило лодку, тем больше казалось, что в лодке сидит девушка в венке.

Ну, Егоша всегда знала, что за ними следят.

3.

Галька как забралась на сиденье к окну, так поджала ноги, свернулась клубком и тут же уснула, уткнувшись лбом ему в плечо. Если б не изодранная в лесу одежда, не осунувшееся лицо, казалась бы обычной девчонкой. А так на них, конечно, смотрели. Он косматый, она стриженая; обгоревшие, исцарапанные. Тетки брезгливо поджимали губы, мол, бомжата какие-то. Ну и что. Кому какое дело. Жизнь на Урале полна превратностей. И Галька уж точно не обычная девочка.

А Мур, еще покупая билеты, заметил за углом автостанции пыльный джип с московскими номерами, который среди ветхих домишек Чердыни казался аппаратом инопланетян. И заметил, что, когда автобус, старый ПАЗик, покряхтел и тронулся в путь, джипарек этот ожил, пристроился за неспешным автобусом и так и ехал до сих пор – сквозь заднее стекло, хоть и заляпанное окаменевшей глиной, как на ладони. Даже видно, что водитель в черных очках, а пассажир – в черной маске гигиенической, которые уж давно никто не носит. И у Мура ползали по спине мурашки. А ну как обгонит на глухом отрезке, остановит автобус, и войдут эти отбитые, скажут: «Ну чо, парень, на выход!» Но джип не обгонял. На автовокзале в Соликамске джип встал на краю площади – и оттуда никто не вышел. Галька проснулась, попила водички, но ничего не замечала. Когда поехали, смотрела-смотрела в окошко, улыбалась чему-то своему.

А джип все рулил за автобусом. Даже водитель автобуса уже нервничал и все косился в боковое зеркало. Что ж делать? Выскочить в Березниках или еще где незаметно не получится. И обидно, что затея с Егошей, отправившейся в путешествие по большим рекам, оказалась бесполезной. Но, может, это не за ними следят? А за кем? Замученные тетки за пятьдесят с котомками, парень с девушкой, по виду – студенты, дедушка с внуком лет пяти, которому он все предлагал то булочку, то молока из поллитровой банки, да еще старушка в белом платке с могильным венком, всю дорогу дрожащим жестяными листьями. Никто из них не топил мумии бандитов в карстовых воронках и не утаскивал УАЗики за Колву. Никто не видел черного поезда в облаке угольного смрада.

– Я боюсь идти домой, – сказала Галька, наблюдая за замершим над черной шубой леса розово-пепельным закатом. – И я так и не придумала, что говорить. В правду никто не поверит.

– Правда в том, что я по поручению деда поехал, а ты со мной увязалась. А телефон разбился. Вот и все. Пойду с тобой, и пусть меня ругают. Переживу, – пережить бы еще эту дорогу. Главное, не паниковать, не пугать Гальку.

– Давай попросим вон у тетеньки телефон, – предложила Галька.

Тетенька, суровая и подозрительная, не дала, хоть Мур и показал ей свой раздавленный телефон, вот, мол, почему просим. Зато сами предложили студенты с сиденья позади, и в руках, как палочка-выручалочка, оказался старенький айфон. Вот только… Дед еще неизвестно в каком состоянии, а ничьих других номеров наизусть он не помнил. Поэтому отдал телефон Гальке:

– Звони отцу.

Галька кое-как вспомнила номер. Потыкала. Пошли гудки. Она прикусила губу и даже задрожала слегка. И тут же сконцентрировалась:

– Папа, папа, я домой еду! Папа, встреть нас на автовок…– смолкла. Глаза сделались круглыми и ничего не выражающими. Отняла от уха телефон, посмотрела на экран с завер-

шенным вызовом: – Но ведь я не ошиблась… Это папа был… Я ж не могла… Мурчисон! Мурчисон, он сказал: «Девочка, прекрати хулиганство, Галя дома!»

Водителю ПАЗика джип действовал на нервы. Еще как действовал! На стоянке в Березниках он даже встал, угрюмо разглядывал пассажиров, соображая, кто ж это мог навязать ему такую напасть, потом вылез, курил с водителями других автобусов и с диспетчером, нервно размахивал корявыми загорелыми руками. Диспетчер куда-то позвонил, и на выезде из Березников джип тормознул патруль ДПС. ПАЗик попер себе дальше, патрульный в рубашке, согнувшись, стоял у окошка джипа – но минут через двадцать джип нагнал их, и дальше снова поехали караваном. Водитель ПАЗика стух. Потом вытащил телефон, стал кому-то звонить. Пассажиры тоже забеспокоились. Галька оглядывалась, посматривала на Мура, но молчала, крепко сжав губы. Алмаз девчонка. Что же делать-то? На следующей остановке вышли дедушка с сонным внучком, их встречала бабушка с маленькой собачонкой. В открытые двери пахло мокрой пылью и деревней. Шансов выйти, исчезнуть в белой ночи какого-то поселка не было никаких, джип стоял вплотную к автобусу. Водитель двинулся было к джипу, но струхнул. Прыгнул на свое место, хлопнул дверью, и ПАЗик с отчаянием рванул с места. Но куда ему оторваться от джипа?

А до Перми уже недолго осталось. Там-то их точно возьмут, хоть на автовокзале, хоть на ночной улице: что везете? Что знаете?

Что ж делать-то? Нельзя приводить к деду этот джип с московскими номерами. Надо спасать Гальку и спасаться самому. Мур нечаянно нашел в кармане какой-то камешек, который зачем-то таскал с собой. Серенький какой-то, зачем… А! Это же архейский гнейс! Зажал в кулаке. Странно, но чуть полегчало. Водитель автобуса опять звонил, ругался в трубку. И в километре перед Чусовским мостом патруль ДПС нагнал автобус и тормознул джип уже всерьез: вышли трое в брониках, с автоматами. Их в последний момент обогнул груженый самосвал и, не доезжая до автобуса, свернул на боковой съезд и скрылся в лесополосе, прошитой грязными глинистыми дорогами, по которым подвозили стройматериалы к новому, параллельно проложенному мосту. Навстречу тоже замелькали самосвалы и тонары. ПАЗик, удирая, быстрей завертел колесами, но тут ударило красным светом с временного светофора, и все, автобус резко остановился. Проезд перекрыл испускающий клубы черного дыма тягач, волокущий на многоколесной платформе громадную металлическую ферму. Тягачу надо было ее завернуть на мост, допереть до назначенного места, а потом, видимо, плавучие краны переставят ее на быки нового. Вокруг суетились, махали флажками и фонариками рабочие в ярких жилетках. Как же много людей. Рычали двигатели, слепя, крутились яркие мигалки дорожных работ. Сзади за автобусом вплотную встал пустой тонар – внизу дороги, далеко за обочиной, встречный такой же разгружал гравий, еще их близнецы – перли навстречу по мосту и сворачивали сразу на берег, и уж совсем далеко, за Чусовой, по дальнему берегу было видно крохотные малиновые кузова, прущие гравий к мосту откуда-то сбоку, а не по основной трассе. Внизу по ночной, хмурой реке буксир волок понтон.

– Попали. Теперь надолго, – сказал водитель, открыл дверь и вылез покурить. Сунулся обратно: – Э, кому в Пермь быстрее надо, дык щас электричка в Пальниках пойдет, бегитя. Вона платформа.

Пара теток подхватила баулы и ринулась наружу, матеря водителя, который какого-то ляда не поехал через Полазну, где объезд стройки, а также не добром поминая дорожное строительство и мостотрест. Студенты перешепнулись и вышли. Мур кивнул Гальке, и они тоже выскользнули из автобуса, где осталась только старушка с дребезжащим венком, в серые и вонючие от соляры и табака сумерки. Но не побежали за всеми к платформе, а вдоль автобуса прокрались к тонару. Мур запрыгнул на подножку, заглянул в открытое окно:

– Добрый вечер, простите, вы нас не перевезете за мост? А то у нас денег на электричку нет.

– А дедушка волнуется, – влезла рядом Галька. – Пожалуйста!

– Дак я на Гайву, – растерялся толстяк-водитель в скрученном клетчатом платке вокруг головы. Повыше жгута платка сияла загорелая лысина. – На КамГЭС и за Каму, за Гайву, на карьеры… Да перевезу, малые, чо там! Залазьте! Чо вы у колес тут шмыгать будете на трассе-то!

Немеркнущее небо светилось над бескрайней гладью великих рек.

– …прошла Хребет насквозь и пала в Каму[51], – когда въехали на плотину, сказал водитель, поглядывая вправо на место впадения Чусовой. – Красота, ребятки, а? Вот бы кораблик да и в плаванье по Каме, хоть до Каспия, а то чо, крути баранку…

– А вон и кладбище кораблей, – показала пальцем жестокая Галька далеко на правый берег Камы. – Я уж устала, что тут вся хорошая история уже в прошлом.

– Тогда надо строить свой кораблик, – мечтательно сказал водитель. – А чо? Подбить друзей, а то одному не выдюжить… Лекала найдем, корпус сварим…

Мур только вздохнул. Вспомнил другое кладбище кораблей – куски кают и ржавеющую океанскую якорную цепь далеко-далеко в дремучих лесах за Ныробом. Прошлое, конечно, тут не то что бы хорошее, а очень странное. Он и не представлял раньше, насколько.

Но, в общем, ему было наконец спокойно. Что б сказал водитель, если б признаться, что они только что на маленькой лодке прошли Колву с самых верховьев почти до Вишеры? И что где-то там, может даже, уже по Каме, плывет их пластиковая «пелла»? Галька доедала талый шоколадный батончик, который ей сунул водила, а сам Мур только что на мосту видел великолепную картину: джип нагло обогнал их неспешный, как мамонт, тонар и пристроился в задний бампер ПАЗику. И так, дружным гуськом, те поехали прямо на Пермь, а тонар скоро тяжело свернул вправо и покатил по пустым ночным улицам какого-то пригорода к Каме – а там скоро выросло впереди похожее на странный, какой-то советский замок здание ГЭС с квадратной башней и пустынный по ночному времени, в слепящих фонарях проезд по плотине в Закамье. Им, в общем, туда не надо… Но лучше запутать след.

На рассвете над Камой опять тянулись вороны: будто черный Змей Горыныч взорвался от ярости и распался на миллион жутко орущих птиц. Они шли, и шли, и шли по песку вдоль самой воды. Хотелось спать, хотя в Курье Галька сказала: «Все», и они часа два поспали в кустах на краю пляжа. Закоченели и опять пошли. Денег не было даже на городской автобус. Пермь на том высоком берегу висела в летней дымке, как спустившийся с неба волшебный город, и словно бы решала, причаливать к Каме или нет. Плескались тихие волны, орали вороны. А впереди вырастал в голубом рассветном сиянии Коммунальный мост. Перейти и, считай, дома. Прокрасться в Разгуляй… Поесть, наконец, нормально, а там… Там что-то разрешится. Галька все оглядывалась, наверно, выискивала в беспредельной шири Камы легкую «пеллу». Но зачем Егоше лодка, если она может стать водой? Мур сам выискивал по сторонам темные тени – под кустами, под соснами, и на городском пустом пляже его заставил вздрогнуть черный рваный пакет, который, шурша, прогнало ветерком мимо.

Галька ничего, шла, даже улыбалась, будто близость воды давала ей силу. Золотая девчонка с железными нервами. Но нет, нервы подвели: на мосту прошла метров двадцать, встала. Постояла, зажмурившись, жалобно улыбнулась и взяла Мура за руку:

---

[51] Неточная цитата из «Описания уральских и сибирских заводов»: «Все реки, которые из оного Уральского камня текут в полуденную сторону, те прошли в Сибирь, а которые в полночь, те ушли в Русь. Сквозь те Уральские горы в Русь никоторая река, кроме Чусовой… не прошла, а Чусовая прошла сквозь и поперек их из Сибири в Русь и впала в Каму». Вильгельм де Геннин, 1728 г.

– Высоко. Страшно.

И храбро пошла дальше, жмурясь и прикусив губу. Муру и самому было жутко. Высоко. А из машины почему-то было не страшно… Теперь было чувство, что они пересекают какую-то древнюю границу. Ближе к берегу желтели отмели причудливой формы, а дальше шла Кама – темная, тяжелая, жуткая. Широкая. Пустая. Почему на ней не видно судов? Неужели все – там, за КамГЭСом, на ржавом кладбище? Только вон далеко, у Речного вокзала, который вовсе уже и не вокзал, а выставочный центр, причалены разноцветные прогулочные кораблики. Ноги иногда подкашивались. Галька чуть прихрамывала. Мур чувствовал себя локомотивом, который тащит и так тяжелый состав, а к нему то и дело прямо на ходу прицепляют и прицепляют еще вагоны. А еще идти да идти. Мимо за черно-белым пунктиром отбойника пролетали редкие машины – часов не было, наверно, но, раз встало солнце, уже полпятого-пять утра. Ворон потихоньку всасывало далекое светлое пространство за железнодорожным мостом, в сторону аэропорта, и растворяло в себе; мир делался спокойнее и тише – зато чаще вскрикивали мелкие речные чайки с коричневыми головами и красными лапами, совсем как невские. Мур посмотрел на невыносимо медленно приближающуюся Пермь и стал рассказывать Гальке про Неву и бакланов, про Ладожское озеро и Финский залив, про ночные сухогрузы и танкеры, проходящие парадом разведенных мостов, – лишь бы отвлеклась и не косилась вниз, за перила, в темную камскую воду.

Навстречу со стороны Перми летел большегруз – и, казалось, мост затрясся, когда груженая многотонная фура с прицепом пронеслась мимо, ударив пыльным воздухом и шумом так, что Галька прижалась к Муру. Что-то гулко загрохотало и шарахнуло в отбойник рядом с ними. Мур разлепил глаза и увидел, как чугунная крышка выбитого фурой люка крутится на ребре, сверкая стертой шинами стороной, и с тяжелым звоном наконец брякается на асфальт.

– Могло бы в нас, – сказала Галька. – Ой… ОЙ!

За фурой летел черный джип. Мур потянул Гальку бежать вперед – почему вперед, он бы не смог объяснить, и почему понял, что не успевает – тоже, потому просто сбил Гальку с ног и грохнулся сверху, прикрыв собой. И как во сне, видел, как джип влетел левым передним колесом в зияющую дыру технологического люка, его рвануло вперед и вверх – в синем-синем небе бешено крутились три колеса и одна раскуроченная ось – и, перелетев через отбойник, джип угодил брюхом на высокие перила. Метрах в трех от них. Выл двигатель. Колесо скакало вперед по дороге, от него уворачивались редкие встречки, и, наконец, врезалось в отбойник на той стороне и грохнулось на бок. Мур очнулся и начал отползать. Трясущаяся, ревущая мотором машина качнулась назад, и Мур, еще скорей отползая, потащил за собой Гальку. Та встала на четвереньки и так помчалась, обдирая ладошки и коленки об асфальт. Джип качнулся капотом в другую сторону – за. Обратно. Мелькнул хорошо знакомый московский номер. Снова за. Обратно. Кто-то черномордый внутри лез спереди назад – но капот перевесил и, сильно клюнув, джип сорвался. Пахло выхлопом.

Внизу ухнуло. Мур кое-как встал, догнал и поймал все удирающую на четвереньках Гальку, поднял, обнял, пряча, сам посмотрел за перила – далеко-далеко внизу в темной воде расходился пенный бурун. И было тихо.

С другой стороны моста, оставив жигуль на аварийке, бежал дядечка в панамке. Далеко лежало сорванное колесо. Рядом на перилах, в черных завитках ободранной краски, слепяще сиял металл забоин. Останавливались еще мигающие машины, оттуда выпрыгивали еще люди, спешили к ним, перегибались через перила, что-то кричали. Гальку трясло, и Мур все крепче прижимал ее к себе. По руке, ободранной об асфальт, текло горячим и красным. Со стороны Перми послышалось мяуканье сирен.

А в сторонке, из технологического люка посреди полосы, вылезла Егоша, оглянулась на них – и побрела к городу.

Глава 9. Подземля

1.

Дед не умер и Долька тоже. Деда выписали, Долька все еще в Москве с мамой, но ей вроде лучше. Мур и Галька постояли, прижавшись к худому, дрожащему деду. Дед и Галька немного поплакали. Мур как-то укрепился. Суседушка под печкой бренчал блюдцем и тоже вроде бы всхлипывал. Дед недоумевал, откуда вообще взялась Галька, но пока не расспрашивал.

Потом Мур и Галька выпили у деда весь кефир, съели черствые мятные пряники, кроме одного, тот – под печку, и полегли спать. Мур в своей комнатушке почти провалился в сон, но тут же вывалился обратно. Невозможно было не слышать Галькино сопение, не понимать, в порядке она или что. Тогда он встал, взял подушку и одеяло и пошел, лег на пол в большой комнате возле дивана, где спала в белых простынях коричневая от загара и грязи, вся в пыльных полосах Галька. Только бинты на ладошках, что Скорая ей навертела, белые. Пока что. Мур и сам был не чище. Потом. Все – потом. В окно пахло летом, городом. И еще мокрыми лопухами и крапивой – из лога, с Егошихи.

Проснулись они к вечеру. Наконец поели нормальной еды из нормальных тарелок – если считать такими дедовы тарелищи с картинкой парового молота. Дед выглядел покрепче, ожил. Но еду не сам готовил, заказал доставку – значит, сил нет. Ну разве что на донышке. Потом Галька, придерживая ладошкой объетое пузцо и постанывая, ушла в летний душ, а Мур четко рассказал деду про литий, про родий и платину – почти дословно передав слова отца. Дед помолчал и спросил:

– Ну как он?

– Он… Ну, все нужное он мне сказал. Думаю, он… Он был хорошим человеком.

– Хорошим, – горестно повторил дед. – Я ему с родием-то и помог, чтоб он там еще поработал, пожил, а то за одну платину-то, что поперла, ему б башку-то давно свернули… А чего, дело налажено, на кой он им… Так, глядишь, еще поживет. Они ведь терпят только тех, кто нужен, зверюги…

– А литий?

– Ну, литий… Я б государству сдал. Обнародовать сведения о литии, так придет большой бизнес с ЧВК и сроет этот гадский рудник вместе с бандюками большим экскаватором…

– С ЧВК? – испугался Мур.

– А для чего они нужны, по-твоему? Они как раз в девяноста процентах случаев обеспечивают охрану горных работ в диких местах. Разобрались бы в момент… Но… Но не сейчас.

– Просто потому, чтоб он жил и родием занимался?

– Нет, чтоб родием занимался и потому жил… Простишь нас?

– Да за что? Деда, да откуда ж я знаю, как надо было правильно, когда они за тебя взялись и ты сдал им эту платину?

– Вот и я не знаю. Знаю, что отца твоего тож вмешивать нельзя было…Тогда не знал. Что делать будем?

– Что скажешь, – растерялся Мур.

Он возвращался к деду с надеждой, что тот, как колдун, разведет руками любую проблему. А тот лишь вздохнул:

– Так, Петька, это ж твое будущее, тебе и решать.

– Да я всю дорогу думал, что не хочу иметь к этому отношения. Но нельзя же оставить все как есть… Еще бы придумать, что делать. И так проблемы. Дед, за нами от Чердыни москвичи ехали. Мы оторвались на Чусовском мосту от них, на тонар пересели, тот нас через КамГЭС на

тот берег, и мы пешком мимо Курьи прошли потихоньку за ночь. А на Коммунальном мосту… Этот джип московский…

– Видел в новостях. С баржи поднимали со дна краном. Два трупа.

– Это Егоша их убила, в общем.

– Нас-то так свирепо она не защищала, – задумался дед. – А за тобой вон ходит… Да за девчоночкой… Может, ты и не зря Гальке «Бабушку» отдал, может, и убережет.

– От Егоши? Так они уже с Галькой как подружки.

– Ото всего, – дед заметно устал. – Но нам тут, между овчарками и волками позорными, боюсь, и тайная сила не поможет… Вам уехать надо. Спрятаться.

– Не хочу я прятаться, – сказал Мур. – Мне вон документы надо подавать в универ. Экспедиция, понятно, накрылась, но ведь будут же еще. Мне что, так всю жизнь от этих бандюков прятаться?

– Нэ варне варнут хумы ат вермаве, – мрачно сказала неслышно вернувшаяся Галька.

– «Мужчина не сумеет сделать то, что сумеет женщина», – тут же перевел с манси дед и помрачнел: – Тяжело слышать.

– Так Егоша сказала. Я не буду бояться!

Она была в одном полотенце да с «Когтистой бабушкой» на шее, смотрела свирепо – и Мур вскочил и помчался к себе в комнату искать какие-нибудь подходящие штаны и футболки поменьше. Галька милостиво принимала заботу. Надела, что Мур дал, сказала растерянно:

– А как мне сходить за вещами домой? Я юбку хочу. Ту, новую, с синими бабочками…Что мне делать?

Выглядела спокойной, но все это – просто сдержанность, потому что слова папы Богодая «Девочка, не хулигань, Галя дома» и у Мура застряли в уме занозой. Дед, перебинтовывавший Гальке ободранные ладошки, удивился:

– Так я тебя отвезу! Но… Ох… Ты, значит, все время с Петькой была?

– Я от Кунгура в ЗиЛе ехала, он меня не заметил… Меня Егоша привела. Конечно, все время.

– Да я ж тебя на днях видел, когда Богодаю деньги отвозил… Или… Не тебя? Ты худющая, загорелая… А та девчушка светленькая, мягкая… С глазами у нее что-то… Я даже обиделся, что не улыбалась мне даже, да подумал – переживает… Внученька, да чего ж Егоша от тебя хочет?

– Не знаю. Но она… Она нам помогает… Дедунечка, – Галька обняла его, всунувшись головой под подбородок. – Я тебя так люблю! Давай завтра байдарашков напечем! Я помню, как! Деда, дедушка, а та… светленькая… правда я?

А Мур спросил:

– Какие деньги?

– Долли твоей на лечение, в Германии в клинике договорились, поедут вот завтра… Или в Израиле? Забыл я…

– На лечение! Ой, – Галька ускакала и вернулась с драным рюкзачком, порылась там и достала завязанные в носок камешки, вытряхнула на ладонь: – Мы чего нашли! То есть не мы, а глухарь, он с елки свалился, мы его съели… Но вот, можно это тоже Дашке на лечение?

– Ох ты, – дед тронул пальцем грязный алмаз. – С полем! Карата два… А этот вон и все три. Ну, посмотрим после огранки…И золотишко. Хм, богатый глухарь попался. Любят они блестяшки, да. А для сестрички-то… Так сразу не продать, милая, отложи себе в приданое, а сестричке я уж дал… С тобой-то что делать, партизанка?

Утром дед отвез их в магазин за телефонами и одеждой Гальке. Та нахватала футболок и джинсов, и еще разноцветные кеды, и теперь, шурша пакетами, копошилась позади, переоде-

ваясь. А потом, заметив, что дед вымотался, за руль сел Мур, и скоро они подъехали к Долькиному дому. Припарковался Мур подальше от подъезда.

– И долго нам шпионить? – через пару минут спросила Галька. – Это же дом. И… И я… Я ведь щас зареву, не выдержу… Ой… Вон… Они…

Подкатило такси, и почти сразу из подъезда показался папаша Богодай в яркой рубашке, с большими «самолетными» чемоданами. Следом вышла «Галька». Девочка как девочка, в черных солнечных очках в красной оправе. Вполне настоящая. Красивая, аккуратная, в розовом сарафане, но вся белесая, гладкая, будто отлитая из гипса.

– Дурацкий сарафан. Сроду бы не одела, – проворчала Галька, снимая все на телефон. – Нет, ну откуда он взял такую? И что, ему меня настоящую не жалко?

– Он думает, что это ты, – Мур тоже снимал.

Дед молчал, нахохлившись на пассажирском сиденье. Потер грудь слева, вынул из бардачка лекарство, выпил. «Галька» обошла такси и была теперь как на ладони. Белая вся, да, и потому странная. Почему-то казалось, что она холодная. Она вдруг оглянулась. И посмотрела, казалось, прямо в глаза Муру. Чуть улыбнулась – как-то виновато, даже жалобно. Помахала ладонью. Таксист открыл перед ней дверь, и девочка плавно села в салон, будто втекла. Такси отъехало и скрылось за поворотом. Слышно было, как шумит машинами улица – и как в небе шумят тополя. Из кафе, где зимой Мур чуть ли ни каждый день сидел с Долькой, пахло ванилью и кофе. Реальность. Он вздохнул, посмотрел в телефон, повторяя видос…

Клон Гальки не отражался в видеозаписи.

Папа Богодай отъезжал один. Вот он выходит, вот поднимает чемоданы в багажник…А чемоданов-то два: один обычный черный, а второй голубой с рыбами. Детский, Галькин. Значит, он в самом деле верил, что дочка с ним? Но ведь и таксист «Гальку» видел, иначе кому он на видео двери открывает?

– Видеть двойников – это не к добру, – сердито шмыгнула Галька.

– Это не двойник, – сказал дед. – Не знаю точно, что за тварь.

Запищал новый телефон. Мур посмотрел: «Систра Д». Звонок оборвался. Знала, наверно, что Мур побоится ответить. Если сложить два плюс два, то понятно, что с этой гипсовой без Егоши не обошлось.

– Кто же это? – сказала Галька, пересматривая и пересматривая пустоту возле такси на своем телефоне. – А мне как жить? Без них?

– Я не знаю, – устало повторил дед. – Столько тайн у природы. За целую жизнь не разобраться… Я… Старался подальше держаться от всей этой чертовщины, старался надеяться на себя. Учебники писал… Понял только, что, когда человеку трудно надеяться на себя, он начинает уповать на силы потусторонние, хоть они с облаков, хоть из пещер… Поехали домой, мне – прилечь бы.

На следующий день Мур поехал подавать документы в универ, и реальность со всеми ее прохожими, трамваями, красивыми девушками, приемными комиссиями, сканами документов, горьким кофе и голубым небом над игрушечными какими-то городскими деревьями никак не давала воспринять всерьез видео на телефоне. Уже казалось, что гипсовую «Гальку» он видел во сне. Настоящей он велел сидеть дома, не отходить от деда (которому, конечно, стало лучше, но мало ли), кашу варить. Она и варила – еще и салат накромсала из укропа и корявых огородных редисок.

– Егошу не видел?

– Нет.

– И я нет…– Галька вытащила из за пазухи «Когтистую Бабушку» и спросила у нее: – Ну что, ты где?

Мура слегка продрало морозцем, и он скорей пошутил:

– В Егошихе отлеживается после похода, – ему и самому хотелось отлежаться – болело все.

– Да там скорей снова заболеешь, чем отлежишься, – Галька вздохнула. – Мурчисон, ты велел кашу наварить? Я наварила, да, гречку, только это… Я проворонила ее немножко… Но есть можно! Пойдем обедать!

Пиликнул телефон: «Систра Д». В сообщении – десяток ярких фоток, и даже видео. Море, пальмы, яркие навесы пляжных кафе, и загорелая девушка с рыжими до плеч волосами, в белом купальнике, с бокалом мохито в руке, вполоборота от камеры, спрашивает у папаши Богодая, что-то считающего на ноуте и тоже попивающего из бокала:

– …еще как-то этих Мурашей на денежки раскулачить?

Галька сунулась поверх его руки:

– Чего?!

Мур нажал повтор, и рыжая, новая Долька опять спросила: «…еще как-то этих Мурашей на денежки раскулачить?»

– Не может быть, – сказала Галька. – Может, она тоже… Клон?

Они пересмотрели фотки: яркая, загорелая, теперь синеглазая Долька – в море, на шезлонге; в красном платье у цветов, потом в белом гостиничном холле с каким-то красивым высоким парнем, то ли турком, то ли арабом; с родителями за ресторанным столиком. Никакая не Германия. И не сказать, чтоб Израиль. Все фотки исподтишка, шпионские – Долька не в курсе, что ее фоткали, естественная. Красивая. И опять поддельная, крашеная, в линзах.

И – абсолютно здоровая.

Муру захотелось расшибить телефон о гранитную лещадь двора. Но Галька выхватила аппарат, присела, скорчившись как от боли; еще и еще, покачиваясь, пересматривала фотки. Мур сел на плиты рядом с ней, обнял, прижался лицом к горячей нечесаной макушке. Галька низко-низко, на пределе слуха, спросила:

– Может, это неправда? Может, это – подлог? Ведь она болела, болела! Ты же сам видел! Она зеленая была! Она правда болела!

– Что стряслось, ребятки? – дед вышел на крылечко и заторопился к ним. – Смотрю в окно, вижу: вас как скосило! Что там у вас?

– Дедо, ты наличкой Богодаю денег дал? – на автомате спросил Мур.

– А чего? Ему ж менять…

– Перевод-то отозвать можно было бы… А так – все…

– Отозвать?

– Да обманули нас с тобой, – Мур кое-как встал. Галька осталась сидеть внизу, скрюченная, неподвижная, и Мур спохватился, поднял ее, прижал к себе: – Галька, ящерица моя золотая, не убивайся! Ты-то при чем! Ну, думаешь, мы с дедой тебя винить будем? А то мы тебя не знаем!

– Я… Я лучше пойду…

– Куда? – остановил ее дед за плечо. – Стой, девонька. Ты что же, думаешь, мы тебя прогоним?

Галька развернулась, пошла села на крылечко, закрыла лицо руками и замерла. Дед взял у Мура телефон, надел очки и посмотрел фотки. И видео, и Долька снова – на весь их тихий дворик – спросила о денежках. Дед вздохнул. Вернул Муру телефон, развел руками:

– Ну, обманули… Не первый раз… Люди есть люди. Планида, што ль, у меня такая – часто обманывают…– Дед заметно держал себя в руках. А внутри в нем крошилась порода, Мур даже будто слышал этот шорох, с каким осыпались кусочки кремня. – Да знаешь что, Петька? А ведь хорошо, что она, щучка эта, деньгами взяла. Не дай бог, захапала б всего тебя себе, а ты, как телок, и пахал бы на нее всю жизнь… Парню-то, эва, губастому-то, как

не повезло. Сожрет она его. Пава наша вишь какая, красивая, кормленая – да глаза-то у нее голодные.

– Ты говорил. Зимой. Я тогда не понял…

– Забудь, внучек, – усмехнулся дед, – как плохой сон. Тебе урок, да и мне, дурню старому, поучение, – он повернулся, тяжело ступая, пошел к крыльцу. Тронул Галькину макушку: – Внученька, где каша-то?

– Она горелая…

– А мы ее… И того, горелую… Пойдем.

За едой почему-то всем стало легче. Мур ел горьковатую кашу и думал: ну и что. Теперь так. Будем играть с этого места. Переживем. Сам дурак. Когда тебя предали – это ужасно, противно, унизительно. Когда обманули старика, который сам болен, на громадные деньги – это гнусно, подло, преступно. Все, Дольки нет никакой больше. И хорошо. И, прав дед: да – хорошо, что эта погань взяла деньгами. Когда вспоминал, как целовал ее холодные губы, как обнимал гибкое, притворно льнущее к нему тело – мутило. Стыдно как быть таким дураком.

Дед, тоже вроде успокоившийся, накормленный подгоревшей кашей и покупными котлетами, поспал часок, потом спустился во двор и теперь был занят делом – в малухе сидел за гранильным станочком с лупой в глазу, занимался глухариными каратами. У Гальки, ушибленной об эти фотки с размаху, хуже, чем об асфальт на Коммунальном мосту, наверно, в душе болело куда ужасней. Но она не жаловалась. Сидела на порожке малухи, прислонившись спиной к косяку, подставив лицо солнышку, дремала. Мур сидел у дровяника на чурбачке и тоже не хотел уходить в дом, так уютно и спокойно было в маленьком дедовом дворе. Все они устали. Да правда, сколько можно о ней думать – фиг с ней, с Долькой. Жалкая дурочка. Пусть ее кто другой любит, раз так. Но ведь он и сам виноват – разве не лестно ему было, что к нему льнет такая красивая девочка?

Меж гранитных плит росла нежная травка, из старого огородного умывальника изредка капало, щелкая по густо-зеленому листу лопуха. Казалось, снаружи нет ни города, ни мира. Это магия Суседушки? Дом под защитой? Как бы то ни было, спокойствие это не настоящее. Потому что, как «вихри враждебные[52]», над головой сгущаются проблемы. И разве деду их решать? Он вон едва живой, ему – поправляться. Самое сложное – вон, для души с ювелиркой возиться. Он мастер, он художник. Его геология – и та, пожалуй, ближе к стихам, чем к наживе…Мур осознал, что давно не слышит гранильного станка. Галька, кажется, спала. Мур встал, дохромал до малухи, заглянул:

– Дедо?

С похоронами больше всего помог Саша. Ну, кафедра тоже. Куча денег, автобус, прощание в универе, правдами и неправдами через цепочку знакомых добытое место на Южном кладбище, где похоронены были отец и «дедынька» деда. Потом еще поминки – Мур не понимал, зачем собираться и всем вместе обедать, но взрослые сказали, что так надо. И да, надо, потому что столько он всего про деда в скромной столовой университета узнал крутого, чего б скрытный и нехвастливый дед сам никогда не сказал. Спрашивали, конечно, где сын Петра Петровича, и Мур всем отвечал, что тот «не успевает приехать». Сам он даже как дать знать отцу – не представлял, разве что через Егошу. Если б она еще появлялась… Временами в эти дни он всерьез выглядывал ее в тенях под кустами и водосточными трубами, в подвальных окошках, во встречных старухах, даже в темноте под машинами – как сквозь землю провалилась. Даже не приходила Гальке волосы заплетать. А может, ей ходу в дом деда не было.

Галька сидела дома, никуда не ходила дальше огорода. Спала в обнимку с дедовым свитером – который дед носил зимой в Кунгуре. При Муре не ревела, но, возвращаясь с похорон-

[52] Варшавянка, 1905

ных хлопот, Мур видел ее зареванной так, что нос не дышал. И на кладбище, конечно, она не поехала – как бы они стали объяснять всем дедовым знакомым ее присутствие? Мол, правда внучка? Она и от Саши-то пряталась.

В морг и на кладбище Мур поехал на дедовом крузаке, потому что нужно было взять с собой дедовых друзей, в похоронный автобус они все не вмещались. Саша тоже вез полную машину людей в черной жутковатой одежде. Серый день, духота, как перед грозой, старое кладбище, заросшее огромными деревьями и, хоть от Разгуляя далеко, под склоном лога, над которым кладбище, течет все та же Егошиха и уходит в трубу под Южной дамбой. Потом долгие поминки с речами, от которых хоть плачь, хоть каменей, и развезти еще всех этих разом постаревших, ласковых тетечек и дядечек по домам. А они еще, прощаясь, совали ему то издания дедовых книг, из которых торчали краешки старых фотографий и купюр, то просто конвертики, мол, чем можем, парень. Мур брал – потому что нельзя обижать и потому что потом еще памятник ставить. Наконец он отвез последнюю тетечку с геофака на Старый Компросс и теперь ехал домой.

Он вел машину в плотном потоке аккуратно, так же, как дед, даже строго. Мельком увидел на тротуаре у кинотеатра компанию разноцветных пацанов и девчонок на роликах – дружно, скатанно, держась за руки, несутся куда-то, хохочут. А он тут, среди взрослых, в середине транспортного потока, за рулем взрослой тяжелой машины, как будто ему самому уж лет сорок. И проблем у него с этими чертовым литием, платиной и ничейной Галькой на руках тоже, наверно, лет на сорок.

Галька сидела в теньке двора на крылечке, шепталась с «Когтистой бабушкой». Ох, если б это правда был прямой телефон к тайной силе. Голова Гальки была похожа на серый пушистый одуванчик. Ну, какая ж она ничейная? Она своя. Мур прикрыл за собой калитку, прошел через осиротевший двор, сел рядом с Галькой:

– Ну что, отвечает?

– Не… Как прошло?

– Нормально, наверно, – жутко представлять, что вот дед лежит сейчас под гробовой крышкой в темноте, и никогда не встанет, не увидит ни этот дворик, ни Полюдов кряж. Ни травы, ни солнца. Ни камней. – Мало пожил очень.

– Это из-за моих.

– Из-за всего. Из-за меня тоже. Надо было быть осторожней, не вываливать все на него, – Мура будто стиснуло в невидимом кулаке. Как же сделать, чтоб ни Гальку, ни его не погубила чужая подлость?

– Ты как каменный. Говорят, надо плакать.

– Не могу.

– Убиваешься слишком, значит, – серьезно сказала Галька. – Нельзя по покойнику убиваться, а то придет.

– Это фольклор, – вспомнил Мур дедову мысль, что люди льнут к тайной силе, когда надеяться больше не на что. – Нет никакого того света. Не откуда приходить. А нам надо просто жить, как жили, сколько достанется. Слушай. Не можешь ведь ты жить, как призрак, без документов.

– Мне все равно.

– А школа?

– Мне все равно. Я просто хочу быть с тобой. Ну, и с Егошей. Знаешь что, Мур? Она нас так защищала, так помогала, а мы ей даже спасибо не сказали…

– Думаешь, она поэтому не приходит? Она нас правда столько раз спасала, как котят. Знаешь, я бы ей тоже помог, если б знал, чем.

Начал накрапывать дождик. На серой вековой лещади двора зарябили крупные черные кружки, забарабанили все чаще и наконец слились. Сильно запахло мокрой землей из ого-

рода; звонко закапало, а там и гулко полилось в дождевую бочку из водостока. Ливень припустил сильнее, струи заплясали на плитах. Далеко в небе заворчало. Калитка почему-то стояла открытой – но он же помнил, что закрывал? На кованый крюк? Вон он, сейчас болтается?

2.

Где-то под белесым небом стояли ночные леса. В них стыли солоноватые озера, пучились грязными родниками воронки брошенных рудников, молча текли бесконечными извивами одинокие реки и по сырым урочищам бродили, изнывая от жары, медведи, шарахались от нечисти и от людей. Нечисть лезла к людям, стремясь попасться им на глаза и через зрачки влезть в душу, чтоб взять свое, тот урожай гнева и гнусности, что люди так щедро растят в горшках голов, удобряя всякой привычной дрянью. Люди ничего не замечали, занятые своей возней. Где-то по узкоколейке двигался в облаке смрада черный состав, где-то на Колве глушили моторы легкие остроносые лодки и выгружали на песчаную отмель тяжелых спасателей, где-то кружил вертолет над озерцом среди пармы, которого на прошлой неделе не было. Леса стояли, замерев, прислушиваясь к прибывающим грунтовым водам, и ловили листьями, иглами и мхом, покрывающим стволы, росу с привкусом другого, тайного мира.

А Мур, пробираясь подземным ходом, дышал знакомым запахом то ли истории, то ли призраков: старые кирпичи и сырое дерево. Позади оседала цементная пыль – знал бы, не стал тот раз запечатывать лаз. Руки слегка дрожали после вибрации тяжелого бензореза, в горле першило от цементной пыли, хоть он и надевал респиратор.

Когда Егоша сказала: «Минкемнт варим хан тиврен[53]», Мур вспомнил не саму лодку из глубокого подвала, а то, как мечтал, чтоб она оказалась на Колве, и плыть по ней в зеленой тени по всем бесконечным меандрам бурой болотной воды. Он указал пальцем в грунт под домом:

– Та лодка?

Егоша села. Потом вовсе легла на мокрые плиты и закрыла глаза. Она была худой черной собакой с седой мордой. Галька сказала:

– Говорит, «Ам ётум», «Со мной». Мур, какая лодка?

– Внизу, в подвале под подвалом.

Галька посмотрела на Егошу, вздрогнула сильно, от настоящего ужаса. Потом на Мура. Глаза у нее сделались круглыми, белыми. Почти такими же, как сделались, когда она поняла, что неподвижный дед не спит, и когда она держала деда за павшую руку и все объясняла Муру, что нет, не может быть, что руки же теплые… И вдруг она встала, вышла под дождь к Егоше, легла на плиты рядом с ней и обняла крепко-крепко. Мур оцепенел. Очнулся, вскочил, бросился к ним, хотел оттащить Гальку. А та обнимала Егошу и гладила, гладила по мокрой собачьей жуткой морде, по голове, по загривку. Дождь равнодушно колотил сверху. Галька плакала и говорила Егоше:

– Хотыл ётум най нэ, хотум ваглум отыр нэ, ёл-унтен…[54]

Мур беспомощно сказал:

– Девки, ну вы что…

Галька подняла бронзовое какое-то, белоглазое лицо:

– Мур, она говорит… Она говорит, что давным-давно, когда даже коми тут не было, она… Она жила тут, молодая была, как я, девочка еще… И ее похоронили тут живьем, ну, в жертву Найотыр[55], в какой-то черной лодке… Закопали, Мур, закопали в гору! А через тысячу, наверно, лет, какой-то твой предок, давным-давно тоже, когда еще заводик строили и нужно было искать эти медные пески, нашел. Нечаянно. Копал-копал шурф и наткнулся. Но не оби-

[53] Отправимся на священной лодке (манси)

[54] Откуда приехавшая героиня, откуда появившаяся дочь богатыря, отдохни (манси)

[55] Духи, перед которыми преклоняются манси

дел… Не выкинул. Косточки вместе со всеми украшениями в медвежью шкуру завернул и похоронил на том месте, где потом заводскую плотину поставили, ну, чтоб всегда стояла, а себе только это вот взял, – она быстро сдернула с себя «Когтистую бабушку» и надела на безвольную Егошу, – Вот, а лодку себе взял… Рыбу на Каме ловил… И лодку и «Бабушку» сыну передал, тот – своему, и забыли уже, что за лодка, только потом, как память об отцах-дедах в подвале оставили… И это… Священная лодка. Проплывет везде.

И они пошли в подвал.

Распечатали лаз (вообще-то это было не быстро, и Галька два раза бегала за водой для бензореза), спустились – на этот раз Мур привязал две веревки самыми надежными узлами – дошли до лодки. Егоша запрыгнула туда, свернулась клубком и уснула. Мур и Галька молча вернулись наверх. Посидели на кухне, доели суп, вымыли посуду.

– Мурчисон, это все правда, – неуверенно сказала Галька.

– Вполне могло быть, – вздохнул Мур.

Лицо Гальки немного ожило и больше не казалось бронзовым, потому что из-под загара проступил живой румянец. Все равно она – чудь белоглазая, вот кто. Галька. Камешек. Алмаз, наверно. Бывает алмазная галька? Галька чуть заметно улыбнулась:

– Я понимаю, что лодка там в подвале – заперта, стены же, но Егоша говорит, чтоб мы не волновались – река будет. Говорит, все реки здесь. Какие реки? Я не понимаю.

– Я тоже. Но я хочу… Ну, хоть попробовать помочь. Доверимся ей?

– Мне кажется, это будет долгая дорога, – Галька встала и начала собирать всю недоеденную еду из холодильника. – Мы же обещали помочь.

Да, обещали. Собрав рюкзаки по всем правилам, с аптечкой, и снаряжение, и еще воду в канистре, и котелок, они наглухо заперли двор, сарай и дом, насовали под печку мятных пряников и еще перед печкой оставили пряников и конфет на большой тарелке. По пути вниз Мур, подумав, взял еще фонарики, батарейки, тючок с палаткой, и, конечно, набил второй рюкзак осточертевшими ИРП. Это успокаивало, но не совсем: потому что как можно предусмотреть все в этаком-то потустороннем путешествии? Священная лодка, ну надо же… И чувства реальности не было – все равно что у пятилетнего, который залезает в лодку на берегу и воображает себя капитаном в океане. И тем не менее он был рад этой – игре? Потому что мог, думая о прекрасной и страшной черной лодке, о котелке и аптечке, не думать о похоронах. И о тех событиях, которые к ним привели.

– Кто же это все построил? И когда? – шепотом спросила Галька. Луч фонарика ее дрожал на кирпичных стенах, на лужах под ногами.

Мур вспомнил о людях-жуках, которые вечность назад, весной, по ночам разбирали депо, стараясь не стукать кирпичиками. Чтоб возвести эти подвалы, требовалось не меньшее терпение. Может, эти люди-жуки так вот строят и строят такие кирпичные соты подо всем городом? Подо всем миром?

– Дед говорил, Мураши, когда купцами были. В конце восемнадцатого века, что ли, – они выбрались из нудного, влажного длинного хода, в котором из-за тесноты было страшнее всего, не привыкнуть, в зал с лодкой и наконец выпрямились. Лодка ждала на своем месте – длинная, черная, древняя как Урал. Ждала, да. Века вот уже – ждала. – А где Егоша?

Той не было. Интересно, как ее звали на самом деле? Мур вздохнул и все-таки сгрузил тяжелый рюкзак с ИРП в лодку, сгрузил и все остальное:

– Зря тащили, что ли. Галька, я устал так. Это все сказки, конечно… Но я был бы рад обмануться.

– Они не хотели ей зла. Ну, те люди… Ее племя. Они думали, что отправляют ее в рай.

– Промахнулись, – Мур представил Егошихинский медеплавильный завод и только вздохнул, жалея девчонку Егошу. Или кем она стала за века под землей.

– Давай хоть просто в лодке посидим, – попросила Галька. – Хоть вообразим, что лодка волшебная.

Мур уступил. Помог ей забраться, накрыл плечи свитером – тем же, шерсти мамонта, который лежал в лодке – неужели он тогда забыл его тут? Залез сам, лег на дне между банок-скамеек, сдвинув весла, подсунул тючок палатки под голову. Представлять, что когда-то тут лежала мертвая девчонка, не получалось. А вот Мураш за Мурашом, рыбачившие с этой лодки веками – легко. Поэтому не страшно. Он даже выключил фонарик. – Я не знаю, что теперь делать. Подождем.

– Подвинься, – Галька сползла со скамейки и улеглась рядом. Закрутила свой фонарик, чтоб он еле-еле только давал огонечек, чтоб не давила на нервы полная подземная тьма. – Страшно же на лавке сидеть, будто кто-то из темноты смотрит. А тут не страшно, – огонек еле освещал тесаные ребра лодки, отражался в Галькиных глазах. Конечно, она была перепугана насмерть, но, как обычно, держала себя в руках. – И еще отсюда кажется, что дедушка не умер. Егоша ведь не умерла. Просто… Превратилась…

Мур подумал, что отсюда, из древней лодки, кажется, что не умер вообще никто. Галька невзначай брякнула веслом, вздрогнула, потом вздохнула, свернулась поудобнее, прижалась к нему для тепла и, наверно, для чувства защищенности, и теперь дышала Муру прямо в сердце.

Вокруг была тьма, совсем как в Ледяной, и, кажется, так же холодно, все-таки подземелье, и Мур получше укрыл Гальку свитером. Вчера ночью они не могли спать, все мстилось, по дому ходит невидимый дед. Они не боялись, просто было очень грустно. И еще Суседка скулил под печкой. Поэтому они то пили чай, то сидели на крылечке, смотрели на луну в белом небе. Теперь Галька уснула мгновенно. Мур думал, что уснет, как только пристроит голову хоть на что-то – но сна не было ни в одном глазу. Он не боялся Егошиной затеи, но и в лодку, веками стоящую тут на распорках, не верил – куда можно уплыть из кирпичной камеры? Правда, дед рассказывал легенду про какого-то чусовского разбойника, которого никак не могли удержать под замком, потому что он просил попить, ему приносили ковшик – а он «уплывал по воде». Когда воду однажды не дали – нацарапал лодку на стене и «уплыл». Дед это нарочно рассказал или случайно? В общем, если чудеса начнутся, Мур не хотел ничего из них упустить.

Посмотрел Гальке в лицо – спит. Теплая. Бровки светлые на загорелом лбу, ресницы тоже светлые, длинные, самое то снежинки ловить… Не похожа сейчас на пацана, потому что лицо совсем беззащитное. Ой. А почему он смог разглядеть-то каждую ресничку? И свет фонарика совсем тусклый, но вокруг уже не тьма, видно потолок, стены… А свет какой-то голубовато-зеленый, подводный. Он не хотел, чтоб Галька пропустила чудеса и тихонько подул ей в переносицу:

– Эй. Проснись, а то все пропустишь.

Галька тут же села, как не спала, глянула вокруг, за борт, и в глазах ее отразилось что-то яркое, как лето:

– Ух ты!

Мур тоже сел: как в волшебном фильме, к лодке подступала пронизанная солнцем вода. Сверху было темно, а в воде был день, и длинные солнечные пальцы щекотали светло-зеленые водоросли. Меж ними суетились мелкие рыбешки, и цепочки пузыриков откуда-то снизу выстреливали к плавной поверхности, иногда застревая в водорослях, и там, в этом снизу, глубоко-глубоко светлело песчаное дно. Лодку качнуло.

– Все реки здесь, – нараспев сказала Галька.

По футболке, по лицу Гальки скользили арабески от воды – а на стенах и сводах арабесков не было… Ой. Да и самих стен нет… Темнота протянула к ним темно-зеленую еловую лапу, но дотянулась лишь острым запахом хвои – лодку неощутимо влекло по солнечной воде на свет. Под острым носом всплескивало, журчало; за кормой истаивал след. Мур смотрел во все глаза, а Галька даже привстала, крутясь во все стороны: их относило от темного елового берега,

глинистого внизу, в простор, в сверкающую серебристую ширь, которая почему-то показалась Муру знакомой. Река? Море? На море был бы прибой, а тут плавная, гладкая сила… Играющее на воде солнце миллионами искр слепило глаза. Но не занесло же их из подвала в Камское водохранилище? А ветер, тугой, ровный? А небо? Синее, глубокое, и высокие серебристые облака в нем, а солнце слева, уже не в зените. И жарко от солнца, и холодно от ровного ветерка, и воздух чистый-чистый, и вокруг вода, вода.

Мур закрыл глаза ладонями, посмотрел сквозь пальцы – река. Правда река. Не мстится. Наверно, Кама. Громадная, широкая. Их несет мимо все поднимающегося справа коренного берега, сложенного из известняков – значит, тут и море когда-то было… Но на Каме нет таких высоченных берегов! Куда ж их с Галькой занесло? Мур схватил телефон, открыл карту – ага, как же. Связи – ни палочки. И время – ноль, то есть вечность? Убрал телефон, чтоб не утопить – что пытаться определить местоположение на волшебной реке? Он посмотрел на солнце – слева. Значит, река несет их на север. Ну вот, а настоящая Кама течет на юг. Так что надо просто отдаться приключению. Может, это вообще все снится. Лодка сотню-другую лет простояла в подвале, рассохлась бы давно, однако ж вот, черная, быстрая, летит вперед и остро пахнет дегтем, как будто ее вчера смолили.

Далеко-далеко за водной гладью просматривался другой берег, тоже высокий, очень – так что же, река течет в каньоне? Смутно-смутно Мур вспомнил, как дед говорил, что за триста пятьдесят миллионов лет существования Камы бывали времена, когда она текла на север, на Вычегду – или только в верховьях, а когда сток той реки перекрыл ледник, она и повернула, стала Камой? Когда? В кайнозое? В общем, какая разница. Тут все равно ни души, так что можно представить, что река эта течет хоть из палеозоя в мезозой, хоть из палеогена в неоген. Счет на миллионы бесчеловечных лет, а вообще, конечно, жутковато даже, что в реальности под руслом настоящей Камы друг под другом лежат погребенные в аллювиальных отложениях русла ее прежней – Палео-Камы, Пра-Камы и уж в совсем каменно-угольной мгле карбона – Прото-Камы. А если Егоша может их все соединить в одну? Да что там, взять и повернуть Каму на север? Раз она водяная ведьма, значит, ей открыты все пути по всем рекам во все времена, прошлые и будущие, по всем водам материка, по подземным озерам и рекам… Рассудок возмутился. Мур вздохнул: а хорошо было бы подышать вечностью. Галька свесилась за борт и бултыхала коричневой рукой в сверкающей воде.

– Если это Палео-Кама, то тут глубины в сто метров, – предупредил Мур, но сам тут же свесился и опустил руку в воду. Холодная. Прекрасная. Он умылся и засмеялся: – Галька, значит, Егоша хорошая? А где она сама? Не видно.

– Я думаю, она стала рекой, – Галька выпрямилась. – Ой, Мурчисон, смотри, что это?

Впереди показалась черная завитушка. Она росла, росла и скоро превратилась дым из короткой трубы чумазого буксира, волокущего бесконечный широкий плот. Муру стало обидно, что приходится делить этот первозданный мир с кем-то. По плоту ходили люди, даже стоял маленький домик – и тоже дымил трубой. Ну, значит, это не карбон и не триас. Антропоген, никаких сомнений.

– Я такие плоты в книжке видела про старую Пермь, – сказала Галька. – А на самом деле – никогда. Какой он огромный! Сколько леса! Ой. Мурчисон. Мне кажется… Мне кажется, что он – мираж. Смотри, сквозь бревна вода просвечивает…

Просвечивала, да. Рябила даже под солнцем. Но буксир, тоже просвечивающий, громко тарахтел движком, коптил небо вонючим дымом; из рубки высунулся такой же чумазый дядька и замахал им, заорал:

– Праваааа держиииии! А то зацепиииим!

.Мур развернулся, схватил весла, вставил в уключины и суматошно начал грести, приноравливаясь. Галька без напоминания проскользнула на корму и начала помогать, как помогала на Колве:

– Правее! Еще круче! А он правда прозрачный. Еще правее!

Суда то и дело попадались навстречу или обгоняли их узкую черную лодку. Они возникали внезапно, словно складывались из света и отражений, слегка прозрачные: то тяжело осевший нефтерудовоз, то расшива, то прогулочный теплоходик с воздушными шариками, полный выпускников, то серый военный катер, то шлепающий колесами пароходик «Никита Демидов», то длинная ржавая баржа, полная гравия, с пыхтящим толкачом «Ворошиловский Стрелок» сзади. Уже в сумерках обогнал их и отвалил в закат светящийся всеми палубами, звучащий роялем и скрипкой теплоход «Композитор Скрябин», тот самый, оставив по себе след одеколона «Красная Москва». Еще через час, когда солнце скрылось за дальним черным берегом, откуда ни возьмись вылетел навстречу ни на что не похожий, черный от смолы кораблик с косым грязным парусом и чуть не зацепил их дощатым бортом – от этого воняло рыбой.

Мур подумал было выгребать к берегу. Ночью, пусть белой, по этой странной реке идти не хотелось, но пристать к берегу – а там что? Какие времена, какие миражи? Галька влезла в свитер из мамонтовой шерсти, нахохлилась, устало косилась на близкий кряжистый берег – и тут, как по щучьему веленью, слева по ходу выпрыгнул из воды лохматый от густых кустов островок, из середины которого росла могучая, до неба, сосна, и лодка будто сама рыскнула по краю суводи и скребнула килем по подводной песчаной отмели. Мур отработал веслами назад, обогнул отмель и подогнал лодку к бурой полосе песка под краем кустов. Разувшись – а вода какая теплая – вместе с Галькой они выволокли лодку как можно дальше из воды, обмотали носовую банку веревкой, привязали к кусту покрепче.

Вокруг спала северная светлая мгла, река текла тихо, и тут, за кустами на пригорке у сосны ее было почти не видно, только дышало снизу чистым, прохладным. Костерок уютно трещал, сгущая вокруг себя воздух в темноту, постреливал искрами, когда они совали в него сухие рыжие пластины коры, отвалившейся от громадного ствола, словно дерево рвало кору изнутри. Дымок старался убежать от огня и все не успевал. Время опять остановилось. Может, снаружи, в водах, оно как-то плыло, мчалось на стрежне или сонно струилось по отмелям, но тут, на островке среди потока, его не было. Просто летняя ночь. В реке изредка всплескивала рыба. Галька устроила себе гнездо меж корней сосны и сразу уснула, а Мур сидел у костерка, читал дедовы геологические тетрадки из нержавеющего кейса, который так и приехал с ними в тайном ящике в корме лодки. Ну и да, плакал. Пока Галька не видит.

Они проснулись, когда солнце уже грело верхушку сосны, а тут внизу было еще все синее и тихое, и на подернутых белым пеплом углях тихонько танцевала Пустодымка. И опять показалось, что они просто туристы, что никаких проблем нет, а есть только путешествие для развлечения: вари вот кофе на ожившем костерке, подрагивая от холодка, смотри на сверкающую воду за кустами, на белых чаек в синем июньском, туго натянутом небе, дыши густым запахом смолы, хвои и сырого песка от воды. И вдруг Мур решил, что да, он станет геологом, чтобы, как дед в экспедициях, сидеть вот так утрами у костерка и… и просто жить. Дышать, смотреть на зеленое и синее. Смешно, конечно, работа геолога страшно тяжела, хоть и страшно интересна, у костра утрами можно и в походе посидеть, но тогда не будет казаться, как сейчас, что рядом сидит невидимый дед…Чтоб деда чувствовать рядом, надо жить так, чтоб ни одна капля жизни зря не пропала. Он ведь так старался, чтоб жизнь Мура хорошо началась! Дед. Глаза темные, добрые, смешки, мастерство во всем. Разве он умер? На Мура накатило пережитым: Скорая, полиция, потом Саша с опрокинутым лицом и еще какие-то знакомые деда, и кто-то, Галька потом заметила, спер глухариные камешки, сволочь, только тот остался, что в тисках был зажат; хлопоты, «Свидетельство о смерти», зеленое кладбище, поминки… Умер, да.

Галька посмотрела поверх кружки и сказала:

– Мур, но ведь хорошо, наверно, что дедушка умер при нас, дома, а не когда мы там по Колве ползали? Что дождался?

– А ты откуда…

– Да по лицу. Сразу видно, когда ты о дедушке думаешь.

– А… Ну да, хорошо… Хоть повидались… Но все равно ужасно!

С рекой что-то было не так. Вчера широкая, она сужалась, как на глазах, и берега ее позади смыкались озерным полукругом, словно река позади них сматывалась куда-то под землю, как лента. Суда перестали попадаться. Течение слабело, и Мур почти не бросал весла, направляя лодку вдоль правого гористого скального берега, к которому нигде нельзя было бы пристать. С небом постепенно тоже началась беда: облака сливались в расчерченную на улицы проекцию с фундаментами, машинами, сыпью людей, как будто они плыли глубоко под этим полупрозрачным серым городом, и это было, в общем, не страшно, только от серой структурированной облачности над головой стыл лоб и съеживалось сердце, будто боялось биться. Галька сказала опасливо:

– Только бы оттуда никто к нам не свалился.

Стало свободней, когда серый подол города, подтянув в себя ленты шоссе и рельсовых путей, остался позади, превратившись в обычную тучу. Далеко-далеко слева над лесами и кряжами торчала какая-то невозможно высокая гора в голубой солнечной дымке, потом растаяла. Ну, не Н*а*родная же? Не похожа… Может, этой горы уж двести миллионов лет как нет. Всякие попытки сориентироваться по карте стали смешны – то ли был этот мир, то ли еще будет. И все равно. Уже за одно то, что Егоша показала им это неведомое Тридевятое царство, эти небеса и эти воды, хотелось сказать ей спасибо. И все плыть и плыть дальше, чтобы посмотреть, что там, в дали, будет еще.

В скальном береге – он стал словно бы старше, более рыхлым, трещиноватым, выцветшим, с белой полосой по низу ото льда – появились выступы, уступы и даже зевы пещер, до которых не добраться ни сверху, ни с воды; а потом пошли и гроты, уходящие в воду, с солнечными арабесками на сводах. Мур и Галька так устали от солнца и сверкания воды, что рискнули заплыть в один. Тут было даже холодно. Причалить не к чему, отвесные стенки, поэтому они просто побыли в тени, захлестнув веревкой за уступ, чтоб не сносило, перекусили. Мур хотел окунуться, но посмотрел на ненормальную толчею воды и в глубь возле скалы и не решился – дна не видно, тьма, а метрах в трех от поверхности зияла еще дырища, и, похоже, оттуда перла вода, холодная – потому и в гроте зябко. Вынырок подземной реки. Здорово такое увидеть.

А как выплыли, передохнув и даже замерзнув, снова на солнце – реки и не стало. Озеро. Огромное, пустынное, серебряное. И берег стал ниже, и небо ближе. Мур повел лодку дальше вдоль берега. Мимо тянулись скалы, осыпи, светлые высокие останцы, на которых из толстых моховых подушек на уступах росли елочки, и большие деревья стояли глухой стеной в низинах, иногда роняя из строя подмытые, склонившиеся лапами к самой воде елки или осины.

Потом показались изумрудные, яркие камыши и полузатопленный урман, и гладь озера пошла складками, смялась, лодку повлекло быстрее. Тут вытекала из озера неширокая речка, вроде Колвы в верховьях, и уходила под темными, проколотыми лучами сводами леса в чащу, в страшную сказку.

Мур убрал одно весло, встал ближе к корме и осторожно правил, как привык на Колве. Грести и не надо было, так легко и сильно подхватила река черную, в сто раз более послушную, чем пластмассовая «пелла», узкую лодку. По сторонам закручивались мелкие воронки, над головой сплошным облаком стоял птичий щебет, пахло илом, нагретой хвоей и мелкими белыми цветочками, устилавшими все пространство под деревьями. Из цветочков торчали коричнево-серые, грубые глыбы, дальше от речки их громоздилось все больше, то размером со слона, то с дом, а то уже и целые скалы-останцы, кряжи. Наверно, лет так тысяч двадцать-тридцать назад речка эта была поглубже, пошире, а теперь все прежнее русло ее перекрыто аллювиальными отложениями. Глыбы и валуны все ближе подкатывались к воде, наконец, стали попадаться и в самом русле.

– Пристанем, – Мур увидел подходящую отмель и направил к ней лодку.

– Кушать будем? – обрадовалась Галька.

А ведь время, наверно, к вечеру: хотя телефон, разрядившись, сдох и ничего не показывал. Но близким вечером понятно тянуло от солнца, которое теперь светило так, словно его запаяли в янтарь. Муру хотелось, пока светло, проплыть подальше, найти пространство посвободней, посветлее, чтоб ветерок сдувал гнус и не было так жарко, как в этом зеленом лесном рукаве, по которому текла темная река. А большая скорость у течения. Значит, у местности сильный уклон… У Гальки телефон тоже сел. Ну и ладно. Хотя странно осознавать, что и не надо никому звонить, потому что теперь некому за них волноваться и никто не ждет их домой. Они попили воды, перекусили пряниками, потом Мур, пока Галька паслась в земляничнике, вырубил легкую сухостоинку, зачистил кору и вручил Гальке гладкую жердинку:

– Камни пошли, корги. На нос встанешь и отталкиваться будешь.

– Ладно, – Галька схватила жердинку и тут же принялась зачем-то прокапывать ею канавки от воды на заплесок. Она опять была похожа на тощего и неутомимого пацана. Извелась уже смирно сидеть в лодке. Жердинка наткнулась на твердое, и ей приспичило обязательно откопать этот камешек. – Ой, Мур…

В мокром песке засел кусок кварца с крупными зеленовато-желтыми золотыми вкраплениями. Мур помог Гальке его откопать:

– В мезозое сформировался, – оглянулся на выступающие из лесной подстилки алевритовые, похоже, бурые валуны. Многие из них были расчерчены кварцевыми прожилками. – Тут россыпи, похоже, золотые.

– Похоже, – Галька еще порылась в коричневом крупном песке и почти сразу выкопала кусок поменьше, но в котором, наоборот, золота было больше, чем кварца. – Вот так просто возьмем себе?

– Зачем нам, – рассеянно сказал Мур, поглядывая на темную воду. – И вообще давай тут рыться больше не будем, ладно? Пусть оно так и будет тут все – первозданное, дочеловеческое. А нам дальше надо.

Галька с любопытством поковыряла золотинки, потом сунула золотоносный кварц опять в песок и с таким же азартом, как откапывала – прикопала и даже потопталась сверху. Ну и тут же, похоже, забыла про золото:

– Ну чего? Вперед?

Когда отплывали, Муру в лесных шевелящихся тенях показалось, что в одном из громадных, до полсосны валунов как будто тихонько закрылась дверь. Обман зрения – это кварцевые прожилки рябят. Громкой дробью раскатился дятел.

3.

К сумеркам пошли перекаты, и Мур и себе срубил жердь. Где отталкивался, а где прыгал за борт в холодную воду и проводил лодку руками, или за веревку протаскивал на глубокое. Под ногами в крупной гальке дна опять блестело золото. Наступающей ночи он не боялся, верил, что, даже если Егоши не видно, она не даст их в обиду ни зверю, ни человеку. Было достаточно светло, чтоб пробираться по речке дальше – но он что-то очень быстро вымотался. Космы даже взмокли. И Галька едва живая. Он стал выглядывать местечко для стоянки, но мимо долго тянулись глинистые рыхлые бережки, потом опять поперли с обеих сторон камни, река звенела все громче, а на перекатах неслась вскачь, билась о валуны и гнала вперед клочья бурой пены. Мур завел лодку в первую же тихую заводь, упер жердь в дно, удерживая лодку, сел на банку и пару минут просто посидел, дыша. Пахло ночью и хвоей.

Галька тоже воткнула свою жердинку в дно и посидела, переводя дыхание, потом молча сиганула на берег и исчезла за кустами. Босая.

– Под ноги смотри! – велел вслед Мур.

Гадюки вызывали в нем первобытный ужас. Острые сучки – в меньшей степени. Теперь надо подождать, пока сама не придет, за кусты не соваться, и Мур не спеша полез за борт, проверил, как держится веревка на носовой банке; о: чуть дальше по берегу – кривая береза над водой, и он подтянул к ней лодку, примотал в несколько витков к березе, снова подпер жердинками.

– Мурчисон, тут… Тут полянка светится, – позвала Галька. – И… И это не светлячки.

Мур пробрался к ней сквозь мокрые от росы, холодные ладоши кустов и замер, боясь шагнуть: зеленые, голубые, белые крошечные огоньки ровным кругом мерцали у Гальки под ногами. Он присел посмотреть: но это были не какие-нибудь реликтовые жучки, а маленькие, миллиметр-два в диаметре, шарики. Даже чуть косматенькие, как звезды.

– Я уже обратно шла… А оно… Засветилось.

Она присела и потрогала шарики – те дернулись и закружились. Она погоняла их рукой, как кошка лапой, потом вдруг сгребла обеими руками, вскочила и подбросила над головой. Шарики охотно подлетели вверх, постояли секунды две, тычась в темную ветку сосны новогодней гирляндой, и медленно-медленно стали опускаться обратно. И, коснувшись мха, гаснуть. Другие, внизу – тоже. И стало темно. Вверху черные ветки в светлом небе, внизу – мох, трава, камни. Шум реки. Мур сказал:

– В Сказах Бажова такое, вроде бы, знак на самоцветы.

– Копать надо? – испугалась Галька. – Нет, я могу, только я так устала…

– Не надо. На кой нам. Мы ж не за самоцветами тут.

Галька присела, пошарила во мху:

– Ой… Камешек. Ой, еще, – она набрала на ладошку несколько камней, встала, и было достаточно света, чтоб разглядеть, что они полупрозрачные. Глухариные. – Мур, копать не надо.

Мур взял с ее ладони один из алмазов, покрутил. Дед бы такому обрадовался. Даже не самому камешку, а случаю приложить к нему руки. Сел бы к гранильному станку и час за часом, грань за гранью, вымеряя до микронов, вынул бы наружу красоту камня, чтоб сошлись в нем и математика сингоний камня, и оптика преломления лучей, и мастерство. Чтоб рвались бы из-под пальцев радужные искры… Не ради прибытка, ради красоты. Ох, деда…

– Мур, не реви. То есть реви, если хочешь, – Галька сама хлюпала носом. – Деда не успел, не успел…

– Я ограню тот, что остался, – Мур бросил алмаз в мох, обнял Гальку. – Посмотрю ролики, почитаю учебники по ювелирке, потренируюсь. И закончу тебе камешек. Ящерица, ну, не реви… Что, ночуем?

– Ах, да, Мур! Смотри, вон такая микропещерка, как палатка. Там… Там красиво. У тебя где фонарик?

Мур наконец огляделся: в сумерках виднелась близкая скальная стенка все из тех же коричневых и бурых алевритов, местами выше сосен, каких-то очень мощных тут, толстоствольных, реликтовых, а вдоль стенки обвалы и осыпи. Прямо перед ними в скале, как рот жуткого великана, раскрывалась глубокая темная арка – но не сквозная, просто кусок породы вывалился, раскололся на куски – вот они, под ногами во мху. Галька уже скакала от лодки с фонариком, и белое, какое-то радужное пятно света невыносимо ярко выхватывало из тьмы камни – опять со сверкающими прожилками кварца, стволы сосен, темные листики брусничника на светло-желтом мху. Она наконец направила луч в грот – и оттуда полыхнуло фиолетовыми искрами. Аметисты. Мур подбежал: когда-то падающие камни раскололи и вскрыли скорлупу громадной друзы аметистов. Вроде бы в алевритах не бывает аметистов, но твердо он не знал. Он вообще знал очень мало. Галька сунула фонарик внутрь друзы и там сверкало, переливалось, сияло фиолетовое острогранное великолепие. Налюбовалась, вытащила, вздохнула от красоты. Провела фонариком по стенкам грота, и Мур увидел наплывы породы, похо-

жие на бурую скорлупу – наверно, там внутри тоже аметисты. Что-то еще блеснуло, и красным, и зеленым, и синим. Он отобрал у Гальки фонарик: в породе гроздочками сидели цветные камешки. Вот темные, как сгустки крови, гранаты, вот лазурит, вот – хризолиты, что ли? Да еще и золото поблескивает в широких кварцевых жилах, прорезающих грот наискосок.

– Так не бывает, – фонарик трясся в руках. – Ну не бывает такого смешения пород!

– Ну и пусть не бывает, – Галька отобрала фонарик, перевернула и воткнула черенком в щель меж двух камней. – Страшная красота.

Грот сиял и сверкал. Того гляди, Хозяйка Медной горы выйдет. Журчала река, пищали какие-то ночные птички, переполошенные белым светом фонарика, ныли комары. Минут пять они любовались, потом Галька боднула Мура в плечо:

– Мурчисон, я есть хочу. И чаю. У нас еще три конфеты остались, я помню.

Забрала фонарик и пошла отыскивать валежник. Мур вернулся к лодке выгружать спальники и рюкзаки. Пятно света в лесу долго скакало по валунам и мху, потом Галька пришла с несерьезными веточками и куском коры:

– Мур, а тут совсем нет дров, тут все какое-то… Новое…

И правда, ни веток, ни старых деревьев не валялось под этими могучими соснами, да и не росло ничего выше мха и брусники. Пришлось опять обойтись отпавшими от сосен кусками коры, чтоб вскипятить котелок, а потом Мур изладил дымник от гнуса, подбрасывая на угли сыроватый мох. Угольки мгновенно превращали мох в золотые дендриты, рассыпавшиеся на глазах, и мерцали, убаюкивая. Тепло, июнь – можно и не палить костер для тепла, а так, понарошку, для уюта. В гроте ночевать они не стали – из свода торчали шаткие камни, да и слишком страшно от красоты. Ох, деду бы понравилось. Он-то, может, и нашел бы объяснение такому смешению пород. ИРП, консервы, галеты, чай и последнее яблоко на двоих…

Утром Мур проснулся от тишины. Вчера на острове птичий хорал с рассвета не давал спать, а сейчас – ни писка, ни вспархивания. И комары не зудят. И речка не журчит. И врут календари. Он открыл глаза: голубое раннее небо, пониже – узловатые сосновые ветки с темной хвоей. Тишина такая, что уши закладывает. Только слышно, как Галька посапывает. Он сел на спальнике, поверх которого спал – захрустело, будто ломалось множество хрупких веточек. Как это? Мох не хрустит. Костерок потух, остыл, ни дымка, ни Пустодымки. Мур дотянулся до грудки кусков коры, чтоб подбросить, подпалить и поставить уже котелок… Холодная, в росе, кора уронила руку вниз. Какая тяжесть! Мур привстал и схватил кусок коры двумя руками – ух ты… Да она ж каменная. Яшма коричневая, с прожилками… Ой. Он сел на пятки и огляделся. Все выглядело неподвижным, немного тусклым, холодным… Каменным. Он потрогал мох – укололся. А птицы, ежики, гадюки – тоже, что ли, стали каменными? А комары?

– Это подземное царство, – сказала Галька, когда они, хрустя каменным мхом, кое-как пробрались, стараясь не обламывать листья на тонюсеньких черенках, через окаменевшие кусты. – И вода не течет… А лодка?

Лодка осталась деревянной, как и все, что у них с собой было. Но толку от лодки не было – она вмерзла в прозрачный лед остановившейся речки. Можно было разглядеть рябь на поверхности, волны вдоль бережка, но в общем поверхность была гладкой. И скользкой.

– Кто ж знал, что надо брать с собой коньки, – проворчала Галька. – Мур, а почему вода не стала камнем?

– Так она сама – минерал, – Мур присел и разглядывал окаменевший мир на дне: водоросли, камешки, песок, речнушки с раскрытыми створками. Стайка серебряных рыбок. – У льда гексагональная структура. Почти как у алмаза.

– Ну ладно, – согласилась Галька и, сбросив в лодку рюкзак, прокатилась по льду на подошвах. – Что делать будем?

Мур тоже сгрузил рюкзак и палатку в лодку и огляделся:

– Жалко все. Лучше быть живой сосной, чем каменной. А что делать… По-моему, если вода остановилась, значит, мы достигли точки прибытия, нет? Но что делать, я не знаю. Пойдем посмотрим, что там впереди, – и он тоже прокатился по льду. Тепло, а лед не тает. – Если «вода» от слова «ведет», то логично нам по ней и дальше идти.

И они пошли было, но тут их окликнули:

– Погодитя… Это што жа такое…

Из кустов – зашумевших совсем по-живому – вывалился старичок в длинной нерусской рубахе. Он кинулся к лодке, вцепился в борт, чуть не плача, потом стал гладить ее по носу, по планширу, по уключинам:

– Лодочка… лодочка моя… Да как же это…

Мур и Галька, переглянувшись, подошли:

– Здравствуйте. Это наша. Ну как наша… Мы на ней сюда добрались. Это Егошина лодка.

– Не, моя, – старик поднял смуглое лицо с раскосыми глазами. В длинные полуседые косы у него были вплетены красные ленточки, а кожа лица и рук немножко светилась золотом. И сквозь дыры рваной рубахи. – Я уж не чаял… Сколько не строили мне лодок, а такой…

Галька потрогала листья кустов – нет, не живые. Каменные ладошки. Мур вздохнул и рассказал, откуда лодка. И чего вдруг они отправились на ней в путешествие, про которое, кому не расскажи, не поверят. Старик внимательно слушал, иногда кивал, поглаживая то бороду, тоже заплетенную в косички, то лодку.

– Деду и отцу не помог, так хоть Егоше поможем, – закончил Мур.

– Как ты ее назвал? – он на миг перестал гладить лодку.

– Егоша. Дух Егошихи. Ну, Вит-эква, Водяная Старуха.

– Да какая она старуха, что ты! А где она?

– Она стала водой. Наверно, – ответила Галька.

– Не потерялась бы. Она так долго сюда добиралась, что уж забыла, зачем. Она скинула звериную душу, а другую еще не нашла. Надо помочь, надо, – он вдруг поклонился и торжественно заговорил: – Най-пыг и Най-аги! Ты наймын ман, ты отырын ман, нан ман тоты уйн тотвесы ман алмын уйн аммувесы?[56]

Мур его плохо понял. Это какой-то ритуальный вопрос. Зверь или птица? Ну, Егоша точно не птица. На всякий случай он ответил, как дед:

– Она кем хочет, тем и бывает.

– Ей пора стать собой.

Галька чего-то побледнела:

– Ойка[57], это правда-правда твоя лодка?

Дедок развел руками и кивнул:

– Рад бы я водить другие лодки, да вишь, кака судьба…

– Ты что, Куль-отыр[58]? Бог смерти?

– Най-аги, не бойся, – расстроился старик. – Что я, не вижу, что вам тут не место? Вам нельзя умирать!

– А я думал, это просто Подземля. «Нижний мир», – Мур не верил. – Зачем нам умирать?

– А зачем люди умирают? Ни за чем. Срок кончается, и все, – старик вздохнул. – Я помогаю маленько тем, кто заслужил. Кто жил хорошо… Чтоб не так страшно. Лодка-то вот, на ней легче, быстрее… А эта уж больно ходкая…

Ну, раз нужна ему лодка, его она – так пусть берет обратно. Мур подошел и вынул рюкзаки и тючок с палаткой:

---

[56] Священный сын и священная дочь, в этот край вас привез тот зверь или птица, которые могут носить кого угодно?

[57] старичок

[58] Бог смерти, который доставляет людей в Нижний мир (манси)

– Ходкая, да, спасибо. Нам чужого не надо, – он забрал еще дедов кейс из ящика в корме, сунул в рюкзак. – Ты и деду моему помог?

– Помог, – закивал Куль-отыр. – Он все убивался, что тебя одного рано оставил. – Все оглядывался. И… отцу твоему я тоже помог.

– Отцу? – Мур закрыл глаза. Еле открыл, собрался. – Значит… Значит, все-таки…

– Так он сам шахту-то и взорвал. Людей вывел, а шахту взорвал. Объяснял мне все, разрубил, мол, я Гордиев узел… Какой-такой узел, я не понял?

– В смысле разом проблемы решил. Но он же хотел… Из платины родий…

– А передумал.

Мура ожгло холодом:

– Из-за меня, что ли?

– Видать, не захотел тебе жизнь портить платиной этой. Или этими… рудами богатыми, забыл я, чем. Не знаю. Ты уж сам думай. А он все твердил, что, мол, может быть дороже свободы… – Старик посмотрел на небо, вздохнул. – Это… Ребятки. Нельзя вам тут долго. Шли свою Водяную Старуху искать? Ну так идите, куда вода поведет.

На повороте речки они оглянулись: старичок уже сидел в лодке, пригорюнившись. Плыть-то никак, вода – лед. Мур стариков теперь жалел до слез. Он вернулся, на ходу вытаскивая из рюкзака свитер из мамонтовской шерсти. Кому ж больше он подойдет!

– Куль-отыр, прими, – протянул старику. – У тебя рубашка старая, а на воде холодно.

И убежал догонять Гальку. Куль-отыр? Старик как старик…

– Он не злой, – сказала Галька. – Кто-то должен быть проводником.

– Бог смерти, – Мур не хотел в это верить. Но все вокруг, каменное и безжизненное, не оставляло сомнений. – Что-то я вообще не представляю, как нам обратно теперь выбираться. Искать Бога жизни?

– Мурчисон, а ты остался бы тут навсегда?

– Ты чего? Конечно, нет!

– Ну ведь нас дома-то никто больше не ждет. Ты один остался, я –вообще… Вместо меня кукла какая-то у них сталактитовая.

– Галька, ну ты что. Перестань. Никакая ты не одна. Ты со мной, а я с тобой. Вот вернемся и все поправим. Обновим вселенной загрузку.

– Еще бы вернуться. Егоше надо было сразу сюда, только она не доплыла. Застряла на Егошихе почему-то и стала волшебной зверью… Нам наоборот, тут бы не застрять. А тут красиво. Очень.

Речка сужалась и сужалась, петляя меж настоящих валунов и каменных растений, снова повернула и вдруг закончилась длинным ледяным языком.

– Медведицей? Росомахой? Ей надоело, наверно, за столько веков… Ой.

На конце длинного языка стояла «Галька» с длинными белыми косами, в зеленой, расшитой самоцветами, жутко знакомой шубке. Невыносимо нарядная и прекрасная, если б не красная лента поперек лица, закрывающая глаза.

– Ты Егоша? – неуверенно обрадовалась Галька.

– Нет. Я – твоя сестра. Нерожденная.

– Как это сестра!

– Эсь[59]. Они решили, я им не нужна, раз уже есть две дочери. Увси[60] здесь, пойдем. Может, вы ей поможете. Может, тебя, пыгрись, – сквозь ленту она остро взглянула на Мура, – она послушает. Она еще не умерла.

---

[59] Младшая (манси)

[60] Старшая (манси)

Галька сначала поревела, потом собралась. Идти по каменному мху было жутко и неудобно, он хрустел и ломался под подошвами у него и у Гальки, а у Нерожденной мягко гнулся под босыми белыми ногами, как живой. Поэтому Мур и Галька прыгали по камешкам – камень есть камень, что наяву, что тут. Мур подумал, что вот тут-то точно нет времени. А не так, как ему казалось в живой парме от страха за Гальку и за себя. Как же, в самом деле, они будут выбираться отсюда? Не привела же их Егоша сюда насовсем? Или думает, им тут будет лучше? Мур посмотрел вокруг: на длинные черные лапы елей – только успевай пригибаться, кожу снимут; на длинные и толстые, как змеи, корни сосен, на огромные, поросшие малахитовым мхом камни. Во все стороны за елками и соснами царила тьма, только тут, где они шли, было светло, как в луче с неба. А небо – белое, как опал. Может, если здесь остаться, а дома умереть, то все оживет, станет как настоящее, вот как для Нерожденной, которая тут своя?

– Это ты вывела нас из пещеры?

– Нет. Вит-нэ. [61] Вы зовете ее Егошей. Она… Она меня нашла тут и попросила заменить тебя. Слепила мне тело из воды и каменной муки.

– Зачем?

– Чтобы вам помочь.

Впереди замерцало озеро – бурая застывшая вода с золотым и зеленым отливом, гладкая, как стекло.

– Нет, ну где коньки, – проворчала Галька, ступая на прозрачный лед. – Скользко.

Мур подал ей руку. Ступать по каменному льду кроссовками, на которых, забившись в шнурки, еще сохранялась пыль Перми, было странно и жутко. Лед замерз до самого дна, и поначалу еще было видно рыбок, водоросли, светлые и цветные камешки на дне, потом дно ушло глубже во тьму. Мур подумал, если этот мир – уже подземля, то что под ним? Какие пещеры, подземные реки, какие геологические слои и пачки?

По воде стали попадаться островки нефритовой ряски, потом навстречу пошли покрытые острой, как иглы, травкой зеленые кочки, становились все больше, сливались. Озеро превращалось в болото.

– Ой, – Галька остановилась. – Дашка…

По кочкам ходила Долька в коротком, сплошь покрытом зелеными блестками платье. Ноги у нее были изрезаны в кровь. Долька всматривалась в болотную глубину и не видела их. У Мура заболело сердце. У Мура заболело все. Он закричал:

– Долька!

Она даже не вздрогнула. Мур и Галька побежали к ней, перепрыгивая кочки и поскальзываясь, Галька добежала первой и схватила Дольку за бледные руки:

– Дашка, Дашенька, ты что! Пойдем отсюда!

– Дура, что ли, – Долька вырвалась. – Ты смотри, сколько там всего! Как достать, не знаю…

Мур посмотрел в воду – под застывшим слоем поблескивало золотым и зеленым, изумрудным.

– Долька, пойдем отсюда! Я тебе куплю и золото, и самоцветы, только настоящие! Брось, Долька, пойдем!

– А, Мурчик… Амурчик… Нырни хоть ты, что ли! Ну, ныряй же! Вон, вон какой большущий изумруд, мне надо! – Долька опустилась на коленки на кочку, которая каменной травой кромсала ей кожу, удалила кулачком по твердой воде: – Да что ж это… – и рявкнула на вцепившуюся ей в плечи Гальку: – Да отвяжись ты, дура упрямая!

– Пойдем, – Галька вцепилась снова. – Тут нельзя оставаться! Жить надо! Долго!

---

[61] Водяная дева (манси)

– Отстань. Если у меня будет изумруд, я… Я буду самая красивая, все меня любить будут…– Долька еще ниже наклонилась к воде. На открытой блестящим платьем спине проступили жалкие бусинки позвонков. – Я хочу…

– Долька, но я же тебя люблю, – сказал Мур и сам не поверил. – Любил! Мало любил? Долька! Я тебя много любить буду, только пойдем!

– Любил, – проворчала Долька. – Детский сад, а не любовь… Как же ты меня любил, если ты меня настоящую ни разу не видел? – она прижалась лбом к воде, прислонив к лицу руки, чтоб лучше видеть: – Ох… Да там все дно в изумрудах!

Неслышно подошла Нерожденная. Постояла, посмотрела на всех сквозь красную ленту. Пожала плечами:

– Видать, поздно. Лягушкой станет. Идем, – и пошла к берегу мимо Дольки. – Бросила через плечо: – Не изумруды это. А болотный газ. Пузыри застыли просто.

– Жалко же!

– У нее мама спросила, хочет ли она еще сестричку.

– И? – застыла Галька.

– Ей было пять лет, – не сразу ответила Нерожденная. – Она была маленькая… Одинокая, потому что руки мамы были заняты тобой. Так что… Неважно уже, что она сказала. Жалко, и все.

Мур и Галька еще долго трясли Дольку, уговаривали, но она отбивалась, ругалась, а потом только плакала. Они отошли и долго-долго стояли, не в силах отвести от Дольки взгляд. Наконец Мур повернулся, взял Гальку за руку и повел прочь. Галькина футболка была в крови, рука кровоточила, исцарапанная о Долькину кочку. Да и вторая тоже. Мур на все плюнул, остановился, вытащил из рюкзака аптечку, занялся перевязкой. Галька хмуро подставляла ладони. Увидела в кармане рюкзака бутылку – пермская, с медведем на ярлыке, недопитая вода там не застыла, плескалась:

– Дай попить…

Они попили. Осталось с полстакана – допить?

– Хочешь? – протянул Мур бутылку Нерожденной, которая с ужасом смотрела на бутылку. И с жадным желанием.

– Хочу. Жить. Но… Может… Лучше, – она оглянулась: – ей?

– Живая вода! – Галька, сообразив быстрее, выхватила бутылку и помчалась обратно к Дольке: – Дашка, Дашенька! Попей водички хоть!

Мур побежал за ней. Галька плясала вокруг Дольки, теребила ее, Долька отталкивала ее руки. Тогда Мур схватил ее за плечи и силой поднял, обнял, свободной рукой схватил за рыжие, сухие как солома волосы, потянул назад. Поднятое лицо кривилось, залитое слезами и уже какое-то лягушачье; одну линзу она потеряла и теперь сумасшедше озиралась, разноглазая. Галька пыталась ее напоить, но Долька стискивала зубы и мычала. И Галька заорала изо всех сил:

– Даашкаааа!

И плеснула ей воду в лицо. Эхо еще звенело каменным голком. А Долька перестала вырываться. Замерла. Повела вокруг живым, осмысленным взглядом. И – исчезла. Как ни бывало.

Нерожденная привела их к холму, выступавшему из болота – что-то вроде острова, заросшего огромными кедрами, и идти не по каменной осоке, изодравшей кроссовки, а по желтоватому ягелю, который просто хрустел и ломался, стало наслаждением. Не успели они пройти сквозь леденящие тени могучих каменных кедров, как опять пошли камни, все больше и больше. Обогнув очередной, они оказались перед срубным серым домом с двускатной крышей, совсем простым и каким-то древним, с дверью без крыльца – прямо в порог упиралась тропинка. На крыше росла трава. Мур таких домов никогда не видел.

– Ты тут живешь? – устало спросила Галька Нерожденную.

– Нет, это родной нор-кол[62] Вит-эквы. А я живу вместо тебя, – она махнула рукой. – С ними. Пока… Пока ты сама не поймешь, где ты живешь.

– Я не хочу с ними жить!

– Я тоже, – пожала плечами Нерожденная. – Тут лучше. Ну, идите… Ой. Менквы.[63] Не бойтесь.

Из-за дома с разных углов вышли два жутко высоких человека с копьями и хмуро уставились сверху на Мура и Гальку. Поверх меховой одежды они были обвязаны широкими белыми полотнищами, а еще показалось, что они – деревянного цвета. За этими двумя вышли еще двое, потом еще, все в одинаковых острых шлемах. Еще никогда Мур не чувствовал себя таким маленьким – как пятилетний перед взрослыми. Немножко они были похожи на неандертальцев: широкие в плечах, как танки, грубоватые, скуластые, с выступающими челюстями и надбровными дугами. И тоже с красными ленточками в черных косицах. Галька попятилась – и попала рюкзаком в седьмого, такого же деревянного. Зажала рот ладошкой и, почему-то на цыпочках, подошла к Муру. Мур прижал ее к себе и успокоил:

– Мы ничего плохого не делаем.

Седьмой, самый высокий, хохотнул, обошел их, встал, загородив вход в дом, протянул руку – с когтями – и сказал:

– Мы тоже хотим подарки! Куль-отыру дал? И нам дай!

В общем, главному они отдали фонарик, и всем – по коробке ИРП, как раз хватило. Наверно, раз они свистят в настоящих лесах, ничего от солдатской еды им не сделается. Менквы прислонили свои копья к стене дома и ушли в сторонку потрошить консервные банки и пачки печенек. Им было весело. Галька грустно сказала:

– А Егоша наша-то где?

Нерожденная пожала плечами:

– Ты же сказала, что она – вода. Ты правильно сказала. Значит, она везде. Ждет. Иди, – кивнула она Муру на дом. – Там на вышке, ну, на чердаке, в сундуке. Сам найдешь. Нет, ивси, тебе нельзя, – остановила она Гальку. – Женщинам на вышку нельзя. А! Знаешь что, ивси? Сделай мне куколку. И платье ей сшей, – она отломила кусок деревяшки от растрескавшегося бревна дома и протянула Гальке. – Умоляю тебя[64].

Галька пожала плечами. Взяла деревяшку, села на рюкзак:

– Мурчисон, дай ножик. Идешь? А что искать-то надо?

– Ялпын-улам[65].

Если б Мур знал, что это такое. Ручка двери была каменной, как и все здесь, но тяжелая дверь открылась легко, как сама. Тут было полутемно, пахло травами. Свет шел сквозь неплотно уложенные жерди потолка. В комнате во весь дом справа от двери располагался очаг, посередине стоял полный лепешек, мисок с ягодами, блюд с мясом и рыбой низкий столик, и у Мура заурчало в голодном животе. Хорошо, что оно все каменное, а то не удержаться бы, и он стал оглядываться дальше: все пространство позади столика занимал приподнятый помост, застеленный половиками и оленьими шкурами, на полках стояли какие-то фигурки, утварь. Все каменное. Как же взобраться наверх? Слева от двери в стену лесенкой были вбиты колья – похоже, альтернативы нет. Вспоминая Трамвайный мостик – как в другой жизни пережито – он взобрался по ним на чердак.

---

[62] Зимний дом Манси

[63] В ханты-мансийской мифологии менквы – первая попытка бога создать людей. Людоеды.

[64] Куколка (иттарма) – временное вместилище души в ожидании возрождения (мифология Манси).

[65] Священное покрывало (манси)

Тут было светлее, свет проникал в отверстие под самым коньком. Травы везде, развешанные шкуры, берестяные короба. Пахло пылью. Сундуки. Множество сундуков, иногда даже один на другом. Это что же, рыться в чужих вещах? Все равно все каменное… На одном сундуке лежала свернутая медвежья шкура, головой сверху, и голова эта была зачем-то замотана во множество слоев цветных женских платков, только черный нос торчал. Может, это главный сундук? Он потрогал медвежий нос – не каменный. Просто сухая кожа. И шерсть мягкая…

Когда он вышел из домика, Галька уже обвязывала тряпочками, отодранными от футболки и от куртки, аккуратно обструганную деревянную фигурку, вполне даже похожую на человечка. Нерожденная сидела перед ней на корточках и внимательно следила за каждым оборотом тряпки. За процессом сочувственно наблюдали менквы, доедавшие галеты и джем из пластиковых баночек, которые в их лапах казались наперстками. Старший вдруг счастливо зажмурился, поклонился Муру:

– Турлахтын[66], спасибо тебе, Най-пыг! Вкусно было! Ты зови, если кого съесть надо будет!

Закончив, Галька протянула куколку Нерожденной. Та улыбнулась и встала:

– Нет, пусть останется у тебя, пожалуйста. Только спрячь, чтоб никто не видел… И дари мне каждый год новые платья, ладно?

– Ладно, – Галька спрятала куколку в рюкзак. – Мур! Нашел?

– Вроде бы нашел…– Мур покрепче прижал к груди легкий берестяной короб, на котором были оттиснуты множество «Когтистых бабушек». Он побоялся открывать на чердаке, и не знал, что там. Главное, что короб не каменный, как все остальное. Может, этот медвежий ялпын-улам прирастет к Егоше и она навсегда превратится просто в росомаху или медведицу? Зато освободится. – Теперь бы еще саму Егошу найти.

– На самом деле ее звали…снова зовут Рейтартан, – взгляд Нерожденной опять кольнул Мура сквозь красную ленту.. – Птица, приносящая весну. Не росомаха. Птица. Новая душа.

– Рейтартан! – закричала Галька. А потом еще громче: – Рейтартан!

Из темноты появился едва угадываемый силуэт девушки. Она замерла у большого кедра, боясь выйти на свет. Менквы, увидев ее, повалились на коленки и уткнулись острыми шлемами в мох. Мур протянул короб девчонкам:

– Теперь вы. Она… Она вспомнит. Ведь вспомнит, что это – ее?

Невыносимо было думать, что эта прозрачная девушка чуть старше Гальки была старой, клочкастой росомахой или, хуже того, жуткой старухой, духом умирающей грязной речки, страшной Егошей. И что все это длилось столько веков. Почему ж черная лодка сразу не довезла ее сюда, где все это время ждало ее невесомое оперение? Может, это пищальник Мураш виноват, что своим шурфом потревожил ее усыпальницу?

Галька ахнула, открыв короб. Через минуту девчонки расстелили меж камней под кедрами невесомое, черно-белое, в полосках и пятнышках покрывало с серым капюшоном – полностью из перьев. Девушка вздрогнула и подошла ближе. И вдруг с тихим, каким-то птичьим криком опустилась на землю перед оперением. Прикоснулась одним пальчиком, потом закрыла лицо ладонями.

– Гагара[67], – тихонько сказала Галька. – Какая же красота.

Дрожащими руками девушка подняла оперение, просунула голову между крыльями, поправила серый капюшон, облегающий голову – и вдруг спохватилась, сняла с шеи и неуверенно протянула Гальке «Когтистую бабушку», спросила что-то.

– Я? – удивилась Галька. – А разве я смогу?

---

[66] Священное угощение (манси)

[67] Согласно мансийскому мифу, землю со дна океана при сотворении мира достала гагара. Мир делится на три сферы: воздушную, водную и земную. Именно поэтому водоплавающая птица оказывается в этой ситуации наиболее подходящей, – ей доступны все три сферы.

Однако взяла «Бабушку» и надела на шею. Улыбнулась на все подземное царство, как будто это была олимпийская медаль. Менквы одобрительно загудели и поклонились ей тоже. Галька взмахнула руками, и пришла вода. Со всех сторон, сверкая, потекли к острову прозрачные ручьи и речки, и болото с колючими кочками исчезло, и во все стороны расстелилась водная гладь. Вода, плеща, прибывала и прибывала.

Егоша вдруг взмахнула черными крыльями, бросилась в воду – и вот уже, оставляя за собой шелковый след, поплыла по озеру прекрасная остроклювая, чернозобая птица. Уплывала от них. Там, куда плыла гагара, тьма светлела. Нет больше никакой Егоши.

А тут быстро прибывала вода. Они отступили к кедрам. Как же теперь выбираться? Он посмотрел на менгквов, может, что подскажут – но они превратились в семь разновысоких острозаточенных, как карандаши, бревен, вкопанных в грунт под кедрами, с вырезанными скуластыми лицами, и стволы были обмотаны белыми тряпками и красными ленточками.

Все, волшебство кончилось?

А домой как?

Мур до слез захотел, чтоб подземная сказка кончилась. Как же вырваться из этой каменной скорлупы? Тень от каменных кедров обдавала леденящим холодом. Ну все же уже, Егоша получила, что хотела, Дольку они тоже вроде спасли, разве нельзя им, как Долька – раз, и дома? Скорее в реальность. Пусть там куча проблем, но оставаться тут, в этой жутко прекрасной неживой подземле и – делать что? Камешки перебирать? Он же еще ничего не успел там, даже толком не жил! И Галька тоже!

– А то, может, останетесь? – из-за острова показался знакомый черный нос длинной лодки. Старичок с красными ленточками влез в свитер из мамонтовской шерсти и невыносимо стал похож на деда. Подогнал лодку к кедрам, подмигнул Муру и спросил у Гальки: – Най-аги, ти мат ман люль-а[68]?

– Не, ювле[69], – сказала Галька. – Пожалуйста.

– Хап котильн сар унтен[70], – кивнул он ей, а к Муру обратился по-русски: – Вставай на корму, бери шест, помогать будешь. Нам гагару надо догонять. А ты, Нерожденная, чего стоишь? Садись вон на нос. Нан лылын вос неглы[71]. Ну, все? Алга![72]

Мур привычно оттолкнулся жердинкой, и лодка ходко скользнула по воде. На дне сверкало то ли золото, то ли болотные пузыри, на поверхности играли серебряные блики и разбегались от весел Куль-отыра бессмертные водомерки.

– Вежа-ю, – сказала Галька. – Священная река. Зачем нам догнать гагару?

– Она указывает путь.

Плеск черных весел в ледяной воде. Далеко-далеко едва различимая маленькая птица впереди. Мур думал, что вверх по течению будет трудно, но лодка словно неслась сама. Как тогда на Палео-Каме. Он даже начал дрогнуть, и Галька тоже съежилась и полезла в рюкзак за свитером. Вокруг посветлело, берега стали расходится вширь, речной, студеный ветер давил навстречу все туже, и вдруг – солнце! Низко, почти у горизонта, но вечернее, живое. Настоящее. Он опять не заметил переход.

Пахло водой, мокрым песком, болотными кочками и снегом. Галька вскочила, запрыгала бы, но только замахала руками. Оглянулась на Мура, сияя. Лодка понеслась еще быстрее, а Куль-отыр подобрал и сложил весла. Кажется, он улыбался.

---

[68] Разве плохо в этом месте? (манси)

[69] Домой(манси)

[70] Садись-ка на середину лодки (манси)

[71] Пусть твоя жизнь сохранится (манси)

[72] Вверх по реке (манси)

Навстречу несло тонкий как стекляшки, редкий последний лед, и он звонко разбивался под носом лодки, хрустел вдоль бортов. Какая ширь! Сколько воды! Навстречу же несло и птиц, отдыхающих на воде – гуси, утки всех мастей, и – гагары, нарядные, с серыми головками, с шейками в продольную полоску. Сколько же их. Сидят на воде, отдыхают, а река несет их к океану. И только одна плывет вверх по течению. Ведет. Мур оглянулся – позади в самом деле безбрежное, сизое пространство, а над ним серая штриховка перелетных стай. А река! Она стала ветвиться, рисуя петли, узоры, сплетаясь в голубые бляшки звериного стиля, вот бы посмотреть сверху. Как Куль-отыр не путается? Плоские острова потянулись по сторонам – светлые каменистые пустоши, мох, низкий голый кустарник, а еще дальше поднимались кряжи коренного берега, тянулся к океану, уходя в его глубины, мрачный горный хребет. Север.

Нерожденная на носу встала, повернулась к ним, улыбнулась. И Мур увидел – тут, в реальности, она правда была из белого, сталактитового льда, с ног до головы. И сейчас этот лед быстро таял. Капли срывались и летели за борт, сверкая розовым в лучах низкого солнца. Жалкая зеленая Долькина шубка насквозь промокла. Девочка придерживала прозрачными мокрыми пальцами красную ленту, прикрывающую глаза – и улыбалась.

Галька заплакала навзрыд, вцепившись в скамейку, а сестра ее таяла, таяла, таяла – и вдруг ледяные ножки ее подломились, и она повалилась за борт. Только упала поперек носа лодки мокрая лента да звонко стукнули два светлых камешка и, подскочив, сверкнули на солнце и отлетели в воду. Ленту слизнуло волной.

– Отмаялась, – сказал Куль-отыр. – Проводила вас. Все, считай, простились навек. В воду ушла – хорошо. А ты, девонька, смотри, куколку-то береги пуще глаза.

Позади над океаном вставала, как граница, облачная гряда. Тонко кричали гагары; протянулась на север череда лебедей, а впереди – их гагары Рейтартан не было, пропала. Но как яркая точка в тумане, закачался на воде белый с огоньком бакен.

– Кама, – сказала Галька.

– Вишера еще, – проворчал Куль-отыр.

– Это Пра-Кама два миллиона лет назад текла по Вишере, – сказал Мур, чтоб почувствовать себя внуком своего деда.

– Миллион туда, миллион сюда, – проворчал Куль-отыр дедовым голосом. – Отец-то твой, парень, знал, что там водная жила. Знал, когда взрывал, что воду на свободу выпускает. Потому что, говорит, понимаешь – свобода…

Мур перестал дышать. Взрывал? Сам взрывал? А дед все ворчал:

– А речка-то сама тысяч за четыреста размыла б породу, поноров у нее там – как соты было. Так нет, вам все сейчас подавай… Чего спешите… Я вот никогда не спешу. Да всегда успеваю.

На Девять дней деда народу пришло немного. Было тепло, и, чтоб не тесниться в маленьких комнатках, Мур попросил кейтеринговую фирму поставить столы во дворе. Тяжелый ЗиЛок, пригнанный Сашей с Колвы, чтоб не маячил у вросших в землю ворот на улице, через заброшенный соседский участок Мур загнал в край своего огорода. Потом раскочегарил самовар в углу двора.

Вечер прошел хорошо. Дедовы товарищи, добрые тетечки и дядечки, почему-то похожие на грустных седых детей, опять много рассказывали про горы, пещеры и деда, а Саша, поглядывая на Мура, рассказывал, как идут поиски людей, сгоряча разбежавшихся по парме с какого-то нелегального производства. Там перемудрили со взрывными работами, хорошо хоть, почти не было жертв – и теперь там речка, да что там, целая котловина водой заполнилась, озеро теперь, и оттуда протока новая хлещет в Колву. Да-да, поддакивали гости, мы вот собираемся, обсуждали вот вчера на заседании кафедры экспедицию туда; говорят, в верховья Колвы теперь хоть на пароходе подняться можно? Нет? Пока только на катере? Да-да, Саша, поразительно,

ведь не каждый день вырывается на белый свет подземная река! Да-да, мы слышали, там какие-то взрывные работы…Там дуниты, вполне может быть, платиноносные…Все под водой? И глубоко? Неужели взрыв в шахте? Да разве можно опознать… И много погибших? …Говорят, только один, начальник или кто? Сам взрывал? Да вы что, Саша… Расследование? Целый лагерь брошенный? Сгорело все? Что вы говорите! Теперь рабочих из этого лагеря собираете? Разбежались? Порастащили добычу? Начисто? Может, и правда платина…У Ивана Ильича, с экономического, сын, говорят, вернулся как раз оттуда, год назад на рафтинге пропал, погибшим считали, а тут вот, да никакой платины не надо, счастье, что живой… А, Галочка, спасибо, мне бы еще полчашечки… А где вы такие незабудки, вот в вазочке, нашли? В логу? Кто бы мог подумать… Петя, а вы как, в приемной комиссии уже были, документы подали? Ну ждем, ждем… А вы, Галочка, куда планируете поступать? Ах, школу еще надо закончить? А все-таки, потом? На юрфак? Охрана недр и водных ресурсов?

Когда все ушли, Саша остался, ждал, когда уедет кейтеринговая служба. Мур по новой заварил чаю, Галька принесла дедовы тяжелые кружки с черными елками, мятные пряники. Для деда тоже принесла, налила, запустила в чашку желтый месяц лимона.

– Еще одну надо, – сказал Саша, хотя и ему, и Гальке с Муром было по чашке. – Неси.

Галька без звука ушла за чашкой. Саша спросил:

– Петька, это ты ведь туда ЗиЛ отгонял.

– Геотомограф, тигли и реактивы для получения из платины родия, – кивнул Мур. – Ты ж видел, наверно, – кивнул он на ЗиЛок. – Спасибо за машину.

– ИРП вашим я там ребят кормил и этих… беглых, кто подошел. Аппарат в машине, геотомограф ваш, нетронутый, приборы геофизические тоже – я сказал, ЗиЛ в угоне, а владелец, знаю кто, геолог, к экспедиции от универа готовился, вот на днях умер… Реактивы я не видел, видать, там у них в бараках и сгорели… Остальное растащили, конечно… Значит, ты все знал?

– Там узнал. И… Саша, еще я знаю, что они там найдут. Платины там много, но еще больше… Другого.

– Чего?

– А пусть сами найдут.

– Петька! Упрямый вот тоже, как Петр Петрович! Что там?

– Мы не скажем, – подошла Галька и осторожно поставила вторую чашку рядом с дедовой, налила чаю и так же бережно запустила лимончик. – Они сразу сами найдут, там легко, очень большие пласты залегания, богатые…

– Да, полями в километр-полтора жильных тел при мощности почти в пятнадцать метров, – добавил Мур. – Саша, пожалуйста, пусть будет как зимой с Понарошкой.

– Как будто мы с Муром совсем не при чем!

Когда Саша ушел, Мур вытряхнул золу из самовара, Галька помыла чашки, а потом они прошли пыльным проулком по битому асфальту к Трамвайному мостику и спустились в лог. Густо и свежо пахла примятая трава на тропке, которую они вытоптали за последние дни. Галька притихла, сосредоточилась, прижимая ладонью «Когтистую бабушку» к пузу – Мур вчера отлил из платины вторую часть пряжки, починил, приладил – сделал Гальке поясок из старого дедова ремня. Вода прибывала, звонко неслась в коллектор – скоро переполнит, водосток замедлится, и Егошиха потихоньку будет становиться все шире и глубже. Главное, осторожно подвести все подземные водяные жилки, сплести их, как Галька говорила, в косичку.

Было уже поздно. Скоро июль, и небо все темнее. Зато ярче сияла серебряным вогульским блюдом луна. Она крупно отражалась в Егошихе, и было видно, что на блюде чеканка: на шестиногом лосе два всадника, побольше и поменьше, бог жизни и его жена.

Май 2022

Благодарности

Юрий Долотов, спелеолог, геолог, РСС

Ольга Кадебская, доктор географических наук, заведующая Кунгурской лабораторией-стационаром Горного института УрО РАН (Кунгурская Ледяная пещера), доцент кафедры туризма, профессор кафедры гидрологии географического факультета ПГНИУ

Александр Мамарыгин, Пермский клуб спелеологов